

Эйми Уоллес

Ученица мага. Моя жизнь с Карлосом Кастанедой

Эйми Уоллес прошла через «зеркало самоотражения» Кастанеды и вернулась оттуда в здравом уме, живой и невредимой, запомнив как писатель все увиденное и услышанное. Результат — потрясающая, яркая история жизни в харизматическом кругу под властью мелкой тирании, насилия и жестокости, иногда бескорыстной глупости. Эта замечательная книга — доказательство того, что пережить культ Кастанеды Эйми помог здравый смысл, острый ум и ирония, которая не щадит ничего и прежде всего самого автора.

Джо Кэннон, автор «Лос Аламос»

Карлос Кастанеда поведал нам удивительные истины во всем их гностическом великолепии, сплел клубок потрясающей лжи, вытянутой, как паутина из задницы бешеного паука. «Ученица мага» — проникновенный рассказ об ужасных и берущих за душу судьбах людей, запутавшихся в этих сетях.

Книга причиняет настоящую боль.

Эйми Уоллес искренно и честно, что едва ли свойственно Кастанеде, проводит нас — поначалу весело, потом все более ужасаясь — через глубины культа Карлоса, смело развенчивая как ошеломляющую красоту, так и откровенную пустоту, бессмыслицу его мира. Эта книга — отрезвление, душевное потрясение, она прекрасно и захватывающе написана. Я советую прочитать ее и испытать свою веру.

Джон Скипп, писатель и режиссер

Эйми Уоллес рассказывает нам о причудливой закулисной частной и сексуальной жизни Карлоса Кастанеды — одного из самых влиятельных и одновременно загадочных представителей поколения шестидесятых годов. Эта книга — ее путь, пройденный с Карлосом и его внутренним кругом, с точки зрения любовницы и одной из жен. Идеализм автора и расставание с иллюзиями отражают целую эпоху, которая заставила многих, подобно Эйми искавших надежду, невольно столкнуться с цинизмом и испытать горечь разочарований. Борьба Уоллес за построение новой основы бытия, несмотря на череду соблазнов и предательства на многих уровнях, приводит ее к осознанию собственной значимости и пониманию необходимости трансформации. Эта книга заинтересует любого, кто когда-либо подвергался воздействию учения дона Хуана.

Джоэл Крамер и Диана Олстэд, авторы «Записки гуру. Маски авторитарности»

Я читал «Ученицу мага» в совершенном изумлении, как и миллионы других людей, я всегда задавался вопросом, что же стояло за мифом о Кастанеде? Моя собственная жизнь однажды предоставила мне шанс пойти дорогой гуру, который я отклонил, потому что для меня нравственно неприемлемо утверждать, что один человек обладает более глубоким знанием божественного, чем другой. Это ложь. Страшные последствия этой лжи в жизни того несчастного, кто встает на путь гуру, так же как и в жизни его последователей, показаны здесь с захватывающей дух откровенностью.

«Ученица мага» — чрезвычайно убедительная книга. Она — честное предупреждение тем, кто осмелится утверждать об особом покровительстве духа, а также их последователям, нуждающимся в таких людях. Эйми Уоллес со всей откровенностью предостерегает нас и с потрясающей эмоциональностью доказывает, что поклонение гуру — болезнь.

Тот, кто задавался вопросом, действительно ли различные руководства Кастанеды до некоторой степени реальны и объективны, прочитав книгу, развеет этот мистический туман. История, которую Эйми написала с состраданием и честностью самого высокого

порядка, — это триумф сердца.

Уитли Стрибер, автор «Приобщение к тайнам»

Подобно «Битлс», Карлос Кастанеда стал в конце двадцатого столетия одним из властителей дум человечества. Даже после смерти он не утратил своей влиятельной духовной и интеллектуальной силы, хотя и набросил тень шизофрении на нашу цивилизацию. Он учил нас, что мы приходим сюда на короткое время для прекрасного, невиданного самовыражения, поэтому должны отбросить кандалы материализма, академического редуционизма и коммерческого безумия, познать свою судьбу, осознать огромный, невостребованный потенциал собственного разума. С другой стороны, он сделал эту задачу такой устрашающе безнадежной (если воспринимать Кастанеду буквально), что многих его приверженцев и почитателей как будто парализовало: они только бездействовали или подчинялись, страдали от пагубных пристрастий и негативизма. Наконец пришла Эйми Уоллес, чтобы освободить нас от этих чар. Она говорит: «Я покажу вам Карлоса таким, каким он был. Следуйте за подлинным духом, ведущим его, отбросьте манипуляции трагически испорченного и ревнивого гуру.

Вы свободны, „вы можете взметнуться выше Орла“».

Ричард Гроссинджер, автор «Планета медицины»

Моей матери, убежденной, что я стану настоящим писателем; памяти моего отца, который, как и его дорогой друг Карлос, верил, что мечты сбываются; и Скотту Брэдли, который вдохнул жизнь в эту книгу.

Все почести мира для человека малы в сравнении с той величайшей наградой, которой он может и должен вдохновиться: обретение своей души, своего духа, своей божественной силы и величия; понимание того, что он способен и должен жить свободно и достойно; полное осознание того, что жизнь — это не ежедневная смерть и не конец пути без пункта назначения, не пепел к пеплу и прах к праху, а свободно парящий в вышине дар, выхваченный из вечности.

Ирвинг Уоллес «Награда», 1964 г.

ОТ АВТОРА

«Ученица мага» — это отчет, основанный на фактическом материале и личном опыте общения с Карлосом Кастанедой. Однако я решила использовать псевдонимы для всех персонажей (за исключением шести человек), упомянутых в книге, и изменила некоторые детали обстановки, в которой они действуют.

Читатели должны иметь в виду, что только у шестерых действующих лиц сохранены подлинные имена и факты биографии. Все они хорошо известны: публиковали свои книги, давали интервью в средствах массовой информации, читали лекции, — так или иначе знакомы публике. Информацию о пятерых реальных персонажах можно найти в Приложении, в конце этой книги.

Карлос Кастанеда, а также мужчины и женщины, присоединившиеся к нему, разъяснявшие учение в книгах и на лекциях, стремились привлечь последователей из числа миллионов читателей бестселлеров. Поступая таким образом, они активно и вполне успешно добивались широкого распространения интереса к этим идеям в Соединенных Штатах и во всем мире. Их вера и методы стали предметом общественной полемики.

Моя книга — вклад в эти дискуссии.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Для всех читателей, кто ищет знание, — я только предлагаю вам истории и грезы из моей жизни. Погрузитесь в необыкновенный рассказ, окунитесь в прекрасные сны и всегда верьте в себя.

Скотту Брэдли — огромная (больше, чем слон!) благодарность за сердечность, за любовь, за блеск, за книги и за многое другое, за поэму Лео Маркса и за глубокое знание поведения кротов и дикобразов. Я люблю тебя.

Ричарду Дженнингсу, он же Кори Донован, без кого я никогда не обрела бы свою силу.

Оэ Ворнеру с величайшей любовью — мы были живы словами, но теперь слова не могут выразить то, что я испытываю к тебе.

Дону Кушману (он же голован) и ДжоAnne Иголи-ни с любовью и признанием в том, что мы так и не напились по-настоящему Ричарду Бранденбургу — за величайшую любовь и терпение. Спасибо тебе, дорогой друг.

Бобу Бассингу. Боже (или кто там наверху или внизу), благодарю за то, что ты был в моей жизни. Я люблю тебя.

Дэвиду и Флоре особая благодарность за ту ночь, когда вы сразу позвонили мне, прочитав о смерти Карлоса; Дэвиду, который держал меня за руку, когда мы прощались с нашим отцом; всей семье, включая моих классных племянников, за фантастическое веселье во время составления глоссария; Флоре — за то, что вовремя прекращала это!

Доктору Дэвиду Краусману, воплотившему в жизнь старое высказывание «Без Вас эта книга никогда бы не состоялась». Да, даже не хватит слез.

Доктору Дональду Бендеру, дежурившему у телефона в ту ночь, когда умер Ирвинг.

Доктору Сталбергу — за мягкую поддержку и жизненно необходимый юмор.

Доктору Силверу, единственному человеку, кто все понимает и никогда не осудит. Спасибо.

Дэву Рубинштейну, начавшему вращение шара.

Спасибо Рону Беттену, Сорен и Наре и удивительному Джонатану Киршу.

Тони Караму — за то, что был настоящим, искренним и добросердечным — редчайшие вещи в мире.

Грэгу Шукову — грациозен в самых тяжелых ситуациях, элегантен и великолепен. НАКОНЕЦ! Мы сделали это!

Джанет Оливер — за все наши слова и все наше великолепное молчание.

Энни Миллер — спасибо за всех людей в Клемен-тайнс; Рону Гильберту — с любовью. Вы все были рядом, помогали в тяжелое время и дали кров, где были написаны черновики. С вечной благодарностью.

Неподражаемому Свану Парсонсу, рассказчику, который поддерживал и любил меня, и мудрой Алисии Л. Деннис, хранившей день до одиннадцатого часа.

Лайзе Палак — за дивные персики в день рождения, Эндрю за его страстный отклик и споры после прочтения первого проекта.

Эллисон Берри — за все, а больше всего за ее веру в эту книгу. Avec gratitude et grands bisoux. Merci avec tout mon coeur¹.

En parlant de bisoux, merci, Жерар Барбье, pour rou#233; et pour toujours².

Джону Скиппу, за открытое сердце.

Йону Винокуру, брату quote aficionado, одному из моих первых и наиболее вдохновляющих читателей.

Норману Горману — я воодушевляюсь твоим триумфом и золотым сердцем.

Изумительному Ричарду Гроссинджеру, Кати Глаسه и всем прекрасным людям в «Норт

---

¹ С благодарностью и множеством поцелуев. Спасибо от всего сердца (фр.) — *Примеч. перев.*

² Целую, говорю тебе «спасибо», Жерар Барбье, за все и всегда (фр.). — *Примеч. перев.*

Атлантик фрог лимитед» за их преданность делу, юмор и храбрость.

С благодарностью моему агенту, Венди Шмалзу, истинному воину, борцу за свободу и остро слову.

Джошу Бэрну, заставившему меня поверить в то, что я смогу завершить начатое, когда я стала в этом сомневаться.

Байрону Кэйти — работа поглотила меня, когда я перестала озиаться, — спасибо.

Джо Кэнону, наставившему меня на путь, с восхищением и глубокой благодарностью.

Мелиссе Вард, элегантной воительнице, сражавшейся за меня и рядом со мной.

Кассу Коти, моему первому редактору и одному из самых больших вдохновителей.

Мэвису Далке — за все годы глубокой и разделенной любви.

Джини Солонер — за ее помощь.

Аннетт Браун, образцу безукоризненной дружбы.

Вере Саванне, одной из самых прекрасных женщин, которых я имела честь знать; Кэролин, неутомимой труженице и чудесной женщине.

Уэйну Д. Волкеру, он же Пабло Милберг, — за красивые стихи для меня и за смелые отступления от правил группы.

Лиз Воган, научившей меня тому, что «карт-бланш» существует.

Джойсу Мейнardu, чья храбрость, любовь к свободе и правде вдохновили меня.

Берни Гринбургу и Берну Левитч, всегда верившим в мои силы, когда я чувствовала себя совершенно раздавленной.

Эрику и Теду из Лондонского Центра фантазии за поддержку и за то, что послали мне книги моего любимого автора, Роберта Айкмана.

Особенно Неду Клафлину, поблагодарившему меня за выпуск этой книги.

Джереми и Сью Бидл за ночь в Лондоне, которая дала мне надежду.

Кэтлин Селигман, красивой, бесстрашной и храброй, и ее изысканному, возвышенному семейству. С любовью навсегда.

Джанет Дуровчик и ее дорогому Джиму — за их веру в волшебное, мне только нужно вспомнить, как мы встретились.

Многим посетителям веб-сайта www.sustainedaction.org, чьи терпение и поддержка придали мне храбрости для того, чтобы никогда не сдаваться.

И наконец, памяти ушедших: Флоринде Доннер, Энни Абеляр и моей дорогой Кайли Лундхал.

*Наступает время открыть карты — тайны губят нас. Помни!
Если у тебя есть тайны, я обещаю тебе, caraño! Ты умрешь. Я
надеюсь, когда-нибудь ты поймешь это. И если, умирая, ты будешь
хвататься за свои сокровенные тайны, тебе никогда не найти меня.*

Карлос Кастанеда

*Если бы все было так просто! Если бы злые люди где-то творили
свои злодеяния, то потребовалось только отделить их от всех
остальных и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло,
проходит через сердце каждого человека. А кто же захочет
разрушать частицу своего собственного сердца?*

Александр Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»

*Что скажешь тем,
кто потерял свою любовь?
Лишь только — с возвращеньем!*

Нед Клей «Любовь и Любовь востребованная»

Автор в возрасте девятнадцати лет, спустя два года после встречи с Кастанедой.

глава 1 Я ВСТРЕЧАЮ САМОГО НЕУЛОВИМОГО ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

И то, в чем я пребывал, удручающе напоминало клише из фантастических книжек для подростков — копание в отбросах морали на пустыре в поисках куска сломанного тотема, просеивание всякой дряни и попытки склеить что-то пригодное с чем-то, что напоминает свет путеводной звезды. И вдруг, в бездне моего отчаяния...

Джон Скипп и Марк Левинталь «Вошебник буррито³ страны Оз»

В 1973 году мне исполнилось семнадцать лет, и я гостила летом у родителей в Лос-Анджелесе. Я приехала на каникулы из школы-пансиона в Вермонте.

Бездельничала в своей детской комнате, считала себя крутой девчонкой, поклевывала что-то приготовленное из кэроба⁴,² сочиняя письмо своей первой любви. Повсюду валялись книги — образчики моих литературных интересов — *Ada, Zap Comix, the I Ching, Les Liaisons Dangeureuses, and The L.A. Free Press*. Мой приятель дал мне почитать эссе Вильгельма Райха, но я ничего в нем не поняла.

По выходным мои родители Ирвинг и Сильвия Уоллес отправлялись в гости. Они посещали и сами организовывали множество мероприятий в Голливуде — порой политических, часто специфически голливудских, иногда литературных. Они устраивали то сбор средств для Ральфа Нейдера и Юджина Маккарти, то обеды с Ширли Макклейн и Грегори Пекком, Лорен Бэкол и Артом Бухвальдом, то вечеринки с Генри Миллером, Рэем Брэдбери, Ирвингом Стоуном, Алексом Хейли и Сидни Шелдоном. Скандально известный сценарист Эрнст Лейман был одним из лучших папиных друзей и старинным партнером по «игре в покер вечером по четвергам». Отец рассказывал мне, что впервые покурил марихуану с нашими ближайшими соседями — это были Норма и Френсис Лэй, — а «травку» привезли в коробке из-под киноплёнки Генри Манчини и Куинси Джонс. Я была ребенком, и тогда они были просто друзьями нашей семьи, а не знаменитостями.

Однажды весенним вечером родители вернулись с обеда, который давали их давнишние друзья Нед и Мира Браун. Нед был ветераном среди голливудских агентов, и наши семьи знали друг друга много лет еще с тех времен, когда были бедны и выживали сообща. Теперь мой отец был одним из самых продаваемых романистов в мире, а Нед устраивал свои обеды в изысканном доме на побережье Малибу.

Отец был радостно возбужден. Поздоровавшись, он с порога сообщил:

— Мы только что встречались с Карлосом Кастанедой!

Я была ошеломлена. Карлоса Кастанеду невозможно было *встретить* просто так. Все это знали.

Кастанеда был самый известный гуру своего поколения, написал два первоклассных бестселлера, имевших невероятный успех. Книги выпустило издательство «Саймон энд

---

³ Кукурузная лепешка с начинкой (исп.) национальное мексиканское блюдо. — *Примеч. перев.*

⁴ Рожковое дерево, средиземноморский фрукт, по вкусу похожий на шоколад. — *Примеч. перев.*

Шустер», у отца и Карлоса Кастанеды был один и тот же редактор, Майкл Корда, с которым они проработали более двадцати лет. Это Корда открыл гений Кастанеды и решил опубликовать его диссертацию. Кастанеда вскоре стал знаменит на весь мир, но отказывался фотографироваться и давать интервью, поэтому оставался полной и абсолютной загадкой, у отца и Карлоса Кастанеды был один и тот же редактор, Майкл Корда, с которым они проработали более двадцати лет. Это Корда открыл гений Кастанеды и решил опубликовать его диссертацию. Кастанеда вскоре стал знаменит на весь мир, но отказывался фотографироваться и давать интервью, поэтому оставался полной и абсолютной загадкой.

Семейство Уоллес (слева направо — Дэвид, Ирвинг, Сильвия и Эйми)

Согласно различным исследователям, Карлос Цезарь Сальвадор Арана Кастанеда родился 25 декабря 1925 года в маленьком городке Каджамарка в Перу, был сыном ювелира и принадлежал к среднему классу.

Для того чтобы «уничтожить свою личную историю», Кастанеда утверждал, что он бразилец (аргентинец или мексиканец), и отказывался называть свой возраст. Старые друзья утверждали, что его мать умерла, когда Карлосу было двадцать пять. Он закрылся в своей комнате на три дня, ничего не ел, затем объявив, что покидает родительский дом навсегда, бросил семью и беременную невесту.

Проведя год в перуанской художественной школе, он морем добрался до Сан-Франциско. Это произошло 23 сентября 1951 года. Вскоре он полностью «вычеркнул» из своей жизни семью, рассказывая друзьям, что его мать умерла, когда он был ребенком, потом его растила еврейская бабушка, анархистка и бомбометательница, и помешавшийся на сексе дедушка, который наставлял его: «Ты не можешь перетрахать *всех* женщин в мире, но ты можешь попробовать!» Он учил юного Кастанеду быть сексуальным хищником, совершенствующим приемы обольщения, требовал, чтобы молодой человек одержал свою первую победу еще в подростковом возрасте. Кастанеда был запуган и не смел не подчиниться этому авторитарному приказу. Впоследствии он утверждал, что его сексуальное посвящение произошло «за тонкой перегородкой» и было столь травмирующим, что сделало его «нервным» до конца жизни. В то же время он идеализировал своего брутального дедушку и по контрасту описывал отца как человека, страдающего «бессилием и бесплодием», которого следует «стыдиться».

Дедушка вдалбливал Карлосу, что он «не такой красавец, как один из его двоюродных братьев», и посоветовал ему: «Ты невзрачный коротышка. Твоему красавчику кузену будут рады везде, двери всегда будут открыты для него. *Ты* же совсем другое дело, ты должен входить через черный ход. Вот что ты должен делать: когда ты приблизишься к женщине, скажи ей: „Боже мой, ты самая красивая девушка, которую я когда-либо видел!“ Затем уйди. Подожди денек. И повтори. Сделай это трижды, потом держись в стороне — она будет навеки в твоей власти. Поступай именно так».

Эта техника обольщения оказалась весьма действенной. Страх быть отвергнутым являлся главной причиной переживаний Карлоса по поводу того, что он «темнокожий и невзрачный коротышка» и приступов самоуничижения, преследовавших его всю жизнь. Он вел нескончаемые обольщения, за которыми следовало отступление, в лучших традициях опасного женоненавистника, у которого каждая очередная победа становится новой зарубкой на ремне.

Слева: Карлос Кастанеда в возрасте тридцати четырех лет, выпускник Комьюнити

колледжа в Лос-Анджелесе в 1959 году.

Справа: Карлос в Лос Анджелесе со своим приемным сыном Джереми «Си Джей» Карлтоном, возле дома своей жены Маргарет Ранъян.

Карлос Кастанеда в 1962 году, в возрасте 36 лет, со свидетельницей на свадьбе своих друзей.

Перепробовав различные случайные работы, в 1955 году Карлос направил стопы в калифорнийский Комьюнити колледж в Лос-Анджелесе, где он встретил свою будущую жену Маргарет Рунион. Как и Кастанеда, Маргарет была без ума от всевозможных духовных учений и паранормальных явлений.

Они поженились в 1960 году. Карлос обнаружил, что у него была вазэктомия⁵ и пригласил друга семьи, чтобы тот стал отцом их с Маргарет ребенка. Сын, которого он называл «Си Джей», родился от этого союза и был официально усыновлен Кастанедой. Карлос то нежно любил маленького мальчика, то надолго покидал его, оставляя у него приятные, а иногда мучительные воспоминания.

В течение этого периода Карлос пытался улучшить свою физическую форму, чтобы избавиться от отвратительных комплексов. Он утверждал, что занимался в голливудском спортзале, где тренировался сам Джек ЛаЛейнн. Позже Карлос радовал друзей рассказами о том, как расхаживал по ЛаЛейнну, массируя его ногами. С благоговейным трепетом он наблюдал за излюбленным трюком бодибилдера:

«Он, по своему обыкновению, съев банан, горсть крекеров и выпив стакан молока (именно в такой очередности), сразу же изрыгал это обратно, все по отдельности. Это было великолепно. Я никак не мог к этому привыкнуть!»

В 1959 году Кастанеда поступил в UCLA⁶, чтобы воплотить свою мечту стать антропологом. Он предпринял серию самостоятельных поездок в Мексику с целью изучить способы применения лекарственных растений. Во время этих экспедиций он стал учеником старого индейского шамана, или *brujo* «человека знания», которого, как он утверждал, встретил на автобусной остановке. Он придумал для своего учителя — индейца яки — псевдоним «дон Хуан Матус». Маргарет никогда не приглашалась в эти поездки. Она предполагала, что Карлос выбрал этот псевдоним потому, что в то время он за обедом пил вино марки «Матус».

В апреле 1968 года Университет прессы в Калифорнии опубликовал диссертацию Кастанеды «Учение дона Хуана. Путь познания индейцев яки» — отчет о его ученичестве у индейца-шамана.

Когда «Саймон энд Шустер» приобрело права на публикацию и выпустило книгу в продажу, та добилась феноменального успеха, достигнув верхних строчек в списках бестселлеров. Позже она послужила причиной громкого скандала в Антропологическом институте, члены которого были обвинены в недостаточной академической строгости за то, что они приняли эту нестандартную работу без научных примечаний, которые, как утверждал Кастанеда, были утеряны. Он также уверял, что потерял второй письменный отчет о своем обучении, оставив единственный экземпляр в кинотеатре.

«Учение», похожее на повесть о Кандиде, — это рассказ о путешествии Карлоса в Мексику, где его наставник проводил Кастанеду через практики, вдребезги разбивающие рамки рационального мышления. В ранние годы ученичества Карлосу давали пейот, датуру и

---

⁵ Вазэктомия — перерезание семявыводящих протоков при различных заболеваниях (часто в детстве), приводящее к бесплодию. — *Примеч. ред.*

⁶ UCLA — Национальный антропологический институт США.

психоделические грибы — все это галлюциногены, благодаря которым он заслужил репутацию защитника употребления наркотиков, что послужило стимулом для повсеместного экспериментирования с ними. Его имя до сих пор ассоциируется с наркотиками, — бесчисленные искатели духовного в шестидесятых и семидесятых годах баловались психоделическими растениями. Ходили слухи, что читатели, случалось умирали от передозировки или отправлялись в клиники после экспериментов с «растениями силы», пытаясь достичь более высоких уровней сознания.

Карлоса не беспокоила связь его имени с использованием наркотиков. Он объяснял в книгах и на лекциях, что в начале ученичества дон Хуан давал ему психоделики, потому что его мышление было настолько косным, что «требовалось взорвать его динамитом».

В то время, когда критики спорили, было это описание правдой или это была мистификация, во всех странах мира люди раскупали миллионные тиражи его книг, совершали паломничество в пустыню Соноран, разыскивая Карлоса, дон Хуана и других учителей среди индейцев яки. Безуспешность их поисков была легко предсказуема..

Второй отчет Кастанеды «*Отдельная реальность. Дальнейшие беседы с доном Хуаном*» увидел свет в 1971 году. Он представлял собой дневниковые записи и конспекты дальнейших инструкций дон Хуана. В это время Карлос как будто бы спрыгнул со скалы, но выжил, превратившись в ворона, а потом встретил существ из другого мира, названного им «*неорганическим*». Его описание отличалось большим мастерством — он сумел сделать тот мир невероятно правдоподобным, — но все-таки остался обывателем, бесконечно потрясенным, циничным, испуганным и, более того, неуверенным.

Он постоянно терпел неудачу, пытаясь рационально объяснить невыразимую мудрость дон Хуана, так как опирался на «европейскую логику».

Возможно, самое большое обаяние его как писателя было в том, что он заставил читателей почувствовать, — любой из них тоже смог бы стать лучшим учеником мага. Уильям Берроуз, идол поколения битников и хиппи, автор взрывного романа «*Обед нагишом*», заметил журналисту Адаму Блоку.

«Ну почему же дон Хуан не подцепил меня вместо этого идиота Карлоса?»

Другим легендарным литератором, читавшим Кастанеду, был Хантер Томпсон. В его самой популярной книге «*Страх и ненависть в Лас-Вегасе*» главный герой, обращаясь к Оскару Акосте, адвокату, выросшему среди туземцев Самоа, говорит: «...Провел большую часть дня в ванне, читая эту отвратительную книгу про дон Хуана „*Путь познания индейцев яки*“. Жуть! Этот старик ну просто задолбал того парнишку. Но, может быть, он действительно как-то связан с „четырьмя врагами“? Ты не думаешь, что тебе стоит обмозговать это?.. Когда все заканчивается, ты сидишь там, опустошенный, ожидая телекамер... Дерьмовый путь познания индейцев яки».

Плохо ли, хорошо ли, имя «дон Хуан» стало привычным для нынешнего поколения. Кастанеда трансформировал значение этого имени, до того бывшее благодаря Фрейдю нарицательным, означающим патологический флирт (в духе сексуально озабоченного лорда Байрона). Теперь оно не было синонимом промискуитета, а стало символом поклонения гуру. Когда Джон Леннон сказал о своей жене: «Йоко — мой дон Хуан», — это не нуждалось в комментариях.

Читатели были захвачены потрясающей возможностью «взметнуться выше Орла, чтобы стать свободными». Этой метафорой *brujo*, «человек знания», описывал оставление своего тела и пребывание в полном сознании после смерти. Кастанеда живописал фантастическую картину «плаванья в Бесконечности» — так он называл нескончаемое путешествие в сверхъестественных мирах. Оно достигалось после «сгорания изнутри», финального акта земного пути мага. Карлос утверждал, что его учитель был властен выбрать момент своего ухода вместе с учениками, обрести телесную оболочку на более высоком плане — на уровне «второго внимания». Иногда Кастанеда писал о мучительно манящем «третьем внимании», царстве «абсолютной свободы».

Карлос утверждал, что провел годы, балансируя между жизнью обыкновенного ученого в Лос-Анджелесе и сюрреалистическим обучением в Мексике. Стресс от этой двойственности — с одной стороны, текла магическая, невыразимо иррациональная жизнь, с другой — обыденная, мирская — привел его к упадку сил и в итоге к нервному срыву. В конце концов дон Хуан *назначил* Карлоса последним *нагвалем*, обычай преемственности у которых идет из тьмы веков Нагваль, как сказал дон Хуан, у индейцев яки означает «непостижимое».

Карлос рассказал читателям, что он перестал быть обыкновенным человеком. Теперь он обладал многочисленными магическими способностями, такими, как способность читать мысли, принимать образы животных, путешествовать по своей воле в другой Реальности и общаться с нематериальными существами, которые населяют параллельные миры.

Эти способности, или сиддхи, как они называются в восточных традициях, развивались в результате огромных личных усилий и затрат. В книгах Карлос описывал свои страдания и всепроницающее чувство ужаса. Каждый раз, когда он пытался вернуться к своим обычным делам, учение дон Хуана затягивало его назад. Будничная жизнь теперь казалась ничтожной.

В последних книгах Карлос описывает, как дон Хуан превратился в пламя вместе с избранными учениками. Кастанеде был дан наказ в качестве лидера возглавить оставшихся строптивых учеников, но они противились этому.

К ужасу Карлоса, группа, оставленная ему в наследство, была охвачена жадной власти и увлечена ритуальной магией. Карлос разделял их веру в существование «бестелесных хищников», однако мечтал привести их к свободе без таинственных методов и приемов дон Хуана. Карлос утверждал, что структура его «энергетического тела» была весьма отлична от «энергетического тела» учителя; для того чтобы принять предводительство Кастанеды, необходимо было понять более абстрактные предпосылки. Карлос объявил себя «нагвалем свободы», существом без эго, которою невозможно соблазнить стяжанием магической силы. Это, как считал он, было детскими игрушками, недостойным и «человека знания».

Сражения в конечном итоге привели к тому, что Кастанеда разорвал связь со своими подопечными.

Он хотел, чтобы они переехали в Лос-Анджелес и поступили в UCLA, но те предпочли пустыни Мексики. К тому времени большинство учеников, по общему мнению, накопили достаточно силы, чтобы *en masse*⁷ оставить землю и, превратившись в пламя, присоединиться к дону Хуану, путешествующему по другим мирам.

Предсказание дон Хуана, касающееся будущего Карлоса, было пугающим однажды три ученицы будут посланы ему Духом — силой, управляющей Вселенной. Карлос должен будет вести женщин, посвятив их в «три ветра». Но сам не сможет их найти Дон Хуан зловеще предрекал, что они будут представлять собой самый большой вызов в его жизни.

Кастанеда находился в зените славы, но его жизнь была скрыта от глаз посторонних. Именно для того, чтобы поддерживать эту таинственность, он никогда не давал интервью. Иногда Карлос соглашался на редкие импровизированные лекции для узкого круга людей.

Он обычно не позволял себя фотографировать, потому что «человек знания яки *должен* любой ценой остаться недоступным, а фотографии привязывают нас к социуму». То, что никто не знал, как он выглядит, невероятно способствовало славе и подогрело интерес к тайне Кастанеды.

Когда журнал «*Тайм*» попросил интервью в марте 1973 года, Карлос проконсультировался у дон Хуана, и тот будто бы позволил опубликовать некоторую информацию, историю, иллюстрированную причудливыми психоделическими рисунками. На всех фотографиях в этой статье Карлос закрывал половину лица рукой, книжкой или шляпой. Фотографии были сделаны Эдди Адамсом (лауреатом Пулитцеровской премии за

---

⁷ En masse — здесь: «всем вместе» (фр.).

фотографию позорной расправы сайгонских полицейских над подозреваемым вьетконговцем), и их копии были отданы в «Тайм» по инструкции дона Хуана. Адаме убедился, как он впоследствии признался, что встретил подлинного Кастанеду, который сказал ему: «Я закрываю лицо потому, что выгляжу слишком обычным, — если я не буду тем, кого ожидают увидеть, люди будут разочарованы». Я удивился, как может «человека знания» волновать то, что люди подумают о нем.

В 1977 году журнал «Психология сегодня» поместил специальную статью о Кастанеде.

Художественный редактор, Том Гоулд, поначалу соглашался с Карлосом не печатать его портрета и был готов поместить вместо этого пустой лист, с которого был бы стерт портрет Кастанеды.

Американский художник Раушенберг однажды сделал то же самое с рисунком Вильяма де Конинга.

В итоге художнику Ричарду Одну было заказано проиллюстрировать текст портретом, который Карлос согласился стереть собственной рукой.

Он сделал это лишь отчасти, сказав, что он чувствует себя «не в том состоянии, чтобы стереть свое изображение полностью».

Спустя десятилетия он пренебрежительно заметил: «Записки — это способ зафиксировать себя во времени. Застывший мир, застывшая фотография — все это противоречит сущности мага. Может быть, вы видели портрет Карлоса Кастанеды, сделанный Ричардом Оденом в „Психология сегодня“ за 1977 год. Фотографии у него не было, поэтому Ричард стал рисовать. Не получилось. Он попытался нарисовать еще раз. И потерпел полный провал».

Агент Карлоса получал огромные мешки с письмами, и их каждую неделю выбрасывали нераспечатанными. Карлос объяснял это тем, что ежедневно беседует с бестелесным «сновидящим» — существом, которое он описал в своей самой фантастической книге «Искусство сновидения». Раз в году Кастанеде приходилось наугад выбирать мешок с письмами и с закрытыми глазами вытаскивать какое-нибудь письмо, что очень напоминало представление в Монти Холл.

Карлос был обязан найти автора этого письма. Однажды он вытащил письмо с просьбой об интервью от бразильского репортера Грациелы Корвелан которая работала в спиритуалистском журнале. Ему потребовалось два года, чтобы разыскать ее. Интервью появилось в двух номерах и стало важным событием для движения «Нью эйдж»⁸.

Карлос сказал художнику Ричарду Одну, что стер только половину портрета потому, что «не в состоянии стереть себя полностью».

В 1973 году Карлос согласился дать еще одно интервью, что бывало редко, с некоей Гвинет Грэйвенс, которое было опубликовано в «Харперс». Один абзац, в котором Карлос описывал свое детство, содержал по крайней мере десять пунктов откровенной лжи. Однако в мире дона Хуана такой вещи, как ложь, не существовало: «стереть личную историю» — это одна из задач мага. Без личной истории, к которой мы так привязаны, как писал Карлос, мы свободны для того, чтобы заново создавать себя, идти «дорогой сердца». Если в нашей жизни нет ничего, чем можно было бы похвалиться, или вызвать жалость, или привлечь внимание, значит мы в состоянии использовать свое сознание для исследований, приключений, «флибустьерства», потому что освободились от изнуряющей сосредоточенности на своей «самости». Как объяснял дон Хуан, поддерживая свой

---

⁸ «Нью эйдж» — духовное учение, движение с эклектичным, спиритуалистским мировоззрением. — *Примеч. ред.*

«социальный фасад», мы себя истощаем, что очень опасно, поэтому «чувство собственной важности» — наш самый злейший враг.

Для многих читателей практика «стирания личной истории» получила широкое поле для применения — супруги обманывали друг друга, скрывая свои проступки, рассерженные дети обвиняли добропорядочных родителей, апеллируя к высоким материям. Предписания Кастанеды совпали по времени с экспериментами того поколения со «свободной любовью», медитациями, жизнью в коммунах. Они стирали границы: «праведно», «неправедно». Ложь переставала быть ложью, — теперь это называлось «сталкингом» или «контролируемой глупостью».

По моему мнению, призыв «стереть личную историю», означал нечто иное — это возможность вытеснить болезненное прошлое, связанное с воспоминанием о воспитании в неблагополучной семье, хроническом употреблении наркотиков и нервных срывах. С этой философией мага я могла бы бесконечно обновлять то, что Карлос называл моей «личной историей», как если бы писала роман заново. Не было никакого мучительного чувства вины за аморальные поступки. Когда-то заниматься любовью в подъезде считалось вызывающим поступком, достойным воина, отвергающего общественный порядок, несовместимый с его собственными представлениями. История всегда должна меняться, доказывая выгоду «текучести» ученику, Другое преимущество этой практики заключалось еще и в том, что практикующие становились закрытыми, недостижимыми для всех, особенно для противоположного пола, — нечто подобное Карлос описывал в своих книгах.

Кажущиеся безумными поступки — это путь к свободе. Карлос был «папой римским» верования о «безумной мудрости» — концепции, популярной в семидесятых годах, возможно заимствованной из тибетского буддизма. Кастанеда рассказал интервьюеру Корвелан, как швырнул через парковую скамейку пылкого ученика, добавив: «Есть только один способ иметь дело с душевнобольным — быть самим собой». Уильям Берроуз, современник Карлоса, имел похожую точку зрения: «Псих — это малый, до которого только что дошло, что же на самом деле происходит».

Несмотря на то, что мать Кастанеды умерла, когда ему исполнилось двадцать пять лет, он сказал журналистке, что это случилось, когда он был шестилетним ребенком, и что он влачил «невыносимое бремя ее любви» до тех пор, пока спровоцированное психоделиками столкновение с ее духом не освободило его. Спустя много лет он часто говорил мне: «Хорошо все-таки, что она умерла, когда я был маленьким, — мне бы пришлось спустить ее с лестницы, чтобы не стать самым несчастным маменькиным сыночком».

Концепция Кастанеды, представленная в первых трех книгах, включала в себя следующее 1) важность достижения «внутренней тишины», а именно «остановка внутреннего диалога»; 2) развитие способностей осознанного сновидения и сна наяву, что позволяло сначала найти во сне свою руку, потом контролировать свой сон и явь как сон. Это были самые мощные способы увеличения своей энергии. Дон Хуан называл эти практики «видением» и «сновидением».

С увеличением энергии увеличивается возможность освободиться от «чувства собственной важности» — это доминирующая идея учения. Внутренний рост сдвигает нечто, что дон Хуан называл «точкой сборки». Это некая точка в пространстве «сзади» человека на расстоянии вытянутой руки на воображаемой оси с центром между лопатками. Здесь находится место осознания, откуда человечество, как считал дон Хуан, коллективно согласилось воспринимать мир ограничено.

Центральное место в этом бессознательном договоре, как обнаружил дон Хуан, занимает чувство жалости к себе. Мы живем как звери в клетке, будучи слепы к чудесам вокруг нас, и бессмысленно умираем, так по-настоящему и не став живыми.

Все упражнения дон Хуана были направлены на то, чтобы сдвинуть точку сборки с места «самопоглощенности». Чувствительный шлепок по спине, полученный от дон Хуана, сдвинул точку сборки глубоко влево и погрузил Карлоса в длительное состояние

«повышенного осознания», выбив из него то, что дон Хуан считал детскими проблемами, такими, как- «любят ли меня мои друзья?», «действительно ли девушка любит меня?», «популярен ли я и уважают ли меня?»

В своих ранних книгах Карлос повторяет любимое выражение дон Хуана о пользе вездесущих «мелких тиранов» — на работе, в школе, в семье — тех, кто раздражает, приводит нас в ярость и иступление.

Необходимо перестать быть жалкой «человеческой формой», отточить свои способности, превратиться в «безупречного воина», терпеливого и хитрого, чтобы противостоять им. Когда становится невозможно вызвать у нас гнев или ревность, стремление соревноваться или быть первым — это значит, мы достигли состояния осознания воина. Дон Хуан предупреждал: если мы выбрали «тропу сердца», то никогда не должны упускать из виду один существенный факт — настоящий враг находится внутри, мы должны *постоянно* противостоять нашему собственному эгоизму. Это противостояние длится всю жизнь, но оно само по себе прекрасно, писал Карлос, а беспокойство по поводу успеха означает поражение. Я часто думаю о Кастанеде как о язвительной Эйн Рэнд — это объективизм, вывернутый наизнанку.

Дон Хуан не верил в Бога. Это разрушило привычные представления о мироустройстве Кастанеды-католика. В конце концов Карлос признал, что «поступь Небес — облачение в тогу и наслаждение звуками арфы» — это определенно нечто старческое. Вернее, писал он, поскольку мы живем в опасном мире, населенном непостижимыми существами и силами, то только суровая дисциплина и беспощадная борьба поднимут нас над «океаном горгулий», как называл дон Хуан бытие «человеческой формы».

Кастанеда часто говорил: «Страх — вот что заставляет меня двигаться, — страх на пути к свободе, который я утрачу через контролируемую глупость. Возникнет нечто высшее — величайшая высота, с которой можно упасть. Чем больше энергии мы получаем, тем большему риску утраты возможностей ее применения и поражения в борьбе с эгоманией мы подвергаемся».

Возможно, Карлос Кастанеда сдвинул *точку сборки* целого поколения, миллионы читателей во всем мире хоть на короткое время отказались от стремления к идеалам западной культуры, власти и славе.

Настоящее богатство, писал Карлос, стяжается «непреклонным намерением». Дух всегда наблюдает и поэтому не способен ошибаться, отвечая на чей-то вызов. Дух сам зовет нас и посылает величайшие знамения. Ричард Гроссинджер писал в «*Планете медицины*»: «Вопреки распространенному мнению, что он раскрыл целый пласт практик, прежде не известных на Западе... в его книгах не существовало ни одной техники, которая не была бы уже описана...» Уникальность им придавали поэтически восторженные поклонники из круга Кастанеды.

Дон Хуан убеждал Карлоса «принять смерть в качестве советчицы», которая «всегда стоит за левым плечом», и постоянно осознавать — «ты — существо, которому должно умереть». Но если жизнь наполнится этим знанием до краев, то станет неизменной и тоскливой рутинной.

В периоды воздержания от употребления психоделиков Карлос в деталях описывал, как «растения силы» сдвигали его точку сборки с позиции «мне-мне-мне» и ему очень трудно было поддерживать этот сдвиг, когда действие растений выветривалось.

Для сохранения энергии Карлос рекомендовал разнообразные практики, в основном направленные на разрыв старых связей. Он советовал каждому оставить свою семью и друзей навсегда, с тем чтобы никогда более ни в ком не нуждаться. Я думаю, что между строчек его любимых «сказок о силе» читалась свойственная Карлосу боязнь людей. В то же время, я полагаю, было бы прекрасно не иметь ни от кого эмоциональной зависимости, которая всегда сопряжена с риском разочарования и боли. Не это ли подталкивало Карлоса к поискам? Потеряв мать, Карлос навсегда стал бросающим, но никогда — брошенным.

Потребность действовать с позиции силы в отношениях с друзьями, любовницами, коллегами была просто невероятной и, кажется, предопределяла всю его жизнь.

Эта тема имела могучую притягательную силу для громадного количества читателей. Идеальный учитель — дон Хуан, как идеальный отец, предлагал всеобъемлющую привязанность к своим ученикам, обучая свободе от преданности. Дон Хуан представлял собой образец неуязвимости — и всегда в контексте увлекательных приключений, будь то бег от пумы в пустыне или отстраненное наблюдение за гибелью собственного сына во время несчастного случая на стройке (он сдвинул свою точку сборки со всяких чувств). Дон Хуан обещал вечную жизнь без боли после десятилетий земных страданий. Можно раскачиваться, многие часы повторяя мантры, как советуют некоторые буддистские секты, для того чтобы достичь той же цели. С другой стороны, это подозрительно напоминает традиционное христианство.

Хотя Карлос раскрыл некоторые из техник своего учителя, он разочаровал своих почитателей, настаивая на том, что для практики необходим нагваль, персональный наставник. Вследствие этого началась гонка в поисках Кастанеды или, еще лучше, дона Хуана.

Влияние Кастанеды на культуру было столь велико, что Джойс Кэрол Отс написала длинное восторженное эссе, в котором утверждала, что для творения такой гениальности не имеет значения — вымысел это или нет. Обозреватель «*Нью-Йорк таймс*» писал: «Невозможно переоценить значение того, что сделал Карлос Кастанеда». Но, к великому раздражению Кастанеды, журналисты называли его «крестным отцом „Нью эйдж“».

Этот кабинетный ученый, питающий к себе отвращение, считающий себя «коротышкой, темнокожим и невзрачным», стал всемирно знаменитым героем «поколения ищущих». Теперь он сравнился с самыми прославленными людьми в мире — встретить Кастанеду стало значительным событием в жизни пресыщенных знаменитостей. Некоторые считали, что его таинственность была блестящим рекламным трюком, и в то же время ходили слухи, что, оглушенный собственной славой и успехом, он переживал приступы депрессии и самоуничужения.

Я помню время, когда мой отец продал первый роман, ставший бестселлером («*Доклад Чепмена*»), по которому был снят фильм с Джейн Фонда в главной роли, первой в ее звездной карьере. После бесконечной борьбы ему все-таки заплатили больше, чем он мог мечтать заработать. Десятилетия самоотверженного труда были вознаграждены сполна. Он стал богатым и знаменитым, пользующимся успехом, обсуждаемым и желанным. И тогда у него появились приступы головокружения. Мой отец отказывался посещать врачей, но головокружения становились все сильнее, и в конце концов ему поставили диагноз и посоветовали трепанацию.

Отец был в ужасе. Никто никогда еще не пытался вскрывать скальпелем его мозг! По совету друга он проконсультировался у психотерапевта, который предположил, что у отца было в буквальном смысле просто «головокружение от успеха». После услышанного у него прекратились все приступы.

Хотя Кастанеда встречался с огромным множеством знаменитостей, от Дженис Джоплин до Шона Коннери, вероятнее всего, у него не было друзей в привычном смысле этого слова. Немногие из знакомых имели постоянно меняющийся номер его телефона, и Карлос гордился своей анонимностью.

Позже он объяснял: «Фотографии замораживают нас — *запирают* нас во времени. Подобно тому, как наши так называемые „друзья“, знающие наш распорядок дня, контролирующие нас своими мыслями, заманивают нас в капкан, так и фотографии коварно фиксируют нас».

Карлос рассказывал, как жена Джоржа Плимптона однажды тайком взяла его фотографию для «*Лэрис Ревью*». После этого он сказал: «Это укололо не *меня*, а *ее*. Это именно *она* будет платить по счетам». Тогда я впервые неожиданно столкнулась с бесчисленными противоречиями философии Карлоса.

Согласно книгам Кастанеды и редким публичным выступлениям, «в мир магов нельзя войти по своей воле». Если тебе повезет *по-настоящему*, Карлос найдет *тебя*. Он увидит указующий перст Духа и услышит всезнающий голос сновидящего, Это авторитетное заявление не останавливало людей от попыток вступить в группу его посвященных приверженцев. Более того, оно не сдерживало постоянный поток продюсеров и режиссеров, которые добивались от Карлоса права сделать фильм по его книге. Следуя утверждению дона Хуана о том, что такие фильмы не могут быть сняты при его жизни, он отклонил предложения от Дино ди Лаурентиса, Джима Моррисона, Пьера Паоло Пазолини и Алехандро Джодоровски. Оливер Стоун назвал свою компанию «Икстлан филмс», используя название третьей книги Кастанеды «*Путешествие в Икстлан*». Карлос любил шутить: «Мои книги никогда не станут фильмами. В конце концов, кто будет играть дона Хуана? Энтони Куинн?»

Карлос, бывший пяти футов два дюйма ростом⁹ всегда сталкивался с насмешками: «Когда в кафе меня спрашивали, не хочу ли я *маленькую* порцию, я был готов врезать официанту!» И он был уверен, что голливудские продюсеры будут настаивать на том, чтобы в роли Карлоса снимался высокий, атлетически сложенный актер.

Одним из любимых у Карлоса был рассказ о встрече с Федерико Феллини, который хотел экранизировать его *произведения*. Феллини познакомился с ним, Карлос с интересом принял приглашение, и они подружились. Поначалу они дружили втроем, но потом их осталось двое, потому что Феллини был решительно отвергнут приятельницей Карлоса — Региной Таль.

Родившаяся в Венесуэле, в семье немцев, золотоволосая, голубоглазая Регина (Джина) была настоящей динамо-машиной. Она свободно говорила на немецком, испанском и английском языках, изучала антропологию в UCLA, там же и встретила Кастанеду.

Он обнаружил, что крошечная, похожая на эльфа Джина была очень энергичной, и дал ей прозвище «маленькая колибри». Кроме того у нее было магическое, тотемное животное — лягушка. Джина этим гордилась, потому что лягушки обитают и на земле, и в воде. По словам Карлоса, Феллини пригласил их с Джиной прилететь в Рим. Он согласился, потому что ему очень понравился этот легендарный режиссер, несмотря на свое «чудовищное эго». Слушать рассказы о встрече двух небожителей было захватывающе интересно. Для меня это было больше, чем хроника: это была уникальная *ожившая картина* из жизни гениев.

Феллини будто бы добивался Джину вплоть до ее возвращения в Лос-Анджелес: каждый день посылал ей дюжину роз, ежедневно звонил по телефону. Джина описывала Феллини как «невероятно обаятельного, бесполого, почти женственного, симпатичного человека».

«Однажды, — рассказывала Джина, — Федерико взял в аренду машину, чтобы показать нам итальянские пейзажи. И хотя Феллини был *никудашным* водителем — фактически не садился в машину уже лет десять, он настоял на том, чтобы быть нашим шофером. На переднем сиденье расположилась его тогдашняя любовница — кричаще раскрашенная, жирная проститутка, с невероятной грудью, выпадающей из блузы, и ремнем, впивающимся в тесную юбку. Ее яркокрасная помада была всегда размазана по зубам. Пока мы колесили по сельским дорогам они с Федерико постоянно держали руки друг у друга на коленях.

Феллини был слишком тщеславен, чтобы носить очки, поэтому чуть не убил нас. Я была перепугана до смерти. Они постоянно останавливались, чтобы выпить, — я не думаю, что он вообще был когданибудь трезвым. Когда к нам присоединился Мastroяни, оказалось, что он пил в два раза больше Федерико».

Карлос вторил: «Он *та-а-к* любил Джину! „Моя дорогая, — говорил он, — ты такая

---

⁹ 158,3 см. — *Примеч. ред.*

крошечная, но режешь, как смертельно острый нож“. Он прозвал ее „нож моей смерти“».

«Я любила сидеть у него на коленях, — говорила Джина, — и гладить его щеки. Несмотря на проблемы с алкоголем, его кожа была мягкой и гладкой, как у ребенка или женщины».

Карлос смеялся: «Он постоянно говорил ей: „Я буду ждать тебя! Я буду ждать тебя вечно, моя любимая, *mi tesoro*“. Однажды измученные, мы вернулись в наш отель в Риме и сразу же оправились спать. Утром — *carajo! Coño! Такой спектакль! Куриная кровь* на дверях нашего номера в отеле — ковры были *погублены* ! А перья! *Перья* в холле вели к нашим дверям! *Qu é pendejo!* Идея трюка принадлежала Федерико — „*brujeria* Кастанеды“. *Pucha!* Мы немедленно уехали».

«Он посылал мне розы каждый день в течение *шести месяцев* », — вздыхала Джина.

Феллини потом сделал комиксы, где в подробностях изложил авантюрную историю о поисках «женщины-шамана с Анд» с рисованными Джодоровски, Мastroяни среди множества кактусов.

Голливуд забавлял Карлоса невероятно. Он любил в деталях описывать вечер с Шоном Коннери, Стивом Маккуином и Клинтом Иствудом. «Они были гигантами! — рассказывал он, размахивая руками, чтобы показать их потрясающий рост. — Они *возвышались* надо мной, и я даже *потерялся* . А пили они вот *так* , — он показывал размер бутылок объемом в квартиру¹⁰. Удивительно, но это могло продолжаться невероятно долго! Они даже не пьянели, и так каждую ночь! А о чем же они говорили *часами* ? О простатах. У них у всех случился простатите Карлос так и не смог научиться правильно употреблять английские слова, что добавляло пикантную истеричность многим его восклицаниям. Он вечно говорил: „Ее одолела мигрень, у него случился кишечник“».

Продолжая рассказывать о болячках кинозвезд, Карлос говорил: «А их печень была изодрана в *ключья* . Увы, моя печень тоже — по кускам, из-за растений, которые мне давал дон Хуан, потому что я был слишком неподатлив для *восприятия* , пусть временно, но я *должен* был защищать точку зрения европейского человека. Эти актеры, как громадные *лоси* — у них у всех будет рак, идиотские *pertdejos* ! Я НИКОГДА, НИКОГДА не умру от „большого Р“! Я лучше разобью себе голову! *Обещаю* тебе!»

Вернемся к тому вечеру в 1973 году Прочитав первые книги Кастанеды, я, как и все мои друзья, обнаружила в них некую философию и описания мира магов. У меня появилось ощущение, что в моей жизни не хватает именно этого: некоторые люди уже в семнадцать лет могут страдать болезнью пресыщения. Я прочитала Хайсмана, Уайльда, и мне казалось, что я уже созрела для того, чтобы повесить свой портрет в мансарде.

Моя литературная семья была необычной, но все равно я была типичным образованным калифорнийским хиппи и страстным искателем духовного. Я воспринимала *цигун* и другие боевые искусства как духовную практику; я была соавтором недописанной книги о медиумическом целительстве и телепатии. Я бунтовала против родителей, но никогда не отказывалась удовлетворять их живое любопытство по поводу необычных вещей. Я никогда не встречала столь любознательного человека, как мой отец, хотя в свои семнадцать считала его и маму слишком прямолинейными. Пройдет еще несколько лет, прежде чем я пойму, что романы моего отца: «*Приз*» — об отвратительных политиканах, пытающихся повлиять на присуждение Нобелевской премии, и «*Человек*» — о первом черном президенте Соединенных Штатов — бросали вызов традиции, касаясь запретных тем. Это, в свою очередь, вызывало такую жесткую критику со стороны религиозных кругов, что книги отца стали сжигать за радикальное содержание и симпатии к афро-американцам. Его травил расисты, антисемиты, однако он продолжал писать о том, во что верил.

---

¹⁰ 1,14 литра. — *Примеч. ред.*

И вот мои родители встретили Кастанеду — одного из моих величайших кумиров и героя целого поколения. Я слушала молча, с несвойственным мне почтением, рассказ родителей о том, что Кастанеда — один из клиентов Неда, оказался восхитительным человеком — эрудированным, жизнерадостным, *удивительным*. Отец обычно не испытывал восторга по поводу встречи с «легендой», поскольку бывал в Овальном кабинете и пожимал руку самому президенту Кеннеди.

Удивительно, но моего отца не интересовало все, что было связано с книгами Карлоса и спорами вокруг них, и он ничего не знал о его философии. Вопрос, занимавший общество, был ли Кастанеда настоящим магом или величайшим литературным мошенником, оставлял моего отца совершенно равнодушным. Он вел себя так, как будто встретил давно потерявшегося брата, и не более того.

Я видела искорки в глазах отца, свидетельствующие о его глубоком восхищении. С заметным удовольствием он обменивался мнениями с собратом по цеху. С ним рядом находился тот, кто создал и ввел в употребление магические слова, точно так же любил делать и мой отец в своих романах о политических интригах.

Отец с матерью встретились также и с очаровательной спутницей Кастанеды — элегантной женщиной Анной-Мари Картер, — но не знали, была ли она избранницей Кастанеды. «Там происходит что-то мистическое», — утверждал мой отец Анна-Мари была выпускницей факультета антропологии UCLA, Нед признался моему отцу в том, что считает книги своего клиента полной чепухой и никогда не утруждает себя их чтением, а жена, напротив, их читает. Зато у Карлоса, кажется, было полное интеллектуальное взаимопонимание со своим редактором, но он жаловался, что Майкл Корда, постоянно пытался выманить у него признание, умоляя: «Давай, Карлос, — ну просто скажи! Ведь ты же все это навывдумывал, правда же?» Карлос, по рассказам, высмеивал манеру расспросов Майкла, упиваясь его потешным притворством, которое он относил к снобизму.

«Он англичанин до мозга костей. Вы видели его бачки? Он пытается быть *битлом*. *Carajo!*

Чопорный болван! У него чувствительность как у полена! Корда — лучший пример того, что *они* для нас сделали! Но по крайней мере мой агент не бахвалится, что меня вполне устраивает. Когда я говорю ему, что у него есть энергия, он это приемлет! *Вот это* эгоomania! На самом деле Нед просто хочет хорошенько заработать. *Вот это* я могу понять. Однажды „Америкэн экспресс“ нашел Неда, и президент предложил, чтобы Карлос рекламировал их кредитные карточки репликой: „Полетели вместе?“ Отвратительно! — говорил Карлос. — Когда я сказал „нет“, видели бы вы лицо Неда — его сто пятьдесят тысяч долларов комиссионных спустили в канализацию! „Полетели вместе!“ *Carajo!*

Но вообще-то он хотел заработать деньги, а это нормально. А Майки хочет, чтобы его *любили*».

Эти веселые байки служили предостережением: вот что значит быть «другом» Карлоса.

Мой отец, закончив свой рассказ об ужине с Кастанедой, весело посоветовал: «Тебе нужно встретиться с Карлосом. Нед все организует».

И я, семнадцатилетняя, которая никого никогда не стеснялась (или я так себе представляла), смешалась: «Нет! Он слишком... *знаменит*. О чем мне с ним говорить?»

До сих пор меня никогда не пугала перспектива встречи с известной личностью. Благодаря популярности моего отца я с пяти лет привыкла к встречам со знаменитостями. Доблестный Гарольд Роббинс научил меня плавать во французской Ривьере, удивительный Рэй Брэдбери любезно согласился написать статью в мою школьную газету, а Чарльз Шульц, самый великодушный человек из всех, которых я когда-либо встречала, нарисовал мне комикс про Снупи. Эти люди для меня были просто взрослыми, хотя и более веселыми и эксцентричными, чем остальные, и, конечно же, не страшными. Так почему же я так испугалась перспективы встречи с Карлосом Кастанедой?

Такое сильное волнение я испытала лишь однажды, когда отец вернулся с вечеринки, где встретился с Йоко и Джоном Ленноном. Йоко заметила отца и сказала: «Джон, Господи,

это же Ирвинг Уоллес!» И потащила своего мужа за рукав. Джон долго жал руку отцу с благоговейным трепетом, сбивчиво выражая свое восхищение романом «Человек », книгой, как утверждал Леннон, которая изменила его жизнь.

И вот тебе на! На этот раз я словно оцепенела.

Но мой отец не обратил на это никакого внимания и сказал: «Я настаиваю».

Возразить было нечего. И если слухи о Карлосе были правдой, то, возможно, второго такого шанса могло больше не представиться никогда. И через несколько дней я, мой брат Дэвид, его жена Флора и мои родители отправились к дому Неда и Миры. Когда мы приблизились к двери, я попыталась скрыть свою нервозность под теплой улыбкой. Войдя, я мгновенно увидела Карлоса. Он был такого же роста, как и я, — пять футов и два дюйма, приятно полноват, безукоризненно одет во все черное — классический костюм и галстук — ничего похожего на «шаманское одеяние», которое я смутно себе представляла в виде тюрбана или головного убора с перьями, и выглядел гораздо более официально, чем было принято по моде семидесятых годов. У него была роскошная копна черных кудрей, сверкающая улыбка и умиротворяющие карие глаза. Он выглядел невероятно доброжелательным. Мое смущение мгновенно пропало. Он тепло, по-доброму, как долгожданному другу, пожал мне руку.

Обезоруживающая улыбка Кастанеды не скрывала передних зубов, на которые по старомодной мексиканской привычке были надеты золотые коронки. Я была совершенно потрясена тем, как он и мой отец понимали друг друга, что создавало за обедом атмосферу объединения счастливого семейства. Не было ни напряженных пауз, ни ужасного молчания, ни скучной малозначительной беседы. Я чувствовала, что могла говорить свободно, и очень хотела, чтобы этот вечер не кончался.

Я не помню ничего из того, о чем говорил Карлос в тот вечер, но обратила внимание на его сильный акцент и изысканную вежливость, с которой он потчевал нас веселыми историями. Помню, что он часто обращался к своей очаровательной спутнице Анне-Мари. Оба задавали множество вопросов о моей школе-пансионе, вежливо восклицая в ответ на мои реплики. Казалось, Карлос был очень заинтересован тем, что я получу хорошее образование. Анна-Мари — красивая миниатюрная женщина, с правильными чертами лица, длинными темно-русыми волосами, ниспадающими по спине до талии, показалась мне такой же очаровательной, как и Карлос.

Все надежды поговорить о сверхъестественном испарились в присутствии этих веселых простых людей. Бьющая через край энергия Карлоса превзошла все мои ожидания. Мы расстались, тепло обнявшись. Последнее, что я помню, был Карлос: он держал мою руку в своих руках, смотрел мне в глаза и уверял, что мы обязательно встретимся. А спустя несколько дней он по почте прислал мне книгу-бестселлер «Отдельная реальность ». Дарственная надпись гласила:

«Эйми Уоллес с лучшими пожеланиями.

„Путь к свободе — иногда просто шелест в ушах“, — так говорил дон Хуан.

Карлос Кастанеда».

Посвящение, и тут уж ничего не поделаешь, даже если не обращать на это внимание, было неграмотным, но в этом и состояло его простодушие, его обаяние.

Как могло случиться, что, несмотря на суровое требование не прикасаться к его рукописям, бестселлеры Карлоса были основательно отредактированы? Спустя годы я получила подтверждение этому от источника в «Саймон энд Шустер». Эта тема была очень болезненной для Карлоса, который буквально огрызнулся из-за малейшего намека на то, что

ему помогали. Ведь настоящий воин ни в чем не нуждается, а он — единственный на этой земле — был последним совершенным воином, чем Кастанеда очень гордился.

Неделю спустя я увидела самый яркий сон в своей жизни: невысокий человек сидел за столом, три женщины с неясными чертами лица стояли позади него. Я понимала, что они были колдуньями, и хотя лицо мужчины было в дымке, я знала, что это Карлос. Он долго говорил о необходимости начать революцию. Я предположила, что речь идет о политическом выступлении, но мужчина сказал, что это нечто бесконечно глубокое — личная революция духа. И пообещал, что мы встретимся вновь. Он был крайне серьезен, даже мрачен, и совершенно не походил на того веселого человека за обедом.

Я проснулась с самым странным ощущением: нисколько не сомневаясь, я твердо знала, что буду помнить этот сон всю свою жизнь.

глава 2 ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ГОДЫ

*Наше любопытство доводит нас до опасной черты.
Роберт Браунинг «Апология епископа Блуграма»*

Прошло девятнадцать лет с момента моей первой встречи с Кастанедой и до моей инициации в ученицы мага.

Между 1973 и 1991 годами мы встречались случайно, нерегулярно, и не только из-за его любви к таинственности, но и потому, что я сама редко обращалась к нему. У меня никогда не было его телефонного номера, а у моей семьи тем более единственным способом связаться с ним было отправить письмо через Неда или через бухгалтера Карлоса, Джери Варда. Иногда Карлос звонил Ирвингу и оставлял номер Варда или номер без имени для меня. В более чем половине случаев, когда я пыталась позвонить, я слышала только гудки.

Карлос иногда заходил без предупреждения к моим родителям в их дом в Бентвуде или в дом моего брата Дэвида неподалеку от Санта-Моники. Он обычно говорил: «Я ищу Эйми». Мне было лестно, и никто из моих домашних не чувствовал себя обиженными, — его эксцентричность всем нам казалась очаровательной. Дэвид вспоминал, как он с женой и Карлос с Анной-Мари в 1981 году ходили на фильм «Пишоте», снятый другом Карлоса, Гектором Бабенко. Эта душераздирающая история о нищих бразильских подростках, рассказанная на португальском (Карлос бегло говорил на нем), заставила его плакать; она так напоминала его прошлое. Другими любимыми его фильмами были «Бегущий по лезвию бритвы», «Босоногая богиня», «Седьмая печать» и «Тора! Тора! Тора!»

Дэвид рассказывал, что в тот вечер Карлос развеял тяжелое впечатление после сеанса веселыми пародиями на фильмы про войну «класса D», которые нравились им с Анной. Они шутили подтрунивали друг над другом: «Полоумный шелудивый пес», «Подлый сукин сын!», «Злобная утроба!» Оба хихикали и осыпали друг друга смешными ругательствами, так что вечер удалось спасти.

Когда мне удавалось повидать Карлоса, он всегда был с Анной. Однако вскоре мне довелось встретить его вторую женщину — «ведьму», которую Карлос представил как «возлюбленную Федерико Феллини!» Она была уже не Джина, а Флоринда Доннер. Это была динамо-машина. У нее было столько энергии, что казалось, она сейчас взорвется. Если кто-то и был способен на такое самовоспламенение *a-ля* дона Хуана, так это была она. Флоринда была неутомимой болтовней, в противоположность скромнице Анне-Мари, и в отличие от нее дерзила Карлосу. Они пикировались со смачным эксгибиционистским удовольствием, используя самые разнообразные грязные ругательства на английском вперемежку с испанским. Флоринда напоминала мне дикую птицу, шуструю и беспокойную. Ее прозвище «колибри» очень ей подходило, поскольку она была миниатюрным, красивым

созданием, пребывающим в вечном движении. Беседа Анны-Мари была бесконечно занимательной, рассказы Флоривды по энергетике больше соответствовали Карлосу.

*Джина — она же Флоринда Доннер — выполняет кату (движение в карате).
«Самурай мэгэзин», 1974 год.*

*Джина в спарринге с Анной-Мари — она же Тайша Абеляр.
«Самурай мэгэзин», 1974 год.*

Если Анна-Мари рассказывала об «обычных» вещах, то Флоринда, как и Карлос, старались избегать упоминаний о мире простых смертных, называя его «океаном горгулий».

Странно, но я не помню своей первой встречи с Флориндой, хотя она оказала гораздо большее влияние на мою жизнь, чем все маги, включая Карлоса. Она часто сопровождала Карлоса во время его внезапных визитов и очень скоро стала образцом для подражания — праздничная, сверкающая, дерзкая и, казалось, бесстрашная.

Как-то мои родители устраивали торжественный ужин в Американской ассоциации книготорговцев — это одна из самых крупных встреч издателей, с которой сравнима разве только Франкфуртская книжная ярмарка в Германии. Карлос прибыл с Флориндой, чтобы вновь «найти Эйми».

«Странно, — задумался мой отец, когда гости ушли. — В Карлосе и в его женщинах есть что-то специфическое — что-то большее, не то, что бросается в глаза. Я не уверен, кто его любовница —

Анна, или Флоринда, или обе, или ни одна из них... Я не могу их разгадать. Что вы думаете?»

Я понимала, что он имеет в виду, но не рискнула бы строить предположения. Они могли быть и любовниками, и друзьями, это трудно было определить. Я не могла представить Карлоса с любовницей, не верилось, что какая-то женщина может желать его как мужчину, — настолько двусмысленной казалась мне его сексуальность. Я решила, что он наверное гомосексуалист или, скорее всего, вообще не интересуется сексом.

В 1976 году Кастанеда нанес памятный визит моему брату. В одиннадцать утра он появился у его дверей и разбудил его. Дэвид еще спал, как и положено в нашей семье писателя. Качаясь, будто пьяный, в пижаме, брат битый час слушал вдохновенную лекцию Кастанеды о взаимоотношениях полов.

— Дэвид, мы думаем, что мы *мачо*, так носимся с нашими перцами, но мы — ничто! Мой пенис — ничто! Женщины контролируют нас, они *правят миром* при помощи дырки между ног, а мы думаем, что *мы* правим миром. Мы просто не понимаем, что происходит... А знаешь что, Дейви, — *мой pincho не работает*). Можешь себе представить? Я не знаю, что-то с ним не так!

— Мы *рабы* женщин. Они обращаются с нами как с детьми. Мы — дети, гордые своими *pincho* ! Правда же, мы настоящие *мачо*, да? Нет, нет, нет. Мы бедные дети, каждый из нас... А когда писька не работает — *ай-ай-ай! Dios!* Скажи, как твоя жена? А где твоя сестра? Все еще живет в Беркли? Другой любовник? *Co#241;o*, это заговор — женщины заставляют нас поверить, что это мы делаем шоу! Они знают, как обходиться с нами!

В том же 1976 году мой брат и его жена столкнулись с Карлосом на сборе средств для библиотеки в Лос-Анджелесе. Карлос по своему обыкновению прибыл рано и выбрал столик, за которым расположились Дэвид и Флора. Среди гостей быстро распространился слух: *где-то здесь Карлос Кастанеда*. Некоторые из приглашенных догадались, что это

должен быть невысокий и темнокожий латиноамериканец в костюме-тройке. Несколько хиппи «без комплексов» тут же расположились на свободных стульях за столом Карлоса.

Карлос оживленно разговаривал с Дэвидом и Флорой. Он описывал тот период, когда его охватили сомнения и даже отчаяние. Дон Хуан, которого он считал единственным настоящим учителем, лишенным эго, готовился «сгореть, чтобы покинуть этот мир» и стал менее доступен для своих учеников. Карлос впал в отчаяние от надвигающегося одиночества. Отправившись на поиски другого подлинного учителя, он был потрясен, когда обнаружил, что все они мошенники. Теперь Кастанеда развлекал собравшихся историями о своих тщетных поисках.

— Дейви, — объяснял он, — поскольку я — *Карлос Кастанеда*, я должен был встретить *всех*. Мы называли Мастера Рам Дасса (профессор Ричард Олперт, участвовавший в экспериментах с ЛСД вместе с Тимоти Лири, пока оба не были изгнаны из академического сообщества) «Мастер — протараненная задница»¹¹ — такой *педик*!

Ходили слухи, что Карлос принимал ЛСД с Лири, но сам он никогда не обсуждал это, предпочитая называть Лири «слабоумным».

У Карлоса была заметно выраженная гомофобия, и за историей о наклонностях Рам Дасса последовал рассказ о разбитой мечте. Долгие годы он жаждал встречи со своим героем Аланом Уоттсом, чьи книги принесли философию дзен на Запад. Карлос рассказал о своем «опыте жестокого разочарования». — Уоттс попросил меня подняться наверх, потом стал приставать к моей *culo!*

Потом он напился в стельку. Он грубо и цинично говорил о духовности, даже глумился над своими книгами, которые я практически знал наизусть! Но самым ужасным для меня было услышать, как мой *кумир* заявил: «Мы, конечно же, никогда не сможем придерживаться того образа жизни, которым восхищаемся, — в этом и состоит красота!» Карлоса это потрясло, он свято верил, что настоящий духовный лидер не может лицемерить, изменять принципу «поступай по словам своим».

Карлос говорил:

— *He* испытываю ни малейшего уважения — никакого! — ко всем этим мастерам и шаманам! Ошибаться, когда утверждаешь, что познал истину, — значит быть эгоманьяком самого низкого пошиба! Мне насрать на эти фальшивки! *Carajo!* *Бессмысленно* жить не так, как проповедуешь! И никогда не говори ни слова об Алане Уоттсе. Эти слова преследуют меня. Лучше быть задницей, измазанной дерьмом! БУДЬ задницей, в конце концов, в этом есть определенное достоинство!

Далее Карлос рассказывал, как он поехал в Окленд, заплатил восемьсот долларов за обучение «секретному дыханию», которое оказалось ни чем иным, как криком на выдохе. В том же городе он заодно посетил неуклюжего мастера тайцзи, который, сбегая с лестницы, сломал себе шею. Карлос рассказывал, как он и его спутник на цыпочках перешагнули через мертвое тело, не желая связываться с полицией и оставив мрачные останки *суфия* для его учеников.

Поиски Кастанеды наконец закончились, когда учитель-индуист агрессивно обрызгал его вонючей жидкостью, налитой из затейливо украшенной фляжки. Карлос захотел узнать, что это за жидкость, но высоко парившие в мыслях ученики ответили ему: «Все, что от Мастера, — священо!» В итоге драгоценное содержимое оказалось «священной мочой Мастера», которая испортила лучший костюм Карлоса. И ни одна чистка не могла вернуть его неизменному кожаному костюму первозданную до освящения свежесть.

Кастанеда пришел к выводу, что ему надо прекратить попытки уйти от своей судьбы, какой бы трудной ни была эта дорога. И он больше никогда не искал другого учителя.

Сидящие за столом хиппи были заморожены откровениями этого неуловимого *нагваля*

---

¹¹ Игра слов — в оригинале: «Ram Doss» — «Rammed ass» — *Примеч. ред.*

— один раз в жизни им выпал шанс услышать его неопубликованные истории.

— Дэвид, Флора, *посмотрите* , — внезапно энергично сказал Карлос. — Человек в черном, играющий на тромбоне в глубине оркестра, совсем *не тот, кем кажется* . Он переодетый... Он... *brujo! Carajo!* !

Мой брат посмотрел вслед за пристальным взглядом Карлоса и увидел скромного латиноамериканца средних лет, смущенного таким пристальным вниманием. Дэвид перевел взгляд с тромбониста на тихо хихикающего Карлоса и на охваченных благоговейным страхом хиппи. Тот весело подмигнул Дэвиду и произнес *вполголоса* :

— О Дэйви, они купились!

Однажды Карлос, разыскивая меня, заглянул в дом моих родителей в Бентвуде, но застал дома только одну маму. Пока он развлекал ее своими историями, пришел отец. По их теплым рукопожатиям и беззлобным подтруниваниям было видно, что они с Карлосом без слов понимают друг друга. В конце своей жизни Карлос с удовольствием вспоминал о своих встречах с дорогим другом Ирвингом. Обладая даром перевоплощения, Карлос в совершенстве имитировал баритон моего отца:

— Карлос, ты *молодеешь* с каждым годом! Ха, ха, ха!

— Ирвинг! Ты выглядишь как ребенок — это удивительно! Ха, ха, ха!

Вспоминая эту историю, Карлос часто повторял: «Мне нравилось, когда Ирвинг так говорил, потому что в действительности я выглядел *дерьмово* . Мы оба напоминали чертей и знали это, но он твердил как заклинание: „Карлос, ты меня *пугаешь* — ты помолодел лет на десять! Ха, ха, ха“.

Иногда, приезжая в Лос-Анджелес из Беркли, я находила записку, прикрепленную к моей двери, на которой рукой отца было написано „Карлос“ и ниже новый номер.

Я отчетливо помню печальный звонок в 1983 году, когда мне исполнилось двадцать восемь лет. Мы болтали с братом в доме родителей, когда зазвонил телефон. Брат ответил, говорил кратко, потом передал трубку мне. Первый раз Карлос говорил со мной в таком глубоком отчаянии:

— Эйми, один из нас ушел. Это Ла Горда, *bruja* . (Она замечательно описана в самых популярных книгах Кастанеды). Это была самая могучая из ведьм, нам была нужна ее сила, она вела нас, и теперь она ушла, *растворилась* на глазах! Она умерла от эгомании! Она решила, что она — *нагваль* , наш лидер! Она стала считать меня *ничтожеством* , пустым местом.

— Отдаваться эго, имея такую энергию, такую мощь — это *смерть* . Чем выше поднимается маг, тем больше глубина его падения, это неизбежно. Эйми, она состарилась *прямо у нас на глазах* . Она была сильной, молодой — и мы *видели, как она угасает* . И она умерла как *человеческое существо* . Ты понимаешь? Я одинок, а я обещал дону Хуану вести его учеников к свободе — вот задача, которую он мне оставил. Я дал ему слово! Люди не *понимают* силы клятв. *Никогда* не забирай своего слова, иначе что-нибудь *заставит* за него заплатить...

На этот раз Карлос не шутил и не рассказывал смешные истории. Я подумала, что вряд ли увижу его когда-нибудь еще.

Но меня занимала еще одна мысль. Я была смущена: если Карлос последний *нагваль* , последний настоящий *brujo* , самое просветленное существо на земле, почему он так отчаянно горевал?

Я была погружена в работу, занималась восточной философией и религией — „*И цзин*“, *дао дэ цзин*, *коаны* дзен, буддистские сутры, суфийские притчи. Нигде я не встречала, чтобы просветленный мастер переживал нервный срыв, это прозвучало странным диссонансом и отложилось в голове.

Я уже знала по книгам Карлоса, что тот мир отнюдь не был спокойным, и он не пытался это смягчить. Книги Кастанеды читались как увлекательные романы, украшенные блистательной поэтической мудростью. Его истории — это рассказы о ведьмах, магических

драмах, заговорах, места и предательстве.

Прочитав их, я твердо поверила, что Карлос Кастанеда должен возвыситься над низшими существами, пережить горе как Будда, как его собственный учитель, дон Хуан. Когда сын дон Хуана, как пишет Карлос, погиб на глазах отца от несчастного случая, дон Хуан „сместил свое осознание, свою точку сборки“, чтобы не чувствовать боли, которая могла разрушить его. Я жадно стремилась обрести способность отделять себя от сильных эмоций, которые испытывала всю свою жизнь, чтобы найти успокоение, не чувствовать страха потерь и разочарований. Я хотела „не хотеть“. Но сейчас описанная самим Карлосом жизнь, полная тревог, показалась мне недостойной и, более того, потрясла меня, заставила усомниться в том, во что хотелось бы верить. Тем не менее мир Карлоса *действительно* манил и притягивал, как жизнь пиратов или зрелище ходьбы по канату без страховки.

Как бы ни дорожила я своими буддами, они были утомительно скучными — монахи-аскеты, которые питаются воздухом, миской риса в день или морской капустой, сидят со скрещенными ногами в монастырях, наполненных великолепной пустотой, — вот и все, что происходит с ними.

Мои опасения не оправдались, Карлос не исчез, и о трагедии больше не упоминали. Я встретила его несколько месяцев спустя, — он продолжал весело шутить, как будто ничего не произошло. Я понимала, что Карлос отнюдь не Чикен Литтл¹², но почему небо над его головой всегда оставалось безоблачным, осталось для меня загадкой.

В последующие годы Карлос несколько раз появлялся на больших литературных вечерах моих родителей. Один такой вечер был посвящен „Саймон энд Шустер“ — в это время издательство печатало и Ирвинга, и Карлоса одновременно. По своему обыкновению, Карлос прибыл на этот прекрасный вечер первым, но вскоре уехал, — пока гостей не стало слишком много, иначе они не дали бы ему прохода, — оставив после себя прекрасные воспоминания. Я до сих пор явственно ощущаю его любящие крепкие объятия, поцелуи, вижу его сияющие карие глаза.

Я никогда не назначала свиданий мужчинам заочно, и лишь однажды приняла такое предложение в 1978 году. Это спутало все мои планы, что было для меня необычно. Мой новый знакомый слышал, что я знаю Карлоса, и хотел, чтобы я помогла ему написать разоблачительную книгу. Я отказалась, удивившись, почему он так стремится выполнить подобную миссию.

Выяснилось, что все началось, когда мой новый знакомый встретил молодую женщину, единственную родную дочь Карлоса, чью мать-перуанку он бросил беременной. Мать и дочь жили в Швейцарии и были друзьями Дэнни — так звали моего нового знакомого. Дэнни выслушал печальную исповедь девушки, и это так разгневало молодого человека, что ему захотелось что-нибудь предпринять, чтобы докопаться до истины. Карлос пригласил свою дочь Чаро прилететь в Калифорнию — это была их первая встреча — и пообещал послать ее учиться в хороший университет, оплачивать все ее расходы в качестве компенсации за то, что он бросил мать и отвернулся от ребенка.

Она была крайне взволнована от встречи со своим знаменитым отцом, который тепло ее принял, устроил поездку в Лас-Вегас, а потом внезапно посадил ее на самолет и отправил домой. Все планы на обучение рухнули. Я никогда не слышала, чтобы Карлос рассказывал о своей невесте и только однажды он заговорил о ребенке и сказал: „Я сделал все, что мог, чтобы помочь ей, но продолжать далее было невозможно“. Меня удивило, что это не соответствовало этике мага держать слово во что бы то ни стало? Но я не хотела думать об этом.

Наиболее важная для меня встреча с Карлосом состоялась в 1980 году, когда мне исполнилось двадцать пять лет. Я была замужем и жила в Беркли, регулярно приезжая в Лос-Анджелес, чтобы вместе с семьей писать вторую „*Книгу списков*“. Однажды вечером к

---

¹² Персонаж мультфильма — *Примеч. ред.*

нам заглянули Карлос и Флоринда.

Они пригласили меня в рыбный ресторан в Санта-Монике. Мы расположились за столом, они сели рядом со мной. Хотя я долгое время не видела Карлоса, он оставался таким, каким я его помнила, — живым, открытым, одетым в дорогой костюм и все еще очаровательно пухленьким. Мне он продолжал казаться каким-то бесполом, и по-прежнему было непонятно, приходилась ли Флоринда ему любовницей или ею была Анна-Мари. Однако Флоринда демонстративно излучала страстную, наглую сексуальность. Я опять была поражена полным контрастом ее с благородной сдержанностью Анны-Мари. Во время обеда мне рассказали, что эти женщины провели в тесной компании более десяти лет. По философии *нагваля*, люди с противоположными темпераментами стремительно продвигаются в духовном росте, живя рядом и участь терпимости. В книгах Карлоса это называется „использование мелких тиранов“. Флоринда рассказывала, что они с Анной-Мари, ссорясь, доходили до неистовства и использовали свое раздражение, чтобы шлифовать друг друга. Даже маленькие стычки, такие как „кто первым будет стирать в машине“, были площадкой для тренировки — *разрушением* эго.

В ресторане Карлос говорил о „Книге списков“. В ней я приводила перечень людей, которые самовоспламенялись — этот паранормальный феномен долго завораживал меня, и, конечно же, он „преследовал“ и Карлоса. Кастанеда планировал сгореть в своем лучшем костюме: „Я всегда его ношу, так как хочу хорошо выглядеть на том свете“.

С обычным аппетитом Карлос принялся есть своего копченого лосося и печеный картофель в масле.

— Знаешь ли ты, как происходит человеческое воспламенение? — серьезно спросил он. Я засмеялась.

— Конечно же, нет. Я просто исследую случаи. Вы же знаете, что документальные свидетельства..

— А-а! — перебил Карлос. Тут он заговорщицки понизил голос. — На прошлой неделе я лежал в ванне, и *моя левая ступня начала гореть*. Большой палец. Началось с появления голубого пламени.

Флоринда пнула его под столом ногой. Предполагалось, что я этого не заметила.

— Да, — продолжал он, — „Книга списков“ — это замечательно. Над чем ты сейчас работаешь? Как поживает твой муж?

Прежде чем я успела ответить, он начал свою очередную невероятную историю. — Между прочим, рассказывал ли я тебе о Хулио Иглесиасе? Это моя любимая история! Однажды меня пригласили в его особняк. Меня привели к огромному бассейну, где Хулио лежал в окружении красивых обнаженных блондинок. Он вскочил, когда увидел меня, потряс мою руку и произнес: „Здравствуйте, мистер Кастанеда!“ — он был очень любезен, а потом сообщил мне:

— Я трахаюсь каждый день. Я не очень умело это делаю, но трахаюсь так часто, как могу! Трижды в день!» *Carajo!* Это моя любимая история!

Из-за абсурдного поворота беседы я мгновенно поняла, что они испытывали меня на предмет присоединения к их групповым утехам. Я поняла, что группа уже существовала и тест мною провален.

Меня это слегка разочаровало.

Пятнадцать лет спустя, лежа в объятиях Карлоса, я спросила его об этом вечере. Оказалось, я и впрямь провалилась на том «экзамене». Но почему? Что я сделала неправильно?

— Ну, — ответил он, — ты была слишком озабочена платой оброка этому миру.

— Да-а?

— У тебя был муж — этот джазмен, — прошипел он. — Твой дом в Беркли, друзья... Сдвинуть тебя было невозможно. Кроме того, был жив Ирвинг, а он ни за что бы не отпустил тебя. *Освободить тебя, разбить твои цепи* было невозможно.

К 1989 году я уже была разведена и увлеченно занималась китайскими боевыми

искусствами и медитациями. Четыре года я брала уроки у пышущей здоровьем восьмидесятитрехлетней женщины, величайшего мастера *цигун*. К ней можно было попасть только по знакомству; она учила в затхлом подвале Сан-Франциско.

Я хотела, чтобы они встретились с Карлосом, поэтому написала ему об уникальной медитации, которой ее обучили в детстве прекрасные шанхайские мастера. Мы с ним очень быстро связались — он мгновенно позвонил в Лос-Анджелес и поговорил с Ирвингом, как оказалось, в последний раз.

Они, как обычно, весело поболтали. Карлос оставил для меня номер. Когда же я позвонила, номер уже не отвечал.

Это был тяжелый период моей жизни. Я искала партнера после того, как кончилось мое замужество, но не встретила никого, кто бы мне по-настоящему понравился. Я очень беспокоилась за родителей, потому что мой отец был тяжело болен, но отказывался пойти к доктору. У меня самой были гормональные проблемы, и я принимала таблетки прозака¹³ по полмесяца — это было новое экспериментальное лекарство. Вскоре, не пройдет и года, как мой отец умрет от рака, и мир перевернется вверх дном. Начнется настоящая магическая сага. неизведанного.

глава 3 ВСТРЕЧА С ФЛОРИНДОЙ ГОДЫ СПУСТЯ

*Спокойно уйди в тень, опасаясь как зла, так и добра.
Слишком часто они являются одним и тем же.
Дуглас Э. Винтер «Бег»*

Одним холодным вечером 1991 года, я раскрыла газету и заметила объявление, что этой ночью в «Гайа Букс» выступит с речью Флоринда Доннер. Это был нью-эйджевский, феминистский книжный магазин в нескольких кварталах от моего дома в Беркли.

У меня болела голова, и мне хотелось оставаться дома. И в то же время, прошло уже десять лет с тех пор, когда я последний раз видела мою любимую энергичную подругу, Флоринду. Я приняла аспирин и, пройдя четыре квартала, пришла на лекцию. Этот поступок изменил всю мою жизнь. У Карлоса была любимая присказка, популяризированная в его бестселлерах — «Всем нам дается один кубический сантиметр шанса, хотя бы раз в жизни. Это подарок, который предоставляется через Дух». За медное кольцо берется авантюризм — иногда случайно, как у меня, когда я потянулась за баночке с аспирином — хотя большинство как правило игнорирует его, и направление наших жизней никогда не отклоняется от скучных норм социальной рутины. Магия, всегда говорил Карлос, находится *повсюду*, но мы носим шоры, которые мы нацепляем на себя, боясь неизвестности. Если бы, призывал он, мы смогли бы жить как пираты, захватывая сокровища жизни и направляли паруса вперед к открытому морю, мы могли бы гордиться подарком, который является нашей жизнью.

«Я живу в *первом вагоне* поезда, поэтому все, что я вижу, — ново для меня, — часто говорил он мне. — В это время остальные проживают свои жизни в безопасном вагоне».

Для лекции Флоринды было арендовано помещение в магазине, но двери были еще закрыты. Я попыталась что-нибудь рассмотреть через шелку и сразу же увидела миниатюрную, очаровательную Флоринду, рядом с ней была дама повыше, с удивительно женственной фигурой, с миндалевидными глазами и волосами с проседью. Они смеялись и дурачились с игрушками магазина «Нью эйдж» — били в шаманские барабаны, смотрели сквозь кристаллы. Они не видели меня. Я почему-то стеснялась показаться им.

---

¹³ Флуоксетин гидрохлорид, отсюда выражение «поколение прозак». — *Примеч. ред.*

Когда открылись двери в лекционный зал, я собрала всю свою смелость и приблизилась к Флоринде.

Она была такой, какой я ее помнила, — невероятно живой. При росте пять футов и два дюйма она весила около ста фунтов¹⁴. Флоринда была потрясающей — тонкокостная и мускулистая, со сверкающими голубыми глазами и светлыми волосами ежиком длиной в дюйм. Она выглядела как эльф-панк.

— Привет, Флоринда, я — Эйми Уоллес, ты пом...

— Эйми! — она порывисто схватила меня и горячо обняла. — Ты прекрасно выглядишь. Карлос будет так счастлив, что я *нашла тебя*.

— Почему у тебя такая короткая стрижка, Фло?

Она усмехнулась, сверкнув улыбкой кинозвезды:

— Я только что вернулась из племени янамомо на Амазонке, где подхватила вшей. Мне пришлось остричься наголо. Теперь я хочу представить тебе мою спутницу. Это Кэрол Тиггс. Она — женщина-*нагваль*.

Флоринда торопливо объяснила мне, что женщина-*нагваль* — это женский эквивалент Карлоса, так сказать, его сестра-близнец и лидер группы. Кэрол ответила смешной песней, сфальшивив:

«*Нагваль* -ву-у-умен...» — и издала пронзительный вопль в стиле Джони Митчелла и Роберта Планта.

Если не принимать во внимание эту выходку, Кэрол с ее темно-голубыми глазами, отстраненная, таинственная и немногословная, показалась мне полной противоположностью Флоринды, — солнце и луна. Я сразу же невзлюбила Кэрол, решив, что она холодна и без чувства юмора, несмотря на ее выходку с «песней». В ней не хватало грации, чем особенно отличались Карлос, Анна-Мари и Флоринда. Она неожиданно спросила:

— Вы дочь Ирвинга Уоллеса?

— Да.

— Я слышала о вас.

Мы сидели вместе во время лекции. Флоринда была резкой и острой, многих в аудитории задевали ее дерзкие рассказы. Она представляла свою последнюю книгу «*Жизнь в сновидении*». Ее первая книга, «*Шабано*», была репортажем о жизни среди индейцев янамомо и оказалась плагиатом — вероятно, она заимствовала эту историю из опубликованного отчета итальянского автора, но «потеряла» ссылки (как Карлос), и ей было отказано в дипломе UCLA. Вторая книга, «*Сон ведьмы*», была серией анекдотов в художественной обработке об обучении традиционной *curandera* в ее родной Венесуэле. Она была дочерью немецких эмигрантов и выросла в Каракасе. За годы, проведенные с Карлосом, она, как и другие ведьмы, не бывала в тех местах, о которых говорила, хотя в то время я ничего не знала об этом.

Ее речь, когда она рассказывала о принципах магии, захватила приверженцев «Нью-эйдж» — таких же феминисток, как и она сама. Она была «проницательной, как рентген», ироничной, полной фантазии и невероятно харизматичной. Она произносила сто слов в минуту, как и я, но была более стремительной и дерзкой. Меня сильно влекло к ней.

Она призналась аудитории, что ее редактор в «Харпэр энд Роу» убрал из книги «настоящий язык дона Хуана», утверждая, что «так не *говорят*». Флоринда передала нам рассказ дона Хуана о различных путях получения знаний у двух полов: «У мужчины есть его *pincho*, который становится твердым и указывает на небо, поэтому мужчины направляют свой „конус“ к небесам и получают свои знания путем „конического сканирования“ при помощи гениталий. Женщины имеют отверстие, которое смотрит вниз, в землю, — мы получаем наше знание прямо из земли. Половые органы — „органы восприятия“».

— Мы, женщины, всегда учимся, даже не замечая этого, — это естественно для нас. Но

---

¹⁴ Около 40 кг. — *Примеч. ред.*

мужчинам приходится прокладывать путь наверх, шаг за шагом, как будто поднимаясь по лестнице. Они дотошные и более здравомыслящие, а мы — нет. Ведь им приходится бороться там, где нам не нужна. Поэтому лидер нашей группы, *нагваль*, — всегда мужчина. Мужчина рационален, а женщина нет. Я хотела, чтобы дон Хуан дал мне психоделические вещества, — *умоляла его!* — но он отказывался: «Вам, женщинам, не нужны растения силы, вы уже там». — Она щелкнула пальцами. — Для нас *не составляет труда* осуществлять *дриминг*, путешествие по другим мирам, — мы просто слишком ленивы, чтобы делать это. А социум ловит женщин в сети, крадет их для эксплуатации, связывает тем, что им приходится вынашивать и растить детей, нянчиться с мужем.

— Мы — рабыни для мужчин из-за того, что безразличны. Мы принимаем способность к творчеству как данность — *мы создаем человеческие существа!* Каждый раз, когда женщина дает начало новой жизни, это оставляет дыру в ее энергетическом теле и истощает ее так, что она отбрасывается назад в своем стремлении к свободе. Я не советую рожать. Женщины не знают, что наша матка — это *второй мозг*, матка имеет двойную функцию! Чем больше мы позволяем мужчинам входить в нашу матку, там более мы разрушаем наш второй мозг.

Эта информация, казалось, утомила аудиторию. Задавались вопросы о менструации и гистерэктомии¹⁵.

— Трехдневный период накануне наступления менструаций — важнейшее время для осуществления *дриминга*; мы можем попасть в различные миры во сне *просто так!* Мы можем исследовать различные «слои луковицы», так сказать, без особых усилий! Мы даже можем делать это и не во сне.

Но мы так порабощены, так носимся с этим менструальным синдромом! Женщины-ведьмы из нашей команды не страдают от менопаузы, как остальные. Магические динамические практики и медитации избавляют нас от этого. Мы контролируем наш менструальный цикл при помощи нашего *намерения*. *Намерение*, как верят маги, движет вселенной. Мы не молим — это для нищих — вместо этого мы управляем *намерениями*. Одной из ведьм в нашей группе (позже я узнала, что это Анна-Мари) не нравились циклы, поэтому она их остановила по своему желанию. Но мне нравится ощущение освобождения, поэтому я продлеваю циклы своим *намерением*.

— Что касается женщин без матки, что ж, им приходится сражаться за свободу познания также, как мужчине, взбираясь по лестнице шаг за шагом. Это трудно, но это возможно! А если у вас появляется энергетическая дыра из-за родов, вам приходится бежать за свободой в два раза быстрее.

Кто-то спросил, имел ли дон Хуан сексуальные отношения. Флоринда вспыхнула:

— Я могу вам сказать *точно*. Он их имел! *Поверьте мне*. А ему было девяносто лет!

Затем Флоринда представила группе в качестве женщины-*нагваля* Кэрол, которая на десять лет исчезла в Бесконечном телесно и ментально, перейдя ко второму вниманию. Путешествие, рассказывала Флоринда, показалось Кэрол очень коротким и длилось секунду, — она потеряла ощущение времени.

— Когда бегущая в спортивном костюме Кэрол вновь чудесным образом появилась перед нами, — продолжала нести околесицу Флоринда, — она открыла магическую «дверь», которая позволила Карлосу начать публичные выступления.

Я представила заголовок в газете — «ЖЕНЩИНА, БЕГУЩАЯ В СПОРТИВНОМ КОСТЮМЕ, ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ БЕСКОНЕЧНОГО ЦЕЛОЙ И НЕВРЕДИМОЙ». Если абсурд может убивать, подумалось мне, то я сегодня умру.

После лекции я наблюдала, как одна из моих приятельниц, страстная почитательница Кастанеды, пристала к Кэрол с расспросами о годах, проведенных в другом измерении. Реакция Кэрол всех потрясла. Она стала пятиться назад, начала заикаться и сильно вспотела.

---

¹⁵ Гистерэктомия — ампутация шейки и тела матки при некоторых заболеваниях — *Примеч. ред.*

Вокруг нее собралась толпа.

— Я... э... не помню... Я не могу...

Она пятилась до тех пор, пока не уперлась в стену, потом опустила голову, как пойманный мул, и стала яростно продираться через толпу, спотыкаясь по дороге, пока не добралась до безопасного места рядом с Флориндой. Толпа была озадачена ее столь нервным уклонением от вопроса, я тоже.

Флоринда также была окружена толпой. Но в отличие от Кэрол она купалась в восхищении окружающих, отвечая на вопросы с очаровательной дерзостью, пока та не стала дергать ее за рукав.

Снаружи их ждал лимузин, чтобы повезти их в аэропорт. Они, как было сказано, — по необъяснимой и таинственной причине окажутся в опасности, если проведут ночь в отеле Сан-Франциско, где остановились этим утром.

Выйдя из зала, мы крепко обнялись и обменялись телефонами. Флоринда дала мне номер почтового ящика и попросила писать и присылать свои книги. Всем своим видом она давала понять, что наша встреча была очень важной и мы должны обязательно скоро встретиться. Кэрол, очевидно все еще находясь под впечатлением от допроса, вяло помахала на прощание.

Я была ошеломлена нашей встречей. Я всегда обожала Флоринду, но я забыла ее блеск, ее сокрушительную энергию. Тогда она показалась мне привлекательной, и я хотела возобновить наши взаимоотношения. После смерти моего отца образовался вакуум, и, казалось, ничто не могло утешить меня, даже часы *цигун*-медитации и одобрительные рецензии на мой первый роман «*Вождделение*».

Что-то подталкивало меня к ней, что-то большее, чем мое одиночество. Мне казалось, что это была таинственная энергия. Я немедленно прочитала новую книгу Флоринды — живописный отчет об обучении у дона Хуана, Кастанеды и в «группе женщин-ведьм, возглавляемой моим учителем Большой Флориндой». Я написала ей, что книга мне понравилась, и послала свой недавно опубликованный первый роман и предыдущую книгу, «*Вундеркинд*» — биографию одного гениального ребенка.

Она незамедлительно откликнулась, позвонив по телефону, и сказала, что книги, особенно роман, произвели на нее сильное впечатление. Флоринда была настоящей поклонницей романов, часто проглатывала книгу за день. Мы запланировали встретиться в следующий раз в Лос-Анджелесе. Она небрежно заметила, что когда они с Кэрол покидали Сан-Франциско и остановились у отеля, чтобы забрать забытый багаж, то увидели дона Хуана, сидевшего в холле. Они прошли мимо и не поздоровались. Я была в шоке. Это был призрак? Что это может означать? Она пожала плечами и переменяла тему разговора, начав болтовню о современных фантастических бестселлерах.

Я пришла в себя и решила спросить:

— Видишься ли ты с Анной-Мари?

Она рассмеялась. Я расценила это как «да». — Пожалуйста, передай ей от меня привет. А кто эта женщина, Тайша Абеляр, я читала ее издательскую аннотацию на книгу Карлоса, которая будет продаваться в следующем месяце в «Гайа Букс»...

Флоринда разразилась смехом:

— Тайша — это Анна-Мари!

— Да ты что! Я могу с ней увидеться? Могу я называть ее Анна?

— Ну, Эйми, *ты* можешь, — у Флоринды была чудесная способность говорить так, что все звучало весьма таинственно. Тут же она поделилась со мной другим секретом: наша встреча и то, что я понравилась женщине-*нагваль*, были событием огромной важности. Потом Флоринда стала говорить о телесном исчезновении Кэрол в альтернативной реальности.

— Карлос, Тайша и я чуть не *умерли*, когда Кэрол ушла — мы были на грани истерики! Она — женщина-*нагваль*, энергетическая сестра Карлоса. Мы считали ее маяком, освещающим нам путь на оборотную сторону. Мы не могли ее отыскать даже в наших снах.

Мы были опустошены, боролись, чтобы выжить. Когда Карлос увидел Кэрл бегущей, он попытался нагнать ее, но она убежала. Через некоторое время — оп! — он увидел ее лицо среди слушателей во время чтения лекций в книжном магазине «Феникс» в Санта-Монике. О-о-о! *Он сам* расскажет тебе об этом! Его сердце было готово выскочить? Он едва мог говорить!

— Эйми, у нее была *полная амнезия! Уйти из мира на десять лет! Исчезнуть!* Все, что она помнит, — это то, как она очнулась в Аризоне, удивилась окружающему и заметила только, что здания стали более высокими. Она сказала, что выкопала зарытый клад с деньгами, который дон Хуан велел ей спрятать... Да, это было предзнаменование! Это означало, что мы теперь могли выйти к людям, после двадцати лет тайны! Кастанеда теперь мог общаться со своими читателями и мог рассказать миру о *нас троих*, — мы были самой большой тайной двадцать лет! Поэтому я написала об обучении у дон Хуана; женский путь — другой путь, и потом, тренинг Тайши совершенно отличается от моего опыта.

— А теперь мы нашли *тебя*, Эйми, — это знамение, — и он расскажет тебе все *сам*. Я очень многого не могу сказать. В нашем мире не существует *перекрестных ссылок* друг на друга — ведь это лишь оправдывает сплетни, потерю энергии — все свойственное человеку. *Он* расскажет, что это значит. А твои красивые романы... ты такой же дримингер, как и я... — хорошие романисты — всегда *дримингеры*.

Я попробовала вспомнить, что значило «дриминг» в книгах Карлоса, но я не читала их уже сто лет.

— Что это означает, Фло, быть *дримингером*?

— Существуют два типа магов, Эйми, — *сталкеры* и *дримингеры*. Об этом написано во всех книгах Карлоса. Мы — *дримингеры*, — мы попадаем в другие миры *просто так*, — проходим через шлюз в наших снах и в итоге, когда наше эго умирает, становимся такими текучими, что для нас уже нет различия между состоянием *дриминга* и бодрствованием. Моя книга как раз об этом — о *дриминге наяву*. Это не то же самое, что «ясновидение». Это ничто, нереальная вещь. Мы находим шлюз, *ворота* в другие миры.

— А *сталкер*?

— Тайша — совершенный *сталкер*. Когда настоящий *сталкер* становится свободным от эго, он или она могут принимать различные облики, один реальнее другого. *Сталкер* проживает их в «театре реальности», будучи абсолютно одиноким. Это не игра, принять такую роль — вопрос жизни и смерти.

Тайша расскажет об этом во время лекции.

— *Сталкинг* — это один из способов понять, что нет никакого «Я». «Я» не существует. Карлос говорит нам, истина — это когда мы выкладываем карты на стол, а не истории, чтобы вызвать жалость или потешить эго. *Сталкер* использует мир как поле битвы, потому что битва против эго бесконечна. Я помню, что дон Хуан сказал мне, и я повторяю это тебе. Пожалуйста, *выслушай, carajo!*

Это истина, но никто из нас не желает это слушать! Дон Хуан сказал: «Флориндита, думай о своем эго как о большом, лохматом, ленивом псе. Прикажи ему лежать на заднем крыльце, обойди его, потому что ты никогда не убьешь его. Эго — это тысячеголовая гидра. Обойди уставшую, старую собаку на пороге». Ты поняла, что я говорю?

— Думаю, что да...

— *Chau, mi amor.* Мы скоро снова поговорим! Позвони мне!

глава 4 ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

Иногда я склонна думать, что мы все привидения, пастор Мандерс. От своих отцов мы наследуем не только то, что воспроизведено в нашем организме, но и всевозможные древние мертвые идеи, и все формы старых умерших верований... Они не

действуют на нас — они скрыты, но мы не можем избавиться от них. Когда бы я ни взяла почитать газету, мне кажется, я вижу привидений, крадущихся меж строк. Должно быть, они расселены по всему миру. Кажется, они бесчисленны, как песчинки. А мы так боимся света — каждый из нас...

Генрик Ибсен «Привидения»

Неделю спустя в моем доме случилась досадная неприятность. На стропилах этого лесного дворца жили летучие мыши, которые стали иногда пробираться внутрь дома. Мои коты гонялись за ними как безумные и ловили их. Избавиться от летучих мышей очень трудно, а у меня больше не было мужа, чтобы сделать это. Я позвонила в городское управление здравоохранения, и они послали своего специалиста.

Среди всей этой суматохи раздался телефонный звонок. Это была Флоринда.

Строго и торопливо она сообщила:

— С тобой хочет говорить Карлос.

— О, здорово!

У телефона был он.

— *Hola*, Эйми! Соболезную! Мне *так жаль* твоего отца! Фло только что сказала, что он умер год назад, — я не знал, я был в Тимбукту. *Эй!* Как ты?

— Хорошо. Э... извини меня, сейчас в дом залетела летучая мышь и...

— Ты хочешь, чтобы я перезвонил?

В голове промелькнула тревожная мысль. Я знала, что, если повешу трубку, он никогда не перезвонит.

— Нет, нет.

В дверь позвонили. Это был ловец летучих мышей с сеткой и банкой. Я помахала, чтобы он вошел.

— *Выгони летучих мышей прочь, Эйми!* — сказал Карлос, как будто отдавал секретный военный приказ. — *Выгони их прочь!*

Я засмеялась.

— Ты — Карлос Кастанеда, — возразила я, — *ты* и выгоняй!

Когда мышей начали ловить, Карлос стал еще более настойчивым.

— Эйми, это невероятно, что Фло нашла тебя. Я пытался связаться с тобой! То, что я тебе скажу, может показаться нелепостью, но попытайся отложить свой привычный приговор и, пожалуйста, выслушай меня. Пожалуйста, послушай. Это в высшей степени важно. *Ты*, только *ты*, имеешь достаточно ума, чтобы понять метафору. Остальные. — Он издал презрительный звук, вероятно характеризую свою маленькую группу учеников. Я знала от Флоринды, что у него есть дюжина учеников в Лос-Анджелесе и, возможно, несколько в Мексике, но в этом она не была уверена. — *Они* не способны. Они не понимают, что мы как цыплята, загнанные в курятник, — некое неземное существо *пожирает* нас... Да, мы — ПИЩА! Почему бы нет! Не суди строго. Это — вселенная хищников, и нас едят. Ты слушаешь?

— Да.

— У колдунов есть две притчи. Одна — про ученого, который отправился на Амазонку, чтобы «изучать местных жителей». И когда они попытались *съесть* его, он записал: «На мгновение антропология была забыта!»

— Эйми, некто *пожирает нас*, поэтому я говорю тебе — забудь антропологию!

— Другую притчу я взял в «*Эсквайре*», увидев заголовок статьи о Ли Марвине. Ты помнишь Ли Марвина? «*Мятеж Каина*»? «*Чертова дюжина*»? Ладно, название было таким: «Ли Марвин напуган!» Когда бы я ни переносился в другие миры, *bona fide* ¹⁶ в

---

¹⁶ Добросовестно, честно (лат.) — Примеч. ред.

другие миры , поверь мне, *chica* , — «*Ли Марвин напуган!* » Ты слушаешь?

— Да.

— Месяц назад я занимался *дримингом* , и тогда я *столкнулся с Ирвингом* . Он в *ловушке* — что-то вроде ползучего плюща в зарослях ежевики, как в тюрьме. Я приблизился к нему, пытаюсь освободить его. Он оттолкнул меня: «Нет! Нет! Не подходи. *Просто позаботься о моей дочери. Пообещай мне.* Позаботься о моей Эйми. Она в опасности!»

— Карлос, что это значит? В какой опасности?

— Я не знаю.

— Ты не знаешь? А мой брат? Он в опасности? Мой отец говорил о нем?

— Нет, только о тебе. А теперь его призрак ищет дом, где живет твоя мать.

— Его *призрак* ?

Ловец летучих мышей был в дверях моего кабинета. Он победно продемонстрировал летучую мышь, посаженную в банку. Я улыбнулась и помахала рукой в знак благодарности.

— Карлос, что же нам нужно делать?

— Я не знаю. Может, поехать в дом и попытаться освободиться от призрака.

Сначала я отнеслась к этому скептически, но страх от того, что отец страдает, пересилил мои сомнения.

— Хорошо, хорошо, — ответила я, — когда мамы не будет дома. Я буду в Лос-Анджелесе через две недели.

— Ах, чудесно! Тогда мы и увидимся. Позвони Фло, когда приедешь. Прекрасно. *Adios* . И, Эйми, *еще одна вещь* . СЛУШАЙ! Слушай внимательно. Я говорил это однажды, и я повторяю. Ты, Эйми Уоллес, *только ты имеешь достаточно ума, чтобы понять метафору* . Ты *единственная* . Никогда не забывай то, что я только что сказал тебе. От этого многое зависит. До свидания.

Ирвинг Уоллес говорил с Карлосом Кастанедой из могилы. И я была в какой-то ужасной опасности.

Я пыталась сохранить скептический настрой, но это не помогало — «*Ли Марвин напуган!*»

глава 5 ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА СО СТАРОЙ ЗНАКОМОЙ

Веру можно кратко определить как нелогичную уверенность в существовании невероятного.

Х. Л. Менкен «Предрассудки»

Я увижу Карлоса на следующей неделе, и мы разрешим тайну призрака моего отца. Тем временем Анна-Мари — Тайша Абеляр — приехала в «Гайа Букс», чтобы представить свою первую публикацию, «*Магический переход. Путь женщины-воина* », отчет об обучении у дона Хуана и Кастанеды.

Я нашла ее в книжном магазине в компании с Кэрл Тиггс. Ее натура не была столь импульсивной, как у Флоринды, но нежная грация Тайши была очень привлекательной. Она обрезала волосы, которые раньше доходили до пояса, и теперь носила их на мальчишеский манер, во всем другом она не изменилась: правильные черты лица, классическая элегантная одежда.

Тайша общалась с людьми в маленьком магазинчике, заполненном до предела. Она открыла свою лекцию словами:

— Добрый вечер, меня зовут Тайша Абеляр. Я обязана это подчеркнуть с магической целью. У меня много имен, так же как и у Карлоса Кастанеды. Каждая из его трех учениц

— Флоринда Доннер, Кэрол Тиггс и я — знали дона Хуана под разными именами, потому что он был многосторонним существом. Нас обучали в соответствии с нашими способностями, воспитывали индивидуально в большой группе *brujos* и шаманов. Поскольку нам осталось недолго пребывать в этом мире, мы больше не можем учить таким способом. Карлос Кастанеда — последний по своей линии, и у него нет учеников, нет группы. Многие знают из его книг, что в мире магов нет добровольцев, знаки указывают на ученика (разве она не говорила только что, что нет учеников?) *нагвалю*, и потом он должен сделать так, чтобы тот стал его учеником. Или, поскольку Карлос Кастанеда — *нагваль* свободы, — любое существо, на которое обратит внимание Дух, будет притянато к нему, а затем даст свое согласие. Но это ничего не гарантирует — это страшная война за каждую ступень на этом пути для того, чтобы не упасть. «Падение» — это слово маги используют для обозначения соскальзывания обратно к человеческой форме.

— Своим появлением перед вами сегодня я выплачиваю свой долг Духу, то есть делюсь знаниями дона Хуана единственно возможным способом. Это моя первая речь. Я очень нервничала перед выступлением и приготовила шпиргалки, которые показала Карлосу Кастанеде. К нему мы обращаемся «*nagual*» — это слово на языке нахуатль означает «непостижимое». *Нагваль* взял мои листы с напечатанным текстом — целую кипу листов — и разорвал их в клочки, повелев мне говорить те слова, которые придут на ум сами. Он сказал, что «ему не нужны записи».

Она продолжила рассказывать нам истории о *сталкинге*, который она называла «театром реальности», случаи из своей жизни, в которой она имела избавиться от того, что маги называли самой плохой ее чертой, — от жалости к себе.

Тайша утверждала, что в буддийском монастыре она имела облик мужчины, а в Мехико она была *гринго* по имени Рик, сквернословящим мелким воришкой. Она приделывала искусственный пенис под одеждой, училась ругаться и соблазнять женщин как мужчина.

Потом Тайша жила на дереве и спускалась вниз, только чтобы размяться. Еду ей поднимали на веревках, и она ни с кем не общалась. В течение этих двух лет она была известна как «девушкаобезьяна».

Сразу же после этого, чтобы достичь большего контраста, она стала пухленькой красивой дебютанткой с длинными золотыми волосами, в атласном платье шагающей на параде по площади в маленьком мексиканском городе рядом с ее *duenas* — «тетушками», — которые были на самом деле мексиканскими ученицами дона Хуана. В этой роли она влюбилась в ненормального поэта, нокаутировала его, связала и лебедкой подняла в дом на дереве для того, чтобы вылечить его от «трагической человеческой формы». Этот прием сработал, она вошла в образ и теперь могла спасти мужчину, которого любила. Маги забеспокоились, что она слишком глубоко войдет в эту роль, поэтому выплеснули на нее ведро воды и быстро трансформировали ее в еще один «персонаж».

Теперь она стала попрошайкой Альфонсиной, одетой в лохмотья, покрытой слоем грязи и всякой мерзости, искусанной мухами. Она жила в лачуге в маленьком городе с женщиной, которая была ей как мать и которая не знала ее настоящего происхождения. Альфонсина стояла с протянутой рукой, прося подаяния на паперти местной церкви. Нам было сказано, что если бы она «по-настоящему не победила жалость к самой себе», ей не было бы освобождения. Мага оставили ее умирать в этом обличье, если бы таковой была ее судьба.

Тайша подчеркивала, что дон Хуан и его группа не «имели жалости» ни к себе, ни к кому-либо другому. Если бы у нее не было «железной воли» воина, то она погибла бы от ран или умерла голодной смертью на улице, — «именно так». Испытывая зуд от вшей, она приносила несколько пенни домой, чтобы женщина покормила ее. Эта женщина была такой заботливой, что Тайша «первый раз в жизни по-настоящему полюбила, — и умерла бы за нее». Глубокие чувства уводили ее от постоянного сосредоточения на себе, и это было знаком освобождения от ежедневных страданий.

Однажды Альфонсину взяла к себе в дом богатая семья, члены которой испытывали к ней жалость. Ее вымыли, накормили и одели в чистую одежду — юбку и кашемировый свитер. Когда они увидели, что девочка-нищенка под слоем грязи имела белую кожу, то были весьма поражены. Их доброта сломала последние остатки «человеческой формы» Тайши — ей опять показали, что значит настоящая любовь. Она вернулась к дону Хуану.

Тайша, как и Карлос, была превосходным рассказчиком. Она обладала способностью заставить аудиторию слушать со слезами на глазах. Я помню тот вечер, когда мы встретились, и как она ошеломила меня своими рассказами.

Потом она стала отвечать на вопросы. Мужчина с явной гримасой страдания на лице и дикими глазами, толкаясь, грубо пробрался через толпу и спросил:

— Что делать, если тебя *посещают* видения? Я, например, не могу *остановить* их. Я вижу вещи, существа, тени... Что мне делать? Я не такой, как все.

— Пойдите работать бухгалтером, — предложила Тайша. Это было не насмешкой, а серьезным советом. — Или кассиром в банке.

Затем лицо Тайши озарилось улыбкой, и она сказала:

— Всякий раз, когда Флоринда читает лекции, в аудитории находится по крайней мере одна женщина, которая хотела бы развестись! — Это вызвало вопросы о любви и сексе.

Тайша сказала нам, что «страстный поцелуй и пожимание рук с большим чувством и сильным желанием могут освобождать больше энергии, чем собственно соитие», и посоветовала не слушать песен про любовь. Это, как объяснила она, пропаганда «социальных стереотипов», ведущая к ухаживаниям и заканчивающаяся тюрьмой брака. Даже эротические мечты об актере или рок-звезде могут остановить движение к свободе, предупреждала она, затраты ценной энергии колдун должен уметь приостанавливать и копить для *дриминга* и *сталкинга*.

Тайша закончила лекцию разговором о Селекторе. Она сравнивала Селектор с Духом, который Карлос описывал мне как «силу, которая управляет Вселенной». То, как Тайша описывала Селектор, испугало меня. Оно напомнило мне детское представление о Боге как о сердитом мужчине с бородой, который смотрит с неба и судит мои поступки, — этакий злобный Санта-Клаус. По словам Тайши, Селектор похож на «иглу, опущенную вниз и контролирующую фокус нашего сознания». — Мы не знаем, как Селектор действует. Все, что мы можем сделать, — это молча с ним соглашаться и действовать под его потрясающим, неумолимым давлением. У меня есть задание, данное мне Селектором. Позвольте мне показать вам одну персону, — Тайша надела парик и очки. — Теперь я Шейла Уотерс, бизнес-леди. Я делаю состояния и теряю их. На Шейлу мне указал Селектор. Тайша, в качестве Шейлы Уотерс, играла на бирже и вложила невероятную сумму денег в недвижимость у подножия горы Св. Елены. Когда вулкан стал извергаться, состояние было потеряно. Ее еледующей задачей, полученной от Селектора, было стать настоящим агентом по недвижимости. Суровое наказание, представляю.

После лекции я проводила Тайшу и Кэрл в местный ресторан. За обедом я была приравнена к особым высокопоставленным ведьмам и заметила, что, за исключением Флоринды, все обращаются к Карлосу, называя его *нагвалем*. Я не могла присоединиться к ним, для меня это звучало так, как будто они обращались к папе римскому. С одной стороны, я чувствовала, будто меня заманивают в ловушку, даже соблазняют, но, с другой стороны, я была заинтригована. И, кроме того, я чувствовала, что Карлос защитит меня от беды.

Речь велась об астрологии, в которую верила Кэрл. Я завела разговор о системе записи личности — анаграмме, которая родилась в суфийской традиции и была разработана философом и мистиком Г. И. Гурджиевым, чьи хорошо известные жесткие методы обучения были похожи на методы дона Хуана. Карлос, я знаю, был знаком с последователями Гурджиева: Клаудио Нараньо, Оскаром Ихазы и Кэтлин Спит — теоретиком, которая популяризировала анаграмму, училась в Америке, знала Карлоса и цитировала его на первой странице своей книги «Труды Гурджиева». Когда я затронула эту тему, Кэрл взорвалась.

— Неужели ты ничего не поняла сегодня? Все это — огромная тайна, *вопросительный*

знак ! А ты сейчас создаешь категории!

После этого взрыва беседа захлебнулась. Спустя много лет Кэрол сказала мне, что Карлос запретил ей познавать или каким-либо образом подогревать свой интерес к анаграмме.

Я пригласила колдуний в свой дом, в десяти минутах ходьбы от ресторана. Они приняли приглашение, вновь отклонив мою просьбу провести у меня остаток ночи. Визит был ужасным. Они с отвращением отнеслись к моим котам, правда Тайша одобрила аквариум. Кэрол говорила мало до тех пор, пока не заметила несколько писем в рамках и фотографий, висевших в ряд вдоль главной лестницы. Это были подарки моих родителей: письма Марселя Пруста, Оскара Уайльда, Шарля Бодлера — моих любимых писателей.

Кэрол усмехнулась:

— Как отвратительно! Посмотри, кем ты восхищаешься — они *мужчины* . Пруст особенно раздражал ее. — Тебе необходимо избавиться от него, — скомандовала она.

Я почувствовала одновременно и страх и возмущение. Страх победил. Я начала строить в уме планы, как продать автографы. Ведь это говорила женщина-*нагваль* — Кастанеда в женском облике.

Вскоре и Флоринда, и Тайша вернулись в «Гайа Букс» — так велика была потребность в их лекциях. Был арендован зал побольше. Флоринду снова сопровождали Кэрол и две ученицы. Я была представлена Дороти, зажатой брюнетке, и ее ухмыляющейся компаньонке Тарине.

Флоринда была необычайно радушна, но когда я представила ее и Кэрол моей самой близкой подруге, которая обожала и книги Кастанеды, и этих дам, в их поведении появилась какая-то фальшь. Они отвели меня в сторону и зашипели, что подруга слишком толстая и плохо одета, а затем воскликнули:

— И *это* твоя подруга? Ты шутишь?

Я была задета и сердита на себя. Они отнеслись к моей ближайшей подруге со снобизмом, а я не смогла дать отпор.

Отведя меня в сторону, Флоринда с гримасой указала на Дороти и сказала:

— Видишь эту? Она вообразила себя невестой Карлоса! Можешь себе представить такое самообольщение?

Обе девицы обошлись со мной довольно злобно. Тарина зашла так далеко, что оборвала меня на полуслове, когда я к ней обратилась, и отправилась в туалет. Я простодушно последовала за ней, а она закрылась в кабине, игнорируя вопрос, который я задала. Я долго ждала ее у раковины, пока она не появилась (возможно, она надеялась, что я уже ушла), затем попыталась продолжить беседу. Она прошла передо мной и выскочила.

Войдя в зал, я увидела, как Дороти отчитывает мужчину с фотоаппаратом:

— Если вы не уберете это *немедленно* , мы будем вынуждены его забрать!

Он ошеломленно уставился на нее, потом повернулся ко мне и сказал, что он не знал, что нельзя фотографировать:

— Почему бы не сказать это повежливей? Вы не знаете, что такое с этими людьми? Они так много о себе воображают! — Он обратился к Дороти:

— Почему вы так грубите? Я был бы рад, если бы...

Дороти развернулась и ушла.

Флоринда в этот раз делала дерзкие замечания во время лекции, намекая на то, что сексуально активным был не только дон Хуан, хотя Карлос в своей книге писал, что соблюдает целибат именно по его настоянию. Это было загадкой. На предыдущей лекции Флоринды слушатель из аудитории спросил, имеет ли Карлос с кем-нибудь сексуальные отношения. Флоринда вспыхнула и ответила: «*Надеюсь* , что нет!»

Она вновь объявила аудитории, что «среди нас находится Кэрол Тигге, женщина-*нагваль* , в которую переселилось таинственное существо — „Смерть-советчица“, живущее тысячи лет в телах магов».

Это было мощное вторжение *«похитителей тел»*.

Флоринда продолжала нагнетать возбуждение «Мы считаем, что дон Хуан затерян в Бесконечном, во втором внимании.» Испуганные восклицания пронеслись по залу, когда она заканчивала речь, «...попавшись в ловушку, которую мы называем „слои лука“. Мы пытаемся накопить достаточно энергии, достаточно *массы*, чтобы освободить его, и мы ищем его во время *дриминга*. Мы надеемся, что коллективные усилия в этой комнате помогут нам».

Это была ошеломляющая новость для читателей Кастанеды, для тех, кто верил, что дон Хуан достиг полного освобождения, описанного в книгах.

глава 6 Я СНОВА ВСТРЕЧАЮ КАРЛОСА

Невинность бесстрашна.
Жан Расин «Федра»

События разворачивались стремительно, мы часто беседовали с Флориндой, она хвалила мои книги, но, по ее словам, обнаружила, что Карлос больше не читал, как все, а «получал огромные знания во время сна на книгах или под ними». Живот предназначался для «трудных текстов», газеты он читал ногами. Она утверждала, что они с Кэрол ночью проникли в комнату Карлоса и «положили „Плейбой“ на его *pincho*, но у него ничего не шевельнулось!»

Мы говорили о политике, литературе в целом, о «духовности». Флоринде не нужно было верить ни во что, кроме как в колдовство, и все же она восхищалась философией и в особенности феноменологией. Она с восхищением говорила о Гуссерле, но отметила, что «он не придерживался в жизни своих теорий, только мы это делаем».

Редко Флоринда делилась своими тайнами. Она издевалась над ритуалами и говорила: «Эйми, я бы могла тебе посоветовать пробежать трижды вокруг своего дома задом наперед, но это чепуха. Изменение *абстрактно*. Однажды — **бум!** — когда *ты не ждешь этого* и не задаешь вопросы типа „Я изменилась? Я стала лучше?“ — чаши весов перевесят, и ты перестанешь быть человеком».

Иногда на нее находило другое настроение. Например, Флоринда учила меня упражнению, которое она называла «магические пассы», которое было показано ей доном Хуаном. «Я делаю его, когда хочу укрепить свою волю, — объяснила она. — Выходи на улицу в полнолуние, дотянись до спины и потри почки суставами пальцев, приговаривая „*intento*“, громко три раза. Кончик языка дотрагивается до неба на звуке „t“. Колдуны *управляют* намерением, — напомнила мне она. — Мы никогда не молим. Это для попрошаек, и это бесполезно».

Карлос и Флоринда часто цитировали высказывания дон Хуана: «Почему я так часто цитирую самого себя? Потому что один из нас слабоумный — а вдруг это я!»

Во время одной из таких бесед она заметила невзначай:

— Тебе действительно нужно переспать с Карлосом, Эйми. Тебе это понравится — он такой классный! Он может продолжать бесконечно.

Я была шокирована и смущена.

— Флоринда, он немного староват для меня. Ты знаешь, я думаю о нем скорее как об отце.

— Хорошо, забудь. Но представь себе, что я чувствовала: мне было девятнадцать, когда я встретила дон Хуана, девяностолетнего старика! Я думала: «Как это я, молодая и красивая, отдамся этому старику?» Но я была без ума от чувства собственной важности. Я не понимала, думала, что я ему делаю одолжение! А потом был Хуан Тума...

— Я не помню его в книгах.

— Его не упоминали в книгах, но он был в команде дона Хуана. Он был *гигантским* индейцем, шести футов роста, *красавец*. Я предложила ему себя потому; что мне нужно что-то большее, правда? Я молода и здорова... А он сразу же продемонстрировал свою мощную эрекцию и сказал: «Девчоночка, я использую это для *дриминга*, для плавания в море сознания. Не для траханья». Мне было так стыдно! Но представь секс с *нагвалем*, Эйми. Подумай об этом — ты будешь удивлена!

Я обдумывала ее эксцентричное предложение. Карлосу было, по крайней мере, шестьдесят пять, может быть, ближе к семидесяти. Мои интрижки и замужество были с мужчинами моего возраста. И Карлос! Милый пухленький Карлос — невозможно! То, что она выставляла это как товар на продажу, — «он может продолжать бесконечно» — было отвратительно. Я не люблю мужчин, которых называют «продолжающие бесконечно». Предложение Флоринды, даже его случайность, казалось тщательно спланированным. Она пыталась использовать то, что, как она считала, посадит меня на крючок, — сексуальное приключение, соблазн колоссального секса. Это был первый намек на то, что позже проявится в виде огромного различия между нами — романтичность моей натуры, которая прошла через все сексуальные опыты, и ее потребительское отношение к этому без какой-либо привязанности. Меня не привлекал сексуальный марафон даже с самым загадочным, потрясающим воображение мужчиной в мире. Я искала партнера на всю жизнь.

Очевидным нарастающим диссонансом в нашей беседе было то, что я только что прочитала в ее новой книге, — она и Карлос продолжают соблюдать целибат! Он говорил это читателям из года в год, поддерживая мнение, что воздержание — это путь к накоплению энергии, *дримингу* и разрушению своей запрограммированности на совокупление. А теперь она одобряет спонтанный секс... Все это было очень странно.

Во время моего следующего пребывания в Лос-Анджелесе ведьмы как-то вечером заехали за мной. так как я не вожу машины, и забрали на занятия Карлоса. Прошло уже три месяца после возобновления отношений с Флориндой.

Моя встреча с Карлосом состоялась у дверей танцевального зала, где он учил боевым искусствам группу, которая, по его словам, не существовала в действительности (в ней было около дюжины членов внутреннего круга), и читал лекции три раза в неделю. По пути Флоринда перевозносила добродетели одного из учеников, Энди Горовца, напористого театрального продюсера и местного остряка. Настоятельные рекомендации встретиться с ним нервировали меня. Я думала, причина была в том, что мы оба из шоу-бизнеса, но их больше занимала его внешность.

«Он носит только белое, — сказала Тайша, — и *отпустил такие брови — ВОТ ТАКОЙ ДЛИНЫ!*» Они хихикали, как школьницы, будто Энди имел какое-то уродство, — их смех смущал меня.

Несколько человек стояли в стороне, ожидая, когда проветрят провонявший класс аэробики. Там был Энди, одетый в дорогой белый свитер, с седеющими усами и ежиком. Трехдневная борода подчеркивала сильные челюсти. И да, конечно же, его брови невозможно было не заметить. Спутанные волосы свисали на целый дюйм внутрь очков. Что бы это значило? Спрашивают ли люди его об этом? Что он хочет *сказать*, привлекая внимание к себе таким образом? Это было что-то *нестандартное* в отличие от его абстрактной татуировки, которая шла от запястья до предплечья. Это был чистейший Лос-Анджелес. Брови были чем-то иным — демонстрацией плохого вкуса. В целом его облик напоминал о Голливуде — он совсем не был похож на ученика школы магических искусств.

Я была приветлива, но, казалось, испугала его. Вообще-то все выглядели какими-то напряженными и отчужденными. Женщины, приходившие парами или втроем, были холодны и недружелюбны. Те двое, которых я встретила на лекции Флоринды, не поздоровалась со мной. Я заметила, как Дороти украдкой посмотрела на меня, но

демонстративно нахмурилась.

Присутствовали только два студента-мужчины — Энди и его тихий друг Рик Фостерман, который редко отходил от него. Я предположила, что они любовники, еще не зная о неистовой гомофобии Карлоса (хотя он одобрял лесбийскую любовь), из-за которой *ни одна* подобная пара не была бы допущена во внутренний круг. Рик работал менеджером у Карлоса, он стал его агентом после Неда Брауна.

У всех женщин были очень короткие волосы, обрезанные исключительно Карлосом. Они одевались подчеркнуто бесполо, имели неприступный вид, были без малейшего чувства юмора и очень отличались от Карлоса и введ. Только две студентки были приветливыми — крепко сбитая мексиканка средних лет по имени Элис и Зуна, робкая девушка с мягкими манерами и внешностью библиотечарши.

Карлос показался на улице, и впервые наше приветствие было ужасным. Я почувствовала прессинг обстоятельств — действовать «правильно», — хотя я не имела представления, что есть «правильно», — раньше я никогда не связывала подобное давление с Карлосом.

Он очень изменился — похудел на добрых сорок фунтов, его черные волосы поседели. И впервые он показался мне красивым, хотя я не знаю точно, почему. Возможно, после смерти папы я бессознательно искала мужчину, который мог бы заменить его в моей жизни. Карие глаза светились, как никогда, на лице выделялись острые скулы. Флоринда задумчиво оглядела нас, ткнула Карлоса и захихикала: «Наконец кто-то твоего размера». Другие женщины смотрели в сторону.

Карлос начал. Я была в ужасе. После простых разминочных упражнений кунг-фу Карлос заговорил. Он объявил, что Кэрол потеряла свой комплект ключей от дома членов группы и ключи от дома женщины, к которой они обращались как к дочери и называли ее Клод. Я была изумлена, когда узнала, что у Карлоса и Кэрол был тридцатилетний ребенок!

Карлос продолжал:

— Это *недопустимо*, потерять ключи! Невероятно. Для магов? Для Кэрол — женщины-нагваля? — Замерев, она стояла, пока Карлос выговаривал ей. — Из-за этого мы все можем умереть! Если она потеряла ключ от дома нашей дочери, Клод может *улететь в неведомое*, разрушив всех нас! С нами будет *покончено*. Капут! Но с нами *Эйми Уоллес*. Именно из-за того, что *она* с нами, у нас есть шанс. — Я была невероятно смущена. Я чувствовала себя как Алиса, падающая в кроличью нору. Это было по-настоящему странно.

Мы продолжали упражнения в молчании. Кэрол объяснила мне, что эти магические пассы были не просто боевым искусством. Они передаются от *нагваля* к *нагвалю* в тайном *дриминге*. Карлос также называл их тенсегритические пассы. Термин «тенсегрити» был в действительности введен в оборот Букминстером Фуллером и был связан с напряжением конструкции в архитектуре. После занятий Кэрол высказала сомнение по поводу приоритета Фуллера в употреблении термина, уверенно опровергая его: «Фуллер ничего не придумал сам. Это реальное слово — оно есть в *словаре*». Позже я слышала, что Фуллер до самой смерти судился по поводу присвоения Карлосом этого термина.

Вопрос так и не был улажен.

Спустя несколько недель я вновь была представлена Зуне и ее кузине Пуна, тихой брюнетке с суровым лицом. Пуна стояла абсолютно прямо, как солдат. Ее лицо было суровым, но не враждебным. У меня мгновенно возникло сильное подозрение, что «маленькие кузины», как их называли, не выносили друг друга. Карлос объяснил, что они не были кузинами по крови; скорее их связь была энергетической составляющей того, что он назвал «кровосмесительной семейкой Фрейда».

Нынешний агент Карлоса, Рик, управлял маленьким офисом, где работали члены группы, избранные Карлосом; компания называлась «Тольтек Артист». «Кузины» вынуждены были составить пару как соседи и по комнате, и по офису, чтобы быть друг для

друга «маленькими тиранами» — технология, которая, как говорят, воспитывает терпение и выдержку.

Карлос проповедовал нам, что мирская любовь «меркантильна» и «убога», а колдуны другие, они отдают свою любовь «бесплатно». «В *этом мире*, — говорил он с презрением, — когда мы срезаем одну голову и заменяем ее другой, то заявляем, что на этот раз *действительно* влюблены! Раньше я ошибался — *это* не было *настоящим*. Мы, колдуны, влюбляемся навсегда, никогда никого не заменяя на кого-то получше». Я увлеклась этой философией, которая была близка по духу моей любимой пьесе Тома Стоппарда «*Настоящая вещь*».

«Кузинам» мастер дал специальные магические упражнения — долгий изящный парный танец под названием «Движения любви», чтобы помочь им научиться любить. Они показывали их на занятии, на сцене перед тысячами людей, они выполняли их обнаженными на магических шабашах для *посвященных*, но я не заметила, чтобы их взаимоотношения улучшились. Возможно, успех достигался на том уровне, который был выше моего понимания.

По дороге домой после первого занятия с ведьмами я сразу же захотела выговориться.

— Что это за чертовщина, Кэрол, что за дела с ключами? Разве это не было несколько *грубо*?

Кукольное личико Флоринды заострилось. Она ответила за Кэрол.

— Нет, нет, Эйми, нет. Это не по-человечески, это была *очень мощная* магическая техника. Если ты рассматриваешь такую манеру говорить с мирской точки зрения, то это оскорбление. Как колдуны, мы используем ее как магический метод разрушения чувства собственной важности. Нужно сделать выбор. — Я опять обратилась к Кэрол:

— Ну а что бы ты делала, если бы там не был меня?

— Отвернула бы лицо к стене. Ушла бы, а потом умерла.

Мои мысли без конца вертелись по кругу, умерли бы они из-за того, что кто-то вломился бы в дом?

Была ли магическая техника словесным оскорблением? Совершила бы Кэрол самоубийство? Как бы она умерла? Исчезла бы она снова? Я была серьезно обеспокоена. Это было совсем не по-человечески. Возможно, они использовали курс «*Обучения чудесам*» как туалетную бумагу. Карлос писал, что после того как он вручил экземпляр своей первой книги дону Хуану, шаман спросил его: «Ты знаешь, что мы делаем с бумагой в Мексике?»

Вместе с тем впечатление от легенды Кастанеды о доне Хуане было так велико, что я, казалось, подсознательно воспринимала роль Карлоса как дурака, который нуждается в уничтожении и трансформации. Я превратила Карлоса в своего собственного дон Хуана и связалась с ним, став его ученицей, а соответственно он стал наставником. Это было мое необъявленное обучение.

Удивительно, но Карлос, казалось, забыл свою настойчивую просьбу о том, что мы должны изгонять призрак отца из родительского дома.

На следующем занятии колдуньи подарили мне два магических предмета. Они вручили мне два цветных пакета, и я радостно воскликнула: «Спасибо! Я люблю подарки!» Карлос нахмурился и сказал:

«Это не подарки». Заглянув внутрь, я обнаружила антиперспирант в алюминиевой бутылочке — последняя разработка «Нью эйдж», — впоследствии оказавшийся токсичным. Позже Карлос вручил мне более мягкий дезодорант. Выяснилось, что он питает страсть к парфюмерии для тела, и все должны были пользоваться одинаковым парфюмом, Карлос решил, что я как-то особо сильно потею, но однако мне было запрещено мыться. Я притворилась, что антиперспирант мне понравился.

В другом пакете лежала свежая охапка срезанных розмариновых веточек. Колдуньи объяснили, что Карлос срезал их специально для меня с гигантского куста, который растет у его дверей и пропитан магией, потому что он вырос из побега, данного ему доном Хуаном. Мне рекомендовали кипятить ветки до крепкого отвара, остудить его до температуры тела,

затем вылить отвар в маленький пластмассовый тазик и мыть в нем гениталии по пять минут три раза в неделю. Все тело погружать не нужно, оно должно быть сухим.

Эти пятиминутные ванночки должны были очистить мою матку от «энергетических червей» которые были внедрены в меня каждым из моих любовников. Эти «черви», описанные с отвратительными подробностями в книге Тайши, остаются в теле женщины неограниченно долго, позволяя ее бывшим возлюбленным вампирически отсасывать энергию, истощая донора. Колдуньи уверяли меня, что семь лет целибата и розмарин восстановят мои жизненные силы.

Найдя описание свойств розмарина в нескольких справочниках о травах, я обнаружила, что это лекарственное растение исключительно полезно для женского здоровья: оно дезинфицирует и поддерживает здоровую флору матки, если его использовать, как предлагали Карлос и «кастаньеды» (так про себя я их называла).

В течение следующих нескольких недель я посещала занятия с основной группой учеников. Однажды вечером Карлос пригласил меня на пиццу перед занятиями, и мы поболтали о пустяках. Он смешил меня, как и прежде. Потрясенная тем, что ведьмы увидели дону Хуана в отеле Сан-Франциско, я рассказала об этом. Карлос нахмурился:

— Ах, мы боимся, что дон Хуан не достиг свободы! Что он *застрял* в бесчисленных «слоях лука». — Его выразительное лицо исказило отчаянье. Он покачал головой:

— *Я видел дону Хуана, папа, я видел его во время дриминга.*

— Что ты сказал? Ты говорил с доном Хуаном?

Карлос бросил на меня испепеляющий взгляд.

— Как ты думаешь, что это, Эйми? *Туристическое путешествие*? — Он фыркнул. — *Говорил* с ним?! — Впервые за двадцать лет он был саркастичен со мной. Я отшатнулась как ужаленная. А он взял мою руку, переплел наши пальцы и снисходительно улыбнулся.

— Ты еще новичок в этом. Может, оно и к лучшему, что ты не читала моих книг! Читающие мои книги как Библию запоминают наизусть каждую страницу! Но, по, по. Ты *почувствуй* магию своим телом. Кроме того, ты из другого времени, Эйми, — времени, когда колдуны полагались на искусно придуманные хитрости, чтобы соблазнить тех учеников, на кого указывал Дух. Оставь свои ожидания.

Войдя в студию пять минут спустя под руку с Карлосом, я была встревожена той свирепостью, с которой большинство женщин-ведьм приняли меня. Это была невежливая, невоспитанная группа, заметно отличающаяся в манерах от Карлоса, Флоринды и Тайши.

Когда я собралась вернуться домой — я моталась между городами, как и мой брат, работая над новой *«Книгой списков»*, — Флоринда позвонила, неожиданно пригласив остаться погостить в Вествуде у нее, Тайши и Карлоса.

Приглашение пожить в доме ведьм поставило меня в затруднительное положение. Из-за того, что телефонные номера Карлоса и ведьм держались в секрете, никто из моего офиса не смог бы найти меня. Это было время, когда еще нет сотовой связи, а я управляла офисом со штатом из дюжины исследователей и редакторов. Я была привязана к телефону и не водила машину. Мне показалось, что переезд не позволит заниматься мне делами, поэтому я отклонила приглашение. Я надеялась посетить таинственный дом в другое время.

Легко предположить, что мой отказ колдуньи расценили как серьезную ошибку. По легкому холодку, сквозившему в их манерах, я поняла, что я права. Я изменила свое решение и спросила Флоринду, осталось ли приглашение в силе. Нет. Приглашения в их таинственном мире были действительны только на доли секунды, на «кубический сантиметр шанса», который Карлос прославил в своих книгах, и нужно было хорошо постараться, чтобы заработать их. Мне не удалось пересечь порог таинственной двери, которая открывалась для меня и предлагала вход во внутренний круг избранных.

Незадолго до этого я заметила, что привилегированные члены группы — группа управлялась, и это становилось все заметней и заметней, по классической авторитарной модели — были освобождены от наказания и имели особые права, в то время как «плохие»

ученики, даже когда следовали правилам до последней буквы, могли быть сосланы «на Камчатку» из-за жевательной резинки.

Карлос и «избранные» жевали резинку не стесняясь. Членов группы изгоняли, если они вызывали недовольство верхушки, как в любой жестко структурированной организации. Но, несмотря на то, что завеса чуть приоткрылась, я была все еще счастлива в своем неведении и поэтому возвратилась в Беркли на неделю, не подозревая об ошибке.

глава 7 Я СТАЛКИВАЮСЬ С НЕЗЕМНЫМ СУЩЕСТВОМ

*Никогда не отказывайся от того, что тебя просят принять.
Бери, что дают, и поступай по-своему. Цель моей жизни иметь свой
взгляд на все, Что бы ни происходило. Не противостояние, а
согласие.*

Роберт Фрост

В мое следующее посещение Лос-Анджелеса Карлос очень нервничал по поводу моей встречи с «дочерью». В *«Искусстве сновидения»*, рукописи Карлоса, готовящейся к публикации, он объяснял ее внеземное происхождение. Карлос описывал Клод как «неорганическое существо», подробно разъясняя ее свободу от приземленных человеческих свойств. Он дал мне копию рукописи, сказав: «Будь осторожна! Это — единственный существующий экземпляр! Он был захоронен, я его откопал во втором внимании, — ведьмы и я должны были охотиться за ним в *дриминге* ¹⁷. Он был помещен в другой мир. Эйми, прочитай немедленно.»

Рукопись *«Искусство сновидения»* затронула меня меньше всех книг Карлоса и отчаянно требовала редакции. Она читалась как неуклюжая научная фантастика о том, как в *дриминге* Карлос перемещался по губчатым туннелям в другие миры, постоянно рискуя тем, что не найдет путь назад к своему спящему телу. Несмотря на эти приключения в стиле Лося Роджера ¹⁸, книга была довольно суха, чувствовался недостаток замечательных диалогов с доном Хуаном, которые делали его ранние книги такими интересными. Дон Хуан несколько раз появился, но теперь он разговаривал, как нудный профессор.

Я работала в поте лица и наконец добралась до появления в этой истории Кэрол Тиггс, — Карлос проинструктировал меня обратить на это место особое внимание. Хотя сочинение было вымученным, в конце концов сюжет заинтриговал меня. Карлос подробно описывал то, что я уже знала о Кэрол и Смерти-советчице, повествуя, что это существо жило двадцать семь поколений как мужчина и как женщина, торгуя мистическими дарами. Но Кастанеда отказался принять дары от самого магического из всех существ — этот пункт он особо подчеркнул для меня.

Он сказал: «Если ты или кто-либо другой проявит ко мне жалость, я плюну вам в глаза! Я — нагваль свободы, я живу только для того, чтобы разбить ваши цепи!»

Карлос утверждал, что в своих *дриминг-путешествиях* он столкнулся с эфирным существом, похожим на девочку-бродяжку с полупрозрачной кожей голубого цвета. Она просила, чтобы ее освободили из астральной темницы, в которую она была заключена бесконечно долгое время. Карлос не мог устоять перед ее мольбами о помощи, и вопреки возражениям дона Хуана (поскольку задача была очень опасна) решил спасти существо.

Смерть-советчица волшебным образом вселилась в Кэрол Тиггс, возможно, это

---

¹⁷ Сновидении. — Примеч. ред

¹⁸ Персонаж американских комиксов и мультфильмов. — Примеч. ред.

придало ей силы, и эфирный ребенок был спасен. А на физическом плане, как было предсказано, от союза Карлоса и Кэрол должна была родиться маленькая девочка (Карлос обращался к Кэрол как к «сестре», эта деталь еще более запутывала буквально понимающих читателей). Девочка по имени «Голубой Скаут», по легенде, возник из матки Кэрол в виде младенца со взрослыми чертами, вроде причудливо длинных пальцев (этому младенцу было теперь тридцать лет). Приключение это почти разрушило Кастанеду, а «его когорта» была потрясена, поскольку он после этого висел на волоске между жизнью и смертью.

Девочку, хотя она имела несколько имен, близкие чаще звали Клод. Кэрол также имела «могущественное имя», которое было открыто мне с придыханием заговорщика, — ее звали Муни Александер. В постоянно меняющихся рассказах о Клод она то воспитывалась доном Хуаном и его компаньонами (чаще маленькой Флориндой), то, по другой версии, росла в приютах и попала к Карлосу подростком.

Кэрол-Муни выходила изможденного Карлоса, все еще будучи Смертью-советчицей. «Обретение» девочки поставило магов в затруднительное положение. Карлос был на вершине, но что же будет со Смертью-советчицей? И что случится с Клод, плодом внеземного происхождения, порожденной двумя богоподобными *нагвалями* ?

С этих пор и потом, когда Карлос говорил со мной об этом, он больше не использовал «метафоры».

Он теперь настаивал на буквальном понимании этих рассказов — драматичное изменение его настроения. Я почти поверила, что Клод (Голубой Скаут) была действительно высшим существом.

Благодаря настойчивым повторениям Карлоса и моему стремлению к духовному росту мне удалось преодолеть склонность воспринимать его учение как метафору.

Когда Карлос говорил о Клод, он напоминал одержимого: «Ты должна увидеть мою дочь *голой* !» «Wowie Zimbowie!»¹⁹ Его кровосмесительные замашки смущали меня. В любом случае он стремился, чтобы мы познакомились при первой возможности. Это было «очень важно», настаивал он: «Ты не представляешь, *как* важно!»

Мы встретились в кафе «Гамлет-гамбургер». Компания состояла из Флоринды, Муни, Карлоса и Клод, которая оказалась высокой, угловатой и скованной девушкой. У нее было заостренное лицо, тонкие губы, а ее волосы неопределенного цвета были обильно намазаны гелем. Ее худоба была почти такой, как при анорексии. Она неприятно поразила меня своей капризностью, но все же ее голубые глаза поблескивали огоньком, и я оптимистично надеялась на дружеское общение.

Карлос нервно суетился. Он пересаживал нас как *метрдотель*, который боится потерять свою работу, до тех пор, пока Клод не оказалась около меня. Я начала: «Я рада, что мы наконец встретились, — молва о вас бежит впереди вас!»

Клод скромно улыбалась, и мы начали оживленную беседу о путешествии во Францию. Она любила Париж — Карлос *ненавидел* его — и была очарована тем, что я говорю по-французски. Она сделала комплимент моим ногам и с восторгом отзывалась о моей карьере, хотя не читала моих книг.

Казалось, общественное признание впечатляло ее, и она считала меня «известной», печально намекая на то, что в ее собственной жизни так мало достижений. Она неуклюже льстила, как потрясенная школьница, или, может быть, это было испытанием — посмотреть, не раздуюсь ли я от самомнения.

Карлос развлекал нас своим любимым анекдотом про эго Рода Стейгера. Несколько лет назад в Малибу произошло опустошительное наводнение, и, как утверждает Карлос, Рода Стейгера, трусливо спрятавшегося от буйства стихии в каком-то подозрительном убежище, случайно обнаружили телевизионщики. Карлос говорил, что актер тотчас же стал делать

---

¹⁹ Слова из популярной в 70-х годах детской песенки Ф. Заппа. — *Примеч. ред.*

патетические заявления о «природных циклах», представляя себя «мистером Малибу». Все это Карлос находил смешным. Но когда Муни брякнула: «А ты считаешь себя мистером Вествуд!» — лицо Карлоса потемнело, а она пристыженно уставилась на свой гамбургер. Позже я видела подобные сцены много раз и всегда с одним и тем же результатом. Они казались миниатюрной копией супружеской пары, долго живущей вместе и попавшейся в ловушку садомазохистских упражнений. Я неуклюже попыталась вернуться к тривиальной болтовне с Клод.

Потом Карлос упомянул Дороти, которая, оказалось, была спарринг-партнером Клод. Карлос, Флоринда и я собирались за обедами несколько вечеров подряд, и Дороти стала любимым объектом насмешек, мишенью для жесточайших шуток Карлоса. Когда эта хорошенькая девушка появилась в группе, Карлос часто повторял: «Дороти втюрилась — она жаждет отлизать „киску“ моей дочки!» — и презрительно добавлял:

— Дороти думает, что она *novia* Кастанеды!» Он часто говорил о себе в третьем лице. Я еще не была членом группы, поэтому все эти имена смущали меня и интриговали.

И теперь в «Гамлет-гамбургер» Карлос опять объявил:

— Дороти хочет полизать «киску» у Муни.

— Извращение! — выпалила я, пытаюсь подражать Карлосу, чтобы поддержать разговор, хотя и не считала лесбийский секс перверсией.

Клод оцетинилась. — Это НЕ извращение! — сказала она и смутилась.

— Да, конечно же да, — отрекалась я.

Вернувшись к банальностям, мы завершили наш ланч. Позже по телефону Карлос ликовал — я прошла Большое Испытание. Я была озадачена — если Клод действительно *была* сверхчеловеком, легендарной божественной данью, то почему она была столь ужасно нерасполагающей к себе.

— У нее есть парень? — поинтересовалась я.

— *Mierda! Парень! No jodas!* Она презирает мужчин!

Клод вручила мне визитку, когда мы расставались. Я прочитала:

«Нури 'Клод' Александер —

Искатель

Материального

и Нематериального».

Никаких объяснений не предлагалось.

глава 8 ОТРАВЛЕННЫЙ ЛАНЧ

Беседа протекала мимо Арчера, как какая-то бессмысленная река, текущая и текущая мимо, потому что не знала, где остановиться... и какое-то мертвящее ощущение от превосходства сопричастности, и от возможности прямого воздействия, и от тишины над несущимся миром накрывало его, как дверь семейного склепа.

Эдит Уортон «Эпоха невинности»

Вернувшись в Беркли, я получила подтверждение, что встреча с Клод прошла удачно. Она прислала мне письма и миленькие открытки, написанные крупным почерком шестиклассницы, умоляющие о моем возвращении и сообщающие о том, что она не может жить без меня. Я послала ей «*Письма молодому поэту*» Рильке в переводе Стефана Митчела и кассету Шинед О'Коннор.

Готовясь вернуться в Лос-Анджелес, я выбирала подарки для ведьм и для Карлоса.

Фло и *нагваль* (я все еще привыкала к этой почтительной форме обращения) получают одинаковые книги — справочники по табуированной лексике на пяти языках. Тайша получит тайные даосские тексты для женщин, подписанные автором перевода Томасом Клири, с инструкцией по использованию циркуляции энергии матки для создания «тела света», которое Карлос называл «двойником». О вкусах Кэрол я не имела представления, поэтому выбрала Рильке.

Для Клод я предприняла дополнительные усилия: с разрешения матери я выбрала часы моей бабушки и отнесла их в ремонт. Увы, ко дню моего отъезда забрать их из ремонта не удалось. Я написала на ее открытке, что настоящий подарок для нее будет готов позже, и приложила записку к консервной банке с филе тунца «Нури» — непонятный испанский импортный продукт, который я ни разу не встречала до этого и никогда не видела потом.

Флоринда выбрала для встречи свой любимый ресторан, «Грампс — ланч для элегантных леди». Я подумала, что только в Лос-Анджелесе есть «ведьмы, которые ходят на ланч». Как будто предвидя это, Флоринда однажды сказала мне: «Все эти люди оттуда обвиняют нас за то, что мы носим „Армани“! Конечно, хоть мы и отрицаем это, но действительно носим». Они должны были захватить за мной, и как только я села в машину, сразу почувствовала висевшую в воздухе напряженность. Меня посадили рядом с Клод, и мы решили перебраться словами.

Она сказала:

— Мне жутко *понравился* альбом Шинед О'Коннор!

— Тебе понравилось? Я очень рада!

Она стала повторять самую сексуальную строчку О'Коннор — типичную для этого альбома, пропев дурным голосом: «Ты вставил мне так сильно, что кровь брызнула на стену». Потом она захихикала, как провинившаяся школьница. Меня выставляли на обозрение — явная попытка зло посмеяться надо мной. Однако я здесь не для того, чтобы стать «сестрой». Дон Хуан издевался над Карлосом с большей изысканностью. Я попыталась ответить на ее провокацию:

— Тебе нравится так, Клод? Грубый секс? А? Иногда это бывает не так уж плохо.

Она стала свекольно-красной и что-то пробормотала. Я не отступала:

— Ну? Тебе нравится?

Она неистово закивала, явно не в силах выразить это словами. К счастью, мы доехали до места.

Преподобный Скаут излучал ледяное напряжение, напоминая мне возбужденную гончую собаку.

Во время ланча Флоринда завела разговор о сексе, как это она часто любила делать. Я рассказала историю о необычной вечеринке, которую я организовала не так давно. Я дружила с несколькими из «экстремальных» писательниц-феминисток в Бей-Эриа — Сюзи Брайт, нынешним редактором ежегодной антологии «*Лучшая американская эротика*», Лайзой Палас, которая наделала шуму в литературных кругах своими откровенными мемуарами «*Край постели*», и Лаурой Миллер, нынешним редактором журнала беллетристики «*Салон Мэгэзин*».

У Сюзи и Лайзы родилась идея *твист-салона*²⁰ для дам. Гости — местные поэтессы, романистки и обозревательницы должны были обслуживаться привлекательными обнаженными мужчинами, которые будут делать маникюр, массаж ног, расчесывать волосы и подавать еду *hors d'oeuvres*²¹, в то время как писательницы будут читать эссе и стихи и потягивать шампанское...

То, что начиналось как шутка, переросло в действие. Мой вклад состоял в

---

²⁰ Салон с эстрадой для танцовщиц вокруг шеста. — *Примеч. пер.*

²¹ Между делом (фр.) — *Примеч. пер.*

предоставлении своего дома, который Лаура называла «байроническим», а также в организации поставок провизии и приглашении флориста. Тем временем девушки поместили объявление в газету «*Сан-Франциско уикли*»: «Ищем джентльменов для обнажения, элегантного прислуживания в дамском салоне, без секса, без оплаты». Нас засыпали предложениями. Из всей массы соискателей мы выбрали шесть мужчин, включая брокера, агента по недвижимости и серфера.

Эта вечеринка — этакий «язычок за щечкой», игра в плейбойский замок — имело громадный успех.

Литературные дамы в сияющих вечерних туалетах, кружевных корсетах, тиарах и смокингах порхали по холлам, выбирая канapé на серебряных подносах и читая что-то из своих произведений.

Гости и джентльмены наслаждались приятной вечеринкой.

Сюзии написала статью о *празднике*, которая появилась на первой полосе в воскресном приложении «*Сан-Франциско кроникл*», проиллюстрированная фотографиями класса «R» именитого фотографа (он тоже весело разделся). Статья Сюзии была помещена в ее антологию, что прибавило культовой славы вечеринке, кроме того, статья была помещена на веб-сайте Лайзы, и запросы на сервер полились рекой. Мы, не желая того, популяризовали эту причуду. Хлынули подражания, сначала местные, а за ними последовали вечера по всей стране. Наши официанты настаивали на повторении; мы получили горы писем от местных феминисток и артистов, обратившихся с просьбой пригласить их на следующий салон. По взаимному соглашению мы отклонили проведение другой вечеринки, довольствуясь уже достигнутым абсолютным эффектом.

Мой рассказ с треском провалился. Тайша предприняла невероятное усилие, чтобы спасти беседу, рассказав об одной из своих *сталкинг*-ролей в качестве агента недвижимости, во время исполнения которой она обнаружила «одну из этих *штук*» — жужжащий вибратор в туалете. Она захихикала, закрыв лицо руками.

В конце я раздала подарки, которые, как потом оказалось, и спасли вечер. Муни вежливо отметила мою заботу, Тайша сказала, что я выбрала *идеальный* подарок для каждой из них. Единственная тревожная нота исходила от очень нетерпеливой Клод — она хотела свой подарок НЕМЕДЛЕННО!

Я пообещала, что ей нужно подождать только два дня. Она утешилась рыбным филе «Нури», объявив, что это «великое предзнаменование, потому что мой отец (Карлос) тоже владеет компанией».

Затем меня отвезли домой, я была вполне уверена в том, что все прошло не так плохо.

Через несколько часов мне позвонил разъяренный Карлос, бранивший меня за концентрированность на самой себе, которую я продемонстрировала, «хвалясь секс-вечеринками». Впервые я столкнулась со столь чрезмерной щепетильностью с его стороны, поразившей меня, так как обычно он сквернословил, чтобы шокировать и провоцировать, как дон Хуан. На этот раз Карлос был так зол, что я расплакалась. Он повесил трубку.

В слезах я позвонила Флоринде, рассказав ей, что Карлос оскорбил меня.

Это было бы оскорблением, настаивала она, если рассматривать атаки Карлоса с человеческой точки зрения, считая себя просто смертной. Он же пуст, без эго. У него нет настоящих чувств, объясняла она, настроения и слова проходят через него совершенно бесследно, ведомые внешней силой. Он непогрешим. Кроме того, они *увидели* сегодня, что я больше не могу быть с ними. Приглашение было большой ошибкой. Моя энергия — красного цвета, самая жалкая человеческая энергия, в то время как их — голубая — самая эфирная и абстрактная. Я была безнадежна. Мне нельзя больше звонить им, инструктировала она меня, скоро появится другой учитель, добрый, они уже *видели* его.

Бесцеремонно и грубо Флоринда бросила трубку. (В качестве постскриптума: «Трампус» вскоре закрылся, Флоринда обвинила меня в том, что я принесла несчастье ее любимому ресторану, утверждая, что моя черная магия, моя «человеческая форма» стали причиной его

финансового краха.)

Ошеломленная, я позвонила Муни, которая сразу же подтвердила мое падение.

Я позвонила Муни еще раз в полночь. Она сказала: «Ты разбудила меня. Мне в шесть нужно быть в аэропорту», — и повесила трубку. Я провела ночь в смятении, кидаясь то в плач, то в гнев, и позвонила Муни опять в половине седьмого. Она ответила заспанным голосом.

— Я думала, что тебе нужно куда-то ехать.

— Ты достала меня, — захныкала она. — Я не могла заснуть и теперь из-за тебя опоздала на самолет. Это ты виновата! — она опять повесила трубку.

Муни была там и в десять часов и снова бросила трубку, лишь только услышала мой голос.

глава 9 «МЫ В ДЕЛЕ»

*Так скоро, что и дня не минет,
Я завтрашнее приключение начну.
Уильям Шекспир «Король Иоанн»*

Потерпев фиаско, я проплакала несколько часов и в конце концов примирилась с мыслью о возвращении в Беркли. Я позвонила своей подруге Салли, чтобы рассказать ей новости. Среди нарастающего хаоса она была моим доверенным лицом, посвященным «практиком», той, кого ведьмы встретили в Беркли, презрительно скривившись в ее адрес за то, что она не была молодой, утонченной и одетой так, чтобы удовлетворить их голливудские магические стандарты.

У Салли были странные прозрения раз или два в году, когда она работала в саду или, например, чистила зубы. Она слышала сверхъестественный голос, который посылал ей необъяснимые, неизменно аккуратные послания, предлагающие стратегические советы.

— Эйми, у меня опять было, как там его... *наитие*. Это случилось прошлым вечером, когда я была в душе! *Это предназначалось тебе*. Очень коротко и прямо он сказал: «Если она не произнесет ни слова и не станет сопротивляться, все будет хорошо — она их не потеряет». Эйми, голос сказал, что все, что тебе надо сделать, — это позвонить Карлосу чуть позже, чтобы сказать «до свидания», затем позволить ему говорить все, что угодно, — напыщенные слова, неистовый бред, — все, что захочет.

Никакого протеста! — смейся, если нужно. Все изменится *просто само по себе*, вот так! — она щелкнула пальцами.

Я позвонила Карлосу до того, как он успел поменять номер телефона. Как я вскоре узнала, это практиковалось *постоянно*, когда кого-то вышвыривали из группы. Прежде чем я начала говорить, он взревел:

— ОСКОРБЛЕНИЕ? Теперь ты *оскорблена*? Ведьмы сказали мне! Ты профессиональная плакальщица! Такое чувство собственной важности, такая ранимость! Ты что, думаешь, будешь жить вечно и все будут заботиться о бедной девочке? *So#241;o! Carajo!* Уродина! Ты — *шлюха!*

Он подождал, когда все это осядет. Помня совет Салли, я засмеялась:

— Кажется, разговор не получился!

Последовало молчание. Стрела Карлоса не достигла цели, и он попробовал другой ход; — Так когда же ты собираешься прекратить покупать своих мужчин? Не слишком ли ты *молода* для этого? Когда же ты собираешься найти мужчину, кто сможет сам платить за свою выпивку? Ты *перепугала* Муни, ты *вывела ее из равновесия*, ты такая человеческая, ты такая *красная!* Мы — не красные. Это самый человеческий цвет, самый плохой! Мы — голубые. Ты не наша, не голубая! Это была ошибка, безнадежная! Обнаженные мужчины! —

он гремел, повторяя одно и то же.

Я продолжала молчать, удивляясь, как *нагваль*, самое мудрое существо, мог совершить такую ошибку.

— Ты *здесь* ?

— Да, я слушаю.

— Отлично. Ты шлюха, — продолжал он, — торгующая отцовской смертью, чтобы привлечь к себе внимание! «Ох я бедная, несчастная, я так тоскую по Ирвингу!» ЧУШЬ СОБАЧЬЯ! Если ты никогда не любила себя, то как ты могла любить Ирвинга? И ты *испугала* Муни, мою бедную Муни, своей красной истерией. Она потрясена, она не может встать с постели. Ты *ранила* ее! Ты избалованная тварь, родившаяся с серебряной ложкой²² в *culo* ! Ты слушаешь?

— Да.

— Основа магии — это оставление «Я». У нас нет времени на проблемы! Кто может позволить себе иметь проблемы? *Смерть* ждет меня. В моем мире осталось десять минут до полуночи!²³ У меня *нет времени*. Во времена дона Хуана тебя бы украли — очнувшись, ты бы обнаружила себя в мешке, в ловушке! Но я *нагваль* свободы... Нет, ты была отдана мне Ирвингом в уплату долга — ты мой долг и ты моя красавица, — *но я не стану настаивать*. Мир воинов не принимает добровольцев, *Эйми*. Если «эта» привело тебя ко мне, если Ирвинг просил меня об «этом» — я не могу сказать «нет»! Поэтому я не принимаю людей, преследующих меня в Мексике, *no jodas!* Кто я на самом деле? *Твой гуру* ? Нет! Я только хочу свободы! Но выбрать можешь только *ты*.

— Да, я поняла. Я собираюсь в Беркли, у меня есть для тебя *подарок*. Есть ли место, куда я могу послать его?

— Но, по, по! Подожди! Что ты сейчас делаешь?

— Я работаю над своей книгой.

— Могу ли я заехать за тобой, поужинать вместе? Прямо сейчас?

— Мне бы очень хотелось. Спасибо, Карлос.

— Wowie Zimbowie, *chica* ! Я буду через час. *Вот теперь мы в деле!*

Карлос привез меня в рыбный ресторан в Санта-Монике, в тот же самый, где мы когда-то были с Флориндой около десяти лет назад, в день, когда была рассказана история про «горящий в ванне большой палец ноги». Карлос был дружелюбен, а я оставалась молчаливой и внимательно слушала, чтобы, следуя совету Салли, не показывать обиды или гнева.

Карлос заказал апельсин, печеный картофель и яблочный пирог на десерт. Я захотела лук колечками, но Карлос посоветовал:

— *Никогда* не ешь лук, маги не дотрагиваются до него, потому что он напоминает человеческие формы — слой за слоем. Лук в пище будет поддерживать твою человечность.

— А чеснок?

Он с ума сходил по чесноку.

Я заказала лосося и артишоки, слегка побаиваясь, что они тоже многослойны, но Карлос одобрил мой выбор. Потом я вручила завернутую книгу. Карлос выглядел счастливым, как ребенок, получивший подарок на день рождения.

— Разве ты не откроешь его?

— Я открою его позже — это *мой* подарок.

Он прижал сверток к сердцу, потом бережно спрятал его в карман пиджака. Этот жест был таким трогательным, что я отвела глаза, чтобы спрятать улыбку.

---

²² Английская поговорка «родился с серебряной ложкой во рту» соответствует русской «в рубашке родился» — *Примеч. ред.*

²³ Т. е. до смерти. — *Примеч. ред.*

Когда мы ели, я слушала очень внимательно.

— Идея самости — *mierda* ! Дон Хуан, бывало, говорил: «Я не присутствовал при составлении контракта, я его не подписывал. И я не должен жить по его законам». Ты знаешь, Эйми, ты уже не такая красная, ты уже рассталась с какой-то частью чувства собственной важности.

— Какого же я цвета?

— Персикового. У тебя мягкое персиковое сияние. Очень красиво. Ты очень быстро продвигаешься. Ты знаешь, ты прямо как Тайша Абельяр, ты — *сталкер* . — Карлос наклонился вперед, его глаза сияли восхищением. — Есть другие *bona fide* слова, *chica*. *Вот что* интересует мага! Прошлой ночью я был в ином измерении, чьи обитатели обладают панорамным видением, Я мог видеть в любом направлении! Но ты определенно не *дример* .

— Что!?! — я взорвалась от возмущения. — Флоринда говорила мне, что я как она, — она сказала, что я *дример* , что все писатели — *дримеры* !

— Фу! Это потому, что она любит тебя. Но, по, по. Тайша Абельяр *точно* знает, когда нужно безоговорочно соглашаться! И также ты, *preciosa* , знаешь. Но все-таки, ты не можешь отыскать даже свои туфли во время *дриминга* !

Мне пришлось подтвердить, что это правда. У меня не было представления, как это делать. Карлос давал большинству читателей первое упражнение по *дримингу* — найти свои руки во сне («На самом деле дон Хуан велел найти мне мой пенис, — объяснял он. — Но мой издатель не позволил мне напечатать это»). Я ни разу не находила свои руки, тем более туфли, но, смеясь и улыбаясь, соглашалась.

Это было так захватывающе — вживаться в магическую «мифологию», как он называл ее, слышать слова, которые Карлос сделал значимыми для целого поколения. Я знала, что он открывал только для ограниченного числа людей то, являются ли они *сталкерами* или *дримерами* . Но в действительности я никогда не встречала ни одного человека, кому бы это было сообщено. Все умирали от любопытства, чтобы узнать, к какой категории они принадлежат, но спросить значило обнаружить чувство собственной важности. Быть награжденным так, как я, было великой честью. Он редко заводил разговор о содержании своих книг. Несмотря на романтический ореол беседы, я забеспокоилась. Я хотела быть как Флоринда.

— Понимаешь? Ты знаешь, где нужно безоговорочно согласиться. Это мощь, *chola* , поверь мне. Ты это имеешь . — Потом он сказал:

— Хочешь прогуляться вдоль обрыва?

Под «обрывом» Карлос подразумевал полосу пешеходной дорожки около пляжа в Санта-Монике. Я кивнула. Он заулыбался от удовольствия.

— Ну, вот мы и в деле! *Pucha* ! А что это за дело! В этом деле каждый шаг может стать последним, *каждое действие* — это вопрос жизни и смерти . Маги не берут выходных. Что бы я мог сделать?

Пойти на рыбалку? Я существо, которое может умереть *прямо сейчас, в каждую минуту моей жизни* , — и я не ожидаю ни похода на рыбалку, ни вознесения на небеса с пребыванием на них в хламиде святоши!

(Позже я спросила Флоринду, почему нам так хорошо вместе, если ты *дример* , а я *сталкер* . «Противоположности сходятся, — ответила она. — Я — та, которая приведет тебя прямо к Бесконечному . Я твоя *настоящая* мать, та, которая любит тебя».)

Ожидая, пока принесут счет, мы завели разговор о писателях. Я рассказала Карлосу о странных обстоятельствах встречи с Гором Видалом и каким милым он мне показался. Мой отец только что умер, и мы с братом, онемев от горя, организовывали похороны и встречались с репортерами.

Остолбеневшие, мы увидели лицо нашего отца в вечерних новостях. Похороны должны были состояться через два дня. А на следующий вечер была запланирована вечеринка в честь

годовщины журнала «*Нэйшен*». Я предложила свой дом для *банкета* после торжественной речи Видала в университете. В истинно уоллесовских традициях мать и брат советовали мне посетить банкет и нанести визиты моим друзьям. Я должна была вернуться на похороны утренним рейсом.

В аэропорту я стояла, застыв на месте, уставившись на первые полосы газет, глядя на улыбающееся лицо отца, попыхивающего трубкой. А слезы катились по щекам...

Когда прибыл мистер Видал, он сочувственно пожал мою руку и сказал:

— Мне очень жаль вашего отца.

— Спасибо... Насколько я помню, у вас с отцом произошла *ссора* ?

Некогда случилась небольшая литературная потасовка: Видал раскритиковал одну из папиных книг, а мой отец миролюбиво ответил ему в частной беседе.

— Нет, — вежливо ответил Видал, — просто *стычка* .

Карлос слушал молча, когда я говорила об Ирвинге, но он нахмурился, когда я тепло заговорила о Видале.

— А, я встречался с ним! *Carajo! No Jodas!* Гор Видал сказал: «Единственная вещь, которая может подарить мне подлинное наслаждение в жизни, это если меня будут приветствовать овациями, как римского императора, вставая каждый раз при встрече со мной, Я хочу, чтобы меня приветствовала галерка!» *Вот что* оно делает с нами, *amorsita!* Какое *эго* мы имеем!

Карлос говорил о многих знаменитостях, которых он встречал. Ему особенно нравился бывший калифорнийский губернатор Джери Браун, нынешний мэр Окленда. Оказалось, что Карлос с уважением относился к его духовному поиску. Из великих латиноамериканских писателей он тепло отзывался о Габриэле Гарсиа Маркесе и Карлосе Фуэнтесе. Вообще, он был резок в отношении многих знаменитых людей, которых встречал. Он с отвращением упоминал Дженис Джоплин — сначала она ему нравилась, затем стала удручать. Он утверждал, что весь ее шарм заключался в кокаине.

В конце концов Карлос нежно взял мою руку, и мы шли, общаясь и наслаждаясь морским бризом и мерцанием океана внизу. Он стал рассказывать веселые байки и проделывать смешные штуки: он любил имитировать индийских гуру и лжешаманов. И вскоре я просто хохотала над его самой смешной шуткой: «*Когда прана встречает раму, они объединяются!* — *и тогда получается ПРАНА-РАМА* ».

— Ты не можешь позволить себе и *клочка* человеческой формы, если надеешься проскользнуть в щель между мирами (я помнила эту фразу из его книжек). Нужно быть *худым, тощим, с изможденным телом* и полностью свободным от чувства собственной важности. *Или... дверь с треском захлопнется перед твоим носом* . «Это» не позволит тебе войти в мир *магии* , — он вознес свои ухоженные руки к небу. — *Нечто* где-то там знает, что ты все еще сохраняешь человеческие формы, что ты еще не *изменился* . Мы называем это нечто «Похитителем тел». «Похищение тел» — это когда что-то новое заменяет *в тебе* то, к чему ты уже привык. Друзья больше не узнают тебя. Ты оставил их, и они чувствуют это. Но если ты цепляешься за свою человеческую форму, «это» выплюнет тебя. Может быть, сядем на эту скамейку?

— Карлос, у меня *дежа вю!* — Я закрыла глаза, прижала ладони к бровям.

— Тс-с-с! *No!* Не называй это никак — не давай этому имя!

Мы сидели, он взял мою руку, сплел пальцы и начал непостижимый, гипнотический, затаенный рассказ об отцовской фабрике по производству джема в Бразилии. Он нежно придвинул меня ближе, наши тела почти соприкасались. Карлос трогал губами мои волосы.

— Эйми, — прошептал он. Внезапно он стал таким торжественным, каким я его никогда не видела.

— Эйми, ты должна отдать свой *poto nagvalю* . В магических целях нам нужно иметь *близкие отношения* . Это единственный способ, который у нас остался. Щель между женских ног — магическая, и когда *нагваль* впрыскивает свой сок внутрь, тот идет прямо в мозг... Это самый быстрый путь. У нас нет времени вообще. На наших часах без пяти минут

полночь²⁴, я не могу жить без тебя.

Я улыбнулась:

— О неужели, старый грязный гуру?

Карлос обиделся:

— Это очень серьезное предложение, *chola*. Муни приготовила приглашение в «это» для тебя *там наверху, это то*, что шаманы называют «чистой проверкой любви». Это хорошо всегда и в любом количестве... Мы должны исполнить ее обет Духу. Почему бы тебе не поехать домой, в Беркли, и не подумать об этом? Позвони мне, когда ты примешь решение.

— Нет, — ответила я. За спиной была целая жизнь фальшивой бравады. Я представляла, каким экстраординарным приключением это могло бы быть, несмотря на то что ни один нерв у меня не дрогнул. Я взглянула на часы — четыре часа.

— У тебя есть время?

Карлос выглядел обескураженным. Я понимала, что сейчас впервые я по-настоящему сильно удивила и испугала его.

— Но, по, по! Не *сейчас*! Пусть будет *ночь* — это магическое время, *ночь принадлежит* магам.

Сейчас сумерки — это хороший знак.

Он беспокойно посмотрел на меня.

— Сегодня я обедаю со своей мамой и хорошим другом нашей семьи, Бобом, — сказала я, нарушив молчание. — Я буду дома в десять тридцать.

Хорошо, *пепи, отлично!* Я... я заберу тебя из дома Сильвии, когда стемнеет.

У дверей дома матери он целомудренно поцеловал меня в губы. — До встречи в половине одиннадцатого. *Жди на улице*. В следующий раз я зайду и поприветствую Сильвию как полагается.

Besos, mi amor!

глава 10 КАРЛОС КАСТАНЕДА ИДЕТ НА СВИДАНИЕ

Мир расширяется, когда приближается смерть, и все, что находится в нас, становится явственным, наше виденье расширяется, и несомненно — это чрезмерно для обычного человека.

Патрисия Хайсмит, запись в дневнике, 26 июля 1969 года

Хотя я и была потрясена, но вознамерилась действовать решительно и подготовиться к приключениям. Меня интриговали мотивы Карлоса и, конечно, привлекала возможность получить сверхъестественные способности. Что произойдет во время секса? Изменится мое осознание, войду ли я в неопишимо дивный мир второго внимания? Пропустят ли меня неорганические существа с голосами, отделенными от тела, через туннели, устроенные как пчелиные соты? Войду ли я в одну из книг Карлоса Кастанеды?

За обедом я потягивала мартини, ковырялась вилок в тарелке, пытаюсь всеми силами сосредоточиться на беседе. Время тянулось медленно — я украдкой и нервно посматривала на часы.

Я сказала матери, что встречаюсь с Карлосом, чтобы пойти на коктейль, — он заберет меня на улице.

Ее мягкое «хорошо, дорогая» почему-то заставило меня нервничать еще больше. Карлос прибыл на своем джипе «форд», одетый в элегантную повседневную одежду в стиле

---

²⁴ Т. е. пять минут до смерти. — *Примеч. ред.*

вестерн: джинсы, галстук болеро и красивый ремень с серебряной крученой пряжкой.

Минут десять мы ехали в мотель «Уилшир». За несколько кварталов до мотеля я заметила:

— Ты нервничаешь.

— Я нервничаю, как кот!

— Да ладно, *ты* и нервничаешь? Это я нервничаю... *Ты* — Карлос Кастанеда — ты делаешь это каждый день Он обескураженно посмотрел на меня. — *Нет*.

— О, *пожалуйста*!

— Я соблюдал целибат двадцать лет, *ожидая тебя*.

Я пристально посмотрела на него и пробормотала:

— *Non capisco niente!* Я ничего не понимаю!

Он радостно захихикал — *Non capisco niente* ... — повторил он и улыбнулся, но я видела, как напряглись его плечи и шея. Меня удивляло то, что он вел себя не так, как, по моему представлению, ведут себя прожженные соблазнитель. Определенно, никто не мог, за исключением опытного актера — боже упаси, *гуру*, — притвориться таким неподдельно нервным.

Внезапно он повернул и припарковался на улице. — Ты понимаешь, с чем ты связываешься, *chica*?

Насколько это *серьезно*?

— Да.

— Это *опасно, preciosa. Назад пути нет*.

— Я понимаю, сказала я, совершенно решившись, Карлос с сомнением посмотрел на меня. Когда он поворачивал ключ, его рука дрожала.

— Хорошо. Но мне нужно твое слово. Твое слово означает все для «этого».

— Карлос, я обещаю. Я даю слово.

Он торжественно кивнул, и мы двинулись вперед.

Мотель «Уилшир» в Лос-Анджелесе, где автор потерял свою «магическую невинность».

Мотель был дешевым, чистым и совершенно безобидным. Когда мы приблизились к администратору, Карлос улыбнулся мне и после минутного раздумья заявил:

— Мы миссис и мистер Саймон Парбетюр! Отметьте этот день в вашем календаре, миссис Парбетюр! — Он подписался под нашими «супружескими» именами — Сегодня Эйми Уоллес *умерла*, — прошептал он мне на ухо.

Когда мы, обнявшись, повернули к нашей комнате, он сделал торжественное заявление:

— *Когда ты мертва, ничто не может причинить тебе боль*. Что можно сделать с трупом? Дон Хуан приказал мне умереть.

— Как я узнаю, когда я умерла, дон Хуан? — спросила я.

— Когда тебе не нужны друзья, когда тебе никогда *больше не нужен никто*, — сказал он. — Пойди и найди дешевый мотель с зелеными портьерами и пятнами на ковре и оставайся там, пока не умрешь.

— Именно так я и поступил в свое время, папа. Я покажу тебе это место, оно в Голливуде. Я выходил только поесть и посмотреть кино. Я смотрел много фильмов. Так прошло три месяца. Однажды я проснулся и — мне *никто* не был нужен.

— Я говорю тебе: *придет* что-то еще. Похититель тел *реален*. Мне нравится такое кино — «*Нашествие похитителей тел*». У меня есть видео про *их жизнь*. Тебе надо посмотреть это, *chola*! А «*Бегущий по лезвию бритвы*», *ай*, этот фильм попал мне прямо *сюда*, — он прижал руку к сердцу — Каждый раз, когда смотрю его, я так плачу, ты не поверишь. Я повидал многое, как ты знаешь, — он процитировал, — атака кораблей в огне

восходящего из-за горизонта созвездия Ориона... Воспоминания теряются как слезы во время дождя... *время умирать* .

Карлос был так взвинчен, что настоял, чтобы мы оставались в одежде. Казалось, он стремился завершить акт быстро и удивительно по-деловому, возможно, охваченный возбуждением от исполнения желаний. Когда он неумело искал мои пуговицы, я остановила его и прошептала:

— Давай чуть расслабимся, Карлос. Давай поцелуемся.

Я нежно обняла *нагваля* , и эта пауза привнесла тепло и сладость в наше безумное слияние. Наконец Карлос преодолел свою неловкость.

Потом моя собственная страсть развернулась в полную силу — Эй, смотри, а то я забеременею.

Мы не использовали противозачаточных средств, тем более не обсуждали безопасный секс. Почему я так сделала, я не представляю. Я чувствовала, что это его вина, он как будто загипнотизировал меня.

Карлос отскочил от кровати и встал прямо передо мной, руки в боки.

— Я сделаю тебя беременной?

Невозможно! Сперма *нагваля* не человеческая. Она не подходит к твоей сущности! *Ты человек!*

Он встал на колени и нежно посмотрел между моих ног:

— Ах! Мы совершили это! Я посадил красное пятнышко энергии в твою *рото*. Я его вижу! Не позволяй ни одной капле спермы *нагваля* вылиться, *пеп* . Она сожжет твою человеческую форму. Если хотя бы капля прольется, это будет плохим знаком.

Он посмотрел опять:

— А, ничего! Отлично, отлично, — он отправился в ванну и вернулся с гигиенической салфеткой, свернутой в аккуратный квадратик. — Положи это напротив твоей *сонча* . Тогда все будет в сохранности.

— Карлос, я не знаю, смогу ли я сделать это снова.

— Это правильно, *чича* , абсолютно правильно. Мы сделали это один раз — для Бесконечности. Это зачтется. Но позволь сказать тебе: быть около *нагваля* — все равно что зависеть от наркотика. До тех пор, пока ты не начнешь терять человеческую форму, это привязывает, *очень сильно привязывает* . Тебе нужно отдохнуть после встречи со мной. Но ты захочешь еще этот наркотик, клянусь!

— Да, между прочим, — проворчал он, — ты и в самом деле можешь высосать их.

Последнее относилось к моему бывшему мужу и моему приятелю, особенно к последнему, чье ядовитое присутствие, по его словам, почувствовал Карлос. Он возмущенно покачал головой. На этот раз мне не хотелось возражать.

— Ну, *mi amorcita* ²⁵ ведь у тебя не было детей? Это оставляет ужасную дыру в женском энергетическом теле!

Это было хорошо известно читателям Кастанеды, и я удивилась, почему он не мог сам это увидеть, будучи *нагвалем* и все такое прочее.

— Нет. Я была беременна однажды, когда мне было двадцать, и сделала аборт. Это оставляет дыру? — я вспомнила, что книги Карлоса были полны причудливых рассказов о ведьмах, совершавших акты насилия над своими детьми, чтобы вернуть свою потерянную энергию.

— Аборт? — он задумался. — Ну, это не так плохо. Это оставляет только выбоину.

По дороге домой к матери я предложила остановиться и посетить моего брата и его семью в нескольких кварталах от дома родителей. Карлос поддерживал взаимоотношения с Дэвидом и Флорой, хотя он не виделся с ними уже целую вечность. Я хотела хорошо

---

²⁵ Моя сладкая (куб.) — *Примеч. ред.*

завершить этот вечер.

Карлос принял это с радостью, и мы провели несколько приятных часов с ними и их мальчиками, которых Карлос бесконечно любил. Весь вечер он был в центре внимания, рассказывая шумные истории, где он сам был предметом шуток. Моей любимой была история, в которой, будучи на пике своей грандиозной славы, он познакомился с семьей, принявшей его за скульптора Джо Кортеса. Они пригласили его на вечеринку в Малибу. И кем же была та знаменитость, к которой его пригласили? Да, — он был представлен самому *Карлосу Кастанеде*. Когда они прибыли, им показали стол с высокими стопками книг. Высокий загорелый мужчина в пиджаке в стиле Неру и с хвостиком сидел и надписывал книжки, созданные Карлосом Кастанедой.

«Подпишите для Джо Кортеса, — пробормотал Карлос. — Вы... э... *в самом деле он ? Я искал всю жизнь... Дон Хуан настоящий ?*»

Вручая книжку, «Кастанеда» снисходительно улыбнулся.

— Вы найдете ответы на *все* вопросы здесь. Мое благословение тебе, дитя мое. О, иди и заплати хозяину... там.

Встав, чтобы поговорить с группой вновь пришедших блондинок, шестифутовый «Кастанеда», воодушевившись, начал долгое повествование о своих замечательных приключениях с доном Хуаном в «нашей параллельной Вселенной».

Когда мы покинули дом моего брата, Карлос сказал, что визит прошел очень гладко и что я была изысканно грациозной и расслабленной. Он сиял — это был прекрасный знак для нас.

— Ты была так *естественна*, — похвалил он меня. — Без нервозности, такая красивая, роскошная и *могучая*. Ты совсем не пресыщена сексом, *chica* ... что-то изменилось в твоей энергии.

Карлос в своих книгах разработал свое собственное понимание «пресыщенных сексом». — Если у одного из родителей был захватывающий оргазм, можно родиться *наполовину* «непресыщенным» — это лучше, чем ничего. Истинный «непресыщенный» имеет дополнительную энергию и может заниматься сексом без риска потери энергии. Остальные должны соблюдать целибат, практиковать магические движения и «рекапитуляцию» — я научу тебя этой медитации позже. *Я* настоящий «пресыщенный». Я был зачат в спешке при открытой двери — именно поэтому я всегда очень нервозен и должен соблюдать целибат.

Я возразила, что я была поздним ребенком, мои родители оба имели любовные связи в это время.

Хотя я и была *желанным* вторым ребенком, моя мать страдала разрушительными нервными срывами. Теория Карлоса не имела смысла.

— Знаешь, в тебе имеется *нечто* — я не знаю, что это. Эйми, ты просто *не понимаешь* ! Ты для нас больше, чем Эйфелева башня! Ты — *Электрическая воительница, существо, которое мы ждем, — то здание, которое должно привести нас в Бесконечное !*

Я смотрела на Карлоса с подозрением. Это было уж чересчур — откровенная лесть в стиле «Нью эйдж».

Я уехала в Беркли на следующий день. Он позвонил мне сразу же и затем связывался по несколько раз в день, непрерывно заботясь обо мне. Он трясся над моим здоровьем и моей диетой, советовал ежедневно есть бифштексы и не злоупотреблять фруктами, принимать антибиотики от ушной инфекции и избегать лечения зубов, в чем я ужасно нуждалась, — мой дантист пришел в ужас, когда я сказала ему, что Кастанеда запретил лечение, но в конце концов состояние моих зубов настолько ухудшилось, что мне пришлось лечить сразу *несколько*. Он развлекал меня несмешными шутками, и я платила ему тем же. Я все еще переживала травму от того, что ведьмы отвернулись от меня, но я все меньше и меньше обращала на это внимание, по мере того как общение с Карлосом продолжалось и, казалось, становилось все более глубоким.

— Ты увидишь, *mi amorcita*, это чувство между нами не одностороннее, оно *взаимное*. Ты увидишь.

Скоро мы будем выть друг на друга, как два зверя!

Действительно, влюбиться в Карлоса было невероятно просто. Он продолжал звонить по десять раз на дню, даже по прошествии многих недель. И объяснял, что мы не можем встретиться снова — энергетически время еще не наступило. Но он приветствовал меня утром словами: «Как поживает самая прекрасная женщина в мире с начала времен и поныне?» И каждый вечер он мурлыкал: «Как ты, *mi mamita, mi corazn*? Твой мужчина сходит с ума по тебе!»

Карлос метался, переходя от романтического шепота к душераздирающим рассуждениям о смерти, таким же поэтичным, как и в его книгах. Потом он внезапно мог начать одну из своих веселых пародий — у него был огромный репертуар пародий на знаменитостей. Он развлекал меня смешным подражанием Энтони Куинну, играющему дону Хуана в киноверсии его книги, плачущего и повторяющего: «Кто же будет играть меня? Я слишком маленький, слишком невзрачный! Возможно, им нужно договориться с Шоном Коннери!» Он весело фантазировал, что произойдет, если он примет приглашение появиться на шоу Дэвида Леттермана.

— Леттерман: «Вы действительно превращались в ворону?»

— Кастанеда: «Да, Дэвид. Как я могу описать это? Это похоже на нечто, это включает...» — и пошел поехал с запинками, мучительными увертками. Способность Карлоса слушать была такой же невероятно привлекательной, как и его способность рассказчика. Это опьяняло. Его внимание было всеобъемлющим, его любопытство огромным. Все это поразительно контрастировало с невниманием во время беседы большинства из нас. Его манера располагала к доверию, люди жаждали рассказать ему свои тайны. Этим он напоминал мне моего отца.

Он сказал, что дон Хуан давал ему «магическую задачу» слушать в течение сотен часов пьяный, повторяющийся бред, пока Карлос не доведет до совершенства способность оставаться заинтересованным, отдавать все свое внимание другому. Он советовал мне практиковать эту технику.

Карлос постоянно играл в прозвища для меня. Одно было «Полин», по имени главной героини из фильма «*Риск Полины*», — он считал мою наивность и невежественность относительно его опасного мира магов покоряющими своей новизной. В конце концов, соискатели обучения действительно ночевали под открытым небом на его пороге, знали его книги наизусть. Я была другой. Второе прозвище было «Жемчуг», от «Белая Жемчужина», — это актриса, которая сыграла Полин. Я отказалась от обоих прозвищ, опасаясь, что они могут приклеиться. Я знала, что, когда Кастанеда давал своему ученику магическое имя, это был очень важный момент, и я решила держаться до конца, моля, чтобы у меня не было одного из его имен в стиле «*Звездных войн*» типа Зуна, или Бело, или Нули. Я рисковала. Когда я сказала ему, что мне нравится имя Эйми, он почувствовал крайнее отвращение. Он считал имена, данные семьей, «рабскими». Эта дерзость так задела его, что мне пришлось оставаться Эйми много лет.

Карлос клялся в том, что желал встречи, чтобы я «могла дать ему то, в чем он нуждался» — мою энергию, — он сможет сделать то же самое для меня в обмен. Но какое-то таинственное препятствие не позволит этому случиться.

В этот период я попала в затруднительное положение.

Только что умер мой дядя. Сестра моего отца горевала вместе с моими тремя кузенами и их семьями.

Несмотря на то, что я всегда была ужасно далека от семейных отношений, я хотела пойти на похороны. Я уже знала, что Карлос осуждал похороны, свадьбы, и все семейные мероприятия, — нужно просто прочитать его книги, чтобы понять это. Я решила лететь в Лос-Анджелес, взять такси до Форест Лон и на нем сразу же вернуться обратно.

Несколькими неделями позже я упомянула об этом при разговоре с Карлосом, прощупывая почву.

Он был потрясен:

— Ты была ТАМ?!

— Недолго, — ответила я небрежно. Я использовала тактику Кастанеды на Кастанеде, и это был один из тех немногих случаев, когда я видела его выведенным из равновесия. Я не просила разрешений, я не просила о встречах с ним. Я слегка волновалась, что если промахнусь, то упущу свой шанс, но обнаружила, что происходит обратное. Я действовала подобно персонажам в его книгах — я была «недоступна» слегка таинственна и независима от его команд. Он был так удивлен, что скомкал свою обвинительную речь и страстно захотел меня увидеть. Я неожиданно приоткрыла «дверь».

Заглянув в нее, я увидела первый ответ того, что потом станет моей связью с Карлосом, полной страстной любви-ненависти, с моим метанием между независимостью и преданностью, моими сальто-мортале между обожанием и неповиновением. Я не могла бы придумать более несчастливую, упрямую и неразлучную пару.

глава 11

СЕКС-МАГИЯ ПРИВОДИТ К ОПАСНОСТИ

И вот они идут... потому что достигли предела. Для человека, будь то мужчина или женщина, существует предел, за гранью которого любое стремление или дальнейшее размышление, истощаясь, начинают течь в обратном направлении. И это так, даже если человек никогда ничего не достигает или не способен ничего достичь. Для тех же, кто способен, предел индивидуален и непредсказуем. Но лишь немногие приближаются к нему. И те немногие, кто действительно приблизился, — это те, как я предполагаю, кто выходит из лесной чащи.

Роберт Айкмон. «Дальше в лес»

Вскоре я вернулась в Лос-Анджелес, намереваясь закончить «Книгу списков». Остановившись, как обычно, у матери, я жаждала проверить, позволит ли нам с Карлосом «энергия» заниматься сексом три ночи подряд. Теперь он клялся, что «три» — это магическое число, которое превратит меня в ведьму и скрепит печатью связь между нами. И раз мы начали действовать, то теперь «ни шагу назад», что бы ни случилось.

Когда я позвонила, Карлос был очень взволнован:

— *Chola!* Ты должна отдаться мне в доме Ирвинга, в *твоей детской спальне!* Вот магический способ вырвать тебя оттуда и освободить!

— Что? Да, конечно. Моя мать почти всегда дома, кроме трех дней в неделю, когда она посещает своего врача в Беверли-Хиллз, ее возит секретарь. Если ты спешишь, то сегодня было бы идеально. Она уйдет во второй половине дня и не скоро вернется из-за пробок.

— Нет, нет! Нам не хватит времени, нужно подождать другой возможности.

Я подумала, что он струсил, но тогда я точно не знала, где он жил, просто где-то в Вествуде.

— Ладно, хорошо, — ответила я, — давай в другой раз, послезавтра.

Я нервничала из-за такого поворота событий. В доме родителей моя комната находилась в конце холла, вдалеке от входа, — если мама заметит, улизнуть потихоньку не удастся. Но все-таки это было увлекательно, диковинно, *магически!*

Я вспомнила, как Флоринда рассказывала мне историю про первые дни ученичества Гвидо, директора театра. Она ехала с ним в Беверли-Хиллз, и Гвидо показал ей дом, где он вырос и где все еще жила его мать. Его отец оставил семейство ради другой женщины и умер

несколько лет назад. В тот момент, когда они проезжали мимо него, дом был свободен — матери Гвидо не было в городе.

— У тебя есть ключ? — поинтересовалась Флоринда.

— Да, как раз с собой, — ответил Гвидо. — Можно заскочить, посмотреть.

— Эйми, ты *не поверишь*, что это было за место! Скромненько для Беверли-Хиллз, — вспомни, как Гвидо комплексует по поводу существования, по его словам, «не на той стороне Уилшира». Но это было стильно! С тех пор как отец бросил их, мать продавала драгоценности в одном из лучших мест, в салоне Тиффани или что-то в этом роде. Прекрасный дом! Все как в театре, и даже в комнате Гвидо — переделанном подвале — просто заповедник! Его трофеи, призы, награды по шахматам, танцам, гольфу, — бог ты мой! Алтарь культа ее *милого мальчика*. К черту сестру и старшего брата! Только ее ненаглядный Гвидо!

— Но лучше всего было прозвище, данное ему мамочкой, — «ягненок». Представляешь? Дисней какой-то! — Флоринда фыркнула, а затем возбужденно продолжила:

— *Его детская кровать была завалена игрушечными ягнятами! Carajo!* Я бросилась прямо на нее, — ягнята *разлетелись*! Только так можно было разорвать заклетье мамочки, чтобы он смог стать одним из нас. Потом мы должны были все убрать, чтобы комната выглядела совершенно *нетронутой*.

Была ли эта инициация сексом? Возможно. Ведьмы, как я стала понемногу догадываться, проводили некоторых мужчин или женщин через быструю сексуальную инициацию под руководством Карлоса.

В великий день я позвонила *нагвалю*: «Скорее, Карлос, поторопись!»

Я оделась в легкое платье из газа, уселась на веранде и стала ждать. Через пятнадцать минут к дому подъехал автомобиль моей матери:

— О! Привет, мам! Вот это да! Что-то случилось?

— Не знаю, но я почувствовала, что нужно повернуть обратно. Мы так и сделали. Я не знаю почему, — она пожала плечами.

Я была совершенно ошеломлена.

— А я тут ждала Карлоса, мы собирались пойти пообедать.

— О? Прекрасно, дорогая, — она вошла в дом.

Через три минуты грузовичок Карлоса въехал в ворота. Он выглядел ошалевшим и ужасно нервничал. Я подбежала к нему и выложила все как есть.

— *Ай, ай, ай! Sono! Carajo!* Я — *такой пendejo*. Ты была права, я должен был прийти в тот день, — *откровение было тогда*, — но я был слишком медлительным.

— Карлос, похоже, это моя ошибка.

— Нет, не глупи. Она еще не готова к тому, чтобы позволить тебе уйти, вот и все.

— Почему бы нам не прокрасться в комнату? Пойдем!

— О нет, *corazón*, никогда ничего не форсируй. Всегда подчиняйся знакам. Пойдем пообедаем.

Пока я забиралась в джип, Карлос продолжал:

— Маг никогда ничего не форсирует на своем пути. Например, если дверь закрыта, то настоящий маг никогда не должен отворять ее, он будет ждать, когда появится другая дверь. Совершать такие ошибки свойственно человекообразным — мы ломимся в единственную дверь всю нашу жизнь, в то время как вокруг нас открыто множество других. Мы *упорствуем*, потому что *нечто* поглощает нашу энергию, — я все объясню тебе позже. Дух проходит мимо нас, и мы теряем Птицу Свободы. Однажды я совершил *ужасное* падение, *chola*, — сказал он зловеще, — и свобода прошла мимо. Именно поэтому у меня осталось так мало времени, поэтому я бегу так быстро. А ты должна бежать за своим мужем. Теперь ты стала моей женой, ты это понимаешь? Ха! Я думаю, что ты даже не *начала* понимать, что с тобой произошло! Я мог бы *умереть* за тебя! Нет ничего, что я не в состоянии сделать, чтобы освободить тебя! Пойдем снова в тот рыбный ресторан?

Мы немедленно это сделали и, не сговариваясь, заняли «наш» столик. И оба улынулись этому единодушию, как романтическая парочка.

— Видишь? — сказал он, ободренный таким знаком. У нас действительно *любофф* !

Мы заказали, как и в прошлый раз, рыбу гриль и картошку. Мне еще захотелось артишоков. Я спросила:

— Можно ли есть артишоки? Ты говорил, что лук не годится для магов, потому что он напоминает слои человеческой формы. А артишоки тоже?

— Сегодня мы можем есть все что угодно, даже лук.

Наш ранний обед был романтическим и радостным приключением — Карлос развлекал меня своими замечательными историями. Мы вышли из ресторана, целуясь и держась за руки. Я склонила голову ему на плечо. Были сумерки — магический час.

Мы пошли мимо высокого, тощего черного человека, который валялся на тротуаре, когда мы с Карлосом только входили в ресторан. Теперь он, проснувшись, стоял с протянутой рукой, выпрашивая мелочь. Он выглядел ужасно изможденным; при взгляде на его изрытое язвами лицо и расширенные зрачки на ум сразу приходил крэк²⁶. Карлос сделал нечто странное.

Вместо того чтобы дать ему мелочь или пройти мимо, он встал перед ним и, быстро жестикулируя, сначала чиркнул пальцем по горлу, что я истолковала как «А не пошел бы ты на х...й», затем последовали оскорбительные жесты, которые после шести месяцев, проведенных в Италии, я понимала. Я не могла поверить глазам. У *Карлоса Кастанеды* не было понятия о «кодексе подворотен»? Он фактически провоцировал опасного типа. Было ли это что-то вроде испытания?

Мы двинулись вперед, и, конечно же, за нами последовал хвост. Мы ускорили шаг, шли молча, под руку. У джипа человек приблизился к нам. Карлос едва успел пропустить меня на место пассажира и захлопнуть дверь, но сам уже не успел сесть в машину.

Сжавшись, я в ужасе наблюдала за ними. Я не слышала ничего, но говорили оба... Человек протянул руку. Он возвышался над Карлосом на добрый фут или больше и все время, пока говорил, не сводил с меня глаз. Я никогда до этого не чувствовала себя так близко к смерти. Отвратительные, налитые кровью глаза, взгляд голодного вампира, — он собирался ворваться в кабину.

Все это время Карлос говорил и говорил. И непрерывно рылся в карманах, грохоча ключами. В один момент он извлек горсть долларовых бумажек и мелочь... С удивительной смелостью Карлос положил бумажные деньги обратно в карман и дал человеку несколько монет. Очевидно, удовлетворившись, тот повернулся и пошел, потом остановился и напоследок жадно посмотрел на меня.

— Карлос! Боже мой! Как ты?..

Он раскрыл ладонь. В ней было полдоллара. Он щелкнул ногтем по ободку монеты, и оттуда выскочило лезвие.

— Карлос, это ужасное предзнаменование! Что это значит?

— *Nada, amor!* Это проклятое сосуществование — ты себе не представляешь, все катится к черту. Я помню, как Нед Браун зашел сюда однажды и какой-то парень пытался ограбить его, а потом...

Он пустился рассказывать очередной анекдот с бородой, намеренно забалтывая мой вопрос, И ненароком обмолвился, небрежно сунув свой нож в передний карман джинсов:

— Как он смотрел на тебя, *carajo* ! — Годы спустя, когда я расспрашивала его об этом эпизоде, мне было сказано, что это был явный знак того, что я «все еще плачу по счетам».

Когда мы припарковались перед домом моих родителей, Карлос прекратил свои подшучивания и стал очень серьезным. Он рассказал в красках жуткую историю убийства

---

²⁶ Крэк — жаргонное название дешевого синтетического наркотика, вызывающего быстрое привыкание и деградацию. — *Примеч. ред.*

человека гарротой²⁷ во время государственной службы. Это случилось еще до встречи с доном Хуаном, когда Карлос долгое время брал уроки у пожилого японского генерала, который учил его искусству выжидания, определения возможности нанесения смертельного удара за доли секунды.

— Он скончался у меня на руках. Учитель умер безупречно, подобно воину, но у него была карма, поэтому он не мог войти в пространство магов. (Единственный раз я услышала, что Карлос упоминает карму.) — Позже, когда я встретил дону Хуана, я сказал ему, что у меня есть страшная тайна — *ужасная, отвратительная*, и я никогда никому в ней не признавался. Я был учеником дона Хуана уже в течение многих лет, прежде чем я нашел в себе мужество сказать об этом *кошмаре*.

— Скажи мне, *estú pido*, — спросил дон Хуан, — что может быть плохим вообще? А? Поэтому ты всегда такой тяжелый, такой *pesado*? Почему я должен встать на голову, чтобы сдвинуть тебя хоть на дюйм? Что это за *ужасная* вещь, которую ты сделал?

— Я убивал людей, дон Хуан. Много людей.

— ВСЕГО-ТО!? Ты убивал *людей*? *Samjo*²⁸, Карлос, ты убивал *человекообразных*. И *это то*, чего ты так стыдишься? Убийство нескольких обезьян? Поверь мне, их всегда так много, что найдется тот, кто займет их место. И ты изнуряешь себя этим «великим секретом»? *Qui é coño?*

Сначала я ужаснулся этой холодности... Этой чудовищной жестокости! А затем я почувствовал, что тяжелое бремя, моя тяжкая ноша, свалилась с меня. Он заставил меня увидеть свою незначительность. Я был таким *важным* в собственных глазах, а свою вину я считал такой *всеобъемлющей*! В действительности же мои действия *ничего* не означали. Приматы — это мы все, моя радость, если только мы не совершаем *рывок* и не становимся волшебными существами, какими мы и должны быть.

— Там наверху, — он указал в небо, — там истинные приключения. Не здесь, среди приматов. Мы сгораем ярко, в одно мгновение — да, но мы ничто перед лицом Бесконечности. Ты — искра. Искра в *дриминге*. Путь воина — это присоединение к Бесконечности. Знаешь, всякий раз, когда я приезжаю в новый город, я иду выговориться к исповеднику. Это не имеет никакого отношения к религии или Богу — я исповедуюсь, чтобы очистить свой дух, обратиться к самому себе.

Я сидела молча и, пряча слезы, закрывала лицо руками.

— Ах, у тебя сейчас особое чувство — маги называют его «онтологическая печаль». Только тогда, когда ты не связана со своим «Я», ты можешь почувствовать ее, эта печаль — безлична, она — волна из той Бесконечности, из темного океана сознания. Когда она наносит удар — бум! — тогда тебе нужен я, именно тогда тебе нужен *нагваль*, чтобы заставить тебя улыбнуться. Только я могу помочь освободиться от этого.

Видишь, любовь моя, мы даже превратили нечто ужасное между нами в нечто красивое, — мы любим друг друга, а *это* так много. Спокойной ночи, моя любимая, я люблю тебя. Иди спать прямо сейчас и *сразу же* позвони своему мужу утром.

Мы поцеловались, и я сразу пошла в свою комнату. Глядя в потолок, я чувствовала смутную тяжесть. Это было плохое предзнаменование, и я это знала.

На следующий день Карлос приехал, чтобы забрать меня из дома. Он вошел поприветствовать мать.

Карлос развлекал ее очаровательными историями довольно долго, пока мне не надоело и не захотелось уехать.

Когда мы остались одни, он спросил:

---

²⁷ Удушение веревкой (исп.). — *Примеч. перевод.*

²⁸ Слабак (искаж. исп.) — *Примеч. ред.*

— Эйми, почему бы тебе не быть подобрей с Сильвией?

Я возразила:

— У нас всегда были сложные отношения. Ты должен понимать это — за столько-то лет.

— Но ей семьдесят три. Что тебе стоит сказать ей: «Я люблю тебя»?

Это были те слова, которые я использовала весьма экономно в отношении матери. Все еще ныли детские раны, и я страстно возражала Карлосу. Мне было уже за тридцать, но я цеплялась за болезненные воспоминания о травмах, нанесенных воспитанием матери, которая страдала тяжелыми депрессиями и иногда была очень жестока, хотя, я думаю, неосознанно. Выслушав простой совет Карлоса, я поняла, что я стала наконец достаточно взрослой, чтобы посмотреть на мать как на яркую, экстравагантную женщину, которая старалась изо всех сил вырастить двух детей, постоянно мучаясь повторяющимися нервными срывами.

Она и понятия не имела, что отношение к роли матери было у нее амбивалентным, — поведение ее было и причудливым, и разрушительным. Она довольно мягко обращалась со мной, с моими друзьями, а потом и с моим мужем; но в то же время ее злило мое поведение на людях. Она постоянно жаловалась на моего отца и не имела никакого представления о рамках приличия.

Я пыталась объяснить Карлосу, как разрушительна была моя жизнь с ней.

Карлос мягко продолжал:

— Только попробуй. Скажи: «Я люблю тебя». Она стара, ну что тебе стоит? Ничего. Кроме того, — шептал он, — если говорить это достаточно долго, ты, быть может, начнешь испытывать любовь, и довольно сильную.

При первой возможности я отважилась и, когда мы прощались, тепло обняла мать со словами: «Я люблю тебя, я так сильно люблю тебя».

Она была поражена:

— Я... Я тоже люблю тебя, малыш.

Я всячески проявляла теплоту и заботу о ней каждый раз, при каждом звонке, при каждом посещении. Я даже сказала ей, что она была замечательной матерью, и благодарила ее за все, что она дала мне. Я никогда не делала этого прежде.

При следующей встрече с Карлосом мы с матерью обнялись и поцеловались. Моя мать сияла, я тоже.

Карлос был в восторге и сказал: «Вот так-то лучше. Мне нравится *это*».

Скоро мой брат приехал в город и заметил, что я говорила нашей матери «я люблю тебя» каждый день. Это была явная перемена в наших отношениях.

— Эйми, *что* ты делаешь? Я ответила:

— Знаешь, она постарела, и я поняла... Какого черта!? Зачем жадничать!?

Он был потрясен:

— Хорошо, если ты так хочешь, я буду поступать так же.

Несколько месяцев спустя моя мать сказала: «Все мои друзья стали чужими для своих детей, но вы, ребята, такие изумительные, такие *нежные*, А раньше вы были такими *трудными*».

Карлос был абсолютно прав. Я полюбила ее, и все. Возможно, без Карлоса я могла бы упустить свой шанс; мать вполне могла умереть, так и не почувствовав любви со стороны дочери. Магия Карлоса было проста: моя мать ответила любовью на любовь.

После нескольких поездок в Лос-Анджелес Карлос и я достигли нашей цели — три дня подряд любовных утех. Он теперь постоянно обращался ко мне, называя женой, и твердил, что, когда «энергия будет правильной», мы поженимся официально, так что «мне бы следовало относиться к нашему союзу более серьезно». Тем не менее, раз мы энергически поженились, то, как считал он, я готова для свадебного путешествия.

— Хотела бы ты поехать в Мексику с твоим *marido, mi amor* ?

глава 12

МЕКСИКА С КАСТАНЕДОЙ

Мы должны были умереть вместе — лет десять назад или ранее — это было бы лучше, чем дать этому случиться с каждым поодиночке. Хорошее правило.

Когда наконец вы будете действительно счастливы, умрите сразу же.

Роберт Айкман «Попытка спасения»

Мексика с Кастанедой! Я никогда не была в Мексике, и теперь я отправлялась туда с последним и самым великим из *brujos* в его магический дом. Он откроет свои шаманские тайны. Я представляла это как Диснейленд паранормального: Карлос и я пробираемся сквозь кактусы к подземным пещерам, где станем потягивать странное варево, изменяющее сознание, и беседовать с древними мудрецами. Мы будем исследовать «места силы», описанные в его книгах. Мы сгорим в шаманском ритуале смерти, о которой мы мечтали, «выгорим» с восторгом в огненном шаре, явившись неповрежденными в другой мир, и ничто никогда не разлучит нас. Какая искательница приключений могла бы сказать нет?

Я вылетела из Сан-Франциско в Мехико, и Карлос встретил меня в аэропорту. Он нервно поприветствовал меня и засунул в автомобиль, которым управлял приветливый, учтивый молодой человек по имени Антонио Карам. Тони, как назвал его Карлос, управляющий «Каса Тибет», Буддийским институтом в Мехико, был просто чудом — другом Далай-ламы и магнитом для паранормальных событий. Карлос нежно окрестил его «Тони-лама», а Тони называл его «*nagualito*».

Марива, дружелюбная женщина средних лет, сидела около Тони. Карлос нетерпеливо притянул меня к себе и стал тискать на заднем сиденье, пока я, краснея, не вырвалась.

— Здесь же твои друзья, — прошептала я.

— Они даже не замечают, — настаивал он, как подросток в кинотеатре.

Мы провели два дня в непрерывной деятельности, в безостановочных кутежах с очаровательными друзьями Карлоса, включая его мексиканского издателя, которого он представил как «своего племянника». Карлос читал трехчасовые лекции по-испански, который я не понимала, для небольших групп поклонников, демонстрируя простые «тенсегритические пассы». Одна из лекций проходила в зале заседаний транспортного агентства, другая — в маленьком Институте Нью Эйдж.

Одна женщина театрально упала в обморок — у нее был шок от пребывания в одной комнате с *нагвалем*. Карлос остался равнодушен, и кто-то вынес ее из комнаты. Жизнь с Кастанедой постоянно была наполнена событиями.

Карлос хотел, чтобы на первой лекции я сидела около него на стуле — большая честь, оказанная мне, о которой я, как обычно, не имела понятия. Спустя час я прошептала ему на ухо, что собираюсь прогуляться. Это был мой первый свободный вечер, а я еще не отдохнула — сначала долгий перелет на самолете, теперь лекция... Он настоял, чтобы Марива сопровождала меня. Теперь я понимаю, что серьезно нарушила этикет, уйдя от *нагваля* и лишив Мариву редкой возможности послушать лекцию.

Но Карлос и Марива были доброжелательны настолько, что я и не заметила свою оплошность.

На лекции, как я узнала, Карлос учил важнейшей медитации на «рекапитуляцию», при которой каждый вслед за списком когда-либо встреченных людей, которых можно было вспомнить, составляет список всех своих сексуальных связей. На создание списков можно было потратить месяцы кропотливой работы. Затем начиналась исполинская работа по очищению от вредного воздействия этих человеческих влияний. Это была *фундаментальная* практика Карлоса, не получившая достаточного объяснения в его книгах.

Гостиница «Мария Кристина».

Мы остановились в скромной, приятной гостинице «Мария Кристина», в разных комнатах. Скоро мы стали жить в одной комнате, но сначала это было рискованно: «Я могу улететь и не вернуться», — объяснил он. Когда я увидела свою комнату, у меня возникло ошеломляющее чувство *дежа вю* — я узнавала комнату, мебель, все вокруг. Я сказала об этом Карлосу, который остался чрезвычайно доволен, но по обыкновению не стал подробно останавливаться на паранормальных опытах своих учеников.

Утром Тони подкинул Карлосу несколько фотографий, которые тот отказался показать и только сообщил мне, что это — фото *voladores*, или «летунов», — развоплощенных энергетических вампиров; тех, кто пожирает наше сознание ежедневно; существ, на которых он так часто ссылался.

Он настаивал, чтобы сначала эти фотографии посмотрела Флоринда. Я почувствовала себя уязвленной.

Друзья Карлоса показались мне восхитительными. Тони был самым приятным, и мы несколько раз вместе ужинали. Хотя *нагваль* и предпочитал церемонные банкеты, но в конце концов предпочел хороший обед в домашнем стиле. Во время одного обеда Карлос вытащил из кармана изящные часы *приблизительно* 1940 года выпуска и пустил их по кругу, говоря, что они принадлежали дону Хуану.

Везде, где бы мы ни ели, Карлос заказывал для себя бифштекс — это он считал ключом здоровой диеты. А когда мне принесли тарелку с дымящимися *enchiladas con salsa verde*²⁹, он кинулся к ней, стал таскать сметану и все остальное. Мне нравилось такое поведение женатого человека, который напоминал мне мое еврейское семейство за столом. Карлос утверждал, что фактически он был сефардом³⁰ по бабушке с материнской стороны.

К счастью, я понравилась друзьям Карлоса, а они понравились мне. Он сказал мне гордо:

— Когда нам кто-то нравится, мы называем его по-испански *simpatico*, но моим друзьям это слово кажется слишком маленьким для тебя. Они называют тебя *encantada, singula* — очаровательная, особенная. Они обожают тебя так же, как твой мужчина.

Карлос провел экскурсию по великолепному Национальному музею антропологии в Мехико, где к нам присоединился Рамон. Карлос предупредил меня, что посещение сдвинет мою точку сборки и может серьезно меня утомить. Это лишь первая экскурсия из множества других, поэтому мы не должны в это погружаться — а только «бегло пройтись». Прежде всего он хотел показать мне полдюжины больших статуй, которые изображают ведьм и чакмул, они фигурируют в его нетрадиционной теории реинкарнации, называемой «цикличностью», которую он пообещал объяснить позже.

Знаменитый Национальный музей антропологии в Мехико.

Слева: Похожая на «атланта» статуя в Национальном музее антропологии в Мехико, которая, как говорил Карлос, «изображает разъяренную Флоринду с амулетом в виде

---

²⁹ Блюдо мексиканской кухни. — *Примеч. ред.*

³⁰ Испанским евреем. — *Примеч. ред.*

ягуара».

Справа: Правитель Паленке — нефритовая статуэтка, у которой, согласно Карлосу, «сильные и здоровые энергетические линии, пересекающие грудь».

Карлос непременно хотел показать нам знаменитую статую правителя Паленке в полный рост, в одеянии для погребения, сделанную из огромного цельного куска нефрита. Карлос объяснял, что четкие линии, пересекающие грудь статуи, представляют собой «лучи энергии», которые в напряженном состоянии не имеют ни малейшего прогиба, что отличает безупречного воина. Он сослался на кого-то в группе, кто пришел к нему настолько ослабленным, что попался в ловушку своих собственных слабых «энергетических лучей», но самодисциплиной подтянул их.

Слева: Похожая на «атланта» статуя в Национальном музее антропологии в Мехико, которая, как говорил Карлос, «изображает Тайшу — самую сложную из статуй ведьм».

Справа: Фигура из Национального музея антропологии в Мехико, которая, как утверждал Карлос, «практикует тенсегрити».

Внизу: Типичная «чакмула» Чичен-Ица, 900-1521 г. н. э. Предположительно статуэтка предназначалась для воскуривания фимиама, но Карлос утверждал, что «они были охранительницами ведьм».

Рамон был убежденным приверженцем веземной теории и поинтересовался у Карлоса, мог ли нефритовый человек быть представителем веземного разума. Карлос ответил резко и грубо:

— Кто знает?

Кульминацией экскурсии было посещение маленькой комнаты, где Карлос показал рукой на стену и сказал:

— Там! Вы видите это? Вы понимаете?

На стене висела древняя посмертная маска, которая, по словам Карлоса, представляет собой дух моего отца, она *была* моим отцом — это было не просто сходство. Она так была похожа на Ирвинга, что, увидев ее, я заплакала и, чтобы скрыть слезы, закрыла лицо руками.

— Милая, — сказал Карлос нежно, — тебе надо отдохнуть. Я говорил, что находиться рядом с *нагвалем* — это великое напряжение! Это будет тебя утомлять до тех пор, пока тело не приспособится. Посмотри на Ирвинга! *Это ведь* Ирвинг? Да или нет? — глаза Карлоса сияли от едва сдерживаемых слез.

Он снова передразнил свои разговоры с моим отцом о том, как они молодо выглядели, и добавил:

— Эйми, поверь мне, мы были парой старых пердунов и выглядели *дерьмово*, но каждый год обязательно лгали и смеялись над своим уходом и понимали это! Это было изумительно! И сейчас, когда я прихожу сюда, а я прихожу сюда *десятилетиями*, я говорю: «Привет, Ирвинг!» В течение многих лет я приветствую его словами: «Ирвинг, как дела! Ты выглядишь моложе, чем раньше!» — Карлос смахнул слезы и повел меня к выходу.

Мы вышли из музея, чтобы вдохнуть немного воздуха, и тут же оказались участниками одного из наиболее известных культурных событий Мехико. На территории музея стоял невероятно высокий шест — казалось, что он был сотню футов высотой, — в моем преувеличенном воображении он терялся в облаках, доставая до ранних мерцающих звезд.

Шесть мужчин с кожаными ремнями вокруг ног карабкались на этот шест. На них была красочная, странная одежда, но всюду, где бы ни проглядывало сухопарое обнаженное тело, я видела великолепные мускулы. Они напоминали существ из далекого мира, описанного

Карлосом в одной из его книг. Он сказал мне, что их называют «*voladores*»³¹, но они не имеют отношения к *летунам*, изображенным на фотографиях Тони.

В манере воладорес было много и кошачьего, и человеческого: изящество, сила и высочайшая концентрация. Несмотря на кожаные ремни, один промах означал смерть — ремни могли легко оборваться. Мы держались за руки и ни взглядом, ни словом не обменивались друг с другом, хотя я ясно чувствовала, как чувствуют только влюбленные, что мы с Карлосом понимаем друг друга. Вся наша жизнь состояла теперь из таких драгоценных моментов, возвышенных и незащищенных. Искусство *voladores*, их театр, повторяющийся уже в течение сотен лет, был задуман, чтобы пробудить в нас осознание неизбежной, ужасной близости нашего конца. Это было философией Карлоса: «Смерть всегда нужно принимать как советчицу, стоящую за плечом».

Voladores (летуны) снаружи Национального музея антропологии в Мехико.

Очевидно, люди ждали этого представления целый день. Карлос считал прекрасным знаком, указывающим на силу нашей любви, то обстоятельство, что мы вышли из музея точно к началу представления. Когда он увидел, что танец начался, его глаза снова наполнились слезами, и это было впервые, когда я видела его плачущим по-настоящему.

— Они достигают Бесконечности, Эйми. Они знают, что их поиски бесполезны, но они карабкаются и карабкаются и никогда не сдаются. Они *постигают*, как *может* человек, *зная*, что его борьба безнадежна, разорвать свои цепи и вырваться из тюрьмы, и ничто не может его остановить. Если он полон радости и говорит: «Насрать! Насрать на самого Бога! Радость в самом действии», — тогда он обладает всем. Когда то, что ты имеешь, — более чем достаточно, любимая, *тогда* и только тогда ты близка к совершенству. *Нечто* все видит, и это нечто одобряет нашу борьбу.

Мы поцеловались.

Танцоры достигли самой высокой точки. Вокруг их лодыжек были обмотаны шнуры, и они понемногу стали распутывать их, чтобы необыкновенно красиво падать прямо в объятия небес. Они действовали так точно и согласованно, так великолепно раскачивались и кружились в этом танце со смертью, что мне казалось это почти непостижимым, несмотря на то что я видела это своими глазами.

— Однажды, — сказал Карлос торжественно, — я был с доном Хуаном, и нам был дан такой же знак — мы вышли наружу, и там были *воладорес*. Они только начинали подниматься. Когда же они на закате закружились против солнца, то огромный орел — с *вот такими большими* крыльями — пролетел по небу над шестом, над головами танцоров. Орел парил невероятно высоко до тех пор, пока не стал крошечной точкой в синей бесконечности, — все стерлось в памяти, кроме его полета.

Мы возвратились в гостиницу молча. Вскоре я постучалась в дверь Карлоса, одетая в светлое шелковое платье.

— Ты похожа на монахиню, — сказал он удивленно.

Карлос поцеловал меня в шею так нежно, как будто она была чем-то хрупким. И мы, держа друг друга в объятиях и глядя друг другу в глаза, стали заниматься любовью. Вся застенчивость прошла, и я сказала:

— Я люблю тебя.

— Что? — явно потрясенный, переспросил он. — *Ты меня* любишь?

— Да. Я люблю тебя.

---

³¹ Мексиканские акробаты. — *Примеч. ред.*

— Ах! И я люблю тебя! Ты моя, *preciosa, вся моя*. Ты принадлежишь мне, и я принадлежу тебе; я принадлежу только тебе — нет больше никого, и никогда не будет. Я — *твой мужчина* навечно. Ты обещаешь отдать себя полностью твоему мужу?

— Да.

— Ты понимаешь, что ты говоришь? — его глаза пугающе вспыхнули. — Ты будешь женой *нагваля*. Ты *никогда не сможешь вернуться*. Тот мир, который ты знаешь, потерян для тебя навсегда. Я глубоко внутри тебя, я сливаюсь с моей обожаемой женой... теперь ты больше не человек. Ты сказала «до свидания» миру. Ты спрашиваешь себя, почему ты не видишь вещи такими, какими их вижу я? Я объясню. Если ты изучаешь биологию, ты принимаешь биологию на сто один процент. То же самое с магией. Теперь ты будешь принимать магию на сто один а процент.

Зазвонил телефон, и, отвечая, Карлос начал долгую беседу на таком стремительном испанском, что я ничего не могла понять и удалилась в свою комнату.

Через полчаса я снова постучала в дверь Карлоса. Я увидела, что он сидит на кровати, обхватив голову руками. В шлепанцах и халате, с растрепанными седыми волосами он впервые показался мне стариком.

Я села около него:

— Что случилось?

— Мне надо уйти в одно место, *chica*.

— Я могу пойти с тобой?

— No, no. Я хочу остаться *здесь с тобой*, но я должен идти с индейцами.

— Индейцами из твоих книг?

— No! С другими индейцами! — Карлос в отчаянии потер лоб и бросил на меня сокрушенный взгляд. — Я не хочу идти! Я хочу быть *здесь с тобой*, я хочу *остаться с тобой*, но у меня нет выбора. Ты должна будешь улететь домой первым утренним рейсом. Иди и спи, моя любимая, я разбужу тебя в пять.

Он поправил локон моих волос и нежно поцеловал меня в шею возле левого уха.

— Чтобы другая сторона не была одинокой, — добавил он, целуя правое ухо. Его глаза были задумчивы и глубоко печальны. — Я посажу тебя в самолет и позвоню в первую же минуту, как только смогу, *mi corazón*. Я люблю тебя.

глава 13

МАГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ТАЙНЫЙ ДОМ МАГОВ

*Для верных слуг нет ничего другого,
Как ожидать у двери госпожу.
Так, прихотям твоим служить готовый,
Я в ожиданье время провожу.
Я про себя бранить не смею скуку,
За стрелками часов твоих следя.
Не проклиная горькую разлуку,
За дверь твою по знаку выходя.
Не позволяю помыслам ревнивым
Переступить заветный твой порог,
И, бедный раб, считаю я счастливым
Того, кто час пробыть с тобою мог.
Что хочешь делай.
Я лишился зрения,
И нет во мне ни тени подозрения.
Уильям Шекспир, Сонет 57 (пер. С. Маршака)*

Флоринда связалась со мной, позвонив мне в Беркли. Она ругала меня за мои буржуазные романтические чувства, говоря, что это абсурд — «влюбиться в *нагваля* ». Я возражала — ведь именно Карлос сделал мне признание. Она раздраженно вздыхала. Куртуазность, настаивала она, это бич человечества, худшее из зол, «социальный заказ». Чем дальше, тем больше я понимала, что, перестав интересоваться книгами Карлоса после юношеского периода, я отдалилась от группы тех, которые пришли в это время, чтобы стать его учениками.

Флоринда намекнула, что я была поймана в ловушку ухаживанием Карлоса так же, как это было с учениками более раннего поколения. В душе я была польщена, и все же вместе с тем огорчена настойчивостью Флоринды, утверждавшей, что я неправильно истолковала свой роман. Я спросила об этом Карлоса.

— Я знаю, что я не должна чувствовать это, но я *хочу* тебя так, как любящая женщина хочет мужчину!

Он ответил:

— Я люблю тебя точно так же, *mi corazón* ! Как мужчина хочет свою женщину! Я твой мужчина!

Про себя я решила — Флоринда была из тех, кому этого не понять.

Теперь я встречалась с Карлосом нерегулярно, и все же наша романтическая страсть росла. В один прекрасный день он притянул меня к себе, усадил на колени и уткнулся лицом мне в шею. Когда он поднял глаза, я увидела, что они блестели от слез; он сказал; — Я чувствую такую связь с тобой, такую *неразрывность* . Такого никогда прежде не было, *amorcita* , даже в отношениях с моей сестрой Муни.

Любопытно, что теперь Карлос находил гораздо меньше причин ругать меня. Возможно, это была реакция на близость, которую он жаждал и нашел, а возможно, испуг. Его критика были болезненна: моя одежда неэлегантна, я не должна держать котов, я нахожусь в «человеческой форме». Несмотря на перепутанность его ролей — отца, возлюбленного в гуру, — безумное увлечение ослепляло меня.

Карлос велел мне объявить о нашей помолвке. Я сказала всем, кроме матери.

— Почему ты просил, чтобы я сказала об этом, Карлос? — поинтересовалась я; он был обычно так скрытен.

— Я хотел посмотреть, что «Нью эйдж» сделает с тобой, если ты будешь обручена с Кастанедой.

— Что ты увидел?

— *Невероятную* зависть. Энергию тел, содрogaющихся от ненависти! — Его передернуло.

Карлос наконец решил, что я была готова посетить его шаманское жильё. Он говорил о нем как о «доме ведьм» или «доме Тайши». Он подчеркивал, что это был магический дом, и поэтому мы «никогда не сможем перестроить его полностью, мы можем только сделать ремонт». Когда энергия позволяла, Карлос активно занимался плотницкими работами и ухаживал за территорией, например мостил дорожки в саду так, чтобы они напоминали ему тропинки в UCLA, на которых он впервые достиг «внутренней тишины».

Приехав за мной в сумерки, то есть в «магический час», Карлос повез меня из Brentvуда в жилой район Westvуда и остановился перед огромным причудливым архитектурным сооружением в испанском стиле, окруженном двенадцатифутовой оградой. Взяв мою руку, он провел меня через кованые ворота в зеленый, миниатюрный фруктовый сад; там были сочные фиги, кумкваты³², апельсины, персики. Одна стена была покрыта розмарином — я купалась в отваре побегов этого растения, срезанных самим доном Хуаном. Мы скользили, как эльфы, через волшебный сад.

Он указал на скрюченное дерева:

---

³² Маленькие апельсины. — *Примеч. перев.*

— Это Тайша, — сказал он загадочно. — А это, — он указал на более тонкое дерево, — Флоринда.

Мы приблизились к персиковому дереву, которое только что начало плодоносить. Я улыбнулась с надеждой. Карлос проказливо улыбнулся и дотянулся до персика, который только набирал сладость.

Сорвав его, он шепотом приказал:

— *Chola*, ешь здесь, все ешь здесь.

Я чувствовала себя Персефоной, пробующей гранат в Подземном мире. Мы пробирались через вытянутый по периметру сад в стиле двадцатых годов. Карлос ликовал как ребенок. Мы остановились перед дверью, единственным художественным оформлением которой были две каменные статуэтки лягушек.

— Это три Флориндины, — сказал он, — лягушка, бабочка и колибри — три существа силы.

Он махнул в сторону патио позади нас.

— Это место, где Большая Флоринда, помощница дона Хуана, стоявшая за нами, чтобы отвести нас, после того как он ушел, сгорела на моих глазах! На ней было свободное белое солнечное платье и широкополая шляпа с кружевной вуалью.

Карлос печально покачал головой.

— Она сказала, что мы настоящие задницы, невозможные эгоманьяки и что она больше не может нас ждать! Она была готова идти и, схватив одной рукой маленькую Фло, хотела утянуть ее в Бесконечность! Я схватил ее за другую руку и тащил обратно изо всех сил! И!.. *Большая Флоринда сгорела изнутри! Qué bárbaro!* Маленькая Флоринда была в ярости из-за того, что осталась. Она заставила меня *пообещать*, что я возьму ее с собой в Бесконечность, ведь я украл ее шанс. Она говорила, что я обманул ее и что я должен дать ей крылья, чтобы улететь.

Дом был удивительно просторен. Белые оштукатуренные стены, деревянные полы и никакой мебели, кроме самых необходимых простых вещей. Карлос вел меня через прихожую и показывал по пути комнаты. Каждая последующая была проще предыдущей. Бегло оглядев его спальню, я увидела довольно большую, длинную комнату с кроватью королевского размера, столом у кровати и длинным незатейливым письменным столом, заваленным грудой бумаг. На нем лежал «Кансонэс» (сборник испанских народных песен) и объемный испанско-английский словарь. Зрение Карлоса было плохим — Флоринда намекала, что у него была и катаракта, и глаукома, — я заметила, что размер шрифта на бумагах был большой. Не было ни пишущей машинки, ни компьютера. Свет проникал из двух красивых просторных окон на крыше, которые построил Карлос. Я позже видела, как он управлялся с ними при помощи длинных шестов, которые хранил около кровати. В углу комнаты был стенд со старинными тростями и посохами, которые, как он говорил, принадлежали дону Хуану.

Беспорядок был только на прикроватном столике. Он выглядел как столик обычного человека, если бы не большой нож, нити бус из опала, лунный камень и янтарь, лежавшие среди обычных коробков спичек и часов с большим циферблатом. Причудливый предмет на письменном столе привлек мое внимание. Это был резиновый фаллоимитатор. На нем лежали очки.

— Это для очков, — сказал Карлос немного раздраженно, выводя меня из комнаты.

Мы прошли мимо закрытой двери.

— *Это* комната, в которой умерла Ла Горда, потому что она была эгоманьяком! *Мы не открывали эту дверь с того самого дня, как она умерла.*

Карлос повел меня назад через темнеющий сад на улицу. Между нашими пальцами пробежало электричество. Пока Карлос искал свои ключи, я ненадолго оглянулась, чтобы увидеть улицу, мало ли, меня спросят о ней позже. Я очень плохо ориентируюсь, и неудача при очередном расспросе Карлоса о концентрации внимания могла иметь фатальные последствия.

Карлос замер и медленно покачал головой:

— Я знал это. Я *знал*, что ты так сделаешь! Кто ты?! Частный детектив?! Ты *высматривала!* ТЫ ПРОВАЛИЛАСЬ! Вот так Ты все разрушила.

— Я?! Я..

Карлос молчал. Я неправильно поняла свою задачу. Я полагала, что для того, чтобы стать хорошим воином, надо помнить, где я была, незаметно отмечая все пути. Я сидела и плакала. Когда мы подъехали к двери дома матери, Карлос скомандовал:

— Возвращайся в Беркли немедленно, — он сделал паузу. — Ты *такая* срань! О, да! — он пожал плечами, — впрочем, как и я.

Он отвернулся, когда я потянулась, чтобы его поцеловать.

глава 14 ПЛОД СОЗРЕЛ

Как было написано, — я должен быть верен кошмарам своего выбора.

Джозеф Конрад «Сердце тьмы»

Я представляю, что большинство читателей могли бы спросить: «При таком медовом месяце, после таких оскорблений, почему вы продолжали поддерживать эти взаимоотношения, становясь одним из козлов отпущения в группе?»

Причина лежала глубоко в моем детстве и юности. Я изучала *цигун* и другие боевые искусства как духовную практику, — я была «духовно ищущей» в 70-х и написала оригинальную книгу о хилерстве и телепатии. И я с благоговением относилась к Карлосу, одному из величайших учителей и авторов моего поколения.

Когда отец, которого я обожала, умер в 1990 году, в течение двух лет я нашла в Карлосе приемного отца. Я была «помолвлена» с лицом, замещающим папу, — фактически тот же самый возраст, оба — авторы бестселлеров и писатели, взрывающие устои общества, авторитеты для целого поколения. Я осознавала только половину своих мотивов.

Мое семейство, хотя и было одарено множеством талантов, было также не вполне приспособлено к жизни. Когда напряжение в доме стало не выносимым, каждый разработал свою стратегию выживания.

Моя мать страдала от постоянных нервных срывов, последовавших за прервавшейся карьерой фотожурналистки Голливуда, вызванной необходимостью воспитывать двух детей. Брак моих родителей, который начинался как истинно счастливый союз влюбленных и равных, терпел крах из-за страха замкнутых пространств моей матери и частых отлучек папы, его рабочих командировок.

Моя мать чувствовала себя несчастной, брошенной и одинокой.

В соответствии с их ценностями (и таких семей было немало в их поколении) развод даже не обсуждался. Любовные интрижки на стороне, настоящая брань и оскорбления стали частью их жизни. Моему отцу были прописаны сильные амфетамины для контроля над весом, он напивался в одиночестве под утро, чтобы снизить эффект стимуляторов.

Вся семья знала, хотя мы никогда не говорили об этом, что он имел серьезную любовную интригу с одной журналисткой и еще несколько коротких романов. Все же однажды он объявил мне в присутствии матери, что, если бы она когда-либо обманула его, он немедленно разорвал бы брак. Я обожала отца и боялась, что развод оставит меня на попечении матери.

Мой брат Дэвид, на восемь лет старше меня, убежал в свой собственный мир логики и чисел. К семи годам он изобрел статистические игры, и это закончилось пожизненным романом с информационными системами. Наряду со страстью к спортивным состязаниям это привело его к тому, что он стал известным историком Олимпийских игр.

И девочкой, и подростком я боготворила его. Только мой восьмилетний брак и возраст — мне было уже больше двадцати лет — позволил образоваться некоторой дистанции между нами. До тех пор мой брат представлял собой идеал человека, способного порвать связь с семейным домом. После того как я провела свою юность в школе-интернате в Новой Англии, я переехала в Беркли и жила вместе с Дэвидом.

Автору два года, с братом.

Его способность, подобно Гудини, «выпутываться» из семейных цепей казалась мне волшебной.

Когда мы возвратились в дом наших родителей, чтобы писать книги, это было временным явлением.

Даже в этом случае напряженность порой была просто невыносима. И, напротив, в последние годы мое семейство часто переживало счастливые, интересные времена, когда мы совместно трудились над составлением «Книги списков», колонки для «Сигнифика», и в период хождения по передвижным книжным магазинам в Лос-Анджелесе. Вся семья вместе с удовольствием наблюдала развитие Уотергейтского скандала, что сближало нас.

Будучи ребенком, я ощущала нарастающую отчужденность моих родителей, и уходила в мир волшебных сказок, жадно читая, сочиняя стихи и короткие рассказы. Самые любимые воспоминания о моей матери — это когда она брала меня в библиотеку и помогала выбирать на стеллажах волшебные мифы и басни. Эта страсть привела меня к карьере романиста и биографа.

Когда семейный прессинг становился невыносимым, отец просто вставал и выходил из-за обеденного стола или из телевизионной комнаты в свой кабинет, чтобы писать. Или, что было гораздо хуже, уезжал из страны на длительные периоды, работая как иностранный корреспондент, позже проводя время в биографических исследованиях для своих романов.

Обо всем, что ее окружало, мать отзывалась с мрачным сарказмом. Нас веселили ее остроумные замечания в стиле Дороти Паркер и пугало, если она становилась все более и более язвительной.

Семья Уоллес, 1966 год.

В начале шестидесятых наши портреты, как представителей образцового семейства, печатали в «Лайф». В шесть я улыбалась для камеры, сжимая нашего кота. Десятилетия спустя журнал «Пипл» увековечил изображение, на котором мой отец, брат и я были запечатлены во время написания серии «Книги списков», которые долгое время возглавляли рейтинг бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

Неоднократно поклонники говорили мне: «Я не могу пережить один-единственный обед с моими родителями! Как же вы делаете это? Какие вы все-таки молодцы!»

Внутри своего клана мы никогда не говорили с наших проблемах, вместо этого мы прятали их куда подальше. Несмотря на семейные сцены, чрезмерное употребление стимуляторов и ссоры, мы сосуществовали бок о бок, проявляя любовь и уважение шутя и напряженно работая.

Когда мой отец умер от рака поджелудочной железы, не было ничего неожиданного в том, что я влюбилась в мужчину, которого знала и который имел влияние, равное магической харизме моего отца; потрясающий талант рассказчика, мудрость, опытность и невыразимое обаяние.

Я поверила, что нашла подлинный духовный путь, который исцелит глубокие раны детства.

Отец редко проявлял свою любовь ко мне — иногда «морковка одобрения» появлялась и затем убиралась. Карлос был чрезвычайно искусен в этой «технике», она стала центральной в его философии. Конечно, в отличие от моего отца он рассматривал ее как «путь воина», как форму жестокой магической любви.

После террористической атаки одиннадцатого сентября 2001 года аббревиатура PTSD — Post-Traumatic Stress Disorder³³ стала широко известна, смысл ее состоит в длительном переживании последствий перенесенной эмоциональной травмы. Десятилетия назад медики полагали, что только солдаты, участвовавшие в сражениях, страдают от этого синдрома с его разрушительным страхом и кошмарами. Многие из страдающих этим синдромом были вынуждены вести замкнутый образ жизни, боясь выходить из дома, чтобы внешне безобидные события (например, какая-то особенная песня, пугающее местоположение) вдруг не возобновили проявление этих симптомов.

Теперь мы знаем, что PTSD может быть вызван многими вещами, такими как переживание последствий природных катастроф, развод, постоянное физическое или эмоциональное унижение, суицидальные проявления, утрата любимых людей, «пропавших без вести» (на войне или по другим причинам), потеря ребенка, супруга (супруги) или другого близкого человека. И выход из секты также может приводить к ощущению потери желанной «доброй семьи».

Карлос *всегда* говорил, у нас есть «десять минут до полуночи», потом «пять минут», потом «одна», поэтому наши надпочечники до истощения вырабатывали адреналин. От страха, что тебя выгонят, что кто-то обойдет тебя, унизит публично или наедине. Страх *потери Небес*, второго внимания сделал многих из нас истощенными, хроническими больными. Была только одна вещь, которую я *точно* знала, — то, что управляло моей жизнью, должно было быть свободным от желания. Я не нуждалась в любви, или известности, или деньгах, или счастье, или друзьях — все эти вещи могли быть потеряны, или могли умереть, или их могли отнять, или я могла уронить и разбить их, как хрупкое стекло.

Карлос предложил мне мир, наполненный *не* желанием — разрушением вещей, пристрастий, отношений, — мир, который, как я верила, делает меня свободной. Я должна была только слушаться Карлоса, высмеивать себя, или любого гуру, голливудские стремления Энди, или мое обеспеченное, полное впечатлений и роскоши детство, чтобы чувствовать себя свободнее. Я верила, что он освободит меня от моих земных забот и целей.

Послушав его совета, я выбросила свои книжные обзоры. Кто-то из членов группы сжег свое свидетельство о рождении, полагая, что это поможет уничтожить старую, злую сущность. Я пожертвовала всеми вещами, которые любила. Эти действия заставили меня почувствовать, что я стала ближе к тому, что Карлос называл «нечто», я надеялась, что он заметит мою жертву, оценит мои нелегкие усилия и будет любить меня еще больше.

Среди женщин в группе обычным физическим проявлением постоянно нарастающего страха и стресса было преждевременное исчезновение менструаций. Одна из членов группы в свои тридцать лет и при нормальном весе не имела менструаций многие годы. Недавние исследования показали, что при условиях, в которых мы жили, и мужчины, и женщины часто теряют вторичные половые признаки.

Увлечение сексом, стимуляторами и спиртными напитками, конечно, запрещалось, хотя многие тайно позволяли себе это. Платой за то, чтобы быть со своей семьей, были жестокие удары по нашим иммунным системам. Мы жили по «модели выживания».

Хроническая депрессия — общая реакция на PTSD. Внутри группы отслеживались признаки депрессии, которые расценивались как слабость и наказывались, если наши улыбки не были яркими или казались не настоящими. Воин *не имел права* позволить себе такие

---

³³ В отечественной традиции — ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство. — *Примеч. перев.*

человеческие слабости, как печаль и отчаяние.

Уже в последние годы пребывания в группе я нашла книгу под названием «*Я не могу преодолеть это. Руководство по выживанию при травмах*» доктора психологии Афродиты Матсакис, которая направила меня на путь исцеления. Сначала она настолько задела меня за живое, что я просто не могла ее читать без слез.

Я узнала, что в 1975 году психолог Мартин Селигман провел ряд известных экспериментов, настолько убедительных, что после них вошел в употребление термин «синдром выученной беспомощности».

В экспериментах Селигмана животные, которые не могли никуда убежать, неоднократно получали шок от удара током. Как писала Матсакис «Сначала животные боролись, пробовали уходить и кричали от боли или гнева. Потом они погружались в апатию и отчаяние. Позже, во втором цикле экспериментов, те же самые животные снова были подвергались воздействию тока — только на этот раз, нажимая рычаг или выполняя какую-то другую простую задачу, они могли предотвратить удар. Но они не прилагали никаких усилий, чтобы сделать это.»

«Животные научились быть беспомощными. Видимо предыдущий опыт психологически подействовал на них так, что даже когда им предлагались средства спасения от боли, они не могли выполнить простое действие, которое прекратило бы их страдания».

Хорошо известный «синдром битой жены» является весьма ярким примером усвоенной беспомощности. Ученые наблюдали, что длительное страдание ведет к появлению тех же самых признаков у людей. В дополнение к продолжительному пребыванию в унижительной ситуации другими признаками являются «вспышки гнева и агрессивности, сопровождающиеся оцепенением или апатичностью, отчаянием, недостатком интереса к еде, сексу или игре» (Ван дер Долдэ, 1988; Росси, 1986).

Доктор Матсакис на самом деле выразила мои чувства, когда написала: «Главная причина, по которой людям, подвергающимся издевательствам и насилию, трудно уйти от него или ударить в ответ, — это усвоенная беспомощность...они привыкли к глубокому, всеобъемлющему чувству бессилия...» Согласно мнению экспертов в этой области, постепенное восстановление возможно. В идеале самой эффективной помощью может стать неосуждающий врач, хорошие друзья и терпеливый, благосклонный партнер.

Джон Г. Аллен, доктор психологии, написал в своей книге «*Как справиться с травмой. Руководство к самопониманию*»:

«Здравый смысл диктует, что тот, кто был неоднократно травмирован, с кем плохо обращались, будет делать все возможное, чтобы убежать или, по крайней мере, держаться на расстоянии от источника травмы. Но все же мы непрерывно наблюдаем противоположное...»

«Возможно, это трудно понять, но издевательства, насилие и плохое обращение могут фактически *усилить* связи в отношениях. Нельзя сказать, что этот феномен присущ только людям... Возможно, не так трудно объяснить, почему человек поддерживает отношения, *несмотря* на злоупотребление доверием и насилие, — любые отношения могут быть лучше, чем отсутствие взаимоотношений вообще».

В то время, когда группа переживала один из своих наиболее темных периодов, нас часто убеждали быть «светлыми» или что наше «новое настроение — это сама легкость». Мы повиновались или пробовали чувствовать себя так и отвергали наш единственный путь к здоровью — свободе оплакивать потери и разлуки.

Некоторые в группе были крайне сдержанны, скрытны, какой позже стала и я, по отношению к Муни, Флоринде и Тайше, они рыдали и бушевали, отчаянно ища облегчение, принимая желанные успокоительные средства или спиртные напитки. Мы были проинструктированы отказаться от наших естественных чувств, чтобы быть «безупречными

воинами», способными присоединиться к *нагвалю* в его «решающем путешествии».

В сущности, моя семья со всей своей подлинной любовью и взаимовыручкой обеспечила основу для моего пребывания в группе и борьбе за то, чтобы возвращаться, когда вышвыривают пинками. Я была плодом, созревшим для сбора. Я была грубо брошена любовником, когда умер отец, и чувствовала себя отчаянно одинокой. Когда я поведала об этом Кэрол, она сказала: «*Идеальное* время, чтобы заполнить тебя».

Я не могла оставить группу, и при этом я не могла полностью присоединиться к ней. Какая-то искра бунтаря внутри меня не позволяла сдаться окончательно, и я так и не стала трутнем, подобно моим соратникам, потому что периодически решалась дерзить и бросать вызов Карлосу, а не обращаться с ним постоянно как с божеством.

Флоринда играла важную роль в этой драме, столь же важную, как и Карлос. Она подчеркивала, что была мне «*хорошей* матерью, *настоящей* матерью», той, которая, в отличие от Сильвии, любит меня.

«Ты должна столкнуть Сильвию вниз с лестницы, — часто говорила она, добавляя: — Шучу, конечно!»

Я жаждала привязанности и товарищеских отношений, страстно хотела иметь «добрую мать». Но моя собственная мать не могла не быть тем, кем она была, — ее детство было по-настоящему ужасно: семья жила бедно в еврейском гетто в Бронксе, в Нью-Йорке. Каждый день перед уходом в школу мать говорила Сильвии: «Если ты сегодня не будешь хорошей девочкой, то когда придешь домой, найдешь меня лежащей с головой в духовке, такой я однажды нашла свою мать».

Естественно, девочка была ожесточена и напугана. Она сказала мне, что «жила, чтобы ненавидеть» и гордилась своей мстительностью и злобой. Моя мать была не способна к постоянному проявлению своей любви, но *любила* меня по-настоящему и периодически я ощущала это в полной мере.

Много-много лет спустя я узнала нечто удивительное — моя мать без конца рассказывала своим друзьям, как она обожала меня и какой красивой я была.

Наиболее травмирующим для меня был ее эксгибиционизм и заигрывание с моими друзьями, а потом и с моим мужем. Эти мальчишки пугались, чувствовали себя загнанными в угол и приходили ко мне, с недоумением спрашивая, что им делать. Я уверена, Сильвия не считала свое поведение странным.

А началось это, когда я была ребенком. С самых ранних лет она набрасывалась на меня с жестокой бранью, называла жирной и вонючей, грубо прижимала к своим коленям, вставляла слабительные свечи (она полагала, что я редко хожу в туалет), не обращая внимания на мои крики боли. Потом она стояла надо мной, когда я сидела на унитазе, требуя продемонстрировать результаты ее лечения. Я была от всего этого в ужасе.

Сильвия настаивала, чтобы я носила ее свитера, натягивала их на меня, потом отсылала в чистку.

Когда одежду возвращали, она говорила в присутствии семьи или гостей, как безобразно они воняют и что эту вонь не удалить, — я испортила ее свитер.

Когда мне исполнилось одиннадцать, она больно вырывала и сбрасывала скудные волосы на моих подмышках, применяла резко пахнущие дезодоранты, болезненно раздражающие кожу.

Отвратительный запах, который могла унюхать только она, уничтожить было невозможно.

Мне нужна была другая мать, я хотела семью, где бы я чувствовала себя в безопасности.

Иногда мой отец вмешивался, иногда уходил из комнат, оставляя меня в полном отчаянии. Я страдала от своего одиночества и его ненадежности.

Мне всегда хотелось вернуть его, он был хорошим отцом: менял пеленки, когда я писала в кровать, рассказывал мне сказки на ночь и, казалось, никогда не злился на жизнь.

Когда мне исполнилось тридцать, моя мать по непонятным для меня причинам начала говорить мне, что всегда считала меня красивой. Это было благословенным облегчением.

Когда Эйми была маленькой девочкой, с отцом в Париже.

Один случай запомнился мне, потому что весьма наглядно отражает проблемы нашего семейства. Когда пришло время второй *«Книги списков»* Ирвинг предложил Сильвии включиться в работу. В этот момент она сидела, вяло слушая его предложение.

Я возразила. Мне были слишком хорошо знакомы те методы, с помощью которых моя мать унижала меня, и я не могла представить, как мы будем сотрудничать. Я сразу сказала, что «не хочу этого, потому что мы подеремся».

Разразился скандал. Подключились психотерапевты.

Я стояла на своем, отвечая, что «успех первой *„Книги списков“* принес такие деньги, о которых я и не мечтала». Мне было сказано о том, что «я забочусь только о деньгах», поэтому родители предложили мне забрать материнскую долю гонорара.

Дело отца и матери было не в этом. Я честно призналась, что *«не смогу участвовать в этой борьбе»*.

Это было правдой. Мои финансы были стабильны, но даже если бы это было не так, я не стала бы из-за нехватки денег идти против своей воли, зная по опыту, что можно ожидать от матери. Такого самообмана я бы не допустила. Но даже мой врач был на их стороне, сказав: «Дети против родителей — это естественный порядок вещей, но ты должна сказать „да“». Я оставалась непреклонной.

Отчетливо помню сцену на кухне — были все, кроме брата, — мать безмолвствует, а отец говорит. «Твоя мать — душевнобольная, ей нужна эта книга». Бедная мать напоминала оленя, застигнутого светом автомобильных фар на дороге, а отец, я была уверена, имел самые лучшие намерения: он хотел сохранить мир, сохранить семью. Все это мотивировалось желанием быть вместе, поддерживать друг друга.

Это продолжалось довольно долго: мать, тихая и покорная, настойчивый отец. Я согласилась, напоследок крикнув: «Я сдаюсь! Если вы желаете думать, что причина — деньги, ладно, пусть так!» Я лгала. Смирившись с тем, что в конечном счете должна была сдаться, я подчинилась. Думала ли я, что много позже я воспроизведу эту модель с Карлосом, сдаваясь снова и снова.

Вторая *«Книга списков»* писалась нами вчетвером, и этот процесс был кошмаром для меня. Мать, заторможенная из-за антидепрессантов, прописанных доктором, сначала медлила, споря по пустякам, потом не могла написать свою часть статей. Остальные стали настолько раздражительными, что прекратили консультироваться с ней и обращались с ней как с предметом интерьера, подавляя вспышки эмоций. Мать продолжала молчать или вносила бессмысленные, ненужные предложения. Это было ужасно, и по молчаливому согласию третья *«Книга списков»* была написана без нее. Мое собственное напряжение выразилось в том, что, не справившись с нагрузкой, я очень плохо выполнила свою часть работы. Все это создавало натянутые отношения между отцом, братом и мной. Я хорошо понимала драматизм ситуации: нас связывали не только тесные семейные узы, но и трагическая история с матерью.

Шли годы, я не обращала внимания на недостатки отца, одерживала слезы от его резкости, когда он называл сидевшую как куклу мать, «психически больной». Мой отец не был идеальным, но мне нужно было верить в то, что он — идеал. И конечно, я продолжала отчаянно желать теплых отношений с матерью. Мне нужна была *семья*, такая как в *«Лайф»* и *«Пипл»*.

После похорон отца моя мать захотела непременно проводить меня до аэропорта, когда я собралась назад в Беркли.

Я уже пошла к самолету, как вдруг она выпалила.

— У меня была любовная связь в течение тридцати лет.

Потрясенная, я спросила:

— С кем?

Она всегда разыгрывала жертву неверности отца, — в эту новость трудно было поверить.

— Я расскажу тебе когда-нибудь, — сказала она, смутившись.

Ждать пришлось недолго. Через месяц она приехала навестить меня и рассказала свою историю. Моя версия насчет того, что она нашла счастливую любовь в качестве компенсации в тот период, когда брак угасал, была неверна. Ее любовником был доктор, которого она всегда называла только «доктор Смит» и никогда не называла по имени. Поскольку было похоже, что она говорила правду, такой оборот дела с медицинской подоплекой серьезно обеспокоил меня.

Мать посещала доктора три раза в неделю. Он назначил ей курс сильнодействующего психостимулятора, демерола, к которому ежедневно добавлялись новые средства; она также принимала квалудес и уйму других лекарств «от нервов». Они занимались сексом в приемной доктора Смита даже тогда, когда его жена лежала на операции по поводу двусторонней мастэктомии³⁴. Он попросил своего помощника не соединять его по телефону.

«Мы поступали *плохо* ?» — спросила мать. Я была ошеломлена, и только молча уставилась на нее в каком-то оцепенении.

Я родилась недоношенной, крайне слабой и пристрастилась к стимуляторам еще в утробе матери. До сих пор я считала, что моя мать психически изгнала меня; теперь мне стало ясно — это я пыталась изо всех сил вырваться из ее утробы. Она занималась сексом с моим отцом и этим ужасным человеком во время беременности, — если любая из теорий Карлоса относительно сознания в матке близки к истине, я действительно энергетически повреждена.

Если даже это не так, то все равно теперь понятно, почему так прочно в моей памяти сохранялись ее нетвердая походка и нечленораздельная речь, свидетельствовавшие о глубокой зависимости от психостимуляторов, настолько заметной, что мои друзья думали, что она была алкоголичкой. Но из-за слабого сердца она никогда не пила. Теперь я понимаю, если бы она пила, то, вероятно, умерла бы от смертельной комбинации таблеток и алкоголя. Я провела свое детство и юность, наблюдая, как «*Долина кукол*» становится «*Долгим путешествием в ночь*», — наконец я поняла почему.

Я всегда ненавидела доктора Смита, а мать периодически тянула меня в его офис, чтобы он мог «посмотреть» меня, это было странно. Он был полная противоположность моему отцу — неотесанный, вульгарный, безвкусно одетый и щеголяющий знакомствами, — будучи женатым, он намекал на то, что имел любовные связи с пациентками, некоторые из которых были известными актрисами.

У матери и ее пассии не было никаких романтических встреч по выходным, она даже оплачивала свои посещения (точнее сказать, это делал отец) — и так продолжалось в течение тридцати лет.

Возможно, ей так нравилось — и это *скверно*.

Мой отец всегда считал, что доктор Смит практикует лжепсихиатрию, даже когда моя мать наконец занялась психоанализом и стала посещать еще и психоаналитика. Интрижка, как я узнала за завтраком, началась в ту самую неделю, когда я была зачата. Я побледнела так явно, что мать засмеялась в неуклюжей попытке успокоить меня.

---

³⁴ Ампутация молочных желез. — *Примеч. ред.*

— Не волнуйся, — сказала она, — твой отец — это твой отец, уверяю тебя.

Ее глаза внезапно расширились, она забеспокоилась и стала умолять меня, чтобы я ничего не говорила брату.

— Для сыновей — это другое, — сказала она. — Он перестанет уважать твоего отца как мужчину.

Я хранила обещание в течение месяца и наконец нарушила его, движимая потребностью откровенно поговорить с братом. Но узнала, что сразу же после меня мать сама все рассказала Дэвиду. Он ответил мне старым как мир, черным юмором. Я хотела выглядеть столь же спокойной, как и он, но меня трясло. Понимая его состояние — помимо всего прочего, это был гротеск, — все равно я была потрясена, расстроена, хотя и скрывала свои чувства.

Как-то раз, уже несколько лет будучи «ученицей», в очередной приезд в Лос-Анджелес я остановилась у матери. Одурманенная снотворным, она умоляла меня позвонить доктору Смигу, передать привет. Я отказывалась, но, как обычно, сдалась, чтобы угодить ей.

Доктору Смигу было почти девяносто, и я не ожидала, что он снимет трубку.

Взяв трубку, он понес какую-то маразматическую порнографию, раздражаясь, что я приехала именно тогда, когда он собирался «трахнуть» мою мать. Он пригласил меня посмотреть на это, еще лучше — присоединиться к ним. Он был в восторге от того, как моя мать умеет делать минет.

Отчаявшись прекратить разговор, я оборвала его буйные фантазии насчет секса втроем и задала мучивший меня вопрос этому больному, сумасшедшему человеку:

— Я просто хочу знать...

— Не я ли твой отец? — он мерзко расхохотался. — Нет, даже и не рассчитывай. Послушай-ка, почему бы мне сейчас не приехать — ты смогла бы меня отблагодарить. В конце концов, *ты* — моя награда за то, что я не разрушил два брака, я хочу тебя... — Я бросила трубку.

Трудно было верить словам двух больных людей, но, поглядев на себя, я убедилась, — я дочь Ирвинга. Сколько себя помню, люди говорили мне: «Ты *точная* копия отца, а твой брат похож на мать». У меня даже руки были как у отца — родинка здесь, отметина там, — я наконец успокоилась относительно своего происхождения.

Я никогда не пересказывала матери содержание этого мерзкого монолога, но она была любопытна и настойчива. Я только сказала ей, что Смит отказался разводиться и жениться на ней. Это привело ее в бешенство — она упорно твердила, что это она отклонила *его* предложение выйти замуж, она вовсе не собиралась менять свое положение жены Ирвинга Уоллеса, чтобы стать супругой простого доктора!

В растерянности от этого телефонного разговора я немедленно позвонила Карлосу. Он мрачно выслушал и наконец высказался: «Ай, ай, ай!» Потом повесил трубку.

Сраженная безразличием Карлоса, отчаянно нуждаясь в утешении, охваченная паникой, я позвонила Флоринде.

К моему удивлению, она зарычала на меня, назвав меня «задницей» за то, что я не повесила трубку немедленно. Она просила ничего не рассказывать Тайше, которая, как она считала, не способна справиться с сексуальными проблемами.

На этот раз гнев победил страх, и я, защищаясь, смело говорила: «Ради бога, разве у тебя *никогда* мгновенно не примерзали пальцы к морозильной камере, прежде чем ты смогла отдернуть их? *Это* было очень похоже! И я хотела услышать, пусть и от маразматика, что не он мой отец, — я была в шоке — *неужели это трудно понять?*»

Не привыкшая к возражениям, она с треском бросила трубку.

Я позвонила Муни. Она тоже считала, что я совершила ошибку, критиковала меня за то, что я слушала непристойности Смита. Беседа закончилась так же, как и разговор с Флориндой. Единственным, чем мне ответили, было обрывание контакта, в буквальном смысле. Не было и следа знаменитой «магической любви».

Я была ошеломлена. Об этом случае больше не упоминалось до тех пор, пока Карлос, который все запоминал, несколькими месяцами позже не придумал ему болезненное и жестокое применение.

А мое детство таким гнусным образом подготовило условия, не позволившие мне немедленно уйти от магов. Они любили говорить, что они дикие и свободные, как пираты. Посторонним было неизвестно то, что мы всегда ходили по скользкой дорожке, мы были в шаге от совершения преступлений, мы бы и не поняли ничего, если бы совершили. Несмотря на всю брутальность событий, истинный воин должен продолжать борьбу, чтобы остаться внутри своей «истинной энергетической семьи». Вне себя от отчаяния, я была не в состоянии понять, что философия Карлоса впитала в себя все худшее из погрязшего в грехах католицизма. Но еще более тревожным было то, что я абсолютно не осознавала, что воспроизвожу манеры моей бесконечно болезненной семьи по крови.

Кроме того, мои фантазии о нескончаемом исследовании новых миров и измерений в «океане бесконечности» будоражили меня так же, как и любовь Карлоса. Я испытала счастье мага, мечтала я, или почувствую магическую невозмутимость, неважно что. Если бы я достаточно упорно трудилась, я бы прекратила беспокоиться и возродилась из огня подобно фениксу, ни к чему не привязанная, ничего не желая, ни о чем не заботясь, свободная от всякой боли.

И все-таки это была моя семья, «хоть дерьмо, зато родное», как любил говорить Карлос, который наделил меня мечтой о блаженном безразличии. Должна же я оказаться на самом деле *счастливой*, здоровой, то что называется кремом на торте. Снова и снова люди спрашивали меня, почему я оставалась, почему я, наконец, сводничала и врала и жила в страхе и нищете. Я застряла в зыбучих песках надежды и отчаяния, и я не смогла уйти. Более того, я разорвала почти все связи со старыми друзьями, и мне не было куда уйти из этой суррогатной семьи. Будучи козлом отпущения в группе, я верила настойчивости Карлоса и Флоринды, которое означало, что я «смогу это принять», что я «сильный боец» и скоро освобожусь от всякой боли.

Моя мать любила цитировать фразу, которую она приписывала Фрейдю: «Когда двое ложатся в одну постель, на самом деле в постели их будет шестеро: один с другим, и обе пары их родителей».

С Карлосом я «вышла замуж» за очарование, остроумие и авторитет отца, а так же за уничижительный сарказм и безжалостность матери. Повзрослев, наконец я это поняла. Она никогда не хотела причинить мне боль, и она очень меня любила, так сильно как могла, но она оказалась не в состоянии избежать альбатросов собственного прошлого.

глава 15

Я ОТРЕКАЮСЬ ОТ СВОИХ КОТОВ, СТАНОВЛЮСЬ ОФИЦИАНТКОЙ И ПОКРЫВАЮ СЕБЯ ПОЗОРом ПЕРЕД ЛИЦОМ БЕСКОНЕЧНОГО

Безумие — не обязательно распад. Это может быть и прорывом. В равной степени возможно как освобождение и обновление, так и порабощение и экзистенциальная смерть.

Р.Д.Лэнг «Разделившийся в себе»

Я вернулась в Беркли на следующее утро вся в слезах. Как только я вошла в дверь, я увидела своих любимцев — кота Генри и кошку Рецину, двенадцати и десяти лет, — и решила, что пришло время показать мою преданность на пути воина и бросить их. Даже теперь, когда я пишу об этом, слезы душат меня.

А тогда я заставила себя действовать строго и решительно, насколько могла. Я знала, что если это и убьет меня, то я ничего не почувствую. В конце концов, они же не дети, они

всего лишь домашние животные. Все люди вокруг меня рвали связи с родными братьями и сестрами, родителями, детьми, подавляя свои чувства. Карлос инструктировал многих учеников говорить самим себе при разрыве с родителями и детьми: «Я посылаю их ко всем чертям».

Мои коты жили у меня более десяти лет. Генри — элегантный полосатый беспризорник, котенком пришел в дом, через два года за ним последовала ласковая и пушистая барышня Рецина.

Когда я переживала болезненный развод родителей, они были со мной, лежали, свернувшись калачиком, на моих руках; когда от рака умер отец, я рыдала в их шерстку, а они мурлыкали. Они были прекрасными охотниками, ловили и обычных, и летучих мышей. Я любила их безумно.

Мой поступок доказал бы Карлосу — если ему вообще что-то можно было доказать, — что я настроена решительно. А если он не будет разговаривать со мной, то как же я продемонстрирую ему свою преданность? Я рассказала Флоринде о моем решении, надеясь, что она передаст это Карлосу.

Неожиданная мягкость появилась в ее голосе.

— Я знаю, что ты чувствуешь, Эми. Я тоже люблю кошек. Однажды я должна была сделать то же самое и чувствовала себя *отвратительно*. Потом ты будешь чувствовать себя намного лучше, уверяю тебя.

Ее доброжелательность подействовала. Я стала спрашивать всех, кого знала, не нужно ли им двух котов, — я хотела, чтобы Генри и Рецина попали в хорошие руки, понимая, однако, как это трудно, — пристроить двух старых животных.

Я придумала план: предложу приданое — несколько сотен долларов для каждого кота и оптовую поставку кошачьего корма, если они будут вместе. Несколько недель я искала им пристанище.

Наконец появилась пара — друзья знакомых. Это была семья хиппи, живущая на севере Калифорнии, на нескольких акрах дикой земли, с собаками, цыплятами и лошадьми. Их двенадцатилетняя дочь очень хотела кота.

Мы поговорили, и они оказались настолько любезны, что согласились приехать в Беркли в большом фургоне с коробками и подстилками для долгого путешествия обратно на север.

Глотая слезы, я взяла на руки сначала Рецину. Обнимая и целуя ее, я шептала ей о своей любви к ней и говорила «до свидания». Она послушно пошла на руки к этим добрым людям.

Но Генри — нет. Он сопротивлялся, рычал, выл и орал от гнева и страха. Я заткнула уши и убежала в дом, закрыла голову подушкой, чтобы не слышать его завываний.

В течение недели я звонила этой семье каждый день. Генри плохо перенес поездку, мяукал всю дорогу на пути к своему новому дому.

В конце недели пришла плохая весть: Рецина исчезла, ее новая семья еле нашла в себе силы сообщить мне об этом. Подавляя страх, я стоически выслушала новость. Это было дикое место, конечно, она погибла. Несчастный Генри прятался по углам, шипя и фыркая на хозяйскую собаку.

Я бесцельно слонялась по своему большому и пустому дому и не чувствовала себя лучше без них — нисколько. Я была одинока.

Изредка я говорила об этом с Флориндой, она по-прежнему проявляла ко мне сочувствие.

Я позвонила Тайше, но та была холодна: «Ничего страшного. Теперь ты должна избавиться от *больших* котов, *настоящих* энергетических вампиров — от своих родителей. От тех, кто, придавив тебя своими огромными лапами, сосет твой дух».

Три недели спустя я получила радостное сообщение: Рецина нашлась! Она прибилась к стае бродячих котов, которые обитали неподалеку, одичала, исхудала, но выглядела счастливой. Генри уныло бродил по дому, но когда приходила Рецина, они вместе играли.

Слава богу! Добрым знаком стал звонок Карлоса — после месяца молчания он наконец поговорил со мной, Я рассказала ему эту историю, добавив, что если уж домашняя кошка может стать диким охотником, то я — тем более. Я припомнила один случай, о котором он однажды рассказывал мне, когда мы только стали любовниками.

— Эйми, — сказал он тогда, — я знаю кота, который оставил свой уютный, сытый дом в Лос-Анджелесе и пошел на юг, пересекая автострады! По автобану Санта-Моники, на Юг... Он бросил вызов смерти и преодолел этот путь, *весь путь до Байя* ! Подумай об этом!

— А что было потом? — спросила я.

— Ах, Эйми, кто знает? Какое это имеет значение? Но это было чудо, можешь себе представить!

Карлос воспринял мою историю как хорошее предзнаменование, и моя тревога немного улеглась, хотя он оставался суров ко мне.

Теперь я находилась в походном лагере магов. Карлос демонстрировал презрение к моей карьере.

Его огорчало, что я вместо того, чтобы сразу после школы пойти работать, поступила в колледж. И хотя трудилась без устали с восемнадцати лет и издала тринадцать книг, он разглагольствовал: «Ты ни дня не работала в своей жизни! Иди устройся в „Макдоналдс“!»

Через пять дней я нанялась готовить завтраки, также работать официанткой и посудомойкой в мотель системы «койка-и-завтрак» в Беркли. Возвращаясь с работы за полночь, я вставала в полчетвертого утра, чтобы готовить выпечку. Я названивала Карлосу три дня в неделю: пятницу, субботу и воскресенье.

После моего обычного «привет» он начинал свой монолог:

— Да насрать мне на тебя! Ты — дерьмо! Ты думаешь, что ты такая замечательная, такая важная, что за дела! *Carajo* ! Чем ты отличаешься от других? — Ты — жидовка! Кто мы, как ты думаешь? Мекс и жидовка! Ты выросла с серебряной ложкой в *culo* ! Ты не работала ни дня в своей жизни. Скажи-ка мне, евреи ходят в этот ресторан?

— Да.

— Они дают чаевые?

— Нет. Это же «койка-и-завтрак».

— Вот видишь! Нет никого хуже жидов — они даже чаевых не дают!

— Нет.

— Расскажи что-нибудь! В чем дело, разве ты не можешь говорить?

— Хорошо! Парню, который обучает меня, — двадцать шесть, он панк с зелеными волосами.

— Превосходно! Очень хорошо! А мне насрать на тебя! Понимаешь, насрать в любом случае. Я делаю все, чтобы помочь тебе, а ты только пытаешься убить меня! Ты же этого хочешь, правда?

— Нет.

Иногда Карлос в гневе бросал трубку, в другое время он говорил: «Продолжай бороться, пока не поймешь, что ты ничтожество!» Чаще всего один из его телефонов звонил, и он прекращал разговор.

Изредка я звонила Тайше (я перестала называть ее Энни), которая более сочувственно, по сравнению с другими ведьмами, следила за моими поисками работы. Однажды я позвонила Карлосу, чтобы попросить помочь выбрать между двумя вариантами, которые мне предлагали, — я должна была принять немедленное решение. По телефону *нагвая* ответила Тайша. Это меня крайне удивило.

Сожалея, она сказала, что это знак того, что мы должны поговорить. Затем она стала учить меня любить каждый момент, который я провожу на работе, говорила, что неодушевленные объекты — энергетически живые и что я должна говорить с доской для резки, когда счищаю с нее остатки пищи.

— Я сама так поступаю, — сказала она. — Дон Хуан учил меня этому. Во время моего ученичества я жила в крошечной студии, где были только стол, кровать, стул и телевизор. Я

убирала каждый день, натирала до блеска стол и телевизор и *разговаривала* с ними. И однажды я почувствовала мощную волну привязанности ко мне — *слишком* невероятную для таких предметов. Предметы — *живые*, они — энергия.

Я проработала в мотеле шесть месяцев и, как добросовестно платящий клиент, в свободное время посещала однодневные семинары по тенсегриту. Лекции ведьм переросли в семинары, на которых чакмулы, или «защитницы», Астрид, Пуна и Зуна преподавали магические упражнения.

За несколько месяцев до начала было объявлено о трехнедельном семинаре по тенсегриту в Лос-Анджелесе. Карлос Кастанеда наконец появится на публике! Я подумывала о том, чтобы бросить работу и без ведома Карлоса заранее подготовиться к переезду в Лос-Анджелес. Я чувствовала, что буду сидеть без дела целую вечность, если стану ждать его разрешения.

Я редко разговаривала с женщиной-*нагвалем*, но однажды, поддавшись порыву, решила проконсультироваться:

— Муни, я хочу бросить работу, для того чтобы иметь возможность подготовиться к переезду в Лос-Анджелес, но... в одной из книг Карлоса сказано, что в то время, когда он был поваром в Аризоне, ему был дан знак — пора оставить работу. Я полагаю, мне следует дождаться знака...

— Задница! *Он* готовил яичницу из магических соображений! В одной из книг! Это *ты* просто готовь яичницу! Какой знак? Ты что, идиотка? Ну что, теперь все поняла?

— Да, конечно, — солгала я.

— Хорошо, — она повесила трубку.

На работе я отпросилась у босса, придумав историю о больном родственнике в Лос-Анджелесе. В мотеле все были очень любезны, сочувствовали, отпуская меня и предлагая вернуться, если я захочу.

До трехнедельного семинара оставалось несколько месяцев, и за это время мы с подругой Салли посетили все короткие семинары, какие смогли. Я планировала сдать мой дом в Беркли, чтобы снять квартиру в Лос-Анджелесе. Я время от времени наезжала в Лос-Анджелес по делам. Иногда, когда мой брат уезжал из города, я останавливалась в его доме. Во время этих посещений Карлос издали наблюдал за моим поведением: устраивал мне испытания, посылая меня в кино вместе с ведьмами.

Мне не позволялось видеть его.

Однажды вечером Муни, Флоринда и я прогуливались в Вествуде по пути в кинотеатр. Муни начала массировать мой позвоночник и плечи, и я подумала, не работает ли она с моей точкой сборки? В книгах Кастанеды дон Хуан делал это, сильно ударяя Карлоса по спине. Когда мы дошли до перекрестка, Муни указала на силуэт зеленого человечка на знаке «Идите» под светофором. «Вот таким маг видит энергетическое тело, — сказала она, — придет день, когда, вытравив из себя маму и папу, ты *поймешь*, в какой энергетический поход мы тебя взяли сегодня».

Когда на следующий день я прилетела домой, позвонила Флоринда, чтобы сообщить мне о том, что я делаю успехи. Я сказала ей, что чувствую себя странно, но не могу точно это описать, — словно я пьяна, будто «сама не своя».

— Это — лишь начало, — сказала она резко, — но мы не обсуждаем это.

Я удивилась, ведь в своих бестселлерах Карлос всегда спрашивал дона Хуана: почему? А мне запрещали делать то же самое.

Перед следующей поездкой в Лос-Анджелес Флоринда позвонила, чтобы передать задание Карлоса: я должна была собрать свои детские игрушки и книжки в доме матери и незаметно вынести их оттуда в коробках (как будто матери было до этого дело). Флоринда сделала из этого целое приключение, сверхсекретную миссию. Как будто собственная персональная война Карлоса против скуки требовала сделать каждый поступок вопросом жизни и смерти.

— Нам надо будет подключить Астрид, — шипела Флоринда, — и *нагваль* пошлет эти вещи в Бесконечное. Он сможет поместить их в свой магический чан, где вещи исчезают сами собой, если ты достаточно пуста. Теперь собери все свои фотографии ляцию, а затем помести в коробку с игрушками.

Фло и Астрид прибыли, как опергруппа из детективов Джона ле Карре. Астрид, харизматичная, нордическая чакмула, возвышалась над нами — неудивительно, что ее назвали телохранителем Флоринды. Они забрали коробки, наполненные зверушками и куклами, детскими книжками и фотографиями, которые я тщательно запечатала.

Карлос позвонил мне, когда я вернулась назад в Беркли.

— Ты все правильно сделала, *amorcita* ! Ведьмы тебя снова полюбили! Но ты заклеила коробки скотчем! Ха! Я сказал Флоринде: — Она — параноик, она боится, что я собираюсь рассматривать их содержимое, — он был настолько саркастичен, что я вспыхнула и устыдилась.

— Не думай о запечатанных коробках, *pendeja* ! Я не буду смотреть на твои личные вещи! Теперь повтори все и пошли мне еще фотографий.

Я пробовала притвориться, что теперь мне нравится в моем большом и пустом доме без котов, игриво прыгающих в кровать, чтобы удобно устроиться на руках, но на самом деле мне стало ужасно одиноко. Я проводила часы, запершись в комнате для рекапитуляции (замкнутые пространства, как считалось, помогают, «оказывая давление на энергетическое тело»), вдыхая историю моей жизни, выстраивая большую стопку «энергетически чистых» фотографий. Наконец их набралось достаточно много, чтобы послать Карлосу. Я позвонила, чтобы сообщить ему, что они уже в пути.

— Ты уверена, что провела перепросмотр каждой из них?

— Да, это первая партия, но большая.

— Хорошо, пошли их Фло.

Кое-что беспокоило меня, но мне не с кем было посоветоваться. У меня было несколько красивых фотографий «ню», любительских, но со вкусом сделанных одной знакомой лесбиянкой. На мне ничего не было, кроме ожерелья, и мое тело выглядело стройным и упругим. В этих фотографиях не было ничего постыдного, я, без сомнения, волновалась напрасно. Важно было то, что они были дверью к свободе, — Карлос поместит коробку в свой волшебный чан, и Дух примет этот подарок, — произойдет рекапитуляция, о которой он писал для миллионов читателей. Эта «жертва» позволила бы мне вечно жить с моим мужем, «плавая в Бесконечном». Помыслы мои были чисты и этот шаг был очень *важен* для меня.

Я разложила несколько сотен фотографий по конвертам. На карточках моя семья выглядела образцово счастливой, а я относилась к этому, наверное, как принц Чарльз. Когда я была ребенком, то ненавидела внимание к нам масс-медиа, у нас были тысячи и тысячи фотографий. Чтобы продемонстрировать доверие, я не заклеила конверты, когда отправляла их на почтовый ящик Флоринды.

Через три дня мой мир взорвался. Карлос позвонил мне, он был в ярости и орал в трубку:

— Ты — шлюха! Ты — гребаная *puta* ! Ты посылаешь *нагвалью* свои фотографии в голом виде! Грязная порнография, *показывать себя каким-то МУЖИКАМ! Carajo!* Я все отсылаю назад!

— Выбрось их подальше, — сказала я, ошеломленная. Мой бог, он, должно быть, просмотрел сотни фотографий, чтобы найти их! И почему?..

— Нет! Я не могу избавиться от них. Эта грязь не принадлежит мне. С твоей собственностью ты можешь сделать то, что тебе нравится, — он швырнул трубку.

В шоке я позвонила Флоринде. Она завизжала:

— Ты сделала это с умыслом, чтобы покрасоваться! Почему ты не уничтожила их? В голове не укладывается твоя безмозглость!

— Но я думала, что все отправилось к Духу! Он велел мне ничего не скрывать.

— Тебе уже давно пора все *понимать, carajo, pendeja! NO JODAS*, Эйми! Ты сделала это нарочно, ты хотела, чтобы он увидел это *дерьмо*! Во всех позах!

— Но он поклялся мне, что он не станет смотреть на них, он *поклялся*, Флоринда!

— Ты что, не *понимаешь*?! *Нагваль* переходит ко второму вниманию! Ему не нужно открывать конверт, он и так все *видит*. Ты хотела, чтобы он видел это дерьмо!

— Я клянусь, я думала...

Она повесила трубку. Впервые я получила столь сокрушительный удар. Я вспомнила, как Карлос говорил мне. «Ты должна увидеть мою дочь *голой*! Она великолепна, ее половые органы не как у человека». Годы спустя я видела, как она танцевала нагишом в группе, — ее половые органы выглядели вполне обычно. Сам Карлос высмеивал людей как единственных из «приматов, которые носят одежду!»

И самое главное, в глубине души я чувствовала, что выполнила его пожелания на все сто. Это не было попыткой привлечь внимание. Я провела бесчисленные часы, проверяя свои мотивы, и они оказались абсолютно чисты, без всякого сомнения. Я считала, что какой-то пустяк, значительно менее важный, чем абсолютная искренность, блокирует мой путь. Я полностью доверяла *нагвалю*. И теперь Флоринда, мой союзник, назвала меня лгуньей.

Именно в этот день было посеяно первое истинное семя сомнения. Никто, даже мои герои, не могли отвлечь меня от той правды, которую я хранила в своем сердце.

Несколькими днями позже прибыла бандероль с адресом, написанным аккуратным почерком Карлоса. Я заглянула внутрь и увидела конверты из-под фотографий и несколько игрушек. Почему только некоторые? Я дала ему три огромные коробки. Что случилось с остальными?

Не глядя, я зарыла их в мусорный бак.

Карлос прекратил звонить, а Флоринда позволила мне только один звонок.

В январе 1994 года, когда Лос-Анджелес был опустошен землетрясением, я получила самый большой удар. В такой момент правило не звонить Карлосу показалось ребячеством. Когда связь наконец установилась, я набрала номер.

— Это я, Эйми, я только хочу знать, жив ли ты?

Последовало недолгое молчание. Он повесил трубку.

Я была так ошеломлена, что даже не могла постичь всю жестокость его поступка, это было преступление против «магической любви».

Я позвонила Флоринде, которая сказала мне, что у них все хорошо, но была разгневана оттого, что я звонила. На сей раз я заорала:

— Это *абсурд*! Я хочу знать, все ли с вами в порядке?

— Я же *сказала*, никогда не звони! НИКОГДА!!! *Что-то не ясно?* Почему ты не делаешь то, что я говорю?!

Я задавалась вопросом, если бы землетрясение было в Беркли, позвонили ли бы они мне? Вероятно, нет. Они были не теми, кому можно доверять, они были не способны к выражению постоянной заботы и любви. В конце концов понимание и признание мысли, к которой я пришла, возможно, заставило бы меня усомниться в этих методах и покинуть их. Но я была не в силах оказаться перед лицом одиночества.

глава 16 КАТАСТРОФА

О нет, то был постылый путь (как поется в заунывной песне мертвецов).

*Моя жизнь всегда была мне глубоко безразлична,
И я тихо шел ко дну, не размахивая руками.
Стив Смит «Тонущий и не размахивающий руками»*

Неожиданно позвонила Флоринда, чтобы сообщить, что Карлос размышлял обо мне: «Ты делаешь что-то такое, что приближает тебя к нам». Я сказала ей, что продолжаю уделять несколько часов в день перепросмотру. Она рассудила, что, возможно, это то, что нужно. Они, признала Флоринда, считали меня борцом и верили, что я не отступлюсь.

Карлос снова начал мне звонить, проверяя, и наконец назначил встречу. Он предлагал мне прилететь в Лос-Анджелес на несколько часов, чтобы заняться любовью в гостинице аэропорта, и вечерним самолетом улететь домой. Возможно, это снова «открыло бы дверь».

Он ожидал меня у входа и был по-прежнему ласковым и нежным. Несмотря на странное место, наше свидание было замечательным. Все было по-старому, как будто мы никогда не расставались.

Карлос обнимал и целовал меня, как будто ничего не случилось.

Он с надеждой спросил меня, не соглашусь ли я повторить это на следующей неделе. Но вторая встреча оказалась необъяснимо ужасной. Я была обескуражена, столкнувшись с его отстраненностью, даже нервозностью, во время занятий любовью.

Когда мы лежали в постели, Карлос внезапно стал с подозрением расспрашивать меня о наркотиках в прошлом и настоящем. Я сказала ему, что была трудным подростком и в двадцать лет у меня были проблемы. Он ехидно спросил:

— Как давно ты курила свою любимую марихуану?

— Приблизительно пятнадцать лет назад или около этого.

— О! — он казался разочарованным и продолжал расспрашивать. Я сказала ему, что мне были прописаны болеутоляющие и мышечные релаксанты из-за моих повторяющихся каждый месяц головных болей, которые начинались во время месячных. Я принимала лекарства в течение нескольких лет, пока цикл не стабилизировался к двадцати годам. Это, казалось, ни в малейшей степени не обеспокоило его. Я рассказала ему, что принимала прозак от депрессии за две недели до месячных, чтобы предотвратить постменструальный синдром — новое применение вездесущего антидепрессанта. Это мне чрезвычайно помогало. Я принимала минимальную дозу, без побочного эффекта, и никогда не воспринимала это как прием обычных наркотиков, что, вероятно, так тревожило Карлоса. Его достали потребители марихуаны, кокаина и психостимуляторов, — ничего подобного я не употребляла. Мне показалось, что он чувствовал себя виноватым перед целым поколением за пропаганду экспериментов с психоделиками и всякими «растениями силы».

Но Карлос пришел в неопишуемую ярость, какой я еще не видела, обвиняя меня в попытке убить его тем, что я занималась с ним сексом, имея ядовитый прозак в своем теле. У меня не было и мысли, что это запрещено, я была ошеломлена его вспышкой гнева. Потом он пошел разглагольствовать о моем юношеском баловстве наркотиками, безвозвратно разрушивших мою ауру и его заодно, хотя уже прошло почти два десятилетия после того, как я принимала что-то «плохое». Я сидела на кровати и плакала. Сдерживая ярость, он отвез меня в аэропорт.

В самолете я сидела позади Майи Ангелой и, когда она обернулась, я увидела необычное лицо со следами страдания и разразилась слезами. Хотя мы никогда не встречались, я представилась и узнала, что она встречалась с моим отцом и обожала его. Я сказала, что ужасно тоскую по нему, и ее глаза наполнились слезами. Взяв мою руку, она сказала: «Я вас понимаю». Это сердечное и теплое пожатие, навсегда оставшееся в памяти, успокоило меня.

«Он был удивительным человеком», — добавила она с чувством. В это ужасное время она походила на ангела, встретившегося мне на пути. Так или иначе, но из-за этой встречи я смутно начала понимать, что тоска по отцу была переплетена с моей страстью к Карлосу.

Это было абсолютно очевидно для многих моих друзей, но я не понимала, до какой степени Карлос стал замещать мне отца.

Перед очередной сменой телефонного номера Карлос ответил на несколько моих звонков, жестоко браня меня и без конца повторяя то, что он потом рассказал всем своим ученикам, — что он пробовал поднять мое энергетическое тело снизу, но ударился головой о мою поврежденную ауру, и Муни пришлось вызывать «скорую помощь». Он утверждал, что у него было сотрясение мозга.

Я истерично рыдала, говоря Флоринде: «Я подвела Карлоса!»

— Нет! *Гораздо хуже!* Ты подвела *нагвалю*.

Она была убеждена, что я нанесла ему смертельный удар, что он никогда не оправится от моей ядовитой энергии. Я хладнокровно оставила прозак и неуклонно двигалась к самоубийству: прекратила есть и отказывалась выходить из дома. Мои друзья, мой брат, мой врач беспокоились за меня, но никто не мог утешить. Я таяла на глазах, не в силах выходить из дома, чтобы оплачивать счета, и не находила ни одной причины, чтобы продолжать жить.

Один из моих самых хороших друзей в Беркли, Ричард, чтобы заставить меня выйти погулять, предложил съездить в округ Марин. Мы долго шли пешком по дороге, ведущей к великолепному виду возле Бэй Бриджес, популярной достопримечательности. Там были семьи, счастливые пары и физкультурники, — все выехали погулять в воскресенье. На полпути к вершине холма я сказала, что очень устала, не могу продолжать восхождение и подожду возвращения Ричарда на скамейке. Со скамьи были видны зубчатые утесы и волны, которые пенились и разбивались о них в сотне футов внизу.

Я решила прыгнуть. Это был единственный миг в моей жизни, когда я абсолютно серьезно отнеслась к идее самоубийства. Только мгновение отделяло меня от последнего шага. Я долго планировала самоубийство: принять много таблеток, запить алкоголем и усесться где-нибудь под деревом в снегу на севере Калифорнии. Я не хотела страдать и вообразила, что это должно быть похоже на сон. Я не хотела обременять никого из тех, кого любила, своим грязным телом.

Здесь все было по-другому. Через одну секунду я смогу остановить боль. Я встала и приблизилась к краю утеса. Я была похожа на робота, запрограммированного на самоуничтожение, пока волна эмоций не прорвалась сквозь туман.

Ряд образов остановил меня, ряд картин сменяли одна другую все настойчивее. Сначала появилась мать. Именно мысль о ней остановила меня, и я заколебалась, глядя на острые камни внизу. Я не могла так поступить с ней, это было бы неправильно. Однажды, найдя свою мать мертвой, моя бабушка ежедневно стала угрожать Сильвии самоубийством. Уход из жизни был худшим из того, что я могла сделать для матери, и я просто не могла так поступить. Потом, подобно кадрам в кинофильме, появился мой брат и мои самые дорогие друзья.

Наконец возникло видение Ричарда. Я представила, как он возвращается и видит толпу зрителей, глазеющих на мое тело, распростертое внизу на скалах и похожее на искореженную марионетку. Я вообразила, какое бремя вины и печали я оставлю ему на всю оставшуюся жизнь. Я не могла так поступить со своим другом. Я отступила и села.

В тот момент появился Ричард. Я присоединилась к нему, и мы сошли вниз с холма. Я ничего ему не сказала.

Я никому ничего не сказала. Вместо этого я позвонила в Общество Хемлок— организацию, которая выступает за эвтаназию для неизлечимо больных. Любезная женщина ответила по телефону. Я сказала ей, что хочу заказать их сборник «рецептов» для самоубийства с помощью таблеток.

— Вы неизлечимо больны? — спросила она взволнованно.

— Нет.

— Но мы не можем... Общество Хемлок было основано для людей, умирающих от неизлечимых болезней, для тех кто... Вы должны будете вначале вступить в Общество, а

затем после трех месяцев заказать сборник.

Она забеспокоилась из-за моего отказа вступить в общество:

— А вы звонили по телефону доверия для самоубийц? — Я ответственна за смерть одного человека. Я... Я убила того, кого люблю.

— О! — мягко сказала она. Она казалась пораженной. — Мне *так* жаль. Пожалуйста, подумайте о том, чтобы поговорить с кем-нибудь еще, посоветоваться... У меня есть несколько номеров телефонов.

— Спасибо, у меня есть врач. Не могли бы вы прислать мне форму заявления? Я хочу попробовать.

Сочувствуя, она дала мне информацию. Я была безучастна, но неожиданное тепло незнакомого человека тронуло меня.

Потом я позвонила Флоринде. Она была разгневана:

— Ты думаешь, что можешь привлечь наше внимание? Ты думаешь, нам интересно, жива ты или мертва? Эйми, нам не только насрать, но мы этого даже не заметим. Ты что же думаешь, нас интересует, что такая деточка, как ты, сделает, чтобы привлечь внимание к себе? И это все, что ты можешь попытаться сделать? Ну конечно... Хорошо, позволь мне сообщить тебе — на нас это не подействует.

Я позвонила Тайше. Та саркастически засмеялась:

— О! Многие пытались! — и повесила трубку.

Я позвонила Муни, спросив, может ли самоубийство быть выбором воина. Она ответила:

— Ну, имеются два вида самоубийства. Один вид — самоубийство воина, когда он готов встать перед лицом смерти. Другой — самоубийство «бедного дитяти» — это, как я полагаю, происходит сейчас с тобой.

Годы спустя я рассказала Муни, как близка была к самоубийству, и что мысль о том мгновении на краю утеса все еще пугает меня. Она махнула рукой: «Он нас всех обвинял в попытке убить его, отравить. Невелико дело, такое бывало с каждым».

Несмотря на это беспечное замечание, момент, когда я близко подошла к самоуничтожению, до сих пор стоит передо мной столь же ярко, как если бы это было вчера. Каждый раз, когда я думаю об этом, дрожь пробегает по телу — как близко к нему я подошла! Один шаг! Это я наложила на себя епитимью за то, что чуть не убила бога или кого-то вроде него — так по крайней мере я тогда думала.

глава 17

Я НАНИМАЮ ЧАСТНОГО ДЕТЕКТИВА

Когда поезд проходит через туннель и становится темно, вы не выбрасываете билет и не соскакиваете с поезда. Вы сидите спокойно, не двигаясь, и доверяете машинисту.

Корри Тен Бум, «Выживший в Холокосте»

Я искала малейший проблеск в потемках души. Слова Флоринды «мы даже не заметим, нам нет никакого дела, убьешь ты себя или нет»... Эти слова относились не ко мне. Инстинктивно я знала, что Флоринда была не права относительно моих мотивов самоубийства, — уже в третий раз я увидела, что она ошибается (сначала — когда она подвергала сомнению искренность моей любви к Карлосу, потом — случай с моими фотографиями «ню»), и это пробило мощную брешь в броне моей преданности. Но я не сосредоточивалась на этом. Конечно, были самоубийства по причине желания наказать или получить внимание, — Флоринда, должно быть, почерпнула свою логику из учебников по психологии для средней школы. Но есть и другие виды мотиваций. Мое побуждение заключалось в том, чтобы прекратить боль.

Вступая в мир магов, я плыла по течению. Успешная продажа моей первой книги поддерживала меня на плаву, но мой дружок несколько лет назад предал меня, оставил, уйдя к другой, именно тогда, когда умирал отец. Я позвонила ему по телефону-автомату из больницы, чтобы сказать, что отец умрет через несколько часов.

Он ответил: «Я не могу говорить с тобой сейчас, я не один, со мной...» Я рухнула в коридоре больницы. Мой брат поднял меня, и мы возвратились в палату, чтобы быть с отцом до конца, шепча ему о нашей любви и моля, чтобы он услышал нас сквозь кому. Когда мой «бывший» увидел некрологи на первых страницах газет, он заполнил автоответчик сообщениями, в которых твердил одно и то же: «Я и не предполагал, что он *действительно умирал*».

Моя мать была в ужасной форме, и нам с братом приходилось принимать новые трудные решения. Я задумала вторую книгу, но желания писать не было. Причиной моей депрессии была смерть отца.

Состояние матери ухудшалось; она свалилась от болезни после серьезного удара и постепенно слабела.

Я не могла собрать разбитые части вместе. Даже то, как я просыпаюсь утром, было неправильно — я ненавидела само пробуждение, — хотя ела здоровую пищу, фанатично делала зарядку и совершала «правильные» поступки. Депрессия не проходила, я начинала принимать прозак и была рада хотя бы небольшому облегчению.

Поэтому когда Флоринда представила свой упрощенный анализ моего суицидального поведения, ей было одинаково безразлична то ли я волком выла от своих сомнений, то ли «трудная магическая любовь» заставила меня блефовать. Она была не права, я не хотела ничьей жалости, я хотела уйти. Я хотела уйти намного раньше, чем появился Карлос, чтобы заманить меня. Я хотела уйти от боли — вездесущей, непрекращающейся боли.

Я возобновила прием прозака, но принимала меньше, чем было прописано, потому решила собирать различные пилюли на случай самоубийства. На некоторое время это заставило меня почувствовать себя в безопасности. Сейчас я уже знаю, что этот способ временного успокоения совсем не нов.

Много людей так никогда и не совершают попытку суицида, успокаиваются, зная, что у них есть свой собственный план.

На тот момент я выбрала жизнь, какой бы суровой она ни была, — я должна была с этим что-то делать. Моей целью был Карлос — я хотела правды о том, что он делал. Друзья предположили, что он был типичным «латиносом», ловеласом, *мачо*, которому нужны победы, чтобы чувствовать себя в безопасности. Это было его проблемой, усугубившейся манией величия.

Я не слушала эти доводы. Я продолжала безоговорочно верить ему, убежденная в том, что он просто хотел научить, инициировал меня. Его «кровь была на моих руках», и возможно, он умирал от моего яда. Я считала, что подвергла опасности жизнь всемирного спасителя. Никакой друг, никакой врач не могли достучаться до меня. Только в том случае, если обнаружится, что он сердцеед, мои глаза откроются, и это поможет мне начать медленный, суровый путь выздоровления.

А если я не смогу опомниться, то у меня был свой план простого решения: взять таблеток и алкоголя и погрузиться в сон в снегу — в этом туннеле к нежному забвению. В нужных случаях, как всегда, под рукой был Шекспир: «Ни мак, ни мандрагора, ни все снотворные сиропы мира не отнесут тебя назад, в тот сладкий сон, что был вчера» — в тот день, когда мой отец смеялся и выбивал пепел из ужасно пахнущей трубки; в тот день, когда Карлос держал меня на коленях и плакал, оттого что прежде никогда не чувствовал такой привязанности к кому-либо; в тот день, когда мы в Мексике держались за руки и затаив дыхание следили за *воладорес*, поднимающихся по шесту в бесконечность; в тот день, когда Флоринда совала шоколад мне в рот и говорила: «Я здесь, теперь я — твоя мамочка, хорошая мамочка, которая никогда не откажется от тебя».

Удивительно, но я не стала злее, хотя душа не находила себе места. Я стала

воинственной и, возможно, была в одном шаге от состояния бешеной ярости. Я решила узнать правду о моем соблазнении и выяснить, не заняла ли конкурентка мое место. Карлос был слишком труслив, чтобы признаться самому, он скрывал свой обман за рассказами о пребывании на краю смерти, вызванном на-шей ядовитой связью.

Пожалуйста, не подумайте, что я была способна здраво рассуждать или что я освободилась от чувства вины в убийстве последнего *нагваля*. Если бы я могла безболезненно умереть во сне, не ранив тех, кого люблю до глубины души, я выбрала бы это. Как ни странно, будучи ужасно худой от недоедания (как Карлосу бы понравились мое изможденное лицо и плоский живот!), я оставалась совершенно здоровой и сильной.

Если я собиралась жить, я должна была что-то делать. Я сэкономила небольшие деньги, чтобы прожить в течение короткого времени, но все же я не могла сконцентрироваться на написании книг.

Я не была сталкером, тем, кто стал бы шпионить за Карлосом. Но я знала человека, кто мог бы это сделать, — это был трудолюбивый, наблюдательный профессионал, один из моих старых друзей, очень известный и преуспевающий частный детектив. Я сомневалась, смогу ли я оплатить его работу, поэтому решила для начала посмотреть, что можно сделать самой.

Я надеялась, что наткнулась на золотую жилу, так по крайней мере я думала, когда открыла телефонную книгу Санта-Барбары и к своему удивлению нашла там домашний номер скандально известного Ричарда де Милля. Внук Сесила де Милля, он написал единственную достойную обсуждения книгу о Карлосе. Она была достаточно популярна, и ее недавно переиздали с дополнениями.

В ней я с трудом пробиралась через дебри авторского психоанализа, представлявшего Карлоса как настоящего шизофреника: одна его составляющая — это грандиозное и неприкрытое вранье длиною в целую жизнь в поисках безопасности, другая — обман человека, живущего в вымышленном мире, могучего и всемогущего, извлекающего из этого выгоду. Милль, несомненно, провел грандиозную работу: опросил каждого, кого смог найти, кто знал Карлоса во времена UCLA и далее в семидесятых годах. Книга полностью развенчивала миф о Карлосе, поэтому я презираю ее до сих пор.

Милль подошел к телефону немедленно и был довольно бесцеремонен. Его одолевали охотники за Карлосом, те, кто предполагал, что он мог их привести к Богу. Мне потребовалось лишь мгновение, чтобы убедить его, что я *знала* Карлоса лично и хотела задать лишь один вопрос: действительно ли Кастанеда был ловеласом? Часто ли он предлагал связь женщинам, а затем бросал их? Ричард на мгновение задумался, затем ответил: «Нет, я никогда не слышал ничего подобного».

Он считал, что единственная цель сексуальной связи для него — это оказание помощи для беспрецедентного духовного роста. Когда я сказала, что Карлос часто высказывал желание напасть на своего биографа с мнимой благодарностью: «Это именно вы написали книгу *обо МНЕ*?» — то сначала это напугало несчастного Милля, и он не сразу ответил, а потом разразился смехом.

Очевидно, эта беседа была для него в диковинку — его утомили запросы от легионов ищущих Карлоса. Он был известен прежде всего как единственный биограф Кастанеды, несмотря на то, что написал и другие книги. Мы довольно вежливо распрощались, но все же я не стала более осведомленной.

Затем я написала Майклу Корде из «Саймон энд Шустер» (Карлос любил произносить: «Саймон энд Шайстер»³⁵), тому самому, что издавал Карлоса и книги моего отца в течение двадцати лет. Карлос в конце концов оставил Корду, сказав, что Майкл отклонил книгу «о герменевтике» как чересчур академическую. Что бы там ни представляла собой герменевтика на самом деле, Корда объявил, что она «некоммерческая», по крайней мере так утверждал Карлос. Я догадывалась, что это была больше, чем просто история, потому что

---

35 Игра слов — *shyster* — крючоктвор. — *Примеч. ред.*

Карлос отзывался о Корде с презрением и стал издаваться в другом месте. Возможно, как это было с моим отцом, Корда оскорбил одного из своих авторов.

Много лет спустя я имела возможность спросить старого редактора «Саймон энд Шустер», который работал с Майклом, почему ушел Карлос. Он предпочел не отвечать на мои расспросы. Это было чувствительной темой. По сей день я не знаю того, что послужило причиной этого раскола.

Майкл был одним из многих людей, которого я знала с детства, — он как-то заказал «Двое», биографию настоящих сиамских близнецов, которую мы писали вместе с отцом. Я написала в письме к нему, что была обручена с Карлосом, а тот внезапно исчез. Я задавала Корде тот же самый вопрос, что и Миллю, — было ли такое поведение обычным для Карлоса? Майкл ответил кратким письмом, в котором было только: «Я никогда не обсуждаю Карлоса Кастанеду».

Это был тупик. Настало время разыскать своего сыщика и надеяться на успех, несмотря на все эти невыносимые трудности. Мой старый приятель теперь имел престижную фирму, конечно, он больше не занимался розыскной работой сам. Но это был особый случай. Он принадлежал к «поколению Кастанеды», хотел помочь мне и решил взяться за это дело сам, никому не доверяя работу такой сложности. Более того — он любезно сделал мне огромную скидку, позволяя мне продлевать розыски.

Алексу очень *странным* показалось то, что у меня не было ни одной фотографии, только немного имен и адресов. Чтобы сэкономить мой ограниченный бюджет, мы остановились на двух путях.

Алекс займется традиционной слежкой за домом и обойдет несколько ресторанов.

Посещения ресторанов ничего не дали. Слежка была пустой и бесполезной: высокая ограда скрывала всю команду. Через три дня Алекс увидел, как «высокая охранница шведка» — конечно, Астрид — и одна женщина, несомненно Тайша, входили и выходили из дома.

Алекс помрачнел: «Может быть, он действительно находится в другом мире».

Пришлось пойти на дорогостоящий риск — телефонная компания. Я заплатила детективу, чтобы найти телефонный номер Карлоса по его телефонным счетам. Здравый смысл, интуиция, называйте это как хотите, я просто *знала*, что счет будет на имя Анны Мэри Картер — то самое, которым первый раз назвалась Тайша.

Через нескольких дней мне был вручен конверт. Там были четыре абонента, трое с двумя линиями. Я набрала номер наудачу. Внутри у меня все сжалось в комок.

При первой же попытке я попала в цель.

— Это Эйми.

Последовала долгая пауза. Потом разразилась гроза:

— Где ты взяла этот номер? Кто тебе его дал?

Я проигнорировала:

— Я хочу поговорить с тобой.

— Хорошо, хорошо. Возможно, это знак Я перезвоню тебе.

Я ждала десять, пятнадцать минут. Больше я не могла выдержать и набрала номер.

— Я велел тебе ждать! *Carajo! Cojuda!* — он бросил трубку так, что в ухе раздался треск. Через полчаса раздался звонок. Я запомнила разговор не очень хорошо. Все было закончено за минуту. Он сказал, что не будет спрашивать, как я получила номер (позже я узнала, что проводилось суровое расследование среди учеников в Лос-Анджелесе), и что он расценивает этот звонок как знак того, что настал момент для встречи.

Мы договорились на самое ближайшее время. Я должна была прилететь в Лос-Анджелес через несколько дней и вернуться обратно через несколько часов. Мы займемся любовью в гостинице аэропорта и увидим, «откроется ли дверь» повторно. Я должна была позвонить ему и сообщить *только* о времени прибытия. Он будет ждать.

Я настроилась на оптимистический лад. Погода была ужасно жаркой, и я надела летнее платье, браслет на лодыжку и сандалии. Мне было все равно, что Карлос может с презрением отнести к такому бараклу в стиле «хиппи из Беркли».

Когда я вышла, Карлос был там. Он выглядел очень взволнованным и явно не одобрял мой вид. Жара доносила запах его возмездия — дезодоранта для тела. Если бы я появилась в новомодном костюме «от кутюр» на скромных каблучках, обильно политая антиперспирантом, я по крайней мере обеспечила бы себе бурную встречу.

А он просто взял меня за руку, и мы вошли в лабиринт паркинга в Лос-Анджелесе. Карлос велел мне, как только мы найдем гостиницу, немедленно отправиться в душ. Мы сели в его грузовичок и поехали в напряженном молчании сквозь пробки на улицах. Остановились в ближайшей из угнетающе высоких гостиниц. Беспокойство заставило меня потеть обильней, чем обычно. У нас было плохое начало, но я не смирилась с этим. Я решила, что мне удастся вновь разжечь любовь моего жениха.

Карлос был настолько возбужден, что у него возникли трудности с эрекцией. Я обняла его, притянула ближе и сказала: «Давай только прижмемся друг к другу, расслабимся и будем вместе».

Через несколько мгновений его страсть вновь зажглась, и все прошло успешно.

Я прилетела назад в Беркли тем же вечером, Карлос позвонил мне на следующий день с магическим приглашением — шансом для прощения и искупления.

глава 18 СМЕРТЬ-СОВЕТЧИЦА

Вера в священную причинность в значительной степени подменяет утрату веры в самих себя.

Эрик Хоффер, «Истинноверующий. Личность, власть и массовое общественное движение»

Карлос пригласил меня присоединиться к группе на следующей неделе — без него, — в аэропорту Лос-Анджелеса, откуда мы все полетим в Мехико. Два семинара проведут ведьмы и три преподавателя тенсегрیتی, чакмулы. Между семинарами в выходные мы все поедем в магический город под названием Тула. Тула фигурировала в нескольких книгах Карлоса и была городом, в котором он часто встречался с доном Хуаном, местом поклонения читателей, фанатично совершавшими паломничество туда.

Расстроенная моей недавней оплошностью в одежде, я позвонила Флоринде и спросила ее, что надеть. Она ответила: «Повседневную одежду. Возьми одно выходное платье на случай, если мы отправимся пообедать».

В аэропорту я сразу поняла, что опять оделась не так. Более десятка учеников были одеты в безупречные темные костюмы и, выстроившись в шеренгу, хранили суровое молчание. Я приблизилась с приветливой улыбкой, в бледных льняных штанах и рубашке из шелка кремового цвета. На мои приветствия мне ответили кислыми поклонами.

Помимо одежды, у меня был неправильный чемодан. У всех были одинаковые черные чемоданы на колесиках, а мой был с ручкой, кожаный. Муни фыркнула: «В каких облаках ты витаешь?»

В группе была женщина, которую я встречала прежде, — бывшая топ-модель, показавшаяся мне весьма легкомысленной. Тиффани, казалось, привлекала внимание всех, особенно Рика Фостермана, агента Карлоса. Рикун дали новое имя Саймон Маккриндл. Его приятель Энди Горовец стал теперь Гвидо Манфредом. Нужно было многое запоминать.

В самолете меня посадили около пуэрториканки Мари, которая обычно покорно стояла возле своего возлюбленного Рамона. Они хранили серьезные, строгие выражения лиц. Я задавалась вопросом, что же, собственно, происходит, — я-то ожидала дружественного воссоединения. Мои вопросы к ней «как дела?» и прочее настолько вывели ее из себя, что она без слов пересела до конца рейса в хвост самолета. Я и не подозревала, что эта похожая на мышь женщина скоро обретет власть как главный управляющий группы, президент их

новой компании «Клеаргрин».

Мы остановились в уютной гостинице. К вечеру я поняла, что Флоринда полностью ввела меня в заблуждение. Каждый вечер у нас были парадные обеды, а у меня не было надлежащего гардероба.

Для покупки одежды не было времени.

Ведьмы обращались со мной настолько жестко, что, когда я сталкивалась с ними в лифте, они молчали и смотрели сквозь меня, кроме Муни, которая свободно выражала пренебрежение: «А! Это ты!» Никто не хотел пойти мне навстречу и одолжить одежду. Каждый вечер Тиффани появлялась в новом роскошном одеянии, повергая всю группу в экстаз. Только Гвидо однажды дружески обратился ко мне и тепло улыбнулся.

Семинар предлагал значительно упрощенную версию доклада, который я должна была вскоре услышать полностью в Туле. В конце Муни прочитала стихи по-испански и по-английски, сказав, что они представляют собой суть философии дона Хуана. Некоторые ученики хранили их, приклеив к холодильнику. Их содержание показалось мне крайне депрессивным, полным чувства вины в духе католицизма, одой самопожертвованию. Казалось, только я одна и не оценила их:

*Дай мне, о Боже, все то, что имеешь,
Дай то, что никто не просил у тебя.*

В субботу утром мы рано встали ради однодневной поездки в мистическую Тулу и окрестности.

Напряженность во время поездки была на грани взрыва. Нашим водителем была жесткая, лишенная чувства юмора мексиканка. Тиффани сидела на переднем месте, а я сидела на заднем сиденье с аргентинкой лет шестидесяти, профессором философии из Буэнос-Айреса.

За час мы узнали о планах Тиффани стать непревзойденным поэтом. Она держала книгу Кастанеды «Сказки о силе», потчужая нас цитатами из нее. Периодически она проверяла свою кожу и подновляла блеск на губах. Что ж, спрашивается, увидели в ней маги?

Нашей первой остановкой был маленький местный музей в предместьях Тулы, в котором находились скульптуры и некоторые незначительные экспонаты. В туалетной комнате я столкнулась с Флориндой. Впервые за всю нашу поездку она разговаривала со мной и была откровенно сердита, раздражена тем, что наши дорожки пересеклись. Флоринда впиалась в меня взглядом, сделала замечание о грязных мексиканских туалетах и взяла у меня туалетную бумагу. Очевидно, свою она не захватила. Grimаса отвращения изуродовала ее кукольное личико, и она убежала от меня без оглядки. Стараясь держаться от меня как можно дальше, насколько это возможно в тесной, зловонной комнате, Флоринда что-то бормотала о желании выпить колы.

Только несколько человек тогда общались со мной, среди них выделялся Тони Карам. Остальные, по сигналу ведьм, резко прекращали разговор и отходили, как только я приближалась.

Мы вошли в маленький музей. Некоторые из нас делали записи.

Карлос прежде говорил нам (неправду, как я позже узнала), что Муни была доктором медицины. Она проинструктировала нас «Не воспринимайте все линейным умом» — и стала объяснять различные аспекты магической философии. В книгах ничего не было сказано о точке зрения магов на реинкарнацию. Муни объяснила: «Маги воспринимают себя как существ циклических.

„Цикличность“ не является реинкарнацией. Люди нанизаны на энергетические связи — похоже на бусы. Я — бусинка в одном ожерелье с тем мистическим существом, которое мы называем „Смерть-советчица“».

Карлос ответил более вразумительно, когда я спросила, как он представляет себе прошлые жизни. По его словам, то, что мы считаем памятью о прошлых жизнях, — это

фактически память о четырнадцатом ребенке нашей внучатой бабушки второго кузена, матери жены нашего дяди или любой подобной вариации, которую мы можем вообразить. Он объяснил, что мы связаны со всеми остальными воспоминаниями, и смешиваем понятия «память поколений» и реинкарнация.

Мы вернулись в автомобиле и фургон для короткой поездки в сам город Тула. Здесь я совершила огромную оплошность. Я провела так мало времени в компании этих людей и только по телефону слышала о том, что у них не существует никакой иерархии, что верила в это. Не думая ни секунды, я уселась в ближайший из двух фургонов. Гвидо посмотрел на меня с болезненным выражением лица, а Флоринда рявкнула: «Тебе нельзя здесь сидеть!» Я и понятия не имела, что была иерархия внутри машин, вскоре я узнала, что иерархия была во всем.

Пристыженная, я выбралась наружу и огляделась вокруг в поисках автомобиля с местом для низших существ. Меня спас Тони, который энергично махал мне. Когда я усаживалась, я слышала, как Флоринда кричала: «Тиффани, иди сюда и садись с нами, дорогая!» Она громко хлопала по пустому месту возле себя, которое я только что освободила, потом пылко обняла Тиффани. Счастливая женщина повизгивала от восхищения.

— Что? Я? Мне сесть с тобой?

— Конечно, моя дорогая, — заверила Флоринда, глядя ее по волосам.

Фото слева: вход в часовню, где смерть советчица заключила соглашение с Кэрол Тиггс.

Фото справа: внутри часовни в Туле.

Тула была маленьким сельским городом. Был тихий день, и, казалось, никаких других туристов не было. Мы припарковались около старинной церкви. Поблизости был веселый парк и площадь, где играли дети, на скамейках сидели пары, держась за руки.

Муни встала рядом с маленькой часовней около церкви.

— Это то место, где Смерть-советчица заключила соглашение с Кэрол Тиггс, — начала она, говоря о себе в третьем лице. — Существо имело похожий на мужской, торжественный голос, который привел ее в замешательство. Смерть-советчица поняла ее чувства и страхи и сказала: «Во мне не осталось ничего мужского. Моя точка сборки смещена». Смерть-советчица, как сказала Муни, дала откровенное описание своих женских гениталий, которое очень смутило Кэрол.

В памяти возникла одна из самых странных историй Карлоса. Неоднократно он рассказывал нам о том, что, как-то проснувшись, он пошел в ванную и осмотрел всего себя: «Глядя вниз, я увидел, что вместо члена у меня была щелка. *Carajo!* Я был женщиной! Меня охватил ужас! *Ужас* оттого, что я никогда не превращусь обратно в мужчину! Я громко позвал Флоринду и Муни, чтобы они помогли мне!» Мы никогда не выясняли, как Кастанеда вернул себе свою принадлежность или почему перспектива остаться женщиной, которая, по его словам, в сотни раз сильнее мужчины, расстроила его так ужасно.

Потом Муни описывала свое соращение Смертью-советчицей, свой невероятный оргазм и последующие опасения по поводу превращения в лесбиянку. Смерть-советчица сказала ей:

— Не смущайся и не будь ханжой! У женщин есть огромный заряд энергии в матке, их путь открытия неведомого лежит через оргазм.

Муни описывала свои ощущения после соития:

— Кэрол Тиггс чувствовала себя по-настоящему омерзительно грязной, опозоренной. Она была уверена, что все в церкви глазели на нее, и считала, что она — отвратительная лесбиянка.

— Но Смерть-советчица объяснила: «Нет, никто даже не видел, что ты совершаешь

дриминг во сне.» Даже эта церковь нереальна. Теперь я хочу кое-что попросить: помоги мне найти свободу. Я заплачу тебе любым способом, которым захочешь, или моя жизнь закончится вместе с твоей. Я сделаю тебя всемогущей. Поторгнемся? Если ты хочешь быть женщиной, скажи. Если ты хочешь быть существом с самым сильным оргазмом во всей Вселенной, я сделаю тебя супервагиной!

— Ты хочешь, чтобы это случилось? Это будет незабываемое приключение.

— Да. Что мне для этого следует сделать?

— Соблазнить Карлоса.

— Это смешно! Карлос ненавидит меня.

— Смерть-советчица сказала; «Время менять сновидения и идти гораздо дальше, глубоко в океан осознания».

— Хорошо, я люблю пляжи. Так что же относительно Карлоса?

— Я отнесу тебя к нему.

Мы прошли небольшое расстояние по площади, — Муни искала особенную скамью в парке. Она остановилась около скамьи, занятой парой влюбленных.

— Давайте не будем тревожить их, — сказала Муни, — никто не тревожил нас, когда мы были здесь.

Я почувствовала, как у меня все похолодело внутри. Так, значит, она любовница Карлоса или *была* ею. Все, что он рассказывал мне о них как о платонических брате и сестре, было ложью, — и эти абсурдные двадцать лет целибата! Я была уязвлена ревностью, а Муни казалась задумчивой, как будто она была все еще увлечена, *влюблена*. С этого момента я боролась с навязчивыми образами Карлоса и Муни и тошнотой от осознания того, что он лгал, чтобы совратить меня, завлечь в группу.

Только месяц назад он рассказывал мне одну из своих странных историй: «Мы с Муни занимались *дримингом* вчера вечером. Мы спали рядом». Я впилась в него взглядом, на который он уверенно отвечал: «О! Ничего сексуального, *corazón* ! Мы не такие, она моя *младшая сестра*. Ну ладно, посреди ночи я проснулся и закричал на нее: „Ты не можешь управлять своим энергетическим телом! *Carajo, cono, pendeja* ! Убирайся к черту! Ты должна научиться быть дисциплинированной, управлять своим энергетическим телом!“

— Она не издала ни звука, Эйми, ни слова, она только встала с кровати, надела свои вещи и спокойно ушла. Было три утра. Подмораживало! Я почувствовал себя таким гадким, что побежал за ней на улицу голый с воплями: „Вернись, вернись“. Ты бы видела ее, — у нее был такой грустный вид... Почему я делаю такие вещи, *amor* ? Я гадок и *ужасен* ».

И теперь он предоставил мне возможность узнать об их отношениях вот таким образом, фактически *спланировал* все это. Я была ошалевшим аутсайдером, не было никого, с кем я могла бы поговорить, и мне оставалось тихо глотать слезы. Пока Муни говорила, я вышла вперед и встала прямо перед ней.

Она продолжала:

— Следующее, что я помню, — я сидела на этой скамье, и Карлос был в моих объятьях.

Площадь и скамейка в Туле, где Кэрл соблазнила Карлоса и слилась с мистическим существом.

Отель в Туле, где Кэрл и Карлос десять дней занимались любовью и, заключив соглашение со смертью-советчицей, погрузились в «океан осознания».

Она подвела нас к ближайшей гостинице. — Десять дней мы страстно отдавались друг другу. Таким образом Карлос слился со Смертью-советчицей. То, что заняло у меня десять лет, он выполнил в десять дней! Теперь он был мой *истинный* брат. Мы в одном цикле со

Смертью-советчицей. Это не имеет смысла, и поэтому я люблю и ненавижу его: циклические мужчина и женщина никогда не смогут прийти до цели поодиночке. Наш единственный магический путь — это слиться полностью.

— Я влилась в океан осознания, который не имеет никакого отношения к воде. Это поток энергии, который общается с вами, возможно, это то, что древние мистики называли богом. Внутри него вы чувствуете полное безразличие — и это настоящая свобода.

Карлос настаивал, чтобы я достигла этого «безразличия», что позволило бы мне присоединиться к нему на других планах, свободных от отвратительных человеческих эмоций. Длинные описания этих планов можно найти в книгах Карлоса. Мои образы этих миров напоминают картинки из моей любимой детской книжки комиксов о Марвеле *доктора Стренджа*. Выйдя из задумчивости, я прислушалась к речи Муни.

— Мне потребовались месяцы, чтобы снова обрести Карлоса, потому что я была растеряна и несчастна. Однажды я узнала, что он читает лекцию в книжном магазине «Феникс». Он просто потерял сознание, когда увидел меня в аудитории, потому что сослалась на сложную схему, помещенную в ранних книгах Карлоса.

— Теперь я преследую моего брата как женщина, которая *обладала* им. Я забочусь только о *его* борьбе. Это придает смысл моей жизни. А сейчас я назову вам имя Смерти-советчицы — Кохонапо, что означает «плод вечной весны».

— Смерть-советчица живет тысячелетия, помогая человечеству расти. Произнесение ее имени в Туле пробудит ее дух. Она повелела мне произнести слова из Найотля, заканчивающиеся строчкой:

«О кохопанхоко о кохопанхоко »³⁶.

Муни подвела нас к близлежащему парку, попросив собраться в группу возле лужайки. Она выбрала Флоринду и Тайшу; трех чакмул — Астрид, Пуну и Зуну, а также Саймона и Гвидо. Она уставилась им в глаза, прошептала на ухо слова Смерти-советчицы и приказала упасть, одеревенев, в руки двух помощников. Муни дала им «глаз», потому что он уже был известен ученикам. Все упали навзничь и лежали спокойно, но у Гвидо начались судорожные конвульсии. Спустя пять минут Муни «пробудила» их с помощью ассистентов. Она сказала, что придет к остальным этой ночью. Все эти годы, следуя инструкции Карлоса, она гипнотизировала каждого из нас в группах по три или четыре (за исключением, конечно, тех, кто был изгнан: философ из Аргентины, Тиффани и Тони, который решительно ушел сам).

Группа начала обниматься, плакать. Я наблюдала все это на почтительном расстоянии. Даже тогда, находясь под впечатлением изменения жизненного состояния, Флоринда улучила момент и прорычала: «Эйми, это твое настроение не позволяет всем нам подойти к тебе ближе. Мы не выносим тебя — особенно Карлос».

---

³⁶ Годы спустя я усомнилась в правильности перевода поэмы Найотля о Туле:

Я — работа единственного Бога, его создание...

Он создал тебя,

Он вызвал тебя из небытия в виде цветка, раскрасил тебя как песню:

Тольтекский художник

Книга подошла к концу:

Ваше сердце переполнилось...

Я плачу, когда я говорю и спорю с моим сердцем,

Позволь мне увидеть корни песни,

Позволь мне посадить ее здесь на земле, так чтобы она могла быть понята,

Моя песнь прочна и цветиста.

Мое посаженное слово вырастает,

наши цветы поднимаются под дождем.

— Из Найотля, переведенного Эдвардом Дорном и Гордоном Брозерсоном в книге «*Остановившееся солнце: оригинальные тексты заселенной Америки*» (Книги северной Атлантики, 1999) — *Примеч. авт.*

Я попятилась назад.

Внезапно Гвидо подошел, нежно обнял меня, его глаза наполнились слезами, когда он прижал меня к себе. «Спасибо, *amor*», — прошептала я.

Он совершил невероятный поступок — порвал со стаей.

Все расселись по своим машинам. Я направилась к Тони. Внезапно все услышали голос из первого фургона: «Эйми, Эйми!»

Это была Зуна, тихая чакмула, напоминавшая библиотечаршу, которая была так добра ко мне на моем первом занятии. Она спрыгнула и, кинувшись ко мне, нежно обняла меня:

— Эйми! Я не могла отпустить тебя без объятия!

Еще один член группы, который оторвался от стаи, — два жеста, которые я никогда не забуду.

Вернувшись в гостиницу, мы, изможденные, немедленно разошлись по комнатам. Второй семинар должен был начаться на следующий день, но Флоринда и Муни были переутомлены и полетели назад с Саймоном и Гвидо.

Я решила остаться, и тем же вечером Карлос сказал, что он очень гордился моим посвящением. Он посылал объятия и поцелуи, просил меня отдохнуть.

Тайша и еще три чакмулы проводили семинар на тему «Магическая любовь». Специальные пассы для двоих, способствовавшие развитию абстрактной любви, красиво преподавали «маленькие кузины» Зуна и Пуна.

Я настолько обезумела от роли козла отпущения, что, разыскав Тайшу, вызвала ее на пару слов, чтобы посоветоваться.

— Я знаю, что у тебя за проблема, — воскликнула она. — Ты думаешь, что ты женщина *нагваль* ?

Я закусила губу, потому что пообещала Флоринде никогда не говорить Тайше о своей близости с *нагвалем*, но мне очень хотелось рассказать ей правду о том, что я *была* его женщиной, его женой!

По непонятным причинам мы *никогда* не разговаривали с ней о сексе.

— Продолжай в том же духе, — она грубо ткнула большим пальцем вверх. — Иди туда и практикуй «пассы любви» с Большой Тиффани, той, кто вышвырнул тебя, и той, кто *заменяет* тебя.

Флоринда и Муни приехали в аэропорт Лос-Анджелеса приветствовать группу и развезти их домой на фургонах. Все обменялись объятиями и поцелуями, но меня исключили из этих ритуалов. Я забрала сумку и направилась на рейс в Сан-Франциско То, что *нагваль* увидел во мне в Мексике, что заставило его раздражаться похвалами по телефону («я так *горжусь, corazón !*»), каким-то образом было разрушено. Один или несколько человек, видимо, плохо отозвались обо мне, и это подавило его способность видеть насквозь. Несомненно, сплетня была сильнее, чем магия. Согласно сообщениям, моим новым преступлением стала зависть. Я была виновна в том, что хотела присоединиться к группе, быть одной из них, включиться, но я не была истинным одиноким воином. Опять сплошные «музыкальные стулья»³⁷. Музыка закончилась, а я осталась стоять.

глава 19

ПОСЕЩЕНИЕ СЕМИНАРОВ ПРИВОДИТ К ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ

Собственное имя не принесло никакого проку никому, кто бы он ни был. Что хорошего оно дало нам — весь этот вздор насчет маски

---

³⁷ Детская игра, когда музыка прекращает играть, все должны сесть на стул, одного стула всегда не хватает. — *Примеч. ред.*

и кинжала? И какой вред оно нанесло нам — вся эта бесконечная скрытность и прятанье собственной идентичности?
Джон ле Карре «Наша игра»

Несмотря на свой позор, я продолжала посещать семинары вместе с моей подругой Салли. Мы потратили маленькое состояние на поездки в Колорадо, на Гавайи, да и повсюду. Я была похожа на Марлен Дитрих, преследующую Гарри Купера в пустыне *Марокко*. Со мной обходились всегда пренебрежительно, теперь считалось, что я одеваюсь *слишком* нарядно. Я не сдавалась. «Карлос потеплел настолько, чтобы попросить меня звонить ему после каждого семинара в качестве „глаз и ушей“. На Гавайях случилась катастрофа: он сказал, что я не увидела колоколообразных неорганических существ, которые окружили Флоринду.

Однако в то же время Карлос признал: я одержала такую победу, в которую ни он, ни дон Хуан не поверили бы, и что, возможно, интенсивный „перепросмотр восстановил мое светящееся яйцо“. Оно больше не было плоским, стало овальным, ведь я очень дисциплинированно устранила все последствия употребления наркотиков в юном возрасте (некоторые из которых прославились в книгах Кастанеды), — Карлос с гордостью рассказывал группе о моих феноменальных достижениях.

Если бы я знала о них больше, я бы поняла, что в юности многие члены группы использовали наркотики, а меня загадочным образом выделили для насмешек и обструкции. Возможно, мне нужно было лгать, так как становилось все более и более понятным, что Карлос не умеет читать мысли и *просматривать* наши жизни. Но я пообещала Карлосу никогда не лгать. Давным-давно, еще в самом начале моего „обучения“, он обвинил меня в том, что я не верю ему на все сто. Я отвечала с некоторой горячностью, возражая, что он хочет слишком многого сразу. Он разразился шумной проповедью, обращаясь к классу: „Эйми не доверяет *нагвалю* на все сто! Она безумна!“

Я посещала все семинары, но меня не принимали во внутренний круг. На семинаре в Центре „Ньюэйдж“ в штате Нью-Йорк я, наконец, проломила стену недоверия. Подражая поведению учеников, я подрезала свои и без того короткие волосы, оделась во все черное, прекратила обращаться к членам группы и, когда они шли за кулисы, почтительно избегала смотреть им в глаза. Наконец Флоринда сказала мне: „Привет“.

Я позвонила Карлосу в конце семинара, он ликовал: „Ты наконец сделала это! Ты победила ревность!“ Было совершенно ясно, что он получил хорошую информацию от ведьм.

Я ликовала. Вскоре он позвонил, чтобы пригласить меня в Буэнос-Айрес с Астрид, где он будет читать лекции и преподавать тенсегрити. Поскольку Карлос все время стонал по поводу моей „духовной неподвижности“, я усиленно занялась перепросмотром. Увы, „дверь“ загадочно закрылась.

— Что бы ты сделал, — спросила я печально, — если бы дверь для тебя закрылась?

— *Carajo!* Какая ГРЕБАНАЯ дверь? Я бы пнул ее ногой.

Я не знала, как это сделать, но это мне очень понравилось.

В 1994 году он исчез, и я переехала в Лос-Анджелес. Я полагала, что это было навсегда, а Карлос думал, что это было временно. Я спросила Карлоса, что такого ужасного в Беркли.

— Твои соседи знают тебя? — спросил он. — Они говорят „привет“?

— Да, мы живем сообща, по-соседски...

— То-то и оно! Ты поймана в ловушку из-за отсутствия *анонимности*! В Лос-Анджелесе никто никого не знает, и мне это нравится, и, кроме того, этот город — один из энергетических центров Земли, такой же как Мехико.

Муни говорила, что мне повезло жить в отстранении, читая книги и занимаясь практикой. Флоринда же предупреждала: „Эйми, *не имеет значения, как далеко ты углубилась, не имеет значения, как высоко ты продвинулась, еще больше осталось тебе*. Соревнование, борьба за положение никогда не прекратится, пока ты не разрушишь

личность, которую создали твои родители. Тебе нет смысла страдать по этому поводу“.

Интенсивный трехнедельный семинар в 1995 году был проведен в аудитории городской средней школы в Галвере. Впервые Карлос появлялся ежедневно перед двумястами пятьюдесятью слушателям со всего мира. Для большинства это был единственный в жизни шанс. Карлос был очень взволнован и читал лекции без остановки, на ходу внося поправки в учение о тенсегрити.

Я стояла в зале позади всех и повторяла движения в дальнем углу около ответ, если что-то встречало ее одобрение. Вскоре Карлос и я снова стали заниматься любовью в его собственной кровати — сложная задача покупки магического стилета и кинжала для коллекции Карлоса „открыла дверь“, — и он все время повторял, что я была его единственной возлюбленной.

По мере прогресса на семинарах мои акции росли. Я узнала от Клод новое магическое имя Дороти — Була Пуккет. С ними была Кандиса, застенчивая, неуклюжая девятилетняя девочка из Мексики. „Это моя дочь!“ — воскликнула Була, хитро подмигивая Клод, которая добавила: „*Давно потерянный ребенок* Булы“. Они разразились хохотом, а маленькая Кандиса смотрела в это время на свои ботинки.

Однажды Карлос довел аудиторию почти до слез. Он объявил: „Маленькая девочка Кандиса должна была выбрать между нами и своими бабушкой и дедушкой в Мексике, которые не любят ее и хотят, чтобы она стала толстой. Мы — ее единственный шанс, но она не выбрала Свободу. Сегодня вечером она садится в самолет, чтобы возвратиться к ним“.

Толпа взволнованно замерла. Ей представили Кандису в качестве образца особых „циклических“ существ. Була выглядела подавленной. Кто-то из аудитории спросил, могла бы Кандиса изменить свое решение и быть принятой назад.

— Теперь, — считал Карлос, — слишком поздно. У нее был только один шанс. Все наши решения окончательны.

На следующее утро Кандиса вышла на сцену. Карлос объявил: „Маленькая девочка хочет вам кое-что сообщить. Она сама решила заговорить и сама решила, что сказать“.

Тоненьким голоском Кандиса сказала нам, что она выбрала Свободу и приносит извинения за то, что подала плохой пример группе. Я подозревала, что ее речь была написана взрослыми. Зал стоя приветствовал ее аплодисментами. Кандиса покраснела и куда-то унеслась.

На семинаре был Тони Карам вместе с некоторыми помощниками *нагваля*, которых я встречала в Мексике, и все они по-прежнему тепло относились ко мне. В конце семинара они попросили меня проводить их на праздничный банкет, где участники получали именные дипломы, — одна из непостижимых злых шуток Карлоса.

Я вошла в ресторан, ведя на буксире мексиканцев. Там было три круглых стола для испаноговорящих: за одним хозяйничала Флоринда, за другим сидел Карлос, за третьим — Муни и Клод. Я искала табличку со своим именем и не могла найти ее. Озадаченная, я опять обошла столы.

Каждое место имело карточку с именем, написанную каллиграфическим почерком нагваля. Только я собралась спросить, как рядом со мной появился Карлос. Сияя, он подвел меня к столу Клод и выдвинул стул.

Там лежала карточка, на которой было написано „Эллис“. Улыбка Карлоса стала еще шире, когда наши глаза встретились, он усадил меня и ушел, по-прежнему сияя. Все за столом смотрели на меня: Клод, Муни, Гвидо, Зуна, Була и маленькая Кандиса. Я была потрясена.

Гвидо первый нарушил тишину и сказал:

— Элли... Эллис, хочешь немного сладкой свинины?

Клод взволнованно наклонилась ко мне. Очевидно, она выбрала имя с помощью Карлоса.

— Тебе оно нравится? Если нет, то ты, конечно, можешь сказать, и *он* выберет другое.

Мне жаль, что я еще не придумала фамилию. Ты — Ирландский эльф, и мы знаем только твое имя...

— О нет, все отлично! Я не хочу другое имя.

Я не могла говорить, у меня в горле стояли слезы.

Була спросила:

— Правда, замечательно не быть собой?

Когда она это сказала, я содрогнулась. Несмотря на то что я так сражалась за этот момент, я бы ни за что не хотела, чтобы мое новое имя означало уничтожение моей личности. В этом чувствовалось что-то очень неправильное. Я постоянно слышала, как о Буле говорили за глаза, что она так и не стала лучше. Что касается моего имени, то какое оно имело значение, кроме членства в сестринской общине? Я попробовала отбросить эти сомнения подальше, в конце концов, это был праздник.

В конце вечера меня обняла даже хладнокровная Тарина — объект презрения на нашей первой встрече в Беркли. Теперь у меня была семья, и я никогда не буду одна в Бесконечном.

Карлос отвел меня в сторону и сказал:

— Сегодня вечером со мной сурово поговорила Тайша! Она сказала: „Она просто *должна* иметь имя! Она — больше *не Эйми*!“ — Карлос передразнил сам себя, поднеся палец к губам: „*Ш-ш-ш!*“

Тайша приблизилась ко мне и прошептала: „Ну что, это точно? Элли? Алиса?“

— Эллис.

— Ах! — Она удовлетворенно улыбнулась и тепло меня обняла.

Той же ночью Карлос стал ломать голову над моей фамилией. Мне было не до этого: я все еще была занята мыслью о благодарности за то, что не получила одного из тех ужасных „звездных имен“. И слава богу, что я отказалась, когда он пробовал называть меня Полин, потом Жемчужиной!

— Что-то ирландское, — голос Карлоса прервал мои размышления, — потому что ты — эльф. Максуйни, Мерфи, О'Коннор... Ладно, придумаем...

После посвящения Карлос дал мне магические задания. Первое — работа волонтером в недавно организованном „Центре расширения сознания чакмул“, где я отвечала на телефонные звонки.

Однажды потребовалось назвать свою фамилию для заказа поставок в офис.

— Финнеган, — ответила я.

Я спросила Карлоса, что он думает об этом. Он был невероятно доволен мной за самостоятельный выбор фамилии. Карлос со всеми своими противоречиями — это был мой любимый образ среди его многочисленных масок.

— Ты выбрала, — ликовал он. — Только Клод смогла сделать это! Финнеган! Замечательно!

Карлос сказал классу, что я стала *duende* — эльфом, по-испански.

Я подошла к Клод:

— Если мое второе имя будет начинаться с „эль“, то инициалы будут произноситься как „эльф“, — можешь что-нибудь подсказать?

— Лаура! — сказала она. Потом нервно пробормотала: — Если тебе не нравится, можешь спросить у *него*.

— Нет, мне очень нравится.

Отныне я стала Эльфом.

На мне теперь лежала организация семинаров в книжных магазинах — работа, полученная мною благодаря стечению обстоятельств. Мои организаторские способности были замечены — все-таки я долго управляла небольшим штатом сотрудников, когда писалась „*Книга списков*“. Количество семинаров увеличилось, они стали протяженнее и дороже, впервые за все время мне была дана привилегия стать „энергетической охраной“ Флоринды на семинаре в Аризоне.

Последний семинар года поколебал нашу уверенность в безопасности — все стало неопределенно.

Карлос рассердился на Астрид за то, что она что-то сказала, он заключил, что она стала слишком самодостаточна и строптивая. В конце семинара он объявил большой массе людей: „Вы сейчас увидите реальную магию в действии!“ — и начал оскорблять трех чакмул одну за другой, выставляя их по очереди в отвратительном виде, чтобы публично унижить так, как я себе и представить не могла. Он обзывал их, передразнивал, обвинял в самых невероятных грехах. Группа плакала, в то время как ошеломленная аудитория хихикала, не способная понять весь смысл этого действия.

Кульминационной точкой стало обвинение Астрид, его самой честной и преданной последовательницы, в воровстве. Своим богатым баритоном он нараспев выговаривал. „Астрид, Астрид! Что ты НАДЕЛАЛА?“

Для Астрид все это, должно быть, не стало неожиданностью, потому что она произнесла в ответ на обвинения энергичную импровизированную речь. Всегда страстная, полная жизни, любимица аудиторий, она объявила о своем намерении совершить самоубийство, раз она потерпела неудачу как воин. Я слышала это воодушевленное, полное противоречий заявление. Некоторые расплакались от такого проявления преданности, в то время как другие чувствовали примерно то же, что и моя подруга Джинни, когда говорила своему мужу: „Если тебе предлагают „Напиток забвения“, не пей его“. Астрид рассказала свою с Карлосом любимую историю: „Я дала *нагвалю* баночку пилюль и сказала: „Если я не достойна Свободы, верни мне это назад — я знаю, что делать““.

Преобразования затронули и чакмул — в их группу вошли еще четыре человека, и они были переименованы в „энергетических триггеров“. Астрид говорила мне: „Эллис, я чувствую, что скоро умру. Не метафорически, а *в самом деле*. Я настолько связана с Ним, что просто убиваю его, — но если он умрет, то и я умру. *Тебе не понять* — моя жизнь висит на волоске“. Я никогда не забуду ее изможденное, бледное лицо и глаза, в которых застыло выражение мучительной боли. Ее прежнее положение было утрачено навсегда.

Семинары проводились в Мексике, Барселоне, Аргентине, Италии и Германии. Ведьмы и триггеры поехали в Европу без Карлоса. После выступления в Окленде в 1996 году Карлос тяжело заболел. Он больше не мог путешествовать на север» — это было бы смертельно — и организовал «Верде Кларо», дочерний офис мексиканского отделения.

Вторым заданием для меня стала книга. Карлос полагал, что, несмотря на агностическое воспитание, я ощущала себя еврейкой. Он постоянно дразнил меня, говоря: «Кто мы? *Черножопый мекс и жидовка!* Ты должна разорвать любую привязанность к чему-либо — *ты просто существо, которое должно умереть*. Люди говорят о революциях... Чушь! Сначала измените *себя*. Пока вы не совершили внутреннюю революцию, усилия по спасению мира — бессмысленны».

Карлос рассказал о какой-то забытой дипломной работе, которую он читал еще в аспирантуре, в ней доказывалось, что не было никакого «избранного народа», что евреи — это помесь христианства с беспородностью. Он полагал, что подобные доказательства уничтожат несчастную Эйми Уоллес.

Вскоре я отыскала блестящего знатока истории еврейства, Рафаэла Патаи, который много писал об этом предмете. В свои девяносто лет он все еще работал и числился в телефонной книге Нью-Йорка.

Он оказал мне огромную поддержку в дальнейших исследованиях в этой области, но считал, что это будет трудоемкая, практически невыполнимая задача, потому что многие первоисточники были уничтожены нацистами. Я приступила к исследованиям вместе с моим другом и соавтором Доном, знатоком истории христианства. В то же время я писала рассказы и вела еженедельную колонку для «*Салон Мэгэзин*». Ведьмы поддерживали проект, и Флоринда активно поощряла меня заниматься беллетристикой. Видя такой громадный объем писательской работы, она весело объявила: «Года на два, пожалуй!» Мы были счастливы и даже не могли предположить, что произойдет за эти годы!

глава 20

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

*Боги рассудят по-своему.
Овидий «Метаморфозы»*

После того неудачного семинара Карлос решил отобрать из списка всех посещающих семинары только некоторых и составить группу в двадцать человек для проведения цикла особых занятий.

Раньше он уже пробовал организовать частные лекции, и его новая энергичная попытка свидетельствовала о том, как важно это было для него. Меня выбрали, и воскресная школа просуществовала два года.

Во время второго занятия, когда чакмулы показывали движения, Карлос оттащил меня в сторону и стал страстно обнимать. Спустя десять минут мы вернулись, растрепанные и раскрасневшиеся.

Карлос обычно составлял из своих женщин пары, но не мог найти партнершу для меня, утверждая, что «эльф только *один*, одна *duende*».

В качестве символа партнерства женщины часто получали одинаковые значки: ювелирные побрякушки в виде бабочек, стрекоз, или пчел. Однажды Карлос проверил мое это, подарив всем женщинам по бусинке янтаря. Мне мою бусинку подарили конфиденциально. Янтарь был символическим камнем для магов, он имел уникальный энергетический оттенок, такой же как у нас, выше белого отблеска ауры обычных людей. Интересно, что же было в те далекие дни, когда оттенок был синий?

Карлос нежно надел мне на шею мерцающую цепь, на которой висела крошечная звезда, искрящаяся алмазами, и сказал:

— Это ожерелье уникально, так же как и ты. Сначала ученик летит на крыльях нагваля. Ты была падшей феей, пока я не вытащил тебя. Ты упорно сопротивлялась, Дух не смог *противостоять*. Кроме того, ведьмы строили козни друг другу из-за тебя! Тайша *никогда* никого так не любила, она и Флоринда бьются за обладание тобой, но ты — под *моей* опекой! Другим недостает твоего интеллекта, твоей *изысканности*. *Amorcita*, как они завидуют тебе!

Карлос назначил меня организатором воскресной школы, и я старалась исполнять его постоянно меняющиеся распоряжения. Мне было поручено обзвонить всех членов группы и раскрыть тайны моей интимной жизни с *нагвалем*, описав мой «магический» оргазм, и уверить всех в их фригидности. Я из опасения пренебрегла этим распоряжением, и оно было забыто.

Нередко Карлос приказывал мне собрать сорок членов группы и внезапно все отменял. Через час он менял решение. Люди в ужасе срочно вызывали нянь, лихорадочно меняли планы, пытаюсь исполнить указание *нагваля*, они лгали семьям, как того требовали правила, изложенные в его учении.

В течение долгого времени поддерживала теплые и дружеские отношения с членами группы. Во время завтрака с одним из любимых студентов Карлоса, Ричардом Дженнингсом, меня заметила Алиса — она становилась все более ревнивой — и поспешила сообщить об этом Карлосу. Я нарушила правило, о котором никогда прежде не слышала, — существовал запрет на тесное общение высших и низших структур.

Но я была единственным связующим звеном между членами группы и Карлосом, они звонили мне, чтобы передать сообщения и попросить о помощи. Например, подросток Джой попросил через меня совета у Карлоса. Он не мог решить, порвать ли со своими родителями на всю жизнь, как рекомендовали книги Карлоса, или принять их предложение о финансовой поддержке. Карлос велел ему «брать деньги и получать образование».

Карлос наклонился поцеловать автора книги после посещения воскресной школы; на снимке видна короткая стрижка, сделанная Кастанедой.

Как и все связанное с Кастанедой, воскресная школа имела свои особенности. Наиболее поразительным для меня стало событие, когда группа собрала деньги, чтобы преподнести Кастанеде необычный подарок. Что, в конце концов, можно подарить последнему *нагвалю* на земле?

Карлос настаивал на том, чтобы у каждого нас были «шарики из стали», дабы воспламениться вместе с ним и внутренним кругом, а затем «отправиться в Бесконечность навечно». После невероятных усилий и трат Ричард Дженнингс от имени класса преподнес Кастанеде пару монолитных полуторадюймовых золотых шариков, изготовленных на заказ, — точно таких же, как пластмассовые шарики, данные нам для стимуляции магических точек на теле.

Карлос открыл бархатную коробку и заплакал. Мы заплакали тоже. Он хранил их на прикроватном столике. Я слышала по телефону постукивание шаров друг о друга, когда он перекачивал их в руках.

Каждое воскресенье Карлос читал двухчасовые лекции, наэлектризовывая группу и обещая ей продемонстрировать необъяснимые опыты. Он хотел показать нам «полукролика-полукота, который жил в доме ведьм». Затем он обещал показать нам «стофунтового безногого голубя, которого принесла Тайша из второго внимания». Карлос хотел втиснуть голубя в кузов автомобиля Саймона, но потом якобы «испугался, что воскресная школа не выдержит такого зрелища — потрясение будет слишком велико». Кроме того, он уже говорил нам, что объекты из других миров не подлежат транспортировке.

Он рассказывал нам о магических правилах, не вошедших ни в одно издание.

— Никогда не обнимайте своих родителей лицом к лицу, — настаивал он. — Дон Хуан учил меня, что в наших животах имеется «ключ», а наши родители имеют энергетический «замок». При объятии лицом к лицу они крадут нашу энергию. Всегда подходите к ним с левой стороны, обнимая их только одной рукой.

— Сорняк, растущий в Лос-Анджелесе в трещинах тротуаров, — родственник ромашки, называемый еще ананасовым сорняком, растолките в ступке с маслом и втирайте в грудь — это стимулирует рост тонкого чувства повышенного осознания.

— Ешьте муравьев! Маги рекомендуют есть муравьев в состоянии угнетения или возбуждения.

Подобное я вычитала, когда работала над «*Книгой списков*», — некоторые африканские племена муравьев, чтобы успокоить нервы, западные ученые обнаружили, что некий вид муравьев вырабатывает химическое вещество, по свойствам напоминающее литий, а он, в свою очередь, входит состав препаратов для лечения маниакально-депрессивного психоза.

Местоположение кровати в спальне было не обыкновенно важным. Флоринда всегда требовала меня, чтобы я переставила свою кровать, пока я наконец не узнала на воскресной лекции о том, что изголовье ни в коем случае не должно быть ориентировано на запад. Еще хуже был север, который Карлос называл «направлением смерти».

Существовало важное правило относительно зеркал — их нужно было закрывать, так как они «поощряют сосредоточенность на самом себе». Большинство учеников подчинялось требованиям, хотя я, например, нет, а у Карлоса и ведьм были маленькие зеркала. Флоринда очень любила *покрутиться* перед моим зеркалом в полный рост, «потому что я суетна и *никогда* не изменюсь!»

Карлос глумился над традиционной астрологией, а мне говорил, что «маги имеют свою *собственную*». Смысл астрологии дон Хуана, объяснял Карлос, заключается в том, чтобы определить «точный час принятия важного решения». «Некоторые из вас могут действовать

немедленно, в то время как другие, такие как я, должны выждать по двенадцать часов или больше».

Он дал своему любимчику Ричарду сложные инструкции для вычисления времени обращения к некоторым созвездиям, по часу и месту рождения, без учета года. Тот создал компьютерную программу для вычислений, которая подробно описана на его веб-сайте www.sustainedaction.org.

Ричард был адвокатом, посредником и видным активистом в области защиты прав геев, кроме того, его привлекли в группу не книги Карлоса, а скорее книги ведьм. Мы быстро стали близкими друзьями и остаемся таковыми до сего дня.

Когда женщины перестали принимать ванны из розмарина — им не хватало времени для столь сложной процедуры, — Карлос сказал мне: «Хорошо для сохранения энергии мыть свою *conchita* в ванне с теплой водой, но принимать душ нельзя ни в коем случае! Он разрушает естественный баланс тела». Флоринда на семинаре для женщин советовала: «Не носите трусики, иногда выходите на улицу при лунном свете и раскидывайте ноги, позволяя ветру трахнуть вас! Дон Хуан утверждал, что это освобождает мощные силы». Флоринда признавалась мне, что может управлять погодой, хотя я никогда не видела у нее проявлений таких способностей. Она также говорила, что занятия тенсегрити предотвращают менопаузу, хотя как-то раз она сняла при мне свои трусики и показала эстрогеновую прокладку.

Карлос убеждал нас не употреблять оборотов типа «мои родители» или «мой ребенок» и т. д. «Мой» заменялся на «этот», в результате получались неуклюжие конструкции — «я сказал этому отцу, что я больше не ваш сын» или «я сказал „прощай навсегда“ этому ребёнку». Преданная этой семантике Зуна хмурилась, если мы называли себя «людьми».

— Существа! — поправляла она. — *Мы — существа!*

Карлос советовал некоторым супружеским парам в классе спать отдельно друг от друга, «подготавливаясь к разлуке». «Энергетические тела *сливаются*, когда вы спите вместе! Очень опасно!» Он рекомендовал спать на некотором расстоянии от земли, в гамаке или в «домике на дереве», чтобы облегчить *дриминг*, хотя все мы, как и он сам, спали на пружинных матрацах.

Зуна провозглашала следующее правило: «В мире магов мы должны закрывать колени, — и Муни добавляла:

— Никогда не позволяйте волосам расти на коленях, потому что голые колени лучше чувствуют энергию».

Карлос призывал нас медитировать в одиночестве в новогоднюю ночь, использовать силу полуночи, «чтобы придать движение новому году и в безмолвии слиться с намерением».

Карлос заметно слабел, он рассказал классу, что у него диабет. У него были постоянные проблемы со зрением, вызванные давними глаукомой и катарактой, но он говорил нам, что это последствия его космических путешествий. Окулист смеялся, он считал, что виной тому «слишком большое количество оргазмов». Класс постоянно предупреждали о вреде мастурбации и призывали придерживаться целибата, пока Карлос не решит, что ученик «свободен от эго».

«Я бы хотел, — глубоко переживал он, — чтобы у меня была мощь дон Хуана, но ее нет у меня».

Если бы я мог, я бы вытянул каждое из ваших эго как гвоздь, таким же способом, как дон Хуан проделал это со мной. Когда вы освободитесь, — обещал он, — вы сможете делать *то, что хотите!* Заниматься сексом? *Фиеста!* Но пока время еще не пришло — я сообщу вам, что вы будете готовы, когда достигнете внутренней тишины».

Кроме того, только *нагваль* и ведьмы могли заниматься сексом, только им разрешалось злиться, «потому что мы злимся *безгрешно*, а это не одно и то же». Карлос столько раз бросал трубку при разговоре со мной, что однажды в гневе я тоже повесила трубку, оборвав разговор. Он был так оскорблен — только Флоринде и Клод позволялось

это, — что пересадил меня на последние ряды в классе и несколько недель рассуждал о моем отвратительном поведении.

— *Эллис бросила трубку!* — бесконечно потрясенный, без конца повторял он группе.

Я была озадачена тем, что Карлос, казалось, был не в состоянии вышвырнуть меня, хотя считал меня невыносимой, почти неисправимой, как и я его. Я узнала, что каждая элитная группа имела своего козла отпущения, это постепенно становилось моей ролью, — но это мало что объясняло, было бы слишком просто вместить наши причудливые и мелодраматические отношения в такие рамки. Но на протяжении всего *sturm und drang* (или благодаря этому), наша страсть только росла. Позже я узнала, что он был истощен занятиями сексом со многими женщинами, и те были понижены до статуса преподавателей тенегрити, помощников, сводниц или, более деликатно, до служителей целибата, выполняющих магическую задачу победить в себе ревность, оставляя Карлоса для других — других, которых они вербовали, чтобы угодить ему.

глава 21 ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ВАМПИРЫ

Каким бы именем вы ни называли Господа, Он пребывает на небесах, а демоны, несомненно, — внизу, несмотря на личины, в которые они рядятся. Господу вы поклонялись, демонам противостояли — все просто. Вам только нужно было извернуться так, чтобы не утратить веры. Природа же веры не играла никакой роли... если что и имело значение, так это ее сила, граничащая с религиозным помешательством.

Т. Е.Д. Клейн «Церемонии»

Тема энергетического вампиризма обсуждалась в течение всех лет, что я провела с магами, и это было одним из важнейших вопросов в публичных и частных беседах Кастанеды.

В книгах читателей уверяли: дети крадут вашу энергию точно так же, как и родители. Во время оргий дона Хуана с ведьмами изготавливались тайные снадобья для восстановления утраченной энергии — в книгах Карлоса зрелого периода было полно черной магии. Одна из ведьм, известная по его произведениям, пыталась убить своего сына, чтобы восстановить силу, но ее потомство перехитрило ее. На читателей это произвело глубокое впечатление — им фактически было рекомендовано убивать своих детей?!

Насколько мне известно, ни один читатель не пытался это осуществить, хотя как-то мне принесли в офис компании «Клеаргрин» душераздирающее письмо от женщины, которая, читая книги, пыталась стать хорошим магом и отдала своего ребенка бывшему мужу. Ребенок умер из-за плохого ухода.

Страдающая мать спрашивала, как обрести мир после того, что она сделала, стала ли она хорошим воином или потерпела неудачу? Такое письмо я должна была передать наверх. Я так никогда и не узнала, получила ли она ответ. Другая женщина, начитавшись книг Карлоса, однажды очнулась в психиатрической больнице после передозировки белладонны.

Другие последователи боялись, что они не состоятся как воины, если не сообщат своим родителям то, что диктовал Карлос: «У вас больше нет ребенка. Вы — не моя мать. Моя мать мертва». За спиной Карлоса и ведьм я настоятельно советовала последователям не делать ничего из того, что будет противоречить их собственным принципам, несмотря на то что это написал или сказал Карлос, а может и другой авторитет во время лекции, заставляя людей поступать именно так. Я всегда обращала внимание на то, что в пределах группы инструкции были индивидуальны, и была благодарна за то, что мне не было приказано разорвать связи с моей семьей, хотя на самом деле я этого не сделала. Я была убеждена, Карлос с самого начала знал, — раз он так стремился заполучить меня и следил за мной в течение двадцати

лет, — что он должен принять необработанный алмаз.

«Если бы Ирвинг был жив, — часто говорил он мне, — он никогда бы не позволил тебе уйти». Он был уверен в этом, ни в малейшей степени не принимая во внимание то, что я сама никогда бы «не позволила» разорвать свои отношения с отцом.

Энергетический вампиризм был самой настоящей кражей энергии. Тони-лама запечатлел на фотографиях этот пограничный мир, а Карлос объяснил:

— Тони как-то побывал у тибетских буддистов в Теотихуакане — ну, знаете, он знаком с Далай-ламой, — это было весеннее равноденствие. Там на пирамидах собралось сто тысяч человек. Из-за такой концентрации «спиритуального», — что на самом деле просто фальшь и эгоцентризм, — из-за объединенного намерения этой массы на фотопленке запечатлелись неорганические существа в антропоморфном виде. Тони — очень странный человек! С ним происходит много чего непонятного, но этот случай — самый потрясающий! Он сфотографировал важнейшую тайну учения дона Хуана — он поймал на пленку воладореса, или летуна .

— Дон Хуан говорил мне: «Эта информация слишком опасна, слишком изменчива, чтобы обнародовать ее, но жуткие фотографии Тони — это особый знак, значит Дух хочет, чтобы я сообщил тебе: *нас пожирают* . Я говорил тебе многое, не сказав *всего* ». — Карлос метнул на меня взгляд и продолжал: «Я говорил тебе, что мы — *пища* . Мы — цыплята! Это так! *Coño! Qu é horrible!* Чудовищно! Нечто пожирает наше сознание каждый день и в состоянии бодрствования, и даже во сне». Этих существ дон Хуан называл летунами, или прыгунами.

Карлос пустил по кругу черно-белые фотографии размером восемь на десять дюймов. На фоне пирамид и огромной толпы низко в небе висело черное существо длиной в дюйм и полдюйма в диаметре. Его очертания были нечеткими, только размытая форма, и оно напоминало горгулью на готическом храме — раскрытые крылья, руки откинута назад, тело выгнуто дугой. Фото выглядело зловеще, и показалось мне похожим на монтаж. Но я была уверена, что Тони Карам не пойдет на уловки. Когда эти фотографии показывали на семинарах, некоторые слушатели отмечали, что «горгулья» была похожа на расплывчатое облако пыли. Но все-таки мне казалось, что у изображения было больше индивидуальных черт, чем просто у облака пыли. Наш класс дружно содрогнулся, а я притворилась. «Скай-фай³⁸ философия» Карлоса никогда не привлекала меня, и фотография напоминала мне какую-то мультипликацию. И все же Карлос клялся, что это была самая важная тайна дона Хуана, наконец обнародованная.

Карлос продолжал объяснять:

— Это — «я-я-я», «мне-мне-мне» — вызвано летунами, пожирающими нас. Сияние нашего осознания вокруг тела *должно* иметь овальную яйцеобразную форму. Но она изъедена *до самых пят* . Представьте себе хозяина курятника. Он же не заботится о благополучии цыплят! Он просто выращивает их для еды, — летуны поступают с нами так же. Если цыпленок сбегает, они не тратят время на погоню. Некоторые из нас могут сбежать, совершая магические пассы и перепросмотр. Я не могу спасти вас! Но и без меня у вас нет никакого шанса.

Я вспомнила свой первый примирительный телефонный разговор с Карлосом. Он приказывал преодолеть недоверие и признать, что мы — «пища», «потому что это — Вселенная хищников».

— Человек подвергается уничтожению, — продолжал он. — Нет НИЧЕГО своего в нашем осознании! У нас ОСОЗНАНИЕ ЛЕТУНОВ. Разум, согласно энергетическим провидцам, совершает движения туда-сюда, как маятник, — это от летунов. Они угнетают нас, погружают в депрессию, они наполняют наш ум фантазиями о сексуальных извращениях, — все мастурбации от летунов. Но мы даже наши собственные гениталии не

---

³⁸ От «sci-fi» — science fiction (англ.) — научная фантастика. — *Примеч. ред.*

любим! Это тоже от летунов. Они делают нас фригидными.

Возможно, у них есть некий инструмент, который уничтожает энергию, и только *нагваль* может выявить это, И эта «лю-бофф» — худшее из всего возможного — *человеческая любовь*. — Карлос изобразил обкурившегося хиппи, играющего на гитаре. — Поиски «любви» — это уловка летуна, но мы просто заменяем одну голову другой! Это не *любовь*.

— И так как разум есть ничто иное, как *устройство, внедренное чужаками*, он соглашается сам с собой! Ни один из наших вопросов не исходит от нас — они все от того, что владеет нашим разумом.

Вы разговариваете сами с собой обо всем. И это все — летун, летун и летун. Я посмотрел недавно фильм с Мэрилин Монро. Я не мог поверить! Почему она была так популярна? Это одна из самых тупых женщин. Вот! Это летуны в действии.

— *Но вот самый главный секрет: не пытайтесь заниматься творчеством*. Это *невозможно*. Нет такой вещи, как искусство. Ни у кого никогда не было ни одной оригинальной мысли. Я знал парня, который сказал: «Я хочу снять *реальный* фильм о своей истинной самости». Это абсурд! Он ничего не сможет, он будет иметь аудиторию из себя самого! Никто не может создавать реальное искусство.

Вам позволено видеть только то, что одобрено цензурой, то, что предварительно просмотрено. *Когда мы думаем, что обращаемся к «ИСТИННОМУ „Я“», мы находим лишь другой слой Бобби-летуна*. Я называю их Бобби, потому что это имя маленького мальчика, маленького мальчика в шортах.

Я поражалась тому, как Карлосу удалось сделать популярными свои книги и философию, которая привела целое поколение к признанию чего-то, что в нашей жизни находится за пределами видимого.

Карлос описывал также механизм пожирания у летунов:

— Я спросил: «Но *как* же они поедают нас, дон Хуан?» Дон Хуан ответил мне: «Своими жирными, плоскими языками». Летуны, огромные, как здания, бродят по земле, *парят* и пикируют; они любят города, Буэнос-Айрес — их родина! В Буэнос-Айресе самая высокая концентрация летунов. Единственная страна, где они не могут обитать, — это Ирландия. Они остановились в умственном развитии в возрасте десяти-двенадцати лет. Летуны любят тьму, но еще больше — людей. Они лижут нас как мороженое в вафельном стаканчике.

Я расстроилась, слушая, как он рассказывает о летунах, одолевающих маленькую Кандису, которая, как сказал Карлос, «еще не имела летунов, угнездившихся в ее сознании». Внедрение похоже на атаку осьминога. На сухой поверхности он может присосаться намертво — не сдвинешь. Но там, где мы немного увлажним, можно чуть-чуть сместить присоски. Кандиса спрашивала меня: «Сколько щупалец у меня сейчас сдвинуто?»

— Три.

— Хорошо, если я буду стараться по-настоящему, может быть, я смогу сместить еще одну.

Потом Карлос затронул тему, которая насторожила меня больше, чем все другие его рассуждения.

Он начал с того, что сообщил нам:

— Когда летуны победили, они научили человека страху Божию, люди должны были признать свою вину и молить о прощении, глядя вверх на некое огромное единое целое. Летуны были особенно сильны в средневековье, когда все контролировала церковь (Тайша же говорила о средневековье совершенно противоположное — человечество было тогда свободнее).

— До сих пор католики и другие верующие находятся в роли молящих и просящих, хотя дон Хуан говорил, что таким способом ничего не добиться. Вы распоряжаетесь «Этим!» Если вы начинаете просить о чем-то «Это», *особенно, если вы говорите* «пожалуйста, пусть нечто не случится со мной!», тогда ЭТО НЕЧТО С ВАМИ ПРОИЗОЙДЕТ НЕПРЕМЕННО.

«Это» сделает все, чтобы нечто произошло. Поэтому, если есть что-то, чего вы бы не хотели, дон Хуан говорит вам: «Не просите!» Не говорите, что вы не хотите, чтобы это случилось, *mierda* ! «Это» ловит людей, которые находятся в позе умоляющего.

Я все еще верила, что можно молиться без просьб. Однажды я спросила Тайшу, каково ее мнение о классической книге по христианской мистике «Облако незнания», которая в самые мрачные моменты моей жизни, в период изгнания из группы, давала мне надежду. «Все, что успокаивает ум, хорошо для нас», — ответила она. А я обратилась к любимой цитате «Бог смотрит любящим взглядом не на того, кем вы являетесь сейчас, и не на того, кем вы были, но на того, кем вы хотели бы стать».

Когда мы сидели на крыше моего дома, Тайша заметила, что самое безопасное место — «повыше и подальше от оркестра человеческих мыслей, которые инфицируют нас, — там, где летунам труднее достать нас. Они не любят, когда мы долго находимся на деревьях или на каком-то расстоянии от земли».

Раза три, как я полагала, я видела летунов.

Покидая нью-йоркский семинар, я видела в аэропорту на плечах человека что-то напоминающее черную глыбу. Карлос торжественно подтвердил это, но не сказал больше ничего.

Второй случай — в офисе Гвидо. Я услышала, как он ходит по комнате, и вошла, чтобы поздороваться с ним. Но там никого не было, только тень, перемещающаяся по стене, хотя никаких окон в комнате не было. На Карлоса второй случай произвел сильное впечатление, и он рассказал об этом классу.

Третий раз я видела, как тень медленно двигалась под дверью моей спальни. Я вскочила, но никого не было. Я побежала к телефону, чтобы позвонить Карлосу.

— Действительно ли это был летун? — спросила я испуганно.

— Конечно, ты, ошибка природы! *Cojuda* ! Ты что, думаешь, это было *привидение* ?

В конце жизни у Карлоса было видение. Он увидел, еще одну форму неорганической жизни — существовали не только Бобби-летуны, но и так называемые «сеймуры», которые пожирали продвинутых практиков, тех, кто мог «видеть *шуре* ». Сеймуры были длинными, веретенообразными, похожими на палки летунами, которые могли проскальзывать в щели под дверьми и проникать в душу. Он *понял* , что опасных слоев существует намного больше. Никто в нашей группе, кроме него, не был свободен по-настоящему. Он с жадностью исследовал этот предмет, пытаясь исполнить свой последний долг, открыв «самое существенное тайное знание дона Хуана».

Фотографии Тони были особым знаком, указывающим на него как на преемника Карлоса. Примерно каждая вторая женщина говорила о себе, что именно она была Электрической воительницей, но, насколько я знаю, Тони был единственным человеком, кому было предложено стать «преемником».

Он отказался, рассказав мне много позже, что, хорошо зная мексиканскую культуру, считал дона Хуана вымышленным персонажем. Получилось бы так, что он стал лидером группы, исповедующей учение, основанное на лжи, — Тони не считал это «магией». Карлос наказал его, не рассказав нам, что случилось на самом деле. Тони ушел со смирением, которое меня удивило, — я всегда, все годы, проведенные среди этих людей, считала его по-настоящему «безупречным». Он никогда не принимал участия в иерархической борьбе, не соблазнился предложением Кастанеды, почувствовав, что это противоречит его принципам, и сохранил привязанность и уважение ко всему, что было самым замечательным в «*nagualito* ».

глава 22 ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ

...когда ты ушла, время стало тяжелым как свинец и, как всегда, скоро потянется медленно... вслепую цепляться за постель,

*желая воскресить остатки старой любви,
наполнить впадины глазами, как твои,
и, как всегда, лучше скорей бы, чем так.
Сэмюэл Беккет «Неназываемый»*

На семинарах ожесточенно спорили по поводу того, как одеваться на лекции, и этими дискуссиями завершался каждый день интенсивной работы. После провала в Туле я твердо решила в компании ведьм всегда одеваться соответственно их вкусам. Первой заметила это Тайша, сказав мне: «Ты изменилась, и так скоро! В группе ты самая элегантная».

Для подготовки недельного семинара в UCLA потребовались напряженные усилия, он обещал стать особенным, поскольку в нем должен был участвовать весь высший эшелон. Программа была составлена настолько плотно, что только нашего недосыпания было бы достаточно, чтобы участники вошли в состояние повышенного осознания.

За неделю до этого я отправилась за покупками и выбирала их с огромной тщательностью. В конце концов я обнаружила платье, которое, как казалось, соответствовало требованиям ведьм и нравилось мне. Оно было из белого атласа, чуть выше колен, с тоненькой талией, слегка расклешенное внизу и с мягким, женственным воротником-лодочкой. По фасону оно напоминало слегка модернизированную моду пятидесятых годов. Я купила к нему белые атласные бальные туфельки на тоненьком каблучке (не слишком высоком из-за боязни выговора: высокие каблуки были очень чувствительной темой) и надела нитку жемчуга. Поглядев на себя в зеркало, я осталась довольной, не увидев ничего, что могло бы быть оскорбительным. Моя шея и плечи были видны, но это не было откровенным *декольте*, длина платья, с точки зрения магов, была идеальной, силуэт — классическим. Утром Карлос сделал мне самую лучшую из своих стрижек, очень короткую, с несколькими локонами. В мире магов, где тщеславие было грехом, с которым надо было бороться, я редко ощущала себя пьяняще хорошенькой — а вот сегодня так оно и было. Я надела просторную черную вельветовую курточку, чтобы дополнить *ансамбль*, и направилась в аудиторию.

По дороге я прошла мимо группы мужчин — новичков. «О-о-о! Ух ты!» — сказал кто-то.

Я улыбнулась. В мире магов я натворила столько дурного и наконец-то, казалось, достигла успеха в том, что они очень ценили, — выглядела элегантно.

Я обернулась, чтобы поприветствовать ведьм и других инструкторов по тенсегрити — «триггеров».

Остановившись поодаль, я помахала Гвидо и Рамону. Они замерли, прервав беседу. Гвидо уставился на меня:

— Элли... Ты *сногшибательна*, — он взял меня под руку и притянул ближе к себе. — Посмотри, Рамон, посмотри на нее, она...

Рамон вспыхнул и сказал:

— Эллис, тебе не следует выглядеть так хорошо...

Гвидо нежно гладил мои волосы, как будто они были хрупкими:

— Взгляни на ее волосы, Рамон... Ты могла бы всегда носить такую прическу. *Всегда*. (Разве он не знал, что я никогда не выбирала стрижку, если я хотела остаться в группе. Возможно, мужчины этого не знали!) Рамон, потрогай ее волосы.

Рамон протянул руку и робко погладил.

Радость переполняла меня. Мы замолчали. Гвидо и я стояли, уставившись друг на друга и краснея.

Это был «*Сон в летнюю ночь*».

Я взяла себя в руки, улыбнулась и подошла к двери в раздевалку. Я покинула Шекспира, чтобы попасть на «*Все о Еве*». Все стоящие в комнате оценивающе уставились на меня. Я сжалась, как будто мне в спину вонзились кинжалы.

Первой заговорила Флоринда.

— Что за куртка !— сказала она, покачав головой. — С чего это ты так экстравагантно вырядилась?

— О-о-о, — нервно ответила я и сняла курточку. Меня встретили знаменитой оглушительной тишиной. Кто-то нарушил молчание, похвалив чье-то другое платье, и все вдруг заговорили разом, перестав замечать меня. Я сделала несколько комплиментов и, не получив ни одного в ответ, исчезла.

— Позвони мне, — процедила Флоринда зловещим тоном.

Книжная ярмарка открылась вечером, я немного помогла в аудитории, потом отправилась искать телефон-автомат, чтобы позвонить Фло.

— Привет! Что случилось, Фло? Сегодня было что-то не так? Все в раздевалке выглядели несколько обескураженными. Закулисная борьба?

— *NO JODAS! PENDEJA!* Что-то не так — это ты ! Это... Это платье означает, что что-то не так с тобой. НЕМЕДЛЕННО ОТДЕЛАЙСЯ ОТ НЕГО! Могу представить, сколько оно стоит, — продай его, — она бросила трубку.

Я чувствовала себя так, будто меня укусило ядовитое насекомое. Мне нужно было с кем-нибудь поговорить, но у меня закончилась мелочь для автомата и я искала кого-нибудь, чтобы занять ее.

Гвидо маячил рядом, наблюдая за мной.

— Хочешь мой мобильник?

Я кивнула.

— Что случилось?

— Я не могу сказать, сама толком не знаю.

Я позвонила Муни. Служба новостей, должно быть, работала сверхурочно, потому что Муни была полностью подготовлена.

— Флоринда рассказала мне о твоём платье. *ПОНИМАЕШЬ ЛИ ТЫ, КАК БЛИЗКА ТЫ К ТОМУ, ЧТОБЫ ТЕБЯ ВЫШВЫРНУЛИ?* Ты висишь на волоске! Ты оделась, чтобы привлечь внимание, ты пытаешься выделиться, выглядеть особенной! Почему ты не можешь просто быть как все, как другие! Послушай, Эллис... Ты говоришь по мобильному?

— Да, я взяла у Гвидо.

— Отключись быстро. Он смотрит на тебя?

Я посмотрела вокруг.

— Нет, — солгала я. — Правда, он даже не знает, где я.

— Хорошо, прекрасно. *Я не хочу, чтобы мой номер был на его телефоне.* Лучше отключись. Позвони мне с телефона-автомата.

Я отдала Гвидо телефон, взяла мелочь и вышла на улицу. Набирая номер, я заметила, что Гвидо следовал за мной на расстоянии.

Муни начала с того, на чем закончила:

— У тебя последний шанс. Тебе дали *ВСЕ!* Тебе кажется, что ты должна иметь все, как другие люди. Ты уже имела это как данность! Бросай все. Все, что тебе осталось, — это отказываться. Ты никогда не сможешь заплатить за то, что тебе было дано, даже если потратишь на это всю жизнь! *Я не могу поверить*, ты здесь уже так долго и до сих пор это НЕ ПОНЯЛА! — Она истошно орала еще довольно долго, до тех пор пока у меня не кончилась мелочь.

Я ушла из телефонной будки в абсолютном замешательстве. Гвидо ждал в нескольких метрах от меня.

— Я все видел. Что происходит? — спросил он.

— Ой, ты... знаешь, я не могу... — я устало улыбнулась ему. — Спасибо, мне надо заскочить домой.

Дома я искромсала платье и туфельки острыми ножницами и выбросила их в мусоропровод. Меня тошнило только от одной мысли: ездить по городу с платьем и разыскивать комиссионные магазины, чтобы продать платье подороже.

Я надела мою старую проверенную одежду: белый свитер, как у школьницы, немного похожий на свитер Тайши, села на кровать и стала размышлять, кто поможет мне это понять. Я решила на крайнюю вещь, я позвонила Буле, которая меня ненавидела: я полагала, если попрошу у нее помощи, это сократит пропасть между нами.

Она, естественно, была шокирована, когда услышала меня. Когда я рассказала, что произошло, она ответила:

— Да уж... *Нагваль* говорил мне «Тебе больше никогда ничего нельзя будет иметь. Все, что тебе *осталось до конца жизни*, — это ОТДАВАТЬ, ОТДАВАТЬ, ОТДАВАТЬ и *быть благодарной*».

Поэтому обмозгуй-ка это, милочка!

— Спасибо, Була. Это очень разумный совет.

— Пожалуйста. Звони в любое время.

Когда я вернулась в лекционный зал, Гвидо выглядел озадаченным. — Почему ты переделалась?

— А-а, — я сделала неопределенный жест, — разве это не более уместно в данной ситуации?

Он сел рядом со мной и улыбнулся:

— Ты безумно красива.

Во время доклада Карлоса Гвидо растянулся, как кот, во весь рост, и его нога открыто прижалась к моей, рукой он обнял меня сзади. Он слегка играл моими волосами, а указательным пальцем ласкал ухо. Во время двухчасового доклада мы все теснее прижимались друг к другу ногами, и я постепенно оказалась в его объятьях. Потом у нас с Гвидо установился контакт особого рода. После инцидента с белым платьем я просто не знала, что делать. И у меня было странное ощущение, что это действительно был «сон в летнюю ночь» и что Карлос практикует свою коронную магическую технику на двух любимых учениках.

Я отважилась предпринять решительное действие, Гвидо уезжал по делам на несколько дней в Даллас, в Техас. Я нашла почтовую открытку — трогательную и умильную: двое детей, около десяти лет, обмениваются невинным поцелуем. Девочка с хвостиком, в платье с оборочками, мальчик со стрижкой ежиком, в синих джинсах с микроскопической надписью на заднем кармане «Даллас» (в который он засунул руку и поэтому изогнулся вперед, как Джеймс Денишли, чтобы дотянуться до ее губ).

Я собрала пакетик ему в дорогу — открытка и несколько книжек. Среди них — одно из моих величайших сокровищ, — тоненькая потрепанная книжка поэзии Сэмюэля Беккета, моей любимой поэмой «Неназываемый». Я аккуратно завернула их и тем же вечером после занятий подсунула Гвидо свой подарок. Его брови удивленно поднялись.

Я отвела его в сторону: «Это тебе почитать в самолете — обещай, что не откроешь раньше». Мои пальцы нервно перебирали пуговицы. В полном молчании мы расстались.

Потом я ждала. Для двух магов, которые не верили в «человеческую любовь», да еще учитывая викторианскую мораль окружающей обстановки, это было чересчур. Какая разница, размышляла я, была ли это «магическая любовь» или нет? В глубине души я знала, что эта безрассудная влюбленность расцвела в моем сердце по ряду причин, одной из которых было то, что Карлос откровенно пренебрегал мной. Я не знала, что Гвидо в течение многих лет испытывал такие же душевные муки из-за одной ведьмы.

Я ждала, преследуемая строчками Беккета

Избитые фразы толкутся в ступе сердца снова:

Любовь, любовь, любовь — гулко выстукивает старый пестик, Неизбежно вверх взбивая слова.

Опять потрясение

Из-за нелюбви,

Из-за любви, но без тебя,

*Из-за любви, но не твоей,
Из-за понимания, но без понимания притязаний,
Притязая.
Я и все остальные будут любить тебя,
Если тебя любят.*

Через два дня Гвидо позвонил. В его голосе слышались слезы:

— Малыш, спасибо тебе. Я был... потрясен. Ты понимаешь?

— Да.

— Ты... — голос сбивался, и я едва слышала его. — Ты видела, что на кармане у маленького мальчика написано «Даллас»? Ты знала это?

— Конечно.

— Так мелко ...

— Да.

Внезапно изменившись, как в фильме ужасов, его голос стал жестким — на грани срыва. Он отрубил:

— Это не... Я... — раздался какой-то гортанный звук. Связь оборвалась. Я усмехнулась: «Как все банально» — за последние пять лет никогда так часто не бросали трубку, как в эти дни.

Я ждала, как невеста во время войны.

Я думала: а вдруг он... любит меня? У меня не было объяснений. Когда Гвидо вошел в офис, я стояла к нему спиной и рассказывала по телефону о «пути воина» восторженному японцу. Мое сердце вдруг сильно заколотилось и чуть не выскочило из груди в отчаянной попытке освободиться, как у больного клаустрофобией в лифте. Но я изо всех сил старалась не подавать вида.

Гвидо был в черном комбинезоне, легкомысленном и нелепом, поверх которого был накинут черный плащ, как у бандита. Поглядывая на него уголком глаза, не поворачивая головы, я продолжала говорить о *дриминге*, цитируя Кастанеду своему собеседнику, который беспокоился о тратах в шестьсот долларов плюс перелет и проживание.

Гвидо принес мне стакан перье и, широко улыбаясь, поставил его передо мной, как идеальный... возлюбленный. Как влюбленный или как официант. Я оттаяла. Он больше не злился на меня. Я была так счастлива, как когда-то, когда встретила свою школьную любовь после каникул.

Я вышла на кухню, где собрался весь офис послушать тexasские рассказы Гвидо. Он был лучом света в нашем суровом «храме», как Карлос называл «Клеаргрин», и буквально ходил по тонкому льду из-за своего юмора, не щадящего никого.

Во время общего ланча мы с Гвидо и Рамоном ели простую и вкусную еду пластиковыми вилками из бумажных тарелок: сыр с луком, бублики с горчицей, оливки и копченую рыбу. Остальные питались из индивидуальных глиняных плошек, ели без соли и приправ низкоуглеводное мясо на пару, принесенное в офис в специальных пластиковых контейнерах. Это напоминало тюремную еду.

Гвидо отрезал роскошный ломоть копченой лососины, смазал бублик плавленным сыром и шлепнул сандвич на мою тарелку со словами:

— Главное — уметь преподнести.

Гвидо заставил нас смеяться целый час.

Я была взвинчена и эгоистична, как влюбленная женщина, и была уверена, что все за столом читали мои мысли. Когда я говорила, мой голос казался странным и чужим. Я не могла встречаться глазами с Гвидо.

Когда вся группа разошлась, я осталась мыть посуду и вдруг почувствовала, что Гвидо приближается ко мне сзади. Он притворился, что тянется за тарелкой, и всем телом прильнул ко мне. Когда он обхватил меня руками, чтобы помыть тарелку, по мне прошла дрожь. Его грудь тепло прижалась ко мне, я почувствовала себя маленькой и беззащитной, как

загнанный зверек.

Он прошептал мне прямо в ухо:
— Играем в домик.

Мы не говорили друг с другом до закрытия офиса, только однажды наши пути пересеклись в темнеющем фойе. Мы инстинктивно потянулись друг к другу он погладил мои волосы, я слегка прикоснулась ладонью к его груди, а кончиками пальцев дотронулась до шеи.

Гвидо позвонил мне вечером перед занятиями. У нас родилась странная форма интима по телефону, я понимала ее как «неделание» (термин из книг Карлоса) секса по телефону. Нам понравилось молча сидеть у телефона по пять, десять, пятнадцать минут, слушая дыхание друг друга. Время от времени один из нас шептал: «Ты хочешь сейчас уйти?»

Другой хрипло отвечал: «Нет».

Когда мы решили закончить общение, чтобы подготовиться к занятиям, я выпалила:
— Я ненавижу тебя, Гвидо.

И услышала, как он затаил дыхание:

— В самом деле? — прошептал он. — Я тебя тоже, Элли.

Тем же вечером на занятиях он кинулся ко мне с широкой улыбкой на лице — Ты действительно ненавидишь меня? Так же как и я ненавижу тебя, я надеюсь?

— Да, так же как и ты ненавидишь меня.

Он развернулся и убежал, радостно сияя.

Когда он провожал меня до машины, то незаметно вручил мне тяжелый конверт. Я бросила его на сиденье. Там был дагерротип в деревянной рамке счастливая девочка в кудряшках, с улыбающимися зелеными глазами. (Гвидо позже рассказал мне, что это маленькое сокровище он нашел в магазине Мехико давным-давно). Сувенирная ложечка из серебра выпала из конверта, на ее ручке было написано «Даллас». Еще там была простая белая открытка с надписью: «Я думаю, ты знаешь, кому это принадлежит». Карлос без конца подшучивал надо мной, повторяя: «Эллис родилась с серебряной ложкой в *culo*».

Но за этой фразой Гвидо стояло нечто большее, — его доброе сердце.

Вскоре Флоринда стала приглашать Гвидо в наши регулярные походы в кино. Несколько месяцев мы ходили втроем. Часто получалось два или три вечера в неделю. Я точно знала, что выходы Флоринды обычно управлялись Карлосом. Он, *они*, что-то задумав, проверяли нас. Придерживаемся ли мы правил группы? Поднимемся ли мы над страстями человеческой любви? Или, может быть, Флоринда опять играла в куклы? Нет, все было не так просто; она никогда не режиссировала представление без *нагвалы*. Они хотели с грохотом ударить по нашему эго — за всеми этими безобидными ширмами Кастанеда сжигал своих учеников.

Однажды вечером Гвидо посадил нас в «большую черную американскую машину», которую всегда арендовал, и повез в любимый суши-ресторан.

Удивительно, что Флоринда пригласила Алису, давнего, но вечно маргинального члена группы, которую недолюбливали и Гвидо, и я. Флоринда сказала:

— Умные еврейские детки, такие как ты и Гвидо были проклятьем для Алисы в школе. Чтобы получать хорошие оценки и быть лучшей ученицей, ей приходилось сидеть, как проклятой над уроками, в то время как вы, насмешливые и благополучные еврейчики, никогда не пускали ее в свой круг. В отношении меня это звучало бессмысленно, кроме того, я не училась в Беверли-Хиллз. В частной школе Вермонта не было еврейских групп и совсем не было таких бедных *chicanas*, как Алиса. Флоринда утверждала, что Алиса была безумно влюблена в Гвидо, который игнорировал ее годами.

Возможно, из-за возникшего напряжения мы напились сильнее, чем обычно. Алиса была «на пути к выздоровлению» и не принимала спиртного лет двадцать. Гвидо — не любитель выпить — шумно и экстравагантно ухаживал за ней. Флоринда сказала мне, что

такое беспрецедентное внимание смущает Алису.

Та стала задыхаться, распухла и покраснела.

Мы с Флориндой, оцепенев, наблюдали за ней. Когда одышка уменьшилась, потекла слюна.

Флоринда брезгливо отвернулась. Только Гвидо, работавший парамедиком³⁹, понял, что это смертельно опасная ситуация. Одним прыжком он подскочил к Алисе и по методу Хеймлиха резко надавил на ее грудную клетку ниже роскошного бюста. Огромный комок риса с реактивной скоростью выскочил у нее изо рта и чуть не попал Флоринде в глаз.

Постепенно у Алисы восстановился цвет лица. Преодолев неловкость, она начала причитать:

— Это была морская капуста, это была морская капуста..

Гвидо погладил ее и успокоил. Флоринда прошептала мне на ухо: «Это отвратительно. Она больше не пойдет с нами в кино!» — и рьяно взялась за дело:

— Ладно, ладно, Алиса, теперь ты в порядке. Тебе необходимо выпить! Сакэ прочистит тебе горло.

Гвидо, налей чашечку.

— Нет, нет, я не могу, — взмолилась Алиса. — Я двадцать лет не дотрагивалась до спиртного!

— К черту! Ты *должна* выпить! — настаивала Флоринда.

Наконец Алиса сдалась, вновь обрела достоинство и сказала свое последнее слово:

— Это была морская капуста!

Когда мы собрались уходить, Флоринда откровенно отделалась от Алисы (та уже много лет получала болезненные отставки), и мы втроем сели в черную колесницу Гвидо. Я расположилась на заднем сиденье.

Флоринда начала представление в духе Карлоса, который мог демонстративно положить руку девушки себе между ног на виду у ревнивых женщин. Однажды я отказалась участвовать в подобной акции, травмирующей других женщин, и он с отвращением выгнал меня.

Я была *уверена*, что Флоринда и Карлос заранее готовили разные магические провокации. Она стала гладить бедра Гвидо, ласкала его уши, переплела свои пальцы с его, показывая мне руки.

— Видишь, Эллис, видишь, что мы *делаем* вместе?

Я выложила свой козырь — наклонилась к ней и подарила ей французский поцелуй. Она вспыхнула.

Еще недавно Флоринда по указанию Карлоса пыталась шокировать меня, приветствуя в дверях страстными поцелуями.

Гвидо повернулся к ней:

— Ее в этом не *замечали*, правда же?

— Нет, не замечали — бойко ответила Флоринда. В отместку она стала усиленно ласкать бедра Гвидо, рискованно приближаясь к его члену, выдавая тем самым, чего она хотела добиться своей игрой. Гвидо посмотрел на меня в зеркало заднего обзора и поднял обе руки, жестом показывая: «что же я могу поделать?»

Прибыв на место, — открытый торговый пассаж, — мы с Гвидо пошли рядом. Внезапно Флоринда остановилась:

— Подождите, нам лучше взять друг друга *под руку*, так будет безопасней — вдруг нас увидит Клод?

Гвидо, может быть, тебе лучше отправиться домой, поработать? У тебя же есть работа?

— Фло, я пьян, возбужден, я сейчас много не поработаю.

Обнаружив, что на все фильмы, которые мы планировали посмотреть, билеты уже

---

³⁹ В англоязычных странах обычно — фельдшер «скорой помощи». — *Примеч. ред.*

распроданы, мы пошли на триллер класса «В» с Дэймоном Вайенсом.

Внезапно Гвидо остановился как вкопанный. Он указывал на ближайшее кафе-мороженое:

— Смотрите, это *Астрид*.

Астрид держала огромную порцию бананового мороженого, от души сдобренную шоколадным кремом и взбитыми сливками.

— Что будем делать? — весело спросил Гвидо.

— Пойдем к ней, — усмехнулась Фло.

Увидев нас, Астрид невероятно побледнела, кожа стала почти прозрачной, казалось, она упадет в обморок. Увидев наши улыбки, она облегченно вздохнула. Мы обняли ее, потом двинулись в сторону прилавка.

— Это вы! О боже мой, это вы! Если бы это был кто-то другой — Клод, Була, Зуна, — я бы... я бы... О-о-о, слава богу! *Только* вам троим я могу доверять! Это знак!

Мы сели, чтобы поесть, и пригласили Астрид в кино. Гвидо поедая свое фруктовое мороженое, явно нервничая по поводу сексуального напряжения, все еще осязаемого среди нас троих Астрид была слишком потрясена тем, что ее застали врасплох. Моя реакция была противоположной — я не могла есть и бросила свое недоеденное мороженое.

Вскоре мы были в кинотеатре. Я нырнула на сиденье, Гвидо придвинулся вплотную ко мне, Флоринда села рядом с ним, а Астрид с края. Обе женщины захотели сладкого поп-корна и содовой.

Оставшись одни в темноте, мы с Гвидо добрались друг до друга. Я мгновенно поняла, что он не станет целоваться — слишком интимно. Но он не терял времени даром и стал ласкать обнаженные икры, нежно, тихонечко поглаживать мои бедра под юбкой. Он ласкал мочки моих ушей и, держа меня за руку, водил кончиками пальцев по моей ладони. У меня все плыло перед глазами.

Я положила руку на его бедро и слегка поглаживала пальцами (куда же пропадает этот ханжа Дэвид Герберт Лоуренс, когда он вам нужен...) В Гвидо стала просыпаться мужская сила. Но он не отшатнулся, как от поцелуя.

Когда Астрид и Флоринда уселись, началось кино. Повернувшись в сторону Флоринды, Гвидо широкими плечами полностью закрыл меня от нее. И мы ласкали друг друга на протяжении всего фильма, причем Гвидо не прекращал произносить комические комментарии и мне, и Флоринде на ухо.

В конце фильма Флоринда повернулась к нам с извинениями:

— Это было, наверно, ужасно скучно для вас. Нам с Астрид понравилось это баракло, но я знаю, что у вас более тонкий вкус. Ладно, может быть, завтра вечером.

— Нет, нет, — отвернулись мы. — Все в порядке, нам совсем не было скучно!

— Мы отлично провели время, правда, Элли?

— О! Все было прекрасно, не обращай внимания.

— Отлично!

Когда мы обнимались на прощание, Фло сказала:

— Ты даже не представляешь, что это значит — столкнуть вас троих! Какой заряд энергии я получила!

По дороге домой мы смеялись над тем довольно затруднительным положением, в которое попала Астрид, планировали в ближайшее время посмотреть другой фильм. Остановившись около моего дома, Гвидо вышел из машины и обошел ее сзади. Здесь он мог, по-прежнему, не целуясь, незаметно меня обнять, уткнуться лицом в шею и глубоко вдохнуть запах моих волос. Шепнув друг другу: «До встречи на занятиях», — мы расстались.

глава 23 «ГОЛОВЫ ПОЛЕТЯТ!»

В распоряжении тирана любое оправдание.

У нас всегда действовал так называемый «Театр магии». Он мыслился как некая разновидность театрализованных представлений шаманов, во время которых можно было, как говорили, сокрушив сокровенные верования зрителей, вызвать изменение их сознания. Представления складывались из крайне провокационных скетчей, придуманных в основном Карлосом и Гвидо, а иногда Тариной. В скетчи в случайном порядке вставлялись мелодраматические или демонстрация боевых искусств.

Иногда представления были у нас раз в месяц, иногда между ними могло пройти два года. Их в равной степени и ждали, и боялись — всегда была вероятность или стать звездой, или с треском провалиться. Провал не грозил разве что любимчикам Карлоса, и кто бы ни был на тот момент в фаворе, при совершении даже самых непростительных оплошностей, он мог избежать всех неприятностей. Ликуя, Карлос провозглашал: «Ох! Головы полетят! Полетят головы у всех после каждого представления!»

Я присутствовала на нескольких спектаклях, однако я никогда не принимала в них участия.

Однажды Клод попросила, чтобы я исполнила роль Патси Клайн, и это предложение породило ожесточенные споры среди нас. Судьбе было угодно, чтобы Флоринда одержала победу, высказавшись *против* этого представления. Она сказала мне, что была уверена — завистливая Клод попытается подвести меня под монастырь. Флоринда доказывала, что Клод в любом случае покажет мне «палец вниз», как в римском Колизее, а Карлос не станет мешать ей, и тогда Клод сможет наконец унижить меня при всех и окончательно изгнать.

Поначалу Карлос считал меня «энергетически непригодной» для участия в театре, хотя и говорил о такой возможности в том случае, если я смогу быстро, на протяжении нескольких недель, преобразиться. Впоследствии, когда я избежала бесславного выступления, Карлос сказал мне, что Клод «побывала во втором внимании и как-то раз принесла оттуда пищу магов». Еда на заказ из других измерений? Потом я слышала на вечеринке от одной гостьи, что Карлос однажды приготовил прозрачное желе и безвкусный бульон, содержащий галлюциногены, которые нужно было есть на пустой желудок. Одна смесь почти в точности соответствовала датуре, приготовление которой он описал в ранних книгах. Он велел женщине (той гостье, что рассказывала мне об этом) готовиться несколько недель, отказавшись от сахара и кофеина. На приглашении, которое она получила, был примитивный рисунок человека, собирающегося взлететь, с надписью «Летим с нами!»

На первой шаманской вечеринке, которую я посетила, была еда из кафе.

Однажды, пока мы не разошлись после вечерних занятий, нам было объявлено о приятном сюрпризе: Гвидо и Рамон собирались показать нам проект будущего представления. Подвох заключался в том, что Флоринда одобрила скетч не глядя.

Два мужика стали исполнять свой провокационный и глумливый номер: тенсегрити вперемешку со всеми видами боевых искусств и подражанием гомосексуальным ужимкам — и все это с легким налетом балаганной комедии. Хорошо знакомые нам пассы — «пассы магической привязанности» — представлялись в виде анального и орального секса и битья головой об стену. По ходу действия всей этой комедии пародировались известные магические телодвижения.

С каждой новой уничижительной карикатурой в духе черного юмора, да еще созданной талантом Гвидо, мы теряли всякое чувство приличия, и вскоре все вместе выли и сотрясались от смеха. Хоть я и ненавидела клоунаду, но это была одна из самых смешных вещей, которую мне приходилось видеть.

В первые минуты аудитория оторопела и все стали поглядывать на Кастанеду, чтобы понять, что за фарс разворачивался перед ними.

Карлос смеялся.

После того как все увидели, что повелитель смеется, класс закатился в истерическом

хохоте. Мы покраснелись, наши подавленные эмоции взрывались волнами смеха, все громче и громче. Я слышала крики, бормотание, кашель, пронзительные повизгивания. Смеясь вздохнула, до боли в груди, я закашлялась.

Флоринда побледнела, она выглядела потрясенной, гримаса улыбки исказила ее лицо. Тайша сдержанно хихикала, Муни была немного поживее, а Карлос улыбался, фыркал и скалился.

Представление длилось невероятно долго, а его заряд все не истощался. Боже мой, изумлялась я, они, должно быть, часами репетировали сценографию, синхронизацию, детали — это было впечатляюще. Когда все закончилось, мы зааплодировали, устроив овацию, и не скоро успокоились.

Карлос весело объявил: «Это лучший скетч будущего спектакля! Мы на верном пути! Мы в деле!»

Раздался новый шквал аплодисментов.

Как только я добралась домой, я сразу позвонила Карлосу. Я всегда так делала после каждого занятия, если не случалось ничего неприятного. Жизнь в одиночестве придавала мне особую смелость. Никто не дергал меня за рукав, и по возвращении домой я неизменно звонила Карлосу.

Позже, когда наступили черные дни и звонки приносили только упреки, я не сразу уходила домой. Я заказывала пирожное, кофе или коктейль в ближайшем итальянском ресторанчике, надеясь просидеть достаточно долго, чтобы не отвечать на его звонки.

Но это было потом. А тогда был период относительно ровных отношений, и я сразу же набрала номер Карлоса. Никто не ответил, а я видела, что он пошел домой. Он еще потребовал от Астрид, которая вела машину, придерживаться ограничения скорости.

Я позвонила Гвидо:

— О, малыш, это было великолепно! Вы чудо! И Рамон! Я и не знала, что он может быть таким смешным! Как вы нашли время отрепетировать? Это было превосходно! Я надорвала живот от смеха!

— Тебе понравилось! — он только что вошел и запыхался.

— Понравилось? О Гвидито, это было потря...

— О, малыш, телефон! Давай поговорим позже! Спасибо тебе, милая! Я так рад, что тебе понравилось, — ты даже не представляешь, понимаешь? Перезвони мне, малыш!

Ликуя от гордости, я легкомысленно набрала номер *нагваля*, чтобы похвалить Гвидо. Карлос ответил своим «Мд-а-а-а?» По тому, что он запыхался, я решила, что он тоже только что вошел.

— *Нагваль*, правда, это было замечательно? Если это лишь скетч, то можно представить, каким блистательным будет спектакль! — Я восхищалась Карлосом, ведь он принял подшучивания над своим учением. Возможно, он и вправду был свободен от эго. Ведь то, что он не трясся над своей популярностью гуру, служило тому доказательством. Карлос вернул меня на землю:

— Ты действительно думаешь, что это было смешно, *chica*?

— Невероятно смешно! Я думала, что задохнусь, — так сильно смеялась! А ты что думаешь?

— Так ты действительно думаешь, что это было смешно? А?

— Ну конечно. Гвидо просто...

— ...ГОВНЮК! Злобный говнюк, как и ты. Ты в точности как Гвидо Манфред. Ты — ГВИДО МАНФРЕД. Вы — два сапога пара, однойцевые близнецы! ЗЛОБА! Они все злобные, но особенно вы оба — Уоллес и Манфред, злобные жида! Почему бы вам не пожениться? Злитесь на *нагваля*! И что я такого вам сделал, кроме того, что разорвал ваши цепи? Дал вам ваш единственный шанс?! Тенсегрители священной, движения священной, а вы издеваетесь над ними из-за мелочного гнева на МЕНЯ! МЕНЯ — единственного, кто пытается помочь вам! Над ними нельзя смеяться никогда! Ты — кусок *mierda*, ты — Гвидо Манфред, точно, ты — его двойник! Тебе не хватает только волосатых бровей! — он

швырнул трубку.

Я была спокойна. Ледяные иголки покалывали в животе, и я заметила, что слегка задыхаюсь. Но я не чувствовала никаких закипающих слез... Разве я не видела его смех? Все смеялись! И Флоринда поддержала, одобрила... Так замечательно было смеяться всем вместе, видеть, что Карлос принимает шутку. Все были злобными двойниками Гвидо Манфреда или только я? И почему наше еврейство — часть нашего уродства?

Занятия были приостановлены на неопределенный срок. Мир магов напомнил мне еще раз начальную школу, где провинившемуся причиняли особенно сильную боль тем, что он чувствовал — его друзья страдают от его проступка. И конечно, все были наказаны за соучастие, потому что смеялись.

На следующий день Гвидо с решительным выражением лица вошел в «Клеаргрин». Я чмокнула его в шею, когда никто не видел. Он покраснел и пропел: «Эти ботинки, чтобы ходить...» Я улыбнулась и подтянула: «Эти мысли, чтоб говорить...» — «Эй, все — хорошо...» Он вяло улыбнулся.

Наказание длилось две недели. Когда занятия возобновились, о проступке больше не упоминалось и Гвидо был возвращен на почетный передний ряд. Мое постоянное место было теперь в самом дальнем углу, куда сослал меня Карлос. По крайней мере, я находилась недалеко от ванной, где я могла скрываться и плакать. Тем вечером Флоринда сказала мне: «Мужчины ревнивы, вот и все. Они хотят собственных движений».

И они получили их. Карлос отдельно обучал мужчин, а затем предложил классу «мужскую серию» упражнений. Повторяющиеся, напряженные движения были похожи на работу на ферме или фабрике с использованием примитивных инструментов. И в августе 1996 года на семинаре в Вествуде мужчины — Гвидо, Саймон, Ридли, Рамон и участник из Мексики — впервые выступили в качестве «элементов». Они были одеты в неопишуемые широкие брюки и рубашки пастельных тонов. Я все время стояла на сцене недалеко от Гвидо, выполняя движения синхронно с ним. Впоследствии он сказал: «Ты не представляешь, как это было важно для меня, малыш, что ты была рядом со мной, что я мог видеть тебя, — это так много значит, больше, чем ты думаешь». Потом он добавил: «Надеть эту голубую синтетическую рубашку было самым трудным магическим заданием в моей жизни».

глава 24 ТЕАТР РЕАЛЬНОСТИ

*Чтобы предать, вы должны сначала принадлежать.
Ким Филби*

Наконец Карлос принялся готовить для меня магическое задание, идея которого была заимствована в одной из его книг. Он придумал для меня роль, но не в частном «Театре магии», а в том, который он называл «магический театр реальности». Карлос решил, что для меня будет полезно иметь жениха.

Не вполне понятно, что им двигало: может он хотел поссорить меня с братом, но зачем, и как это должно было произойти? Карлос презирал обычную семейную жизнь, и, хотя он всегда хорошо относился к Дэвиду, я подозревала, что он может не устоять перед искушением разрушить наши семейные узы.

Гвидо Манфред был первым, кого Карлос выбрал на роль моего жениха, хотя, каким образом Гвидо мог смутить Дэвида, было неясно. Мне например казалось, что мой брат разделял позицию Гвидо сохранять отстраненность и ясный ум, что проявилось, в частности, когда Дэвид работал над своей энциклопедией светской жизни.

Сначала Карлос задумал представить Рамона в качестве моего возлюбленного, «человека в военной форме». Рамон — неулыбчивый пуэрториканец с впалыми щеками —

был теперь бухгалтером в «Клеаргрине». Мне он казался привлекательным и в то же время невероятно напыщенным. Он хвастался тем, что прибыл в мир магов «наполовину подготовленным и более продвинутым духовно» по сравнению с остальными. Карлос был уверен, что этот выбор заденет Дэвида.

Насколько я могла судить такой сценарий только позабавил бы брата. Неужели Карлос совсем забыл, каким был Дэвис? Ему изменила память? Ридли — застенчивый образованный аргентинец — был безжалостно отвергнут нагвалем. Он сказал классу, что у того «нет пробивной энергии для решения задачи». Ридли, вспыхнув, проглотил обиду.

Я чувствовала, что Карлос был бы не прочь испытать меня в лесбийской паре, поэтому предложила это сама. Я обняла Астрид за талию — она была выше меня — и сказала: «Я выбираю ее!» Астрид немедленно приняла эту роль, обещая надеть черные сапоги, кожаные штаны и повесить на пояс ключи от *клетки*. Карлос наложил на сценарий вето: «Я не хочу, чтобы Сильвия вычеркнула тебя из завещания. Они затрахали тебя так, что ты заслуживаешь компенсации!»

Флоринда стала настойчиво предлагать Карлосу выбрать самого скромного мужчину в группе. Она упорно твердила, что с этим «толстяком, который к тому же далеко не интеллектуал» сложится самая забавная пара. Она хотела помучить меня, потому что сама была одинока, и, как я теперь подозреваю, так было всегда.

— Фло, — спросила я ее наедине, — как это все будет выглядеть? Меня не проведешь! О чем мы будем говорить за обедом?

Она была непреклонна:

— Ты просто отведешь маму в сторону и прошепчешь ей: «Я не могу от него оторваться, ты не представляешь, как он лижет мою киску!» Такие вещи поручал нам проделывать дон Хуан. Почему бы вам всем не смотреть на вещи просто? — Но Карлоса не тронули просьбы Флоринды. Предложение было отвергнуто.

Единственный практический смысл всего этого мероприятия, кроме разрушения тюрьмы моего эго, заключался в том, чтобы разорвать путы семейных традиций, типа празднования Дня благодарения и Рождества, которые, как ни странно, Карлос любил. Стояла ранняя осень, но нагваль планировал все заранее. Он считал, что мне нужен мужчина, который будет постоянно занимать мое время.

Праздники же ставили меня перед трудным выбором: или семья, или группа. А праздничные *вечеринки* Карлоса были хорошо организованы: индейка, подарки и ужасные игры в лото, после которых он как правило кого-нибудь изгонял со словами: «Слишком сильное давление! После каждой вечеринки... *Я гарантирую*, головы полетят!» Мне казалось, что ему нравилось в самое трудное время до предела нагнетать обстановку.

В конце концов остался единственный кандидат Карлоса — Гвидо. Через некоторое время был назначен обед, на котором должны были присутствовать Гвидо, мать с братом и любимый друг нашего семейства, Боб. Я выбрала хороший ресторан «*У Майкла*» в Санта-Монике.

Когда я позвонила Гвидо, чтобы сообщить ему об этом, он одобрил мой выбор и торжественно произнес:

— Нагваль имел обыкновение туда ходить. — Но когда я сказала ему, что пригласила без разрешения еще и Боба, он взорвался:

— Эллис, тебе нельзя поступать так легкомысленно. Это — маневр! Ты просто не можешь... *приглашать кого попало*! Неужели не понимаешь? Это *тяжело*.

Наутро перед обедом Карлос сообщил мне, что Гвидо не пойдет. Никакой «энергии» больше нет — дверь, какой бы замечательной она ни была, закрылась. Я должна была заплакать за обедом, осознав, что Гвидо бросил меня. Это должно было вызвать жалость матери и, конечно, свидетельствовать о том, что я прошла испытание. Когда я позвонила Гвидо, чтобы сообщить ему об этом, он стоически выслушал и прошептал:

— Я хотел бы поцеловать тебя в шею при всех.

Вечер прошел, как и было запланировано. Я выглядела убитой горем, временами поглядывала на пустой стул возле себя, и все, казалось, сочувствовали мне. Но проблема все еще не была решена, и, когда приблизились очередные праздники, Гвидо был призван снова.

Мой брат, живущий по полгода во Франции, собирался приехать в Лос-Анджелес с двумя сыновьями-подростками. В обычный субботний вечер они с матерью планировали встретиться со мной в модной пиццерии. А я собиралась прийти с Гвидо, но ему снова было отказано.

Но на этот раз удар был еще более жестоким.

Карлос заменил его Декстером Дюпре, бывшим Хуаном Гонсалесом из Буэнос-Айреса. Обычно новое, магическое имя, совершенно не напоминало настоящее. Декстер изучал мануальную терапию, был приветлив и неплохо выглядел. В течение нескольких лет он болтался на задворках группы и наконец удостоился благосклонности Карлоса.

Декстер мне сразу понравился, он был одним из немногих, с кем можно было запросто болтать, пока он назывался Хуаном. А Буле он очень не нравился, она говорила, что у него брови «волосатые, как гусеницы!» Карлос считал волосатость в любом месте «человеческой чертой, объединяющей нас с обезьянами», — густые брови Декстера работали против него.

Декстер обожал флиртовать, и, естественно, никто не сказал ему, что это запрещено. В первые дни пребывания в классе он попытался поцеловать меня в шею, я улыбнулась и велела ему «быть поосторожнее». Кажется, он не понял. Я знала, что если предупрежу его о правилах, а он кому-нибудь расскажет об этом, то меня могут вышвырнуть отсюда. Поэтому все, что я могла сделать, — это лишь намекнуть, как делали это Астрид, Гвидо, Пуна и Зуна в первые дни моего пребывания здесь. У меня не было никаких романтических чувств к Декстеру, и знаки его внимания были опасны для меня так же, как и для него, если не больше, так как женщины наказывались гораздо строже, чем мужчины, а я уже слыла «кокоткой». Когда Соня заставляла меня за разговором с мужчиной в офисе, она регулярно сообщала об этом высшему руководству.

Гвидо ненавидел Декстера, энергичного, уверенного в себе новичка. Симпатичный мальчик был настолько доволен собой, что ведьмы называли его за глаза не иначе, как «Антонио» или «мистер Тефлон». Из-за его самомнения к нему не прилипали советы, оскорбления и наставления. Даже Тайша, считавшая, что иметь предпочтения позорно и слишком по-человечески, виновато призналась: «Мне больше нравится Ридли». Карлос замечал: «Декстеру не хватает нескольких карт в колоде, — при этом он постукивал себя по голове, чтобы показать, где именно, и затем добавлял с нежностью:

— Он напоминает мне меня самого, когда я был молод».

Как из Клод сделали магического пришельца, в то время как в действительности она была лишь избалованным ребенком, так Декстера превратили в превосходного раздражителя мужских эго. Ему не предъявлялось никаких мистических требований, он регулярно избегал неприятностей при всех своих грубейших ошибках и наказуемых глупостях, которые для других мужчин были бы поводом для изгнания.

Гвидо встретил известие о том, что снят с должности моего жениха, с обычной для него сдержанностью. Это было серьезным ударом по его позиции первого мужчины после Карлоса в иерархической структуре группы. *Нагваль* умело столкнул три эго: понизил Гвидо, возвысил Декстера и отправил меня обслуживать всех с подносом. Карлос наел дался тем, как разыграл в классе удачную шутку. Гвидо должен был выдержать удар — вместо него центральную мужскую роль в мьельной опере теперь исполнял Декстер.

Прежде всего Декстеру необходимы были имя и профессия. С подачи Нэнси, наполовину итальянки, Карлос назвал его «доктором Пьеро Ла Бруна». Доктор Ла Бруна — аристократ, имеющий два диплома магистра: один — Римского университета, другой — университета Джона Хопкинса.

Мы встретились с Декстером в моей квартире, чтобы согласовать детали нашей легенды. Карлос сильно сократил сценарий: вместо обеда у нас должна состояться короткая встреча с моей семьей и Бобом. Пьеро должен был поспешно забрать меня, сказав, что мы

опаздываем на открытие конференции мануальных терапевтов. Я подозревала, что главный результат магии Карлоса уже достигнут, поскольку три его ученика пытались совладать со своими чувствами.

Вообще-то Декстер не очень страдал, он еще больше раздувался. Когда я намекнула ему, что Гвидо был ревнив как ребенок и это еще одна причина, почему не стоит покусывать мою шею, он тупо уставился на меня:

— Что?

— Да так. Ничего, — вздохнула я. Декстеру действительно не хватало карт в колоде.

Доктор Ла Бруна, по сценарию, должен был забрать меня в зале пиццерии.

Карлос велел мне вскочить с места, страстно обнять его и обменяться несколькими словами по итальянски. Потом, после стремительного знакомства с родными, мы должны были, взявшись за руки, выскочить из пиццерии. Декстер не должен был усаживаться за стол — настолько нам не терпелось остаться одним.

Во время нашей последней репетиции Декстер начал входить в роль. Возможно, я тоже. Он начал обращаться со мной как с женой. Он приказывал мне, напоминал реплики и многочисленные инструкции Карлоса, настаивал, чтобы я поступала согласно его интерпретации. Он раздражал понастоящему. Что этот сопливый щенок себе воображает, понукая меня? Я огрызнулась на доктора Ла Бруна, и перед встречей в пиццерии мы ненадолго расстались.

За обедом я, дико нервничая, ковырялась в пицце. Мне было известно, чем могло все закончиться: если я потерплю неудачу, меня опять выгонят. Я чувствовала себя виноватой в том, что лгу своим родным, семье брата, но ведь это была магия. Конечно, я взволнованно рассказывала им о Пьеро и даже призналась матери, что ненадолго съездила к нему в Рим, чтобы встретиться с его родителями.

Я сидела как на иголках, ожидая свою «единственную любовь».

Пьеро появился вовремя, от него несло дешевым одеколоном. Я чуть не поперхнулась. Однако взяла себя в руки и бросилась в его объятия. Мы поцеловались настолько страстно, насколько позволяли приличия. Боб сказал мне потом, что мы «выглядели так, как будто не могли дожидаться, когда можно будет скрыться в ближайшей спальне».

Пьеро говорил с моим братом и племянниками по-французски, задавая приличествующие ситуации вопросы о Провансе. Его манеры были превосходны, и он очаровал мою мать своим кипучим энтузиазмом. Если бы не одеколон, думаю, он был бы подходящим женихом. Олицетворяя собой «прекрасную юную любовь», мы бросились к дверям, держась за руки, в точности соблюдая инструкции.

На улице моросил дождь. Счастливые, мы с Декстером танцевали под дождем, обнимаясь и ликуя:

«У нас получилось! Мы сделали это!» Он подхватил меня и, смеясь, закружил. Мы исполнили роли в «магическом театре реальности» Карлоса Кастанеды! Мы вошли в книги великого человека!

Я позвонила Карлосу сразу после того как переоделась — моя одежда ужасно провоняла. Он был в восторге и с нетерпением слушал рассказ о реакции моей матери. Как я вскоре выяснила, Декстер снискал ее абсолютное расположение. Она была в восторге от перспективы заполучить такого зятя, успела сообщить об этом своим друзьям и спрашивала меня, назначили ли мы день свадьбы.

Следующим вечером я пошла на занятия взволнованная, с чувством какого-то освобождения. Группа посматривала на лестницу, ожидая окончания занятий йогой. Мы стояли рядом с Декстером и улыбались так, как будто готовились к съемке. Вошел Карлос, которого привезла Астрид (он больше не мог водить машину, потому что ухудшилось зрение), и обернулся ко мне:

— Задница! *Дерьмо! Babosa!* Ты что?! Возомнила, что вы *поженились*? Ты поверила этому! Ты думаешь, Декстер — твой мужчина? *Carajo! Pendeja! Шлюха...*

Он брезгливо отвернулся. Астрид печально посмотрела на меня — все начиналось

сначала. Я пошла к своему привычному месту в конце класса, желая, чтобы оно было как можно дальше, там, где я могла бы спрятаться. Декстер все еще улыбался — это я провалила спектакль. Но почему я должна брать всю вину на себя?

Меня не вышвырнули, но Карлос все равно избегал встречаться со мной и высмеивал меня. Теперь, как он сказал, я должна буду закончить пьесу, иначе я «разрушу все». Эпизод с доктором Ла Бруна закончен, и у меня появились оправдания моего отсутствия на семейном празднике. Я спросила Карлоса, что, по его мнению, я должна сказать матери?

И тогда он выкинул один из самых жестоких за все время нашего знакомства трюков. Он обратил против меня извращенные сексуальные отношения моей матери с доктором. Возможно, это было «испытанием», но оно отдавало садизмом.

Карлос предложил:

— Расскажи ей, что ты поехала с ним в Италию и там поняла: он использовал тебя ради денег. Он — паршивый альфонс, мужик, который не может даже заплатить за свою выпивку! А самое поганое — ему нужно отсасывать шесть раз в день! Позвони ей! Расскажи ей! Это то, что ты должна сделать!

Я отошла от телефона и заплакала. Потом позвонила Дафне и Ридли, двум членам группы, которым доверяла, чтобы обсудить, как все это сделать. Они помогли мне отрететировать, подсказав подходящие слова, и я позвонила матери. Мог ли Карлос каким-то образом читать мои мысли, или, может быть, Дух наблюдал за мной, но я сказала матери, что семья Ла Бруна хоть и была аристократической, но без гроша, и что в действительности Пьеро не хочет работать, значит я застряну за океаном, как «итальянская жена», занимаясь бесконечной стиркой. Потом я подробно рассказала о наших сексуальных проблемах.

Мать это совершенно не задело. «Мужчины! — воскликнула она. — Иногда они бывают такими эгоистами! Ладно, один уйдет, другой придет! В море рыбы не счесть. Мне жаль, девочка моя, но я довольна, что ты все выяснила сразу!»

Хронически безразличная к потрясениям, которые касались сексуальных вопросов, моя мать помешала плану Карлоса вывести ее из равновесия. По мере того как его болезнь все более и более прогрессировала, разговоры Карлоса по разрушению отношений его учеников с их семьями становились все более и более извращенными; но он не учел экстраординарности моей матери. Он был весьма разочарован, когда я сказала ему, что все прошло безболезненно.

глава 25 ЖИР И ПЛОТЬ

Ужасные опыты заставляют задуматься, не является ли тот, кто прodelывает их, сам чем-то ужасающим.

Фридрих Ницше «Человеческое, слишком человеческое»

Никакой рассказ о жизни с Карлосом Кастанедой не был бы полным без обращения к вопросу о телесной полноте.

Карлос был помешан на жире: своем собственном, своих учеников, на жире целого мира вообще. Он писал об этом в своих книгах, он говорил об этом на лекциях и в интервью, он ежедневно донимал придирами самых близких своих людей, если они не соответствовали его физическим стандартам.

Жир плоти не был «магическим».

Первые двадцать лет моего знакомства с Карлосом он был пухленьким. Он никогда не выглядел тучным, а был округлым крепышом — приятным, мягким, симпатичным и бесполом.

Перед началом занятий по тенсегриту я вновь увидела Карлоса, он стал худым, и это

поразило меня.

Мне он показался гораздо более привлекательным. Я тогда заметила, что его черные волосы красиво отливали серебром, и к шестидесяти пяти годам он утратил младенческую припухлость, — это меня удивило. Худой, мускулистый, Карлос в целом казался мне более мужественным.

Он говорил нам, что дон Хуан беспощадно дразнил его из-за полноты, утверждая, что он (Карлос) поедает «одиннадцать бутербродов с беконом в день», а его представления о нирване связаны со вкусом «бутерброда из хлеба» — два куска хлеба по краям и один кусок посередине! Карлос любил «вкусненькое», постоянно боролся с этой слабостью, но так никогда и не победил ее. Он обожал капучино, но запретил остальным пробовать его, за исключением тех случаев, когда сам поил женщин с ложечки прямо из своей чашки. Карлос виновато рассказывал нам о своих пиршествах с кофе и пирожными, устроенных вместе с Клод, после которых оба заболели. Он показывал нам, как она молила его: «Завтра мы можем умереть, так что давай пить кофе!»

Однажды Клод заставила Карлоса изгнать из «Клеаргрин», класса и постели «отца» одну из его новых возлюбленных, — все из-за того, что молодая женщина якобы предложила Ридли кофе. Ее никогда не предупреждали о правилах, и она пила кофе из рук Карлоса. Ридли колебался, но когда девушка настояла, он из вежливости сделал глоток. Клод появилась неожиданно, набросилась на Ридли с криком, что он «не мужчина», и зашипела на новую служащую. Ее никогда никто больше не видел. «Я потеряла свою лучшую работницу!» — ныла Соня. У девушки произошел нервный срыв, и потребовалось серьезное лечение, чтобы оправиться от столь сурового увольнения.

В течение многих лет Карлос рассказывал всем участникам семинаров, что никогда не прикасался к кофеину, говоря, что «мы слишком чувствительны для того, чтобы пить даже чай, — на пути к Бесконечному нужно отбросить кофе, сахар и углеводы». В последние месяцы его жизни меня тайно посылали в пекарню на углу, чтобы купить ему к завтраку кофе и печенье. Флоринда превращала эти миссии в увлекательные и таинственные приключения. «Это для *нагваля*, — шептала она, как будто я не догадывалась. — Не позволяй никому увидеть тебя! Я буду ждать за дверью! *Торопись!*»

Карлос был превосходным кулинаром, он делал изумительные *чили-верде*, ростбифы и десерты из сливок, которыми иногда кормил меня после любовных утех. Считалось, что и без того восхитительно вкусная пицца была наполнена его энергией. Я разделяю народное поверье, что настроение, с которым готовится еда, влияет на ее аромат, но Карлос довел эту философию до крайности. Флоринде запрещалось готовить для *нагваля*. «Я не знаю почему, но моя еда для него оказывается ядом, — сказала она мне, — хотя я хорошо готовлю». Тем не менее она была счастлива, что ей не приходится выполнять эту обязанность.

Так что приготовление пищи досталось многострадальной Тайше, которую вечно критиковали за ее пресное кулинарное творчество. Я регулярно предлагала ей ходить за покупками, она благосклонно соглашалась, благодарила и всегда аккуратно, до последнего пенни, со мной расплачивалась. Когда мы вместе ходили в магазин, она обычно покупала бутылку «Столичной» водки и говорила, что это не для нее. Хотя ни для кого не было секретом, что Тайша выпивала. Карлос умел делать восхитительный коктейль из водки и фруктов под названием «Атомная бомба». Другое «сочинение» из водки, которым он угощал, имело неясное происхождение. Карлос говорил мне, что этот рецепт принадлежал дону Хуану. Мастер учил его собирать зрелые кумкваты и мариновать их в течение нескольких месяцев в водке до такой степени, что потом один кумкват имел крепость двух бокалов мартини. Саймон сказал мне, что этот рецепт был *его* изобретением. Я же полагаю, что это было произведением Карлоса. Я никогда не видела, чтобы Карлос выпивал больше стакана-двух вина или *портвейна*, и он часто давал мне стакан *портвейна*, как восстанавливающее силы после занятия любовью.

Что касается Тайши, то учитывая под каким огромным давлением она находилась, я с облегчением узнала, что шутки о ее питье основывались не на пустом месте. По словам

Флоринды и Карлоса, *нагваль* прекратил заниматься сексом с ней за пятнадцать лет перед тем, как я присоединилась к группе. Она смирилась со множеством критицизма от остальных с верхушки иерархии, со скудной признательностью в ответ. Она отдавала всю себя приготовлению еды для Карлоса, тем не менее он периодически обвинял ее в попытке отравить его.

Единственное, что сказал мне Карлос по поводу отношений с ней, было: «Вобщем, моя маленькая Тайшита — она была *моей шлюшкой*, такой вкусняшкой! А потом она пересекла границу с неорганическим миром, и когда вернулась назад, стала *сухим* существом». По теории Флоринды, эта депривация и была источником Тайшиного хронического напряжения.

В какой-то книге Карлос рассказал о том, как бросил курить. К концу своей жизни он отказывался носить рубашки с верхним левым карманом, объясняя это тем, что у него до сих пор рука тянется проверить на месте ли пачка сигарет, и он пытается прекратить эту рефлекторную привычку своего тела. Иногда Тайша и я покупали для него рубашки, и нам не так легко было подобрать ему подходящие из-за этого кармана.

Дон Хуан, писал Карлос, обманул его, заставляя бросить курить. Он провернул «лохматую собаку» в походе за «растениями силы», такими как дурман и пейот, проходя ежедневно много километров, делая вид что заблудился, до тех пор пока у него пропала, наконец, тяга к никотину. Прогулявшись таким образом, Карлос начал и в весе терять, наконец.

Карлос выглядел ужасно подходящим для меня. Сухожилия на руках были тонкими и сильными, а мышцы на ногах и спине были как у гораздо более молодого человека. Живот был дряблям, как это свойственно тем, кто набрал и сбросил вес, и у него был шрам от операции по удалению грыжи.

Ежедневно занимаясь тенсегрити, он поддерживал превосходную форму, хотя ему все труднее было бороться со снижающимся весом. Мы и не предполагали, что это был ранний симптом рака печени — «большого Р». А Карлос постоянно посмеивался над страхом «простых людей» заболеть раком, говоря, что они поддаются «напряжению однообразной и скучной траханой жизни». Он с неодобрением отнесся к книге своего бывшего редактора Майкла Корда, написавшего об успешной борьбе с раком поджелудочной железы, сказав, что «теперь все мы наденем пластиковые браслеты с „большим Р“ на запястьях».⁴⁰

Зацикленность Карлоса на массе тела сказывалась и на нас. Мы постоянно боялись набрать лишний фунт, но если кто-либо становился *слишком* костлявым, Флоринда нередко закатывала скандал.

Чаще всего мы были благодарны ей за критику культа тела, свойственного Карлосу. «Ты хуже, чем Баланчин!» — как-то стала ругаться она на занятии, и весь класс взорвался аплодисментами. «Кто такой Баланчин?» — шепотом спросила меня Патси. «Садист, балетный импрессарио, который доводил своих танцоров до анорексии⁴¹», — ответила я, надеясь успокоить ее, потому что Патси была одной из многострадальных *zaftig*⁴². Любимыми учениками Карлоса, естественно, были самые худенькие. Хрупкость Клод, ее мальчишеская фигура нравилась ему, хотя в группе были такие красивые и фигуристые женщины, как Дафна и Кэрл. Но Карлос постоянно ругал их, называя жирными. Они чувствовали себя невероятно толстыми, комплексовали по поводу большой груди и женственных бедер. Больно было видеть, как эти потрясающе красивые женщины,

---

⁴⁰ В американских клиниках пациентам надевают пластиковые браслеты с маркировкой для идентификации. — *Примеч. ред.*

⁴¹ Анорексия — симптом патопсихологии, отказ от приема пищи, приводящий к катастрофической потере веса. — *Примеч. ред.*

⁴² Толстушка (нем) — *Примеч. перев.*

недовольные своим телом, переживали и выглядели подавленными. Муни вечно терзалась из-за своих бедер и пышных форм, хотя, по моему мнению, она была прекрасно сложена. Все находили ее красивой, но один мужчина, которого она любила с девятнадцати лет, упорно и жестоко дразнил ее, называя: «*siete culos*» или «семь задниц».

Слушатель воскресного класса, Дэниел Лавтон, позже высказался об этом культе худобы на одном из форумов в Интернете (www.sustainedaction.org), где обсуждали Кастанеду:

— На трех или четырех занятиях цикла Карлос с яростью нападал на геев. Он утверждал, что сексуальная скука порождает гомосексуализм, это значит, что человек выбрал в жизни унылый путь и компенсирует его отклоняющимся поведением.

— Если вы полагаете, что Карлос был всевидящим *нагвалем*, который сообщал нам абсолютную правду, то с точки зрения энергетики его комментарий справедлив. Но по моим наблюдениям, он высказывал свое мнение так, как будто это было фактом.

— Почему же Карлос придерживался такой точки зрения? Меня самого, например, никогда не одолевали мысли типа: «Боже! Может, я сегодня пересплю с мужиком!» По-моему, идея Карлоса о том, что скука является причиной гомосексуализма, служит доказательством возникновения у него самого таких желаний, когда ему становилось скучно.

— Я заметил, что люди, открыто преследующие геев, делают это по ряду причин. Одна из них — религиозная. Но на самом деле у Карлоса не было религиозных убеждений. Остается другая мотивация, которую я наблюдал у людей, нападающих на гомосексуалистов: либо это неосознанные наклонности, либо это попытка гомофобов сдержать собственные влечения.

— Я думаю, что вы сами могли бы заметить признаки такого поведения у Карлоса в различных ситуациях. Например, он требовал от своих женщин быть похожими на маленьких мальчиков. Они обязаны были коротко стричься, грудь прятать, и он не любил косметику. Кроме всего прочего, Кастанеда казался чрезвычайно пресыщенным.

— Я знаю, большинство мужчин мечтает «иметь секс с десятью женщинами сразу», но это слишком причудливая фантазия. Я бы точно отказался. Слишком много проблем. На самом деле, чтобы удовлетворить чьи-то сексуальные желания, не нужно много вариантов.

— Трудно представить, как можно достичь настоящей близости с таким количеством партнеров.

Вероятно по этой причине Карлос страдал половым бессилием.

Астрид имела роскошное телосложение классической амазонки и небольшой жирок, как у древнегреческих олимпийцев. Она была высокой и ширококостной, поэтому Кастанеда сказал нам, что ее атлетические ноги «ужасно огромны». То же самое он сказал группе о моих мускулистых руках, которыми так восхищалась Флоринда, убеждая меня покупать платья без рукавов. Стесняясь, я отказывалась. А обезумевшая Астрид подумывала о липосакции — ее мучил стыд. Когда она садилась на диету, то доводила себя до изнурения, и ее лицо становилось пугающе изможденным.

Участники семинаров могли бы испытать настоящее потрясение, начни они соревноваться со столь совершенным экземпляром! Однажды по какому-то поводу она надел юбку, и взбешенный Карлос отослал ее домой переодеться. Он назвал неподобающим поведение показывать «свои гигантские ноги и пытаться изображать маленькую девочку».

У нас с Зуной лишний жир скопился на животах, которые Карлос давил и тряс во время занятий.

Чтобы скрыть этот «дефект», я сутулилась и носила мешковатые свитера. Если я нервничала, то, как правило, начинала переедать. Сильный стресс приводил к тому, что я почти ничего не ела. Иногда таким образом я резко теряла от пяти до десяти фунтов веса. И тут же мой статус в глазах Карлоса поднимался. Если я была слишком жирной для него, он настаивал на занятиях любовью в одежде. Если считал стройной, — предпочитал видеть мое тело.

Однажды ночью, когда мы лежали рядом в кровати, он сказал:

— Хочу, чтобы ты стала президентом большой корпорации, которую я собираюсь организовать. — (Вскоре после этого зарегистрирован был «Клеаргрин», а президентом стала Соня. Но тогда я была польщена и чрезвычайно взволнована).

Я закусила губу, задумавшись: смогла бы я снова писать, зная, что это невозможно после того, как он выбрал мне другую работу?

Он продолжал:

— Для этого я совершил *дриминг* вчера вечером и увидел тебя *изможденным* эльфом, — он втянул щеки. — Ты должна стать худенькой, *chica*, чтобы выйти к свободе через игольное ушко. — Я пообещала еще похудеть.

У Карлоса была и другая навязчивая идея. Мы должны были удалять почти все волосы на теле, чтобы как можно меньше походить на своих человекообразных предков. Быть «обезьяной», учил дон Хуан Кастанеду, значит быть «человеком». Тайша годами посещала любимого косметолога Карлоса, Файе, удаляя *все* волосы на теле, за исключением бровей и ресниц. Файе утверждал, что для удаления волос на ногах в среднем нужно несколько лет. Карлос жаловался нам, что Муни была очень волосатой. Флоринда, напротив, не страдала от этого. Как-то Карлос отправил меня к Файе удалять волосы в зоне бикини, — болезненная, дорогостоящая и отнимающая много времени процедура. Когда он рассказал о моих посещениях всему классу, я содрогнулась от стыда. Без сомнения, это было его обычной техникой разрушения эго. Он прекрасно знал, что большинство женщин чувствительно относятся к таким вещам, и мало кто любит обсуждать свои гениталии публично, а еще меньше тех, кому нравятся насмешки над этой процедурой. Я была очень расстроена, нервничала и сказала Гвидо, когда он провожал меня до машины:

— Должно быть, ты все уже знал... От ведьм.

— ЧТО? — закричал он. — *Откуда* у тебя *эта* идея?

Я посмотрела на него, потрясенная. Я знала, что он спал с Флориндой и, вероятно, с Муни, они намекали на это так прозрачно, что мне не приходилось сомневаться. Карлос тоже об этом говорил.

Конечно, я не могла утверждать, это могло быть просто хвастовством. Наш разговор закончился.

Кажется, Гвидо все еще относился ко мне с симпатией, но, видимо, я случайно переступила какую-то запретную черту. Я ехала домой, испытывая чувство одиночества и стыда.

Через час мне позвонила разгневанная Флоринда: «Эллис, то, что ты сказала, — *варварство! ВАРВАРСТВО!*»

Я была искренне озадачена. Что было варварского в том, что касалось магического секса, — она и сама мне много рассказывала, и Карлос говорил об этом ежедневно? Если же говорить о Гвидо, то прямо в разгар нашего «викторианского романа» он сбежал к мамочке! Почему он был таким трусом, почему никогда не действовал сам? И *почему* так отреагировал? Осторожного «я бы не хотел говорить об этом, Эллис» было бы достаточно. Но за спиной... Как сплетни в детском саду! Я начала понимать смысл жестких высказываний Флоринды об учениках-мужчинах. Прежде я считала это бессмысленной грубостью, теперь до меня дошло; почему она называла их «*castrati*».

Гвидо избегал меня в течение нескольких дней. Я попыталась заговорить с ним в офисе, но он закатил истерику, увидев в этот момент Декстера. Тот стремительно проходил через холл и почти сразу скрылся из виду, но Гвидо ревниво повысил голос:

— Ты для НЕГО стараешься? Так, чтобы *он* мог слышать!

— Я даже не знала, что он там! Он и не услышал бы нас, и вообще мне все равно, услышит ли он!

Гвидо вспыхнул, а я повернулась и вышла из комнаты. Как только я применила одну из техник Карлоса — метод *сталкинга*, с мягким обхождением было покончено. Я написала Гвидо жалобное, почти покаянное письмо, взяв всю ответственность за болезненный инцидент на себя. Только я была «виновата в том, что нарушила приличия, так как не должна

была говорить о морали». Письмо, казалось, удовлетворило его. Гвидо никогда больше не говорил об этом, но, рассуждая о морали, поднял планку: «Это вне всякой *морали*!» — упрекал он меня, намекая на то, что я была весьма расчетливой. Он возобновил прежние привычки: поддразнивал меня, подшучивал, прижимал под столом ногу, гладил мои волосы в комнате для ксерокса, звонил поздно вечером (бизнес есть бизнес).

Нетерпимость Карлоса по отношению к волосатости некоторых частей тела была настолько сильной, что он не выносил это на обсуждение в классе, считая личным делом каждого. Например, он говорил, что, с точки зрения *магии*, мне необходимо брить лобок в определенных направлениях, которые через какое-то время менялись. А также он утверждал, что для меня крайне важно «брить снизу свою *conchita*», это позволит энергии циркулировать более плавно и сделает меня «менее человеческой».

Я никогда не была достаточно худой для Карлоса, но мускулистость и красота моих ног восполняла этот недостаток. Он дал мне прозвище «*piernitas*» («ножки») или «*piernudas*» («голенькие ножки») и наделил особым правом носить короткие юбки в офисе и на вечеринках. Мне также разрешалось носить более высокие каблуки, чтобы продемонстрировать то, что Карлосу казалось привлекательным.

глава 26 ПРАВДА ОБ ИЕРАРХИИ

Она могла бы ждать и наблюдать, как всегда наблюдала и ждала в надежде, что разгадка придет к ней. Но как склеить разбитое сердце?! Это такая головоломка, которую ни разум, ни время не могут разрешить.

Клайв Баркер «Каньон холодных сердец»

Флоринда была страстным приверженцем магического правила: «Не существует никакой группы!»

Она сообщала его новичкам еще до того, как начинались лекции, и никогда не упускала шанса поразглагольствовать на эту тему. Много раз я слышала, как Карлос уверенно высказывался по этому поводу. Начиная свои публичные выступления, он обычно говорил толпе, окружавшей его:

— Мы — не группа! Концепции «группы» у нас не существует. Несколько человек может пойти вместе в кино, но это бывает редко. — Однако, на протяжении шести лет, начиная со дня моей инициации, я почти каждый вечер ходила с ведьмами в кино и рестораны, а с Карлосом на ланч, и, конечно же у нас были ежедневные групповые занятия.

— Мы никогда не встречаемся, — утверждал он, — только время от времени, чтобы поупражняться.

Но мы — не *друзья*. Мы ничего не знаем о жизни друг друга, мы не живем вместе. У нас нет никакой группы, никаких встреч, никакой иерархии. Мы — незнакомцы, и только легенда дона Хуана соединяет нас. Есть еще Эллис, *посмертный дар* Ирвина. Я не могу сказать «нет», когда меня просят, — как я могу отказать? — Карлос делал характерный жест, пожимая плечами и растопыривая пальцы.

Было очень интересно наблюдать, как маги *лгали* или, по их выражению, «утверждали знание, полученное stalkingом», — это было так естественно, так по-человечески, что *дух захватывало*. В действительности лишь считанные единицы из нас жили отдельно.

Флоринда всегда с такой страстью говорила на эту тему в аудитории, что практически переходила на крик:

— Все хотят *слиться* с нами, быть *внутри*, но нет того, к чему можно присоединиться! Это смешно! Обезьяны всегда ищут место, но мы *не* обезьяны. *Вы* — да, но *мы* — уже нет, мы изменились. Оставьте попытки присоединиться к нам! *Нас не*

существует .

Это блеф, наивный и примитивный миф. Я имею представление о том, как на самом деле Карлос и ведьмы пытались заставить работать свою магию. Необходимо было подтолкнуть учеников к индивидуальным поступкам, одновременно культивируя в них зависть — самое ядовитое из всех чувств, а потом заставить их действовать стаей, худшей, чем самая жестокая банда подростков в средней школе. Кто выживет в этом когнитивном диссонансе, тот, несомненно, сможет выпрыгнуть из своего эго — в этом, я полагаю, состоял план, который руководил их безумным поведением.

Я размышляю и над другой составляющей этой тайной программы. Для *нагваля* и ведьм не пристало создавать нечто похожее на клуб. Клуб — это часть *социального устройства* . В своих заявлениях они недвусмысленно утверждали: то, что очевидно для всех, на самом деле *не существует* , а является *сталкингом* ... В таком контексте, на мой взгляд, это нелепая выдумка служила для каких-то псевдомагических целей, — в данных обстоятельствах объединение было ни к чему. Это культивировало в каждом из нас все самое худшее, и я не знала никого, кто смог бы преодолеть боль, причиненную этим поведением и нереальностью происходящего, — обманом или запугиванием они возвращали другую, темную сторону души, пожирающую человеческие устремления.

Взаимоотношения на семинарах напоминали мне иерархическое деление в рок-н-рольных тусовках.

Я встречалась с музыкантами, потом стала женой одного из них, и мне были хорошо знакомы все их закулисные игры. Более того, я была дочерью знаменитости, хотя писатели думают о себе несколько иначе, чем рок-звезды. В период пика популярности, когда «*Книга списков*» довольно долго занимала верхние строчки рейтинга бестселлеров по версии «*Нью-Йорк таймс*», я ходила по книжным магазинам, проталкиваясь через толпы любителей автографов, бывала в гостиных, в которых было полным-полно напыщенных знаменитостей. Меня возили на лимузине туда и сюда, усаживали рядом с известными Авторами, Гигантами издательского бизнеса и Звездами различной величины. Я все это повидала и могу сразу распознать шоу.

Первые два ряда лекционных залов, предназначенных для семинара, были забронированы для Нас, и мы долго усаживались согласно карточкам с именами на каждом сиденье по своей значимости в группе. *Заговорить* с нами (получить поклон или улыбку) считалось очень важным для любого гостя. Это было очевидно, но, несмотря на это, Карлос писал в своих книгах и неоднократно *говорил* со сцены и в интервью о том, что выбирает *не он* , это Дух указывает ему на учеников, находящихся среди гостей в аудитории. Участники семинара периодически оказывались (без объяснения) в передних рядах или на сцене, одетые в соответствующие футболки, тапочки и со стрижками «ежиком». А улыбка, полученная от *нагваля* , могла означать посвящение! Измерял ли он энергетику тел взглядом *а-ля* дон Хуан, искал ли связь со своей собственной — кто знает?

Те жаждущие, которые могли бы стать воинами, отводились в сторону. Астрид или я приглашали их на частное занятие, лекцию или даже обед с Кастанедой. Оставшиеся обрекались на трагедию, комедию или преуспевание. Или на все сразу. Возможно, изначально был какой-то план во всем этом балагане, но я так никогда и не смогла распутать этот узел. Я все более и более убеждалась в том, что Карлос делал все так, как оно шло. Это было единственным подходящим объяснением.

Дошло до того, что слушателям семинара сказали, будто ученики «могут считывать движение энергии во Вселенной», и большая часть толпы решила, что мы умеем читать мысли. Я тоже было поверила, что у Карлоса, ведьм и трех чакмул есть такие способности, и верила до тех пор, пока у меня не накопилось огромное количество свидетельств противоположного. Возможно, план состоял в том, чтобы с помощью толпы незаметно раздувать угли в гаснущем очаге легенды, или возбуждать у людей зависть к ученикам, доводящую порой до саморазрушения.

Некоторые практикующие преследовали нас и дома, и в офисе, другие задавали

принципиальные вопросы и дарили подарки. Вдумчивый целеустремленный ювелир, который знал, что я люблю жемчуг, сделал мне красивое ожерелье и браслет. Астрид велела мне избавиться от них, и я покорно согласилась. Она убеждала меня: «Ты можешь носить драгоценности, полученные только от *Него*».

Часть слушателей избрала тихий и незаметный подход: всегда услужливы, всегда рядом и чуть позади. Существовали добровольцы, бесплатный труд которых мы могли использовать, а для них это был маленький шагок к заветной двери. Это обеспечивало их статус, рассматривалось как оказание чести и частично возмещало высокую стоимость семинаров, потому что им делали скидки и возможность бесплатно питаться. Некоторые семинары стоили тысячу двести долларов в неделю, причем сюда не входило размещение, питание и путешествия. Люди приезжали из Японии, Аргентины, России; их траты были фантастическими. Но возможность увидеть *нагваль* во плоти было мечтой всей их жизни. Многие потратили десятилетия, следуя предписаниям Кастанеды, долгие годы мечтали о том, что появится шанс увидеть его. А сколько читателей задавались вопросом, существовал ли он вообще, может книги были простой беллетристикой? Для них это было чем-то вроде чуда: увидеть Карлоса Кастанеду во плоти.

Существовал еще обычай представления участников, связанный с созданием очередных мифов. Я в них не участвовала, потому что находилась на неопределенной ступени иерархии. Мне никогда не доводилось появляться на сцене на виду у всех, в интригующей близости от ведьм, что, как я намного позже узнала, было источником множества слухов.

На каждом семинаре Флоринда или Муни обычно объявляли участника по имени, тот вставал и делал небольшой поклон под аплодисменты слушателей.

— Это Пуна Витли, имеет диплом правоведа (маленький поклон), Ридли Джеймс, дипломированный врач, специалист по изучению семейного насилия (маленький поклон), — и так далее. Все они имели либо ученую степень, либо высокооплачиваемую работу, но эти титулы были фальшивыми, за исключением двух человек. Гвидо действительно был директором, а Саймон — продюсером.

Необходимо было заставить Слушателей в аудитории трепетать— в этом, как я предполагаю, и состоял эффект и сделано это было намеренно. Люди, с которыми я говорила, жаловались: «Я снял с карточки сорок пять тысяч долларов, чтобы приехать... Я много работаю, чтобы заработать на жизнь и позволить себе семинары... а рекапитуляция, тенсегрити отнимают так много времени. Не знаю, смогу ли я вернуться в школу, как мне предлагают, и получить степень! А мои дети... Я не знаю, что делать с моими детьми! Как другие люди находят время? Вот *вы*, например... Хотя у вас нет семьи, и, может быть, вы „непресыщенная“... У вас есть энергия. У меня никогда не будет... ведь я много занимаюсь телодвижениями и сплю меньше. Если бы только *нагваль* ударил меня между лопаток, как дон Хуан, и произошел бы тот мгновенный взрыв! *Боже мой, вам ТАК повезло!*»

Те из нас, кого не представляли публике, чувствовали себя неудобно. Однажды, после особо пышных представлений я провожала Тайшу до дверей, и Гвидо, с сочувствием заглянув мне в глаза, сказал тихо и грустно: «Ты такая мужественная, Элли». Его любовь пронзила мое сердце и легла в «шкатулку с драгоценностями», которую Карлос называл нашим «альбомом с вырезками о памятных событиях». В ней были свидетельства возвышенных порывов, которые испытал каждый, кто открыт для них.

До самого конца я оставалась помощницей Тайши на семинарах, потому что она выбрала меня, а Карлос и Флоринда, видимо, разрешили это. К моему удивлению, они считали, что Тайша слишком много путается под ногами, и решили, что я «единственный ученик, который может с ней управляться» и чье присутствие надолго успокаивает ее.

Видя, что я все время с ней, предсказуемые Клод и Була, как и все новички, фактически наплевали на меня. То, что я была вхожа в компанию ведьм, опрокидывало их понимание порядка вещей, — неудачники, как предполагалось, не сопровождают королевских особ. Они не знали, что мне разрешено быть с ведьмами за кулисами. Клод, которую держали в полном

неведении относительно моего необычного статуса, вздрагивала, когда видела, что я пользуюсь сотовым телефоном во время семинара. Она догадывалась (вероятно из-за моих уменьшительно-ласкательных слов на испанском), что я говорила с Карлосом, и рычала: «Кто это?»

— Горячая линия, — улыбалась я.

Она отскакивала, вспыхивая до кончиков ушей, и ее тонкие губы сжимались от гнева.

Я продолжала говорить с посетителями семинаров как завсегдатай, Астрид вела себя так же. Годы спустя я получила трогательные благодарности от людей, с которыми в то время пренебрежительно обходились холодные Пуна и Зуна, высокомерная Тарина, Клод, Патси и Була. Одинаковые стрижки и униформа делали такое обхождение еще более болезненным для аутсайдеров. Они носили одинаковые браслеты с надписью «Из второго внимания», ботинки на тракторной подошве и одинаковые солнцезащитные очки. Но самым ужасным было хихиканье и перешептывание клики.

Тот, кого ребенком исключали из школы, не забудет это ужасное чувство аутайдера. Много позже ко мне пришли нужные слова: «Я была с ними, но не была одной из них». Это был один из самых красивых комплиментов, что подарила мне жизнь.

В течение нескольких лет я работала менеджером книжного магазина и получала от этого огромное удовольствие. В перерывах между семинарами мы торговали со скидкой, это было утомительно и одновременно очень забавно. Мы продавали книги Карлоса, «ручки для рекапитуляции», которые светились в темноте, рюкзаки и футболки с надписями типа: «Тенсегрити для каждого энергетического тела» или «Самомнение убивает — ЗАНИМАЙТЕСЬ ТЕНСЕГРИТИ». Я общалась со множеством людей, выслушивая раздраженные замечания по поводу торговли духовностью. Но мне нравилось организовывать команду, я любила свою работу.

Моя должность забавляла Карлоса. «*Ай-ай-ай!* — бывало, заходился он в смехе. — Ирвин перевернулся бы в своей могиле, если бы узнал о собственной дочери, о любимой дочурке, что она *управляет магазином!* Магазином эльфа».

«Магазином второго внимания», — ласково добавляла Тайша, пытаюсь придать моему положению больший статус.

Я до сих пор содрогаюсь, вспоминая атмосферу зависти, мелочности и соперничества, в которой мы находились, хотя Карлос восставал против этого во всех своих книгах. Если бы я видела, что его методы дают результат, и ученики прекращают борьбу за лидерство, то приветствовала бы «Театр жестокости», «Университет жестокой любви» Карлоса Кастанеды как высшее достижение. Вместо этого я видела сокрушение духа, особенно публичным унижением, недоброжелательность, срывы, болезни и мучительные страдания.

Многое из того, что заставляло нас страдать, ярко описано в книге Джоэла Крамера и Дианы Олстэд «*Записки гуру. Маски авторитарности*»: «Для того чтобы вовлечь в сексуальные отношения одних и отвергнуть других, гуру создает иерархию предпочтений. Обаяние гуру порождает ложное чувство безусловной любви (читай: „магической любви“) ко всем ученикам, что является причиной тайной ревности и обид среди его последователей... Гуру гораздо легче извлекать выгоду и сохранять свою власть, если он придерживается целибата или притворяется, что придерживается... Обет безбрачия меняет отношение к совокуплению, которое наделяется более высоким статусом, чем просто сексуальная близость... Некоторые гуру активно препятствуют рождению детей или разлучают родителей с ними, это делается для того, чтобы ничего не отвлекало от гуру. Чтобы противодействовать влиянию семьи, гуру часто пробуют разорвать связи учеников с их собственными родителями... Сексуальные отношения с учениками устанавливают иерархию предпочтений, в которой последователи конкурируют за обладание статусом большей привлекательности для гуру Пусть неявно, но это порождает ложь и скрытность среди учеников».

Враждебность в группе, казалось, то развлекала, то злила Карлоса. И трудно было понять, связан ли каким-то образом этот гнев с его прогрессирующей болезнью. Типичный

случай его реакции: не удовлетворившись выполнением магических пассов, которые я выполняла, он после яростных нападок сильно ударил меня кулаком в плечо, оставив на этом месте синяк. Мне нельзя было показывать свои чувства, но я не смогла удержаться от слез и заплакала. Карлос остался со мной после занятий и сказал: «Поверь мне, *chola*, если бы я знал другой способ, я поступил бы иначе, но у меня нет выбора».

Таким же типичным был случай на рождественской вечеринке, под конец которой Карлос вручил кашемировые шарфики всем женщинам, а их было четырнадцать, за исключением меня и Дафны, — он молча обошел нас стороной. Любое проявление чувств послужило бы основанием для серьезного наказания. Мы сохраняли невозмутимое выражение лица, что от нас и требовалось.

Однажды Карлос очень грубо обругал меня, и как только закончились занятия я быстро пошла к своей машине, чтобы никто не видел меня плачущей. Однако Флоринде об этом сообщили, и едва я вошла в свою квартиру, она позвонила.

— *Некто*, не спрашивай кто, даже не пытайся... Не имеет значения. Что тебе за дело? *Один человек* сказал, что у тебя было угрюмое выражение лица! Ты что же, хочешь заставить нас пожалеть тебя, задница? Ты что? Плачешь, чтобы разжалобить нас? Бедная крошка! Я знаю, что ты задумала, Эллис И не делай из меня дуру, *поверь мне, люди все видят*, не думай, что тебе это сойдет с рук. Если ты будешь продолжать в том же духе, назад тебя не позовут! Ты знаешь, какая между нами разница? Ты пизда, а я — нет.

Иногда Флоринда смягчалась и сетовала на тот беспорядок, который воцарился в группе. Наблюдая за обычной суетой после окончания одного долгого семинара, она поделилась со мной тем, что находила прискорбным: *он* поцеловал, *он* коснулся, *он* шептал, *он* ласкал. Никто не обращал внимание на Бесконечное, но все ловили малейшее его движение. Кого *он* постриг? Кто надел ботинки, которые по статусу соответствовали ведьмам? Кого *он* пригласил на ланч? У кого чей телефонный номер, у кого есть его домашний номер? Кто пошел в кино с Фло? У кого был обед с суши? Кто отправился поработать в «сад дона Хуана»? Кому дали деньги, одежду, новую машину?

Кто получил подарок, который был изношен или использовался одним из них? Кто смотрел видео у Карлоса? *С кем он спал последний раз, и как часто?*

Иногда Карлос оставлял метки. Однажды мы занимались любовью так неистово, что он до крови искусал мои губы, а потом во второй половине дня отослал меня работать в офис. Я выкрутилась — покрыла губы блеском.

Какое-то время Пуна и я, сдружившись, обменивались техникой китайского массажа, похожего на медицинские банки, при котором оставались следы на шее, напоминающие засосы. Гвидо рассказал мне шесть месяцев спустя, что, увидев мою шею в таком виде, он почувствовал, как «закипает от ревности».

Истории тех, кто жил коммуной, холодили мою кровь. Карлос мог вызвать одну из них для секса, и она в бешеной спешке принимала ванну, молча наряжалась и прихорашивалась, в то время как другие продолжали смотреть видео или обедать. Этим людям на самом деле было плохо.

Патси, молодая, шумная, агрессивная аргентинка, делила комнату, в которой был телефон, с Нэнси, интеллигентной итальянкой, напоминающей мне олененка. К моему изумлению, Карлос предпочитал долго и бестолково трепаться по телефону с Патси. Часто она, приняв ванну, уходила.

Тогда Нэнси ложилась лицом вниз на кровать, сжимала кулаки и, давясь слезами, пыталась быть «безупречной». Иногда Патси возвращалась с новой безделушкой, но обсуждать чувства Нэнси было слишком по-человечески, слишком низко — так поступали *люди*.

Другая пара — Соня и Астрид. Говорили, что они очень подходили друг другу. Я чувствовала себя с Астрид в безопасности и могла доверить ей свою печаль: Карлос давно избегал прикасаться ко мне за пределами своей спальни, за исключением редких случаев, а я

грустила и ревновала. Астрид сказала мне как-то, что «один человек» тоже ужасно страдает: заметив однажды, как Карлос в безумной страсти обнимал меня на улице возле кубинского ресторана, «этот человек» был смущен нашим растрепанным и разгоряченным видом и ушел. Астрид намекала, что источником враждебности Сони ко мне был этот случай, очевидно, он никогда не прикасался к ней «так, как ко мне в тот раз».

Однажды я спросила Фло, почему у меня никогда не было пары. Она снисходительно рассмеялась, как будто это было очевидно: «С кем ты могла бы ужиться?»

Возможно, это *было* именно так. Я была однолюбкой, и необходимость наблюдать подготовку своей «компаньонки» к бурной экстатической игре с нашим «мужем», заставила бы меня сбежать, или сделать что-то еще. Я часто задавалась вопросом, был ли Карлос на самом деле таким знатоком (хотя его методы были небезупречны), чувствующим пределы всех и каждого, и, подобно иглорефлексотерапевту, до миллиметра рассчитывающего точку для укола, чтобы не допустить взрыва эго?

глава 27 ЮВЕЛИРНЫЕ БИТВЫ

Она пыталась вспомнить, что же она ожидала. Надеялась ли она, что что-то, пусть очень небольшое, могло измениться? И не вернуться назад, а измениться к лучшему.

А. Л. Баркер «Вовремя»

Ни страдания, ни муки, ни магическое разрушение эго — ничто не могло сравниться с «ювелирными войнами». Карлос использовал побрякушки: от граненого циркона до бриллиантов от Тиффани — от дешевых до очень дорогих, для подстрекательства, провокаций и раздувания эго.

Это была тактика мастера, выносившая на поверхность все самое худшее в каждом человеке, — «эго-токсины» как будто вскипали. И, по обыкновению, я не видела ничего хорошего в том, что Карлос безрезультатно атаковал чье-то «самоуверенность». Но, как заметила Муни, он умел наслаждаться настоящим шоу.

Ко времени возобновления знакомства с Карлосом (это произошло после смерти моего отца), у меня собралась небольшая коллекция драгоценностей: некоторые я купила сама, несколько прекрасных вещей подарили родители. Я заботливо хранила кольцо с темно-красным рубином и алмазами по краям, доставшееся мне от бывшего мужа. В первую нашу встречу Клод заметила рубин и разволновалась:

— Кто это тебе подарил?

— Наверное, счастливый камень, — предположила Муни, пытаясь скрыть интерес.

— Мой бывший муж, — ответила я, улыбаясь. Рот у Клод перекосяило так, как будто она съела что-то гнилое:

— Муж?! Отвратительно! Избавься от этого!

Я спросила Флоринду и Карлоса, как поступить. Украшения, *особенно* драгоценные камни, подаренные мужчиной в знак так называемой «любви» (люди, считал Карлос, не были способны к настоящим чувствам), *воспрещались*. И поскольку «не существовало никаких законов в мире магов», мне ежедневно напоминали об этом, так сказать, настойчиво *рекомендовали*. Карлос велел мне продать кольцо. Предметы, которые я купила сама, надо было пожертвовать ему для очищения и передачи другим женщинам без всяких историй об их происхождении.

Флоринда настоятельно советовала: «Если ты когда-либо увидишь одну из своих вещей на ком-то, никогда не говори ни слова. НИКОГДА!» Я обещала и потихоньку стала отдавать свои сокровища, а вредоносное кольцо продала немедленно.

Жемчуг был моим любимым украшением, а сюжет моей первой книги был основан на

романтических представлениях о нем. Мать подарила мне прекрасное жемчужное ожерелье, а когда я продала роман, то купила бусы из жемчуга на Таити. Каждый раз, когда я отдавала Карлосу что-то из любимых вещей (по его просьбе передавала драгоценности Флоринде), я надеялась, что ставлю точку. Наконец я показала Флоринде жемчуг, она взглянула на него, затем покачала головой: «Нет».

— Не надо, Эллис, спрячь. Он слишком красив. Убери его подальше.

Для учениц, которые выросли в достатке, ценили женственность, отказ от украшений считался мощной «магией бездействия». Однако такой аскетический подход продолжался не более трех лет, — когда дырки для сережек в моих ушах заросли, всем новичкам стали дарить изумруды, бриллианты, жемчуг и рубины — целые состояния из старинных драгоценностей и изделий от Тиффани. Иногда Карлос раздавал украшения типа ожерелий из янтаря *en masse* одновременно пятнадцати женщинам, многозначительно исключая меня. Для некоторых девочек подарками из драгоценностей был отмечен день их прибытия. Карлос предложил одной новой ученице пустую, оплаченную квартиру без телефона, в которой была только шкатулка с драгоценностями. Она сбежала, когда он попытался соблазнить ее.

На левой руке автора «кольцо внутренней тишины», а на правой — один из последних подарков Карлоса — кольцо, обладающее «огромной силой ци».

Был создан особый клуб «зеленых существ» — они носили только зеленый янтарь. По поводу зеленых существ Карлос рассказывал, что за сотню с лишним лет своей жизни дон Хуан только однажды видел человека с «зеленой энергией», и это была Тайша. Ее существо магнетически привлекло к себе подобных ей, и теперь у нас было много «зеленых»: Гвидо, Рамон, Нэнси, Соня и еще несколько человек, которые были на грани «позеленения». Никто толком не знал, что означало быть зеленым. Иногда Карлос намекал, что зеленые более чувствительны или более асоциальны, чем янтарные, — его определения «зелености» были туманным и изменчивым. Зеленые мужчины получали запонки или булавки для галстуков с зеленым янтарем.

Подарками для мужчин были также часы и ножи, преподнесенные к Рождеству или по поводу особых случаев. Мужчина, имеющий статус пониже, получал обычно рубашку или свитер из кашемира. Однажды Гвидо задумчиво обернул канцелярскую резинку вокруг пальца и, щелкнув ею, сказал: «Вот настоящее мужское кольцо».

В придуманном мире Карлоса все это были не просто драгоценности. Это была магия. Большинство вещей появлялось со своей легендой — ожерелья или кольца принадлежали ведьмам из книг Карлоса или какой-нибудь ведьме, о которой никогда прежде не слышали. Муни сказала мне, что она ненавидела «игры с именами», но была очарована легендами украшений и поведала мне историю, как *нагваль* Хулиан выковал и украсил кольцо для нее. Она изменила историю на следующей неделе: этим кольцом до нее владела легендарная ведьма, которая любила делать покупки. Я вспомнила, как жаловалась и сокрушалась Флоринда: «Так много лжи, что я запуталась!»

Считалось, что часть драгоценностей принадлежала дону Хуану или была телепортирована из второго внимания. Карлос хранил сигарную коробку, набитую драгоценными камнями, за унитазами в ванной комнате с магической ванной. Чаще всего он утверждал, что зарыл огромный тайник с драгоценными камнями на заднем дворе. Когда он хотел подарить мне что-то особое, он, не глядя, ковырял палкой в земле. Все, что подцеплялось, энергетически было моим.

Автор книги с кулоном, который, как говорил Карлос, символизирует «просвет между»

мирами», описанный в его ранних книгах.

Однажды, как вознаграждение за то, что я была гостеприимной хозяйкой для падшего ученика, он одарил меня особенным кольцом. Флоринда наблюдала, как я примеряла его, и сказала предостерегающе: «Оно *должно* подойти!» Если бы оно не подошло, то это было бы тревожным знаком, означающим, что кольцо будет отнято. Оно выглядело безнадежно большим, но совершенно идеально сидело на сломанном пальце.

Карлос ликовал: «Я пошел на задний двор вчера вечером с шестом, чтобы выудить что-нибудь в темноте. Когда я увидел то, что было на конце палки, я сказал себе: „Это кольцо может быть опасным, ведь оно принадлежало ведьме, у которой была *огромная сила* . Нужна огромная энергия, чтобы носить это кольцо!“ Но тогда я решил: „К черту! Эллис сможет обращаться с ним! Эллис — персик!“».

Во время семинара для женщин у нас с Карлосом были особенно романтические вечера. Он подарил мне превосходное кольцо в викторианском стиле — черный оникс, украшенный в центре бриллиантом. Флоринда назвала его «кольцо внутренней тишины». Счастливая, я носила его до последнего дня семинара.

Когда Була увидела его, она с улыбкой потянулась к моей руке.

«Наконец, — подумала я, — она собирается прекратить это бесконечное соревнование». Я была удивительно наивной.

— Оно устрашающее, — пробормотала она.

— Оно роскошно, мне оно нравится. Магическая коллекция вообще превосходна, — пошутила я.

Була внезапно превратилась в старую каргу, схватила меня руками за шею, притворяясь, будто душит, и яростно затрясла мою голову.

— У-у-и-и! Я *убью* тебя, — визжала она.

— *Була!* — воскликнула я, потрясенная, и потрогала шею, стараясь восстановить дыхание. — Это шутка. Если ты утратишь чувство юмора, у тебя не будет ничего, абсолютно *ничего* . Почему ты так расстроилась?

Она нахмурилась и зашагала прочь, отвращение исказило черты ее лица. Это было чем-то большим, чем презрение, и хуже, чем плохие манеры, — это была ненависть. Мне всегда было непонятно, чем я могла ее вызвать? Кем я была для этой несчастной женщины? В мире, где открытость во взаимоотношениях почти наверняка заканчивалась изгнанием, я могла только догадываться об этом.

Возможно, я заняла ее место? Или Карлос, похвалив меня, возбудил ее ревность и сделал моей соперницей.

Кольцо «внутренней тишины» наделало так много шума, — гораздо больше, чем произвел бы кот, воющий от боли.

Я подарила ведьмам свои лучшие драгоценности. Флоринде я отдала свое любимое жемчужное ожерелье. Она сказала, что спала, не снимая его, — так она меня любит. И, несмотря на всю мелочность ведьм, именно Муни переломила традицию и купила мне изящное ожерелье и серьги из лунного камня, когда у меня не было никаких драгоценностей вообще. Она сделала редкий и смелый жест. Я с благодарностью носила эти украшения в течение многих лет.

глава 28 КЛОД И ЕЕ ДРУЗЬЯ ИГРАЮТ В КУКЛЫ

*Если вы живете с калекой, вы научитесь хромать.
Плутарх*

Помимо собственных, мне пришлось стать свидетелем терзаний Клод, которой надо

было различать тонкую грань отличия между отцом, гуру и возлюбленным в их самых болезненных проявлениях. Одной из самых тревожных склонностей Клод, с моей точки зрения, была ее страсть играть в куклы с очарованными последователями, хотя этой «девочке» исполнилось сорок и у нее были седые волосы.

Я была таким неподходящим партнером для подобных игр, что долгое время даже не знала об их существовании. Кроме того, Клод всегда меня недолюбливала. Ее единственным *великодушным* поступком было то, что однажды на праздничном обеде она посадила меня около Карлоса. Перед каждой вечеринкой Карлос убеждал меня добиться ее сочувствия и расположения.

Когда *отношения* с Зуной возобновились, Клод стала играть с ней, как с живой куклой. Мне с небольшими вариациями рассказывали такую историю. Незадолго до моего представления группе в Вествуде всего в десяти минутах езды от дома Кастанеды было арендовано три квартиры по соседству друг с другом. Две квартиры были великолепны, с окнами в сад, а третья — темная и обшарпанная. Клод и Зуна должны были стать соседями в хороших квартирах с общим садом: они могли вместе готовить, распивать чай в саду, в то время как новичку оставался захудалый угол.

Попытка составить пару для Зуны закончилась осуществлением ее заветной мечты, — жить бок о бок с легендарным Скаутом. Зуна взлетела к вершине магической иерархии.

История о том, как Зуна попала в группу была сама по себе волшебной сказкой. Рассказывали, что она жила в Лос-Анджелесе в одном из ужасных домов для среднего класса. Карлос называл ее отца, Махони, «жирным недотепой». Несмотря на то, что в ее семье занятия искусством не поощрялись, Карлос утверждал, что родители хорошо промыли Зуне мозги, и она поверила в свою «гениальность». Он сказал, что у нее была грандиозная вера в свои творческие способности: Зуна мечтала стать знаменитой поэтессой.

На одной из лекций, где она встретила с какой-то ведьмой (я так и не узнала, с кем), был дан знак подготовить ее похищение из семейного дома. Видимо, Тайша и Астрид приехали тогда, когда матери не было дома, а отец смотрел телевизор. Ведьмы целенаправленно прошли по дому и забрали все фотографии мисс Махони со стен, из семейных альбомов и настольных рамок, даже вырезали ее изображение из групповых снимков.

Они перетащили все необходимые для нее вещи в фургон, и хотя возникла небольшая заминка по поводу переноски фортепьяно, мистер Махони, дремавший перед телевизором, так и не проснулся.

Согласно мифу, ее родители никогда не тосковали по ней, даже не заметили ее отсутствия и не пробовали ее искать. На самом деле, как признались мне Зуна и Астрид, все было совершенно иначе.

Родители отчаянно пытались вернуть свою дочь, пока она не отказалась от них. Я представляю, как она написала это письмо: «До свидания, и посылаю вас к черту — я больше не ваш ребенок».

Подобные письма Карлос надиктовывал огромному числу учеников. После этих событий Зуна все оставила и оказалась под опекой Карлоса и компании. Ее история в корне отличалась от моей.

Когда Зуна отреклась от своих родителей, Карлос взял на себя все ее расходы и поиски жилья. Тем временем в отношениях Скаута и Зуны наступил период наподобие медового месяца — Скаут прониклась к Зуне симпатией — поэтому были предприняты усилия по поиску жилья на двоих.

Ведьмы рассказали мне, что потом Зуну без всяких разговоров и объяснений заменили на дерзкую конкурентку Буду... Много лет Була таскалась за Клод, охотно принимая крохи внимания с ее стороны и заверения в дружбе со «знаменитостью». В черные дни Карлос открыто разглагольствовал о высокомерии и снобизме Булы, но все же большинству из нас было далеко до ее выкрутасов.

Например, Клод, начиная занятия, хлопала в ладоши и объявляла: «Сегодня Була хочет нам кое-что показать!» И Була под аплодисменты лаяла, как чихуахуа. Или демонстрировала свою способность стоять на кончиках пальцев, не падая, и снова под аплодисменты, которые начинала Клод, а Карлос поддерживал. Мы хлопали, как зрители в цирке. Это было настолько дико, что я попросила Муни объяснить, что происходит.

Муни захохотала:

— Була отвлекает Клод на себя! Это ее единственная миссия, но это грандиозно! Карлос настолько ей благодарен, что устроил ее в аспирантуру, платит за нее аренду, выплачивает стипендию и дарит драгоценности. Поверь мне, это обходится в копейку. И это еще не все! Клод постоянно ноет и мешается, но по крайней мере теперь у нее есть приятельница. Лично я благодарна ей, даже если Була — последняя сука.

— А что она имеет против меня? — спросила я. — Я не перестану получать удары исподтишка, начиная с того дня, как она взяла меня на заметку.

— Просто ревность, — объяснила Муни. Фло кивнула, соглашаясь. — Она пытается получить степень магистра по немецкому языку, и у нее получается, но она презирает тебя за то, что ты успешный и издаваемый писатель. Не обращай внимания, мы все должны нянчиться с нею и надеяться на то, что она не надоест Клод слишком быстро. Ведь рано или поздно это случится, и Булу заменят кем-то еще.

Я пробовала дарить Буле маленькие подарки в знак дружбы. Она благодарила меня, но ничего не менялось. Я задала эту загадку Муни — действительно ли она была непробиваема?

— Абсолютно непробиваема. Но она считает, почему бы не пожить? Принцесса Клод получает все. Это хороший жест, продолжай в том же духе. Для тебя это хорошо, но не жди что-то взамен. Это само по себе изменит и тебя.

Все это напомнило мне любимое изречение Карлоса, отсутствующее в его книгах, которое я прикрепила на стену: «Когда того, что вы имеете, больше чем достаточно, вы близки к безупречности».

Все стены в наших комнатах, кроме стен у Клод, должны были оставаться пустыми. Карлос объяснил, что это нужно для «неделания социальных обычаев», — ничто не должно напоминать нам привычную домашнюю обстановку. Я наслаждалась эстетикой минимализма, так отличающейся от хаоса в моем доме, но мне было любопытно, почему для Клод действовали особые правила. «У нее никогда ничего этого не было, понимаешь, — объясняла Флоринда. — Если ты когда-нибудь зайдешь в ее квартиру, то увидишь, что она выглядит как все квартиры в мире. Потому что она была всего лишена».

Я так и не увидела квартиру Клод — мы слишком быстро невзлюбили друг друга, и, кроме того, по словам ведьм, я была для нее источником угрозы и причиной ревности Булы к Скауту. Карлос описывал мне ее квартиру как крысиную нору с современными компьютерами последней модели и бесполезным, ужасным бараклом. Один из гостей был потрясен, увидев у нее на кровати синтетические покрывала в клеточку и с оборками, так контрастировавшие с изящной простотой интерьеров у Карлоса и ведьм. История прежней жизни Клод менялась непрерывно, но обычно считалось, что до семи лет она жила в приютах, пока не была спасена доном Хуаном или, как вариант, Карлосом. Одному ученику рассказывали, что Клод удочерили и воспитывали в строгих католических традициях.

Любимая история Карлоса о ее детстве, которую он неоднократно рассказывал мне в будуаре, — это история о том, как Клод соблазнила его, будучи еще ребенком:

— Ей было семь лет, когда она впервые забралась в мою кровать! Она забралась на меня и... Бум! Бум! Бум! Она хотела *этого уже в семь лет*, и мы делали это! Что я мог поделать? Я не мог сопротивляться — она напала на меня во сне! — Он посмотрел на меня, ожидая увидеть шок, но я только смеялась. Я не верила этой истории.

Он продолжал:

— Она заползала в мою кровать каждую ночь и — бум-бум-бум! Это продолжается до сих пор! Ты знаешь, *amor*, я занимаюсь любовью только с вами двумя, *больше ни с кем*. Твоя *potio* в точности, как у нее! И не могу понять, с кем я!

— Она любит Дэвида Боуи. Она залезла на учительский стол и пела песню Дэвида Боуи «Я люблю трахаться, я люблю наркотики», — сымпровизировал Карлос. — Мне позвонили из администрации приюта, и я должен был забрать ее. Так что ее вырастил дон Хуан и компания. Что только они с ней ни делали... Wowie Zimbowie! Они делали с ней странные вещи. Она — не человек, *amor*.

Эмоционально она застряла в семилетнем возрасте, но ее дух перемещается быстрее, чем молния.

Проявления детских пристрастий Клод считались магическими. Она брала с собой членов преданного ей клана в Диснейленд, покупала билеты на самые скоростные аттракционы, — они, по словам Карлоса, могут стать причиной магических преобразений.

Несколько лет я завидовала этим поездкам, пока, наконец, не получила благословение. Но я ненавидела катание на роликах, большинство телевизионных комедий и большие толпы. Меня пощадили. А Муни и Тайша согласились. «Тьфу, — говорила потом Тайша в редкие минуты откровения. — Из-за Клод нам недавно пришлось пойти в один из этих ужасных Луна-парков и кружиться на каруселях до тошноты».

Однако вернемся к истории с новыми квартирами: приблизительно 1991 год, Вествуд, Лос-Анджелес.

Итак Зуне позвонили, продиктовали адрес и назначили время, чтобы посмотреть новое жилье. Она и Скаут должны были стать соседями и жить рядом в сказочных апартаментах. Наверное в мыслях Зуна уже видела себя хозяйкой чайных вечеров, когда, ликуя, она шла к своему новому дому. Как вдруг к ней подскочила Клод и нараспев произнесла:

— *Дублер женщины-нагваля* будет жить рядом со мной! Выбрали дублера женщины-нагваля!

«Эта сука, — рассказывала мне потом Муни, вспоминая эту историю, — так мучила бедную Зуну!»

Именно Буле отдали хорошую квартиру, а Зуне пришлось занять сырой подвал золушки. Зуна была подавлена и только ее доброта помогла ей скрыть свою боль. Она описывала мне, как сидела в своей темной комнате и видела пикники двух избранных существ на солнечной лужайке, — голос ее при этом почти срывался. Она ежедневно наблюдала из своего окна, как они резвились, но ее никогда не приглашали. Вскоре прибыли две новые девочки, и на детской площадке произошла реорганизация.

Скаут приняла и назвала их — Патси и Нэнси. Була и Зуна должны были делить Скаута с новыми соперницами.

Карлос и Клод решили, что Муни должна стать «матерью» всем девочкам, играть роль, которую она презирала. С отвращением она показала мне Блаки, плюшевого медведя, одетого в жакет, связанный одной из женщин, и целый зоопарк игрушечных зверюшек, с которым Муни, как ожидалось, будет обращаться как с живыми существами. Куклы говорили как младенцы, пили чай, носили свитера и ботиночки и даже имели свои собственные игрушки.

Покидая свой дом в Беркли, я рассталась с изящным сервизом муранского стекла, купленным в Италии, так как магам запрещалось собирать коллекции (Клод не считалась). У Карлоса была своя коллекция тростей (возможно, принадлежащих дону Хуану) и ножей. Я подарила Клод сервиз, палочки для перемешивания напитков и другие венецианские штучки, чтобы на первых порах заслужить ее покровительство.

Но однажды я увидела, как Патси принесла в класс разнаряженную игрушку в короне, накидке и с волшебной палочкой из муранского стекла.

«Какая симпатичная куклолка!» — воскликнула я, восхищаясь изобретательностью, с которой использовался стеклянный прибор. У Патси случилась истерика. «Это не КУКЛА!!!» — заорала она с обидой в голосе и затопала ногами.

Девочки (которым было под тридцать-сорок) держали зверюшек в ежовых рукавицах, такая жестокость, как я позже узнала, была вполне обыденным явлением в сообществах, подобных нашему. Но Муни сохранила частичку здравого смысла. Когда у моей матери

случился удар, Муни вполне разумно рекомендовала принести ей мягкую игрушку, большую, симпатичную, умиротворяющую, — чтобы держать рядом с собой и обнимать. Матери игрушка понравилась, и я была благодарна Муни: она напомнила мне о том, что матери необходимо было кого-то обнимать, чувствовать кого-то рядом.

Все женщины Карлоса (кроме меня) разорвали свои семейные связи, отношения с друзьями и своим прошлым. В некоторых случаях они отказались от своей страны и культуры, и им, конечно, запрещалось заниматься сексом с кем-либо, за исключением Карлоса. А у него часто менялось настроение: иногда ему хотелось часами обниматься и лениво дремать весь день напролет, иногда он касался тела только во время секса. Всяческое проявление любви и симпатии подавлялось, пока мы оставались в группе, и куклы компенсировали потребности женщин, как это обычно бывает у маленьких детей. У всех нас был свой собственный способ не сойти с ума. Да, они застряли в семилетнем возрасте, а мы с Гвидо? Держась украдкой за руки в кинотеатрах, мы вели себя как школьники, насколько я помню школу.

Кроме этого, существовал запрет на прикосновение, введенный Флориндой и Карлосом. Я уже упоминала внезапные перемены настроения Карлоса — от страстных объятий до ледяного холода. А Флоринде нравилось, если объятие было недолгим, она ненавидела, когда ее обнимали дольше чем секунду, и *презирала* тех, кто хотел чего-нибудь больше. Она не любила спать с кем-либо и признавалась мне, что больше всего ей не нравились любовные игры до секса, во время которых прикасались к ее соскам, — она называла все это «поганой привычкой американских мужиков».

Самым невыносимым для нее было все, что напоминало долгое объятие или томительную нежность.

Муни была полной ее противоположностью, она «любила нежиться с любовником часами и, засыпая в тесных объятиях, обнимать и ласкать друг друга».

Карлос регулярно высмеивал «жалкие потребности людей, которые нуждались в прикосновениях».

Мне понравилось, как однажды Клод возразила ему перед всем классом и привела всем известный пример с детенышами обезьяны: разлученные со своими матерями, они успокаивались, приспособливались, когда им давали замену матери в виде мягкой одежды, и выживали, но когда им давали обмотанную палку, они умирали. Контакт, настаивала она, был необходим для выживания. И Карлос, всегда почтительный к «своей дочери», уступил и подчинился, переменив обсуждаемую тему.

Карлос часто напоминал мне, что я была уже «в зрелом возрасте». Но я устала исполнять его противоречивые распоряжения: в постели я должна была быть маленькой девочкой, на людях вести себя как настоящая леди и стойчески переносить выговоры, как зрелая женщина. Он часто делал мне замечания: «Прекрати вести себя как девочка, ты слишком стара для этого!»

По этой же причине мне были запрещено носить шляпы. Я часто мерзла, возможно из-за того, что во мне течет кровь уроженки Калифорнии. Зимой, когда шел дождь, я надевала берет. Карлос всегда срывал его с головы и швырял на землю: «Не играй при мне в маленькую девочку!» — вопил он. Но в постели я всегда была его «дочуркой».

Наблюдения, изложенные в «*Записках гуру*», в конце концов помогли мне понять, что значило быть «дочерью» Карлоса. «Вознаграждение женщин за их сексуальность образует и укрепляет большое количество условных связей. Традиционно женская сила связана с сексом. Поэтому у женщин, которых гуру выделяет как кандидаток на сожительство, образуется устойчивая модель поведения, — в ней сексуальность, ощущение силы и самоуважение связываются воедино. Гуру, подобно отцу, находится в положении, наделяющем его огромной властью над учениками из-за веры, их потребностей и зависимости от него. Лишение доверия — одна из причин инцеста, — заключается в том, что необходимое чувство самоуважения, получаемое дочерью от отца, не связано специфическим образом с ее сексуальностью. Секс с гуру подобен кровосмешению, потому

что гуру функционирует как некий духовный отец, от которого зависит духовный рост. Секс с „родителем“ стимулирует использование такого рода отношений для приобретения силы. Это не то что нужно молодым женщинам (или мужчинам) для их развития. Когда гуру их бросает, что в конце концов он всегда и делает, это заканчивается появлением чувства стыда и ощущением предательства, оставляющих весьма глубокие раны». Вряд ли я тогда понимала, что однажды эти несколько слов изменят мою жизнь.

В группе было еще несколько учеников, которых как и Клод постоянно поощряли за детское поведение, поддерживали их игру в «детство». Например, Карлос дал Патси прозвище «малышка Гербер». Когда Клод устала от игрушек, она выбросила их прочь, и люди стали для нее игрушками: она сменила Буду на новую подругу Сьюзен, назвав ее Фифи. Эти две девушки обращались с людьми как с куклами. Как-то раз они нарядили одного мужчину из группы в колготки и балетную пачку. Карлос со смехом рассказывал нам, что, пока его одевали, у него за кулисами началась эрекция и семяизвержение.

Флоринда любила вспоминать о своем прекрасном детстве в Каракасе: «У меня была игрушечная ферма, Эллис, и я любила играть, заставляя не только коров и свиней спариваться, но и всех кукол. Я ими владела и управляла, и *мне нравилось это!* Это было моей мечтой, моим наслаждением! Я всегда знала, что вырасту и буду управлять собственной фермой с *живыми* людьми, жизнями которых я буду играть и соединять их точно так же, как кукол на игрушечной ферме!»

глава 29

ВЗГЛЯД ЗА КУЛИСЫ СТРАНЫ ОЗ И ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА

Существуют болезни, от которых мы не должны искать исцеления, потому что они защищают нас от других, более серьезных недугов.

Марсель Пруст «В поисках утраченного времени»

В разгар сражений внутри иерархии я была не в состоянии отделить гений Карлоса от его безумия, так как сама ежедневно всеми возможными способами добивалась малейшей благосклонности с его стороны.

Когда я отделила мишуру, мне стал понятен один из его «основных приемов», — он был абсолютно прост и максимально эффективен.

Карлос выбрал двух очень привлекательных женщин: ярких, но послушных и не таких *успешных*, как Тайша и Флоринда, которые писали и издавали книги, превратившие их в живые мифы после дона Хуана. Одну он назвал «женой *нагвалы*», другую — «магической дочкой». Этими привлекательными посредственностями были Муни и Клод.

Муни понимала, что это западня. Она сказала мне, что Карлос заставлял десятки женщин, а после начала работы семинаров сотни и тысячи женщин, соревноваться с нею и развлекался этим в течение десятилетий. В то же время, я полагаю, он думал, что делает это только для того, чтобы передать свое учение, «замахиваясь мачете» на самомнение своих возлюбленных.

Муни была лишь одной из ведьм, она, конечно, не могла написать книгу и не была доктором медицины, как утверждал Карлос. В действительности она была просто красивой девочкой по имени Кэтлин из обеспеченной семьи врача, который погиб молодым в автокатастрофе. Муни встретила Кастанеду, когда ей было девятнадцать. Вероятно, у них что-то не сложилось, и она поступила на курсы акупунктуры в Санта-Монике — не очень трудный магический подвиг, а затем вышла замуж за однокурсника. Лет десять она жила то с матерью, то с мужем, провела несколько лет в Беркли и, наконец, была повторно призвана Кастанедой. Она не пропадала в другом измерении, в чем клялся нам Карлос. Она жила довольно хорошо в обычной трехмерной Калифорнии.

Я потратила много времени, пытаюсь поддержать Муни, классической иждивенки, униженной, потерявшей чувство собственного достоинства, уверяя, что она играла неопределимую роль наперсницы и «менеджера» по отношению ко всем нам. Когда нас скручивал Карлос, или нетерпеливая Флоринда, или отстраненная Тайша, она часто приходила к нам на помощь. Она много раз спасала мою шкуру.

Мне не забыть тот случай, когда мы ехали с Муни на распродажу одежды, и Флоринда позвонила мне на сотовый телефон (мы были единственными в группе, кто обменялся номерами). Она ошарашила меня сообщением, что Карлос в диком гневе назвал меня «завистливой засранкой» из-за новой девочки, которую я к нему привела. Сразу после разговора я заплакала, а Муни сказала: «Это нелепое обвинение, Эллис. *Я ничего такого не вижу!* Ты ничуть не завидуешь этой новой девочке!»

Но что поделаешь? Можешь наслаждаться этим днем, делать покупки, а можешь впасть в отчаяние и жиреть, потому что какой-то *мужик, хотя бы даже и Карлос*, что-то тебе сказал».

Эти слова произвели на меня глубокое впечатление. В конце концов она призналась, что Карлос был только мужчиной, а у нас с ней был выбор: или наслаждаться компанией друг друга, или разваливаться по частям из-за гнева диктатора. Тем не менее, чувство собственного достоинства у Муни было очень уязвимым. Она упорно твердила, что была «просто свалкой для мусора» и «пустышкой, которую сосет, кто хочет». Мои душевительные разговоры, которые я настойчиво продолжала с ней вести, она воспринимала с одинаковым упрямым сопротивлением.

Это было делом рук Карлоса Кастанеды — «крестного отца Нью эйдж» — это он выбрал и сотворил свою «вторую половину», свое «циклическое существо», свою «сестру» и «жену», возвышенную и единственную «женщину-нагваль». А *затем* он создал еще больший миф. Он объявил Муни воплощением самого экзотического из всех его мистических созданий, так называемой — «смерти-советчицы», потому что тело женщины-нагваль стало местом ее обитания и последнего прибежища.

Однажды я повздорила с Карлосом из-за плохого обращения с Муни. Это случилось после его рассказа о том, как он вышвырнул ее из постели на улицу, потому что она «не контролировала свое энергетическое тело». На следующий день я решила проверить его слова и расспросила об этом Муни. Она, понурив голову и потупив глаза от стыда, с грустью все подтвердила. Я сделала вывод, что это правда.

Тогда я спросила у Карлоса, как его постоянное третирование соотносится с тем, что в Муни живет смерть-советчица? Я спросила, может быть она черт из табакерки или шизофреник с сотней разных личин? В отсутствие Муни Карлос обычно отзывался о ней в самых экстравагантных выражениях:

«Эта большая кошка, этот *громадный зверь*, который может вмиг проглотить меня, — я ничто перед ней!» Я полагаю, что здесь было в чем покопаться психологу.

Но почему же *нагваль* был так жесток к существу без эго?

На этот вопрос Карлос отвечал с какой-то жадностью: «Да, да, конечно — именно так! Я нужен ей, чтобы *контролировать* себя. Она держит меня здесь, дает мне повод быть здесь! Если я уйду, ооофа! Кто знает, что с ней случится? Она провалится в ад! Я вижу такие личности насквозь».

Клод Александер, Голубой Скаут, была довольно привлекательной женщиной. У нее, как и у Муни, была красивая фигура, хотя Карлос говорил нам, что ему больше нравится долговязое мальчишеское тело «дочки», что было жестоко по отношению к Муни.

У Клод было много талантов, в школе она была весьма дисциплинированной, имела способности к дизайну, стала хорошим компьютерным художником. У нее был дар комика, она изумительно танцевала. Однако, чем бы она стала заниматься в своей жизни, когда придет день и ее спихнут? Я, как и все, с восхищением смотрела на нее во время исполнения тенсегрити: она была гибкой, с хорошим телосложением. Но она то взлетала, то падала.

Иногда ее сценарии для театра были блестящими, иногда ужасно нелепыми — в одном из последних, по-детски гомофобном, она написала для себя роль пирата-гомосексуалиста, который умолял: «О! Хлещите меня сильнее!»

Но никто не смел даже пикнуть, чтобы не быть обвиненным в «зависти» и «желании соревноваться со Скаутом». Это было просто невозможно, поскольку Клод необыкновенно «стремительна», — постоянно вколачивал в нас Карлос. Клод также создавала из бумаги конструкции в стиле Эшера.

Когда я увидела ее оригами в первый раз, то поняла, что они выражают пятнадцать чувств, однако они не показались мне блестящей находкой. Карлос считал ее эгоизм «восхитительно невротическим».

Когда она делала макет футболки «Клеаргрин» или заставки для видео по тенсегрити, ее работы можно было оценивать по разному: они производили впечатление или были просто грамотными. Но группа по молчаливому согласию воспринимала их как работы гения — любой образ, рожденный на ее планшете, отдавал «синей магией». Таким было очарование ее «нечеловеческой сущности из другого измерения». Занавес, отделяющий от нас Страну Оз, был туго обернут вокруг нее, — она уютно устроилась в нем, как малыш в пеленках, — в одежде от Армани и бриллиантах. На одну из вечеринок она приехала в ослепительном наряде от Шанель — невероятном платье из крылышек насекомых.

«Вот это да, Муни, — засмеялась я, — она выглядит на миллион! Это платье, должно быть, стоит целое состояние! И не нужно говорить мне всякую чепуху про ее экономные расходы!»

«Нет! — пылко защищалась Муни, — это все из комиссионных магазинов. *В этом вся магия!*»

На семинарах я работала в магазине без перерыва на обед. Во время одного из них Скаут и Була отправились на ланч вместе с Нэнси и Патси.

Я, задумавшись, смотрела на них. Они хихикали, искоса поглядывая на меня, а мне так хотелось быть приглашенной на хороший обед. Я испытывала прилив жалости к себе из-за того, что меня забыли. Но вдруг появилась надежда: может после стольких лет соперничества между группировками они пригласят дружелюбную девочку из другого класса на ланч? Я почувствовала себя увереннее и весело помахала им, когда они приблизились: у меня появилась идея пригласить Дафну, свою сотрудницу, и вместе перекусить.

— Мы уходим! — бодро объявила Клод.

— Куда? — спросила я. — Наверное, недалеко?

Була нахмурилась. Она поняла, куда я клонила. — Куда-нибудь к китайцам, — ответила Клод. Я уже собиралась предложить угостить их, как Клод спросила, нужно ли мне что-нибудь оттуда принести.

Мне было достаточно этого жеста с их стороны, поэтому я вытащила бумажник и сделала заказ, попросив их купить еды для Дафны, если им не трудно.

Я было вернулась к работе, как вдруг Була, извинившись, оставила Клод и подошла ко мне. Она оттащила меня в угол и сердито сказала:

— НИКОГДА НЕ поступай так! НИКОГДА! Я не могу поверить! Разве ты не видела, как я качала головой — «НЕТ»?

— Я не имела ни малейшего представления о том, что ты имела в виду, Була. Что за вселенский переполох?

— Как ты можешь делать такие глупости?! Никогда не принимай предложения Скаута — она все делает идеально! Сейчас она постарается принести тебе превосходную еду, и тем самым ты отвлечешь ее!

— От чего? Нужно только принести, и все. И, кроме того, откуда мне знать все эти странные правила?

— Да какие правила... Еще и для Дафны попросила! Невероятно! Иди, скажи Клод, что ты сожалешь о своей ошибке, но у вас уже есть продукты на обед. — Я так и сделала. Клод

вежливо приняла извинения, но выглядела смущенной и слегка отстраненной.

Меньше чем через час мне позвонила разъяренная Флоринда. Була побежала прямо к «мамочке», во что бы то ни стало стараясь устранить меня со своего пути. И «мама» *обезумела* :

— Как ты могла!

Никогда не принимай ее предложения! Она пытается быть приятной, а ты... Ты — задница! Она — *Скаут* ! И еще Дафну вовлекла!

Кем мы были, Дафна и я: батраками-поденщиками, которые работали бесплатно, а их никогда никуда не приглашали и не разрешали заказать горячую еду? Каким образом мы могли обременить мозги Клод? Разве они были такими маленькими? Она не казалась душой или чем-то перегруженной.

Это был Карлос Кастанеда в действии. После этого случая я отшатнулась от него, поняв наконец, что тот, чьей благосклонности я добивалась, просто испорченный и неблагодарный нарцисс, окруженный сменяющими друг друга сикофантами⁴³. Выбрав две привлекательные и не слишком талантливые посредственности, наделив их волшебными свойствами, он постоянно стравливал всю группу с... «ничем». Он нарезал фигурки из картона и запустил проект. Он стравливал их даже между собой! Все шло в дело! Клод была самым мощным его орудием. Что бы она ни сказала, она никогда не ошибалась, любой ее каприз исполнялся.

Я обдумывала все это, поедая холодные гамбургеры с Дафной. Добрый самаритянин закупил их в Макдональдсе, и, глядя на загнутые уголки квадратиков американского сыра, похожие на облизанные почтовые марки, я вспоминала...

Я вспоминала нападки на меня со стороны Зуны из-за того, что не видела «*Принцессу-невесту*».

— Понимаешь, Зуна, я слышала, что фильм дрянной, поэтому я и не пошла на него. Кажется, это не то, что мне нравится.

— Но Скауту он понравился!

— И что?

Зуна поперхнулась. И ее изумление сменилось возмущением, — Разве ты НЕ ЗНАЕШЬ, что «*Принцесса-невеста*» — это история Скаута?

— Нет. Как так?

— Она была сиротой! А потом дон Хуан подобрал ее и... Ты действительно не знаешь? — Зуна посмотрела на меня с укоризной и сожалением.

— Может, схожу еще, — солгала я.

Кульминация моего отрезвления наступила после драматической сцены на ужине в День благодарения в 1995 году. Здоровье Карлоса явно ухудшалось, он признался ученикам в воскресной школе, что у него диабет. Колебания его настроения, и без того не предвещавшие ничего хорошего, случались все чаще. Я чувствовала, что он готовится к битве.

Этот ужин был нашим первым большим праздником, который мы отмечали не дома у Карлоса, а в офисе «Клеаргрин», поэтому чувствовали себя довольно скованно. Саймон, выполняя инструкции Карлоса, устроил все так, что нам не нужно было ничего разогревать и готовить. Раньше, когда мы собирались у Карлоса, мы готовили на кухне и разносили горячие блюда. Теперь же нам нечем было заняться, кроме как обсуждать смущение каждого приходящего гостя.

Обслуживали мужчины — замечательная смена ролей, они были наконец при деле: резали индейку, подливали напитки в стаканы. Они удивили нас изысканным, лаконичным, соответствующим празднику художественным оформлением стола: я чувствовала руку Саймона и Гвидо.

---

⁴³ Доносчик. — *Примеч. перев.*

Гвидо, Флоринда и я хлебнули для храбрости водки из моей фляги, которую я всегда носила с собой, попросила глоточек и Була. Только *посвященные* могли знать, что у Эллис есть спирт, но, к сожалению, посуда никуда не годилась, — фляжка должна была быть маленькой и незаметно помещаться в кармане моего пиджака.

Время перед ужином тянулось в бессмысленной скуке, Карлос многозначительно игнорировал меня.

Он даже не поздоровался со мной, а я сердилась, — рыбка, все еще болтающаяся на крючке его презрения. Гнев сменился болью, когда я увидела, как он ласкает и гладит своих фавориток.

Чувствуя отвращение к самой себе за такие «человеческие» чувства, я держалась в стороне от всех и искала в офисе что-нибудь почитать.

Поскольку Бадди в это время занимался рекламой и пиаром, на его столе постоянно лежала кipa манускриптов по метафизике, журналы, книги, брошюры, написанные приверженцами Нью эйдж в надежде попасться на глаза Кастанеды.

Поверх этой груды я нашла нечто потрясающее: книгу советов и рекомендаций «*Как завоевать мужчину*», — правила для последователей Нью эйдж, снабженные метафизическими цитатами на тему сексуальных отношений. Я подумала, что это может преотлично взломать лед такой холодной вечеринки.

Предвкушая, какое из этого можно устроить развлечение, я вернулась в зал, дождалась паузы, чтобы никто не перебивал, и произнесла:

— Послушайте! Я нашла это на столе у Бадди, — и стала зачитывать советы из дурацкого списка «девяносто способов спаривания».

Смех был таким тихим, а беспокойство столь ощутимым, что от неожиданности я подняла глаза. Все осторожно поглядывали на *нагваль*, — он не улыбался. Наоборот.

Озадаченная, я зачитала еще несколько строчек. Снова подняв глаза, я последовала за пристальным взглядом Флоринды. Она и Карлос хмурю переглядывались и покачивали головами, их лица выражали отвращение. Флоринда повернулась ко мне: губы стиснуты, на лице выражение «не могу поверить, это такая *faux pas*!». Я не знала, что делать, разве что стать невидимой, но на это я была неспособна. А тучи уже сгустились и выглядели слишком мрачными для такого старого и привычного греха. Книга, казалось, была подходящей для Карлоса. Что же такого произошло в этом мире?

Наконец нагваль заговорил. Он был багровым от гнева.

— Никогда не бери вещи с чьего-либо стола! Они неприкосновенны! Стол священен! «Клеаргрин» — освященный храм! Это не для того, чтобы ты, кусок дерьма, трогала их! Как ты посмела, ты, *hija de puta, pendeja*! Все, что здесь есть — священо, это храм внутренней тишины! Ты не смеешь, — *pucha*, — не смеешь даже просто прикасаться к чему-либо на столе Бадди! *Mierda, qu é puta, Coño, idiota! NO JODAS, CARAJO!*

— Извини, — сказала я и повернулась, чтобы отнести книгу обратно. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь видел мои слезы. Но было слишком поздно. Когда я выходила, то увидела пристальный взгляд Гвидо. Мне показалось, в его глазах отразилась целая гамма чувств: сострадание, жалость, страх, обреченность от предчувствия долгой разлуки и невосполнимой потери. Атмосфера наполнилась страхом. Это было серьезно. Возможно, я буду изгнана немедленно, сослана навсегда. В этот момент подошли новые гости, я слышала их поцелуи и приветствия. Я вернулась и встала, парализованная позором и ужасом.

Вошла Клод, за ней Кандиса. Все суетились, целовались и поддерживали бесконечные и бессмысленные разговоры, пока Клод не выскочила в туалет. Беседа опять возобновилась, люди дружески переговаривались, разбившись на маленькие группки.

Я стояла поодаль, и наблюдала.

Вдруг послышался звонкий девичий смех, все повернулись. Клод выскочила в зал, размахивая над головой книгой:

— Смотрите, что я нашла! Это было на столе у Бадди! Можете себе представить, что

здесь? Послушайте, это *потрясающе*! — говорила она.

Это была та самая книга.

Клод восторженно, нараспев, стала произносить понравившиеся ей советы по ловле мужчин, делая ударения на тех же страницах, что и я.

Нагваль *захихикал*. Флоринда почти не изменилась в лице, хотя напряжение осталось. Но *он* все просчитал и вполне правдоподобно притворился, что ему нравится слушать чтение Клод. Все облегченно вздохнули, лица обмякли. Бадди адресовал мне что-то вроде улыбки. Может, и не было никакой смерти-советчицы, никакого сновидящего, но совершенно точно какая-то дьяволица по имени Ирония выстукивала своими копытами зажигательный танец где-то во втором внимании.

Клод разошлась. Теперь все, кроме Флоринды, смеялись, а я искала глазами Гвидо. Он пристально смотрел на меня. Я же смотрела сквозь него невидящим взглядом, Гвидо улыбнулся, поднял брови и, когда никто не видел, слегка пожал плечами, как будто провозглашая тост «за все невысказанное».

Клод разошлась всюду, но тут Карлос пригласил всех к столу:

— *Gracias, mi amor!* Очень забавно! Но я проголодался!

Когда мы рассаживались по местам, было слышно, как Клод говорила: «Бадди, где ты прячешь такие штучки? Это потрясающе! Я не могла поверить, когда увидела это на твоём столе. Ты должен мне сообщить, если снова получишь нечто подобное! Я приду и обыщу твой стол, я не шучу!»

Карлос отомстил, понизив мой статус в воскресном классе. Я по-прежнему обзванивала всех и собирала взносы на входе. Но теперь честь контролировать класс была оказана Соне. Он редко общался со мной на занятиях. Такое вытеснение на обочину после двух лет пребывания в классе терзало мое сердце.

Однажды после обеда Карлос попросил меня установить для него микрофон, хотя я никогда прежде этого не делала. Я не смогла с первой попытки прикрепить его правильно, и он пришел в ярость: разразился бранью, называя меня «шлюхой» и «задницей» по-испански и по-английски, так что слушатели, находившиеся здесь же, сгорали от стыда. Наш внештатный звукооператор подбежал и решил эту пустяковую проблему, но Карлос продолжал изрыгать оскорбления.

— Прости, — сказала я, пряча слезы, — я старалась, но просто не знала, как это делается.

— Вот что такое Эллис, — позорил он меня перед всей группой. — Она *старается!* Что такое *стараться*?! Ты должна *взять и сделать*. А ее «прости»?! Ох! Впечатляет!

— *Нагваль*, — сказала я, — мне жаль, что я разочаровала тебя.

— Разочаровала? Как я могу разочароваться, если никогда и не очаровывался?!

Признаком окончательной утраты доверия Кастанеды стала история с его кожаной курткой. В ней Карлос выглядел весьма эффектно: коричневая «летняя куртка», темные солнцезащитные очки, голубые джинсы, романтическая густая седина в косматой шевелюре, как будто он только что встал с кровати, что, вероятно, так и происходило.

У него была традиция: поднимаясь по лестнице, смотреть на меня, как я сижу за хлипким столом и собираю арендную плату, а затем здороваться. В славные времена только я помогала ему раздеваться, а в конце занятий подавала куртку.

Через некоторое время он стал раздеваться с посторонней помощью: Соня снимала с него куртку и передавала мне. *Потом* он начал доверять куртку только ей. Всю двухчасовую лекцию куртка лежала на стуле вместе с солнечными очками. На каждом занятии Патси ошалело суетилась вокруг этих очков, уверенная в том, что я положу их не на то место. Когда *нагваль* уходил, я вручала ему очки. Теперь он не позволял мне помогать ему одеваться.

Наконец соревнование за куртку достигло апогея. Упорно боролась за обладание священным предметом Патси, производя при этом невероятный шум:

«Ему передали? — суетилась она. — Где она? Где куртка *нагвала*?»

Все более отчаянно сражалась за нее и Соня, — расталкивая всех, она кидалась к куртке после лекции. Я, соперничая с ней, крепко держала сложенную куртку в руках задолго до конца занятия.

Патси паниковала, Соня — президент компании «Клеаргрин», переходя к решительным действиям, вырывала куртку из моих рук.

Однажды меня осенило: мы превратили куртку в Туринскую плащаницу! И я тут же вежливо вручила куртку Соне со словами: «Возможно, именно ты достойна того, чтобы держать его одежду!»

Она была настолько шокирована, что замерла с курткой в руках.

Ее рот исказился каким-то подобием улыбки, а щеки и уши залил багровый румянец стыда. От неожиданности Соня не могла выговорить ни слова, только опустила покрасневшее лицо и прижала куртку к себе. А Патси в это время носилась по залу с воплями: «Его куртка! Где она?! Его куртка! *Где куртка нагвала*?»

И мне вдруг стало гораздо легче. Теперь я занималась своими делами и больше не ждала от Карлоса ни «здравствуй», ни «до свиданья», а посещала занятия, как любой другой ученик. После того, как он за шесть месяцев ни разу не поздоровался и не попрощался со мной, я переступила черту, отделяющую меня от приближенных, и порвала с еще одной традицией: теперь я не провожала его, словно папу римского, глядя ему вслед, а сразу шла к своей машине.

Обо всем этом я рассказала Муни. — Эллис, ты даже не представляешь себе, как *Карлос развлекался, глядя, как вы, женщины, сражаетесь за него, за обладание его курткой*! Все это время он, вероятно, смеялся до колик! Он обожает шоу!

глава 30

КАРЛОС ПОСЫЛАЕТ ВЕДЬМУ, ЧТОБЫ ПОМОЧЬ МНЕ ПЕРЕЕХАТЬ

Одна только сила желаний проведет вас; вам больше не потребуется никакой другой проводник.

Шри Нисаргадатта Махарадж «Я есть То»

После года жизни в Лос-Анджелесе я была готова продать свой дом в Беркли. Я не хотела, чтобы у Карлоса был повод отослать меня назад. Мне повезло: дом был продан немедленно. Теперь появилась труднейшая задача освободиться от барахла, накопленного за многие годы, а также красивого антиквариата. Я удачно продавала и отдавала вещи, но была мышкой-норушкой, прожившей в одном доме пятнадцать лет, Карлос послал Тайшу, чтобы помочь мне. Я позвала самых близких друзей, и мы переехали в течение двух выходных.

Сначала Тайша нервничала, что ей придется знакомиться с моими друзьями. Но оказалось, что они участвовали в семинарах и были превосходными помощниками и составляли приятнейшую компанию. Это были мои старые приятели из Беркли: Боб, Джинни и Билл, которые приехали с двумя друзьями из Лос-Анджелеса, чтобы перевезти в фургоне мои пожитки.

Тайша оттаяла и даже стала навязчивой, как только мы добрались до моего маленького, но драгоценного винного погреба. Закончив работу, мы прямо в пыльной рабочей одежде подняли бокалы с удивительно хорошим «Марго» 1945 года. Тайша стала переживать, вдруг Карлос захочет, чтобы я продала погреб, — он велел ей настаивать на том, чтобы я назначала хорошую цену за свои вещи. Я разозлилась, но она все-таки позвонила Карлосу, чтобы сообщить ему о вине.

Пока она разговаривала по телефону, я деловито прятала бутылки. К счастью, Карлос дал добро на выпивку.

Мне очень хотелось выпить, чтобы снять напряжение, вызванное переездом, —

фактически я избавилась от всего, что имела. Наиболее болезненным для меня было требование Тайши избавиться от всех книг отца, которые он с любовью мне надписал. Она должна была лично удостовериться в том, что я действительно это сделаю, ведь книги «впитали личную историю». Но мне удалось припрятать от нее несколько изданий — тех, что я любила больше всего, и у меня они сохранились навсегда, как символ отцовской любви.

Финансовые потери были тоже весьма существенны. У меня осталось очень много антиквариата: от старинного хрусталя и деревянной люстры, обнаруженных в пыльном магазине в Италии, до ирландского всепогодного «макинтоша» и заварного чайника тридцатых годов, найденного на гаражной распродаже. Даже ирландские льняные простыни, которые я спасла, можно было встретить лишь однажды в жизни. Большую часть своего имущества я отдала друзьям — это все-таки лучше, чем выручать на распродаже жалкие гроши за такой короткий срок.

По всему дому валялись потерянные и завалившиеся в щели пенни и другая мелочь. Монеты были в каминах, за кухонной печью и книжными шкафами.

«В этом доме хорошо только одно, — решительно заявила Тайша, — в нем много монеток, а это к удаче!» Карлос называл их «магическими деньгами». Ведьмы простодушно соревновались друг с другом в том, кто первым найдет монетку на улице, и наперегонки бросались к находкам. Эти деньги имели такое большое значение, что по пути в кино мы, не переставая, таращились на тротуар.

«Магические деньги» надо было держать в специальном флаконе или копилке. Находка бумажных купюр была серьезным предзнаменованием. Все эти деньги нужно было хранить в течение многих лет, даже десятилетий, как говорил Карлос, а затем потратить на что-нибудь особенное, чтобы наделить покупку волшебными свойствами. Тайша сложила монеты в плетеную корзину и велела мне спрятать их на удачу в гараже и никогда никому не позволять прикасаться к ним.

Вечером Тайша развлекала нас рассказами о тайнах магии, которые, по ее словам, она никому не открывала, но описала в двух еще неопубликованных рукописях.

Сначала она говорила о «намерении». Я спросила ее, почему некоторые практики, например, чтение мантр у буддистов, действуют не на всех людей. Она объяснила, ссылаясь на «И цзин»: осуществление таких практик связывается с уже действующей «линией намерения», — она сделала движения руками в воздухе, как будто ползла по канату.

Это вечер напомнил мне сочельник Рождества, который я встречала вместе с ней год назад. Я припарковалась за квартал от ее дома, она пришла и нырнула в машину. У меня была приготовлена бутылка шампанского в ведерке со льдом и два охлажденных бокала. Когда мы прикончили бутылку, она сказала: «Меня научили медитации, которую я никогда никому не показывала. Осуществить свои желания можно вот таким хитрым способом: вы задумываете то, что хотите, представляете свои семь чакр и нараспев обращаетесь к ним, — она пропела мелодичным голосом:

— „Я хочу красивый сад цветов“ или „Я хочу, чтобы мои инвестиции принесли двойную прибыль“».

В полночь она отослала всех домой, чтобы поспать. Я едва двигалась и хотела тоже лечь спать, но она сказала: «Не выйдет, Эллис! Давай займемся другой комнатой». Мы открыли бутылку «Таттинжера» и работали до рассвета. Тайша, как я убедилась, действительно умела пить. На следующую ночь она набралась так, что выболтала мне страшную тайну.

По легенде, которую рассказывали нам Карлос и сама Тайша, она как-то занималась перепросмотром своего детства и, увидев, что «с ней сделали родители», набросилась на мать и избила ее. Карлос сам много раз повторял эту историю или просил Тайшу рассказать нам ее на семинарах.

Путь Флоринды, по словам Карлоса, был иным. Через десять лет после разрыва с

родителями она вновь появилась у них и вела себя как порядочная дочь: звонила, навещала и посылала подарки.

Флоринда и Карлос заранее приготовили веселую шутку, чтобы оправдать ее исчезновение. Она сказала родителям, что собирается выйти замуж за японского миллионера, приверженца традиций, который не только не отпускает ее от себя, но требует, чтобы она прервала отношения со своей семьей. Флоринда заранее взяла фотографии Тосиро Мифунэ и свою, сделала монтаж, а потом показывала всем фото счастливой пары на торжественном обеде. Десять лет спустя Флоринда навестила родителей, чтобы сообщить им о предстоящем разводе, и увидела свой монтаж в рамке на камине.

Карлос говорил своим слушателям: «Тайша очень разозлилась оттого, что ей пришлось ударить свою мать. Путь Флоринды лучше — она заботилась о родителях».

В то субботнее утро, когда мы упаковывали пластинки в пузырчатую обертку, Тайша, будучи во хмелю, призналась мне со слезами: «Это КАРЛОС заставил меня ударить мать».

Я, онемев, пыталась совладать со своим лицом. Мне и в голову не приходило, что Тайша могла действовать по приказу.

Она не казалась тем человеком, которого можно легко купить. Я посочувствовала ей, — с подобными откровениями нужно было обращаться аккуратно и реагировать на такие реплики соответствующим образом. Но она быстро сменила тему и настроение.

На рассвете мы уснули. В девять утра она выглядела бодрой, выспавшейся и готовой сытно позавтракать яичницей с крепким кофе. А я уже больше не напоминала ей ту волнующую историю, рассказанную прошлой ночью.

Тайше так понравились мои друзья, что она пригласила их «как-нибудь потом прийти на бесплатные семинары», сказав, что они «ничем не отличаются от мужчин в подготовительной группе». «Двери для вас открыты», — сказала она, взмахнув неопределенно руками.

И Джинни и Боб позже сказали мне, что не решились расстаться с привычной жизнью и «уехать с цирком». Я полагаю, Билл боялся оставить жену, четырех детей и шесть внуков. Боб не был уверен, что сможет заработать на жизнь в Лос-Анджелесе, и не мог понять, для чего на самом деле его приглашали. Уточнить он не мог, так как хорошо знал из моих историй, что задавать вопросы нельзя.

Предельно деликатно он намекнул, что Тайша посоветовала ему остаться в Беркли и получить диплом, к которому он так стремился.

В последнюю ночь мы пили весело и много. Билл поднял свой бокал за меня и сказал: «Эллис покидает дом!»

Не обошлось, правда, без неприятностей. Квартирант, который следил за домом в мое отсутствие, был огорчен потерей и бесплатного жилья, и возможности забавляться со своей молодой приемной дочерью. Тайше он не понравился: «Уверена, что он принимает ванны со своей девочкой, его жена уже слишком стара для этого. Я просто *знаю* это!»

Когда мы зашли на его половину, чтобы все убраться, я занялась книжной полкой, отделяя его книги от своих. Книги в доме были в каждой комнате. Тайша потрясла меня, бросив ужасное замечание:

— Как ты можешь быть с нами столько лет и все еще быть настолько *глупой*?! Как ты можешь не знать, что смешивать *свои* книги — все равно что *спать* с этим уродом! Ты не *веришь*?

— Тайша, честное слово, мне и в голову не приходило. Я никогда не думала об этом.

Она ужасно рассердилась и захотела уйти. Однако на следующий день принесла извинения за свое поведение. Я все еще была расстроена.

Но к счастью, закончили мы свою работу в добром согласии. У нас оставалось немного времени перед возвращением в Лос-Анджелес. Я сказала Тайше, что хотела бы попрощаться с моим сокровенным местом в лесу оно было в десяти минутах ходьбы от дома. Тропа, освещенная солнцем, заканчивалась у маленького водопада. В этот уголок я приходила в течение нескольких лет, чтобы поплакать, когда Карлос отвергал меня. Я хотела умереть и не

знала, что мне еще сделать, чтобы стать лучшим воином. И Тайша, и Флоринда писали о том, что земля поглощает нашу боль, и это было тем самым местом, куда я приходила за утешением. Я должна была попрощаться с ним. Тайша все поняла.

Она осталась ждать, пока я в последний раз пройду по дорожке к водопаду. Я прикоснулась к земле, поблагодарила ее, воду, камни и деревья. С тех пор как я прочитала первые книги Карлоса, я, следуя его совету, разговаривала с растениями, благодарила цветы, срезая их.

Тайша ждала меня на улице. Она, успокаивая, обняла меня, а я рыдала у нее на плече.

— Эллис, моя дорогая... *Мой замечательный эльф*. Ты прошла через *такие* испытания, чтобы быть с нами. И наконец ты *действительно* с нами!

Карлос не стал говорить со мной о переезде, когда я вернулась, и вел себя довольно отстраненно.

Спустя неделю он обратился ко мне, прервав лекцию, — его глаза были широко открыты и сияли:

— Эллис только что переехала из особняка, наполненного барахлом, в маленькую комнату. Я боюсь спрашивать ее, что она чувствует. — Его испуг выглядел искренно.

Занятие возобновилось, и тем же вечером Карлос назвал меня злой. Он сказал:

— Ты *гордишься* тем, что должна была сделать много лет назад. Не думай, что меня это впечатляет.

Постскриптумом к моему переезду стало следующее. Муни зашла ко мне на квартиру. Везде громоздились коробки с одеждой.

— Бог мой! Эллис! Что все это значит?

— Я не все еще привела в порядок... Мне надо разобрать несколько коробок.

— Боже!

Она уехала, и зазвонил телефон. Это была Флоринда:

— Эллис, Муни рассказала мне, что у тебя там.

Тебе нужна моя помощь?

— Да.

— Серьезно? Ты знаешь, о чем ты просишь?

— Серьезно.

Флоринда привезла нож и ножницы. Мы потратили три часа, разрезая мою одежду — магическая процедура для разрыва связей с прошлым. Несколько очень хороших вещей Флоринда спасла для того, чтобы отдать их Карлосу и другим женщинам. Я пообещала не говорить ни слова, если узнаю свою одежду.

Носить подержанную одежду считалось опасным, она могла содержать дурную энергию (только Клод могла носить все), меняться вещами тоже было нельзя. Подарки запрещались.

Я продолжала начатое дело с отрешенным видом — у меня был шок.

На Флоринду это произвело впечатление:

— Я проделала это с итальянкой, и это был сущий АД!

Она переживала по каждому проклятому носку! Ты потрясающе держишься, Эллис.

Спустя два часа зазвонил телефон. Флоринда заговорила резко, с истерической нотой в голосе:

— Мне надо кое-что тебе сообщить. *Я не думала, что ты способна взять его.*

— Что именно? — меня собирались вышвырнуть пинком под зад, ее интонация не оставляла сомнений. Что я могла теперь поделать?

— *Это красное кресло!* ЕГО НУЖНО УБРАТЬ. Я тебя *знаю*. Ты будешь сидеть в нем и *расслабляться*. Я взяла в Лос-Анджелес единственное кресло.

— Стул? Всего лишь? Хорошо.

— Мы отдадим его Ридли.

глава 31

МАГИЧЕСКИЙ СТОЛ

Великая мистерия заключается не в том, чтобы оказаться где-то между изобилием матери и звездами Тайна в том, что мы должны вырваться из нашей собственной тюрьмы, из своего «я», — образ достаточно мощный, чтобы забыть собственное ничтожество.

Андрэ Мальро «Удел человеческий»

Продав свое жилье в Беркли, я присмотрела замечательный дом всего в нескольких минутах езды от Карлоса и с головой окунулась в грандиозную реконструкцию. Я хотела вернуть дому его изначальный облик в прекрасном испанском стиле двадцатых годов. Это была колоссальная работа, и, занимаясь ремонтом, я поселилась там.

До этого я никогда не занималась перестройкой дома и оказалась не готова к этому. Я наняла подрядчика, а сама тратила время, выбирая цемент, выключатели и головки для душа, стараясь при этом уложиться в бюджет. Карлос снова отвернулся от меня, и это было временем одиночества. Незадолго до переезда мне отдали старый холодильник Карлоса. Прохудившаяся машина воплощала все мои мечты о прощении. В это время ведьмы редко звонили и мало посещали меня, я вела уединенную жизнь.

Когда был уложен цемент на лестнице, мне пришлось пройти магическое испытание и чудесное, и комичное одновременно. Ремонт ступеней стал самой большой проблемой переделки. После долгих споров и проволочек мне удалось уложить цемент так, чтобы он напоминал плитку, — я сэкономила средства. Я очень хотела именно плитку, которой была отведена важная роль в пятой книге Карлоса «*Второе кольцо силы*». Главное, чтобы цемент не схватился в течение хотя бы двенадцати часов, а лучше двадцати четырех.

Неожиданно позвонила Флоринда и как безумная затараторила:

— *У нагваля* есть небольшой стол для дома. Ничего особенного, но... *Немедленно приезжай ко мне*, только к черному ходу. Поставишь стол около своей кровати. Нельзя упустить момент, или сила испарится! ПРИЕЗЖАЙ НЕМЕДЛЕННО. — В это время я стояла возле лестницы с моим преданным другом Ричардом Дженнингсом.

Оглушенная ее истерическими возгласами, я повесила трубку и уставилась на Ричарда.

— Подожди меня пять минут, — сказала я и бросилась бежать к дому Флоринды, который находился за четыре квартала от меня. Она с тревогой выглянула из окна, наблюдая, есть ли свидетели, — если бы меня увидели, Клод была бы вне себя от гнева и ревности. Затем вынесла маленький дубовый прикроватный столик, который показался мне знакомым.

— Я сама покрыла его лаком, — гордо объявила она, — он стоял у *нагваля*, он сам его сделал.

Этот столик, заваленный монетками, карточками из картотеки с телефонными номерами женщин, баночками с пилюлями от диабета, ножами, очками для чтения, ожерельями из лунного камня, бусами из янтаря и жемчуга, я конечно видела много раз.

Он был изящен и функционален, как все, что делал Карлос, — он был превосходным плотником. Я попросила, чтобы Флоринда передала ему мою благодарность, так как сама не хотела звонить, опасаясь, что он набросится на меня, — его поведение стало еще более непредсказуемым. Да и ведьмы говорили мне, что его диабет, как и другая непонятная болезнь (Флоринда говорила, что это «вирус, который он подцепил в Мексике»), прогрессируют. Я не хотела беспокоить его.

— Торопись, — приказала Флоринда, помогая мне установить стол в автомобиле. — Поезжай, но помни: у кровати, и немедленно! — Я поспешила домой.

Сдерживая дыхание, я поведала Ричарду о происхождении стола. Он окинул его взглядом профессионала и объявил:

— Превосходное качество. Взгляни на крепления.

Магический стол.

А я вспомнила про влажный цемент на лестнице. Прошло только семь часов. Мы потыкали цемент пальцами. Ричард благородно предложил мне помочь подняться наверх по наружной стене и войти в дом через окно. Мы изучили все возможности, но ситуация была безнадежной. Мы не нашли ничего, на что можно было бы опереться.

«Черт с ним, — решила я, — ну и что случиться, если я оставлю следы. Я имею дело с магией, а что может быть более важным?»

Ричард ждал внизу, сосредоточенный и тихий. Мои нервы были на пределе. Сжимая драгоценный и могущественный стал, я на цыпочках ступила на лестницу и, перескакивая через две ступеньки, без оглядки помчалась в спальню, там, переведя дух, аккуратно поставила стол в нужное место.

Выглянув в окно, я увидела, как внизу удовлетворенно ухмылялся Ричард. Никаких следов не было!

Я прошлепала тем же путем назад, и мы обнялись, опьяненные победой.

Когда ремонт был закончен, пришли ведьмы, чтобы посмотреть на результаты. Только Флоринда видела дом в первоначальном состоянии и была поражена его преображением.

Долгие годы именно Тайша, связанная со своим альтер-эго, Мэри Энн Картер, несла тяжкое бремя их домашних ремонтов. Карлос мог внезапно потребовать тотальных изменений, а в разгар работы поменять проект. Тайша тратила сотни часов на подсчеты, стараясь не выйти за рамки совершенно невозможных бюджетов, добиваясь точного исполнения работ, объясняя плотникам причуды заказчика. Электрик, которого удивили белые стены, спартанский интерьер и странные жильцы — мрачные, с короткой стрижкой женщины, — поинтересовался, не был ли этот дом местом для отправления культа. Единственным художественным оформлением помещений служили обрамленные в рамочки обложки всех книг Кастанеды.

Несколько месяцев спустя после первого посещения ведьмами моего дома Тайша грелась со мной на солнце и ела землянику, свесив ноги в бассейн, проданный вместе с домом. Карлос осуждал плавание, говоря, что погружение в воду иссушает жизненную энергию. Когда он услышал о водоеме, то приказал, чтобы я засыпала его. Но я люблю плавать, и в любом случае, после того как я узнала, сколько это будет стоить, я сказала Флоринде, что не могу позволить себе засыпку и обустройство сада на огромном пустыре. Вопрос был снят, и ведьмы стали тайно приходить ко мне поплавать.

Сидя в патио, Тайша улыбнулась и сказала:

— Удивительно, тебя выгнали, а ты в полном одиночестве, самостоятельно сделала всю эту работу! Я не знаю, где ты нашла силу, Эллис. Видимо, тебя день за днем *что-то* подпитывало, — она сделала жест, показав пальцем наверх, как будто устанавливала связь с энергией, которую могла видеть только она.

Так я получила комплимент по поводу своего боевого духа от ведьмы, у которой, как считалось, было практически невозможно получить одобрение. Но в то время похвала действительно не трогала меня. Теперь я понимаю почему. Мои чувства притупились. Я была в глубоком эмоциональном шоке, который продлится еще долгие годы. Мне казалось, что в этом состоянии меня обязательно примут назад, все дело только в моей настойчивости. Почему бы не продолжить? Я рассчитывала, что Карлос в конце концов придет в мой дом. Но мне не удалось расшифровать знаки, указывающие на серьезность ситуации, а когда я это сделала, то запрятала глубоко внутрь свои эмоции и желание сопротивляться, что в конечном счете всегда заканчивается болезнью и разрушением разума.

Но, независимо от этого, наше тело и разум делают все, чтобы выжить. Я превратилась

практически в зомби, сосредоточившись только на образцах краски и марках цемента. Многого я не понимала в то время, но хлопоты, связанные с ремонтом, стали для меня огромным облегчением — лишь бы не ходить на занятия, не слышать оскорблений, не чувствовать, что с тобой обращаются как с козлом отпущения, не прятать в отчаянии свои эмоции, не позволять себе проявлять свои настоящие чувства. Какое облегчение — не прятаться в ванной, не плакать, появляясь потом с фальшивой улыбкой на лице, как учила Флоринда.

Мне не хотелось покончить с собой. Это пришло намного позже, когда бесчувственность стала постепенно проходить. И началась новая глава в моих магических приключениях с ведьмами, которые теперь стали действовать не только по воле Карлоса, но и вопреки ей.

глава 32

НАГВАЛЬ ТЕРПИТ НЕУДАЧУ В ОБОЛЬЩЕНИИ

*У женщин два оружия — косметика и слезы.
Наполеон I*

Карлос внезапно разрешил мне вернуться назад, знаком этого был подаренный стол. После невероятного успеха «женского семинара» в 1996 году он попросил, чтобы я отобрала участников для «женской группы». Я набрала какое-то количество новичков, но класс занимался недолго.

Многие из женщин не проходили по стандартам Карлоса: были с избыточным весом, или замужем, или слишком старыми.

Я постоянно давила на него, пытаюсь обратить его внимание на одну девочку, которая мне нравилась, — Сьюзен Джонсон. Это была худенькая блондинка, которая, как новичок, еще не относилась ко всему с пиететом. Она вела себя с настоящим достоинством и вслух изумилась развращенности Карлоса, когда поймала его похотливый взгляд на наших бедрах во время медитативных «магических пассов». «Puh-leeze»⁴⁴ — усмехнулась она, когда он оглядывал полную комнату задниц.

Я разговорилась с ней и была потрясена, когда она сказала: «Я не собираюсь давать обет безбрачия, я собираюсь думать о сексе серьезно. Раньше я относилась к нему как к бессмысленному времяпрепровождению». Это не было похоже на обычный лепет поклонницы. Потом она сказала, что ее мать и племянница чрезвычайно важны для нее, и она не собирается от них отказываться. Я была заинтригована. В моем одиночестве среди почтительных учеников Карлоса, Сьюзен показалась мне глотком свежего воздуха — она появилась, чтобы бросить вызов. С другой стороны, у нее были манеры «уличной девчонки», приводящие в меня замешательство, выражения типа «*тофигу*» или «*как бы*». Она работала в небольшом молодежном журнале, который казался мне ужасно глупым, и иногда подрабатывала консультантом по костюмам в магазине, торговавшем видеокассетами.

Мне потребовалось время, чтобы заставить Карлоса посмотреть на нее.

Наконец он последовал взглядом за моим пальцем, указывающим на нее в толпе людей, затем скривился и объявил: «Оставь, она слабак, сопливая задница. *Никакой ци*».

Для своей работы консультантом по костюмам Сьюзен делала закупки в торговом центре, куда любили ходить ведьмы, и как-то сказала мне, что встретила их, но постеснялась поздороваться. Я постаралась убедить ее поприветствовать их в следующий раз, считая, что ведьмы сочтут хорошим предзнаменованием то, что встретились с ней.

Карлос вскоре расформировал женскую группу, попросив меня выбрать несколько

---

⁴⁴ Выражение пугливости (англ.) — *Примеч. ред.*

девочек для воскресного класса, в котором «должно быть больше женщин». Я включила в списки Сьюзен и ее подругу Мирну. Они были неразлучны, вместе боролись за свое положение в группе, держались друг за друга, хихикали и шептались. Их «постпанковские» манеры раздражали, но я поняла, что они были вызваны исключительно беспокойством. Конечно же, мне было знакомо это чувство, и я предположила, что Сьюзен со временем изменит свое поведение. Мирна казалась мне гораздо менее интересной, но, по крайней мере, она пыталась издавать журнал, растрачивая свое наследство, несмотря на то, что тот был убыточным.

Я выбрала девочек в качестве помощниц в книжном магазине и нахваливала их старательность в разговорах с Карлосом. Нехотя он начал воспринимать их. Мы втроем осторожно поддерживали дух товарищества, так как среди воинов «дружба» запрещалась. Отчаянно нуждаясь в компании, я видела их сильные качества, — у них не было фальшивой стыдливости, и Сьюзен демонстрировала признаки утонченности. Возможно, мне не было бы так одиноко, если бы эти женщины были приняты.

Я непрерывно подталкивала Карлоса и Флоринду поговорить с ними. Флоринда отзывалась о Сьюзен как о «слабом и самовлюбленном куске дерьма», а Мирну она находила «жирной, хихикающей и раздражающей». Карлос наконец решил, что мы втроем могли бы жить вместе в моем новом просторном доме, который через несколько месяцев будет готов к заселению. Затем события приняли неприятный оборот.

Первая странная вещь произошла в тот день, когда обе девушки пришли ко мне поработать с компьютером. Они хотели собрать статьи в своем журнальчике и сделать книгу. Сьюзен предложила сходить после работы на «Самурая» с Аленом Делоном.

В час дня мой телефон зазвонил. Это была Тайша. Была ли я свободна настолько, чтобы без разрешения уйти из дома? Конечно. Я не сказала девушкам, куда ухожу, но предупредила, что постараюсь успеть к началу фильма. Тайша позавтракала со мной, мы выполнили кое-какие задания, и я вернулась.

На сеансе Мирна ерзала и скучала, она не любила субтитры, а мы со Сьюзен восхищались *персонажем* Алена Делона.

В тот же вечер позвонил раздраженный Карлос: «Ален Делон? Какое говно! Французское ГОВНО! Зачем ты потащила их на эту дрянь?»

«Я... мы...» — я стала заикаться. Я просто не умела говорить о себе в третьем лице: «она сделала это». Он повесил трубку.

Через несколько дней начался мой холокост.

Карлос неожиданно придрался ко мне по пустяшному поводу и обвинил в употреблении прозака. Я была озадачена, Я не использовала прозак уже много лет, с той поры, как создала угрозу его жизни (так он считал). Однако баночка с лекарством осталась в моей аптечке. Это было частью нашего с Астрид плана самоубийства на случай, если наши пути с *нагвалем* разойдутся. Все эти годы мы никогда не обсуждали детали, хотя имели в виду именно таблетки. Я знала, что прозак не входил в состав классического коктейля доктора Кеворкяна⁴⁵, но я думала — чем больше его запас, тем надежнее.

Карлос, неутомимый в «охоте на ведьм, употребляющих прозак», по-видимому, был не в себе.

Только забегая вперед, я могу как-то объяснить, что тогда случилось. Не прошло и года после смерти Карлоса, как я пришла к наиболее вероятному и мрачному объяснению. В тот момент для того, чтобы немного встряхнуться, мы собрались группой на вечеринку в моем доме, во время которой Сьюзен напилась «в хлам». После того как она вышла из ванной, где занималась сексом со своим дружкой, я обнаружила, что моя аптечка открыта, бутылочки с лекарствами от мигрени, валиумом и викодином (я лечу ими мигрень с двадцати лет с

---

⁴⁵ Доктор Кеворкян выступал за легализацию эвтаназии и осуществлял ее, за что получил в США прозвище «Доктор Смерть» — *Примеч. ред.*

разрешения Карлоса), пусты, а содержимое разбросано вокруг. Я никогда ни в чем не упрекала Сьюзен, и сегодня стыжусь своей трусости.

Зачем было закатывать сцену, ведь я чувствовала, что все мы после такой утраты немного притворялись.

Снова возвращаюсь в те дни, когда Сьюзен и Мирна оставались одни в моей квартире... Что, если Сьюзен была неисправимой ищейкой и воровкой лекарств из аптек? Конечно, я никогда этого не узнаю, но это именно она могла подсмотреть и сообщить Карлосу о существовании полной баночки прозака. Мог ли он попросить ее все обыскать? Это было вполне допустимым предположением, так как впоследствии я узнала о ее чрезвычайно больших запросах.

Но в то время я *просто не могла вообразить себе*, как это дошло до Карлоса. Он мне не верил, что я не употребляю прозак. Наконец, я просто рассердилась! Мне только прозака не хватает! Я *обожаю* торчать на прозаке, я жру его пригоршнями! Он думает, что я «в завязке». Какая может быть «завязка», спросила я у него, если человеку лекарства были назначены?

«Ты УВЕРЕНА, что у тебя нет „завязки“?» — упорствовал он. Неужели он сходил с ума от психоделиков? Это было самым страшным прозрением в моей жизни.

Я надеялась, что Сьюзен и Мирна по плану Карлоса станут моими соседками еще до того как возобновятся эти сумасшедшие обвинения. Обе девочки начинали ему нравиться. Однажды днем, когда я была одна дома и писала, зазвонил телефон. Это была Сьюзен, в ее голосе слышались слезы.

— Я в машине, недалеко от тебя, не знаю, как я здесь оказалась! Это чудо! *Пожалуйста*, разреши мне войти! Я должна увидеть тебя *немедленно*. О! Эллис, *пожалуйста*.

— Да. Конечно. Где ты? У двери? Входи, Что случилось? Что произошло?

Сьюзен плакала, слезы текли ручьем, нос покраснел. Я обняла ее, она бросилась в мои объятия. Я усадила ее на кровать, и она горько зарыдала, кашляя и задыхаясь.

— Со мной только что случилась самая страшная вещь, Эллис! Карлос... Он попросил меня приехать, не сказав зачем, а я подумала, что мы будем говорить, как всегда и...

Сьюзен закашлялась, ее лицо исказилось в гримасе. Выглядело так, как будто у нее разорвались легкие — и смех, и слезы причиняли ей острую боль.

— Эллис, он просто *полез мне под рубашку — вот ТАК* — и схватил меня *здесь*! — она сжимала свою грудь. — Это было так грязно, он был *отвратителен*! Он пытался целовать меня, и щупал, и лапал, пробовал стащить блузку! Эти отвратительные слюнявые поцелуи! Он такой *старый* и мерзкий... А я по-настоящему *верила*, что он отличается от всех этих гуру!

— Я оттолкнула его, в это время, слава богу, зазвонил дверной звонок, это была Клод, он стал выпихивать меня в другую дверь. Он как будто одурел от злобы, боялся, что она что-то заметит! Я застегнула блузку и уехала. Не понимаю, что со мной, где я была, — рыдания возобновились, слезы полились градом, Сьюзен стала хватать ртом воздух.

Я обняла ее и держала, пока она не перестала дрожать. Ее глаза сверкали, тушь растеклась по щекам.

После судорожного приступа кашля она сказала:

— Я оглянулась и увидела, что оказалась на твоей улице, у *твоего дома*. Это невероятно, Эллис, но это *так*... *Я не могу поверить, что, слава богу, тебя нашла*.

Меня мучило чувство вины, я была ужасно смущена. Как ей помочь избавиться от ощущения, что ее запачкали грязью, предали? Гуру, ее учитель, тискал ее за грудь, вел себя как мерзкий старый развратник. Я была виновата, очень виновата — я оказалась банальным сутенером. Мне было трудно вообразить, что его план оболыщения будет столь **грубым** в сравнении с тем методом, который он испробовал на мне. За мной *ухаживали*, а не лапали! Я понимала, что окажусь в опасности, если стану утешать ее. Истинный «синий воин» должен отправить ее восвояси.

Но я не была ни Соней, ни Муни, ни Булой. Я пыталась успокоить Сьюзен, этого съездившегося, плачущего ребенка, который чувствовал, что он только что избежал изнасилования.

— Ты не *знаешь*, — задыхалась она, — я была любовницей столько мужчин! Я больше никогда не смогу быть опять чьей-то *любовницей*! Так *хватать* меня за грудь! Эллис, он был ОМЕРЗИТЕЛЕН!

— Сьюзен, мне кажется, я понимаю. И думаю вот что. Когда я была с ним, то вела себя неосторожно, импульсивно, поэтому он ухаживал за мной осмотрительно: наряжался, заранее назначал свидания, приезжал, чтобы забрать меня из дома. Правда, он возил меня в дешевый мотель, но... Если бы он схватил меня за грудь, я бы рассмеялась. Ты понимаешь? Он меня *удивлял*. Он делал противоположное тому, что я ожидала.

— Ты думала, что с тобой будут обращаться бережно, а он просто шокировал тебя, сделав все наоборот. Возможно, он так поступает с каждой — кто его знает, — но, может быть, это имеет какой-то магический смысл? Я думаю, что тебе нужно поговорить с Флориндой и все ей рассказать. Можешь довериться ей, она поможет.

Сьюзен была безутешна. Мы еще долго разговаривали и признались друг другу в своих опасениях.

Сьюзен снова поклялась, что не будет разрывать отношений с родственниками — семья ей дороже, чем так называемая «магия». Потом она поинтересовалась, сможет ли ее племянница пользоваться бассейном, если она переедет в новый дом? — Конечно, — ответила я, — но обязательно поговори обо всем с Флориндой, — я знала, они потребуют, чтобы она порвала со своей семьей, но не хотела сообщать ей об этом заранее.

Мне так хотелось иметь подругу, которая не играла бы со мной в игры, — мне так хотелось доверять кому-нибудь. Я рассказала ей о своем безумном увлечении Гвидо, поведала о своих переживаниях и сексуальных играх, призналась, что он остановился, так и не дойдя до настоящей близости и ничего при этом не объясняя. Она заикнулась было о своих сексуальных приключениях, которыми ей хотелось поделиться, но вдруг испуганно замерла. Когда я поддержала ее исповедь, она спросила:

— Что? Рассказать о себе? А ты никому не расскажешь?

— Сьюзен! Когда я так поступала?

Я была потрясена. Предать человека? Почему она сказала такую жестокую вещь? Если бы я только понимала, что на самом деле она имела в виду, рассказывая о *себе*, вся моя жизнь могла бы пойти подругому. Этот очевидный страх предательства, как у ребенка, был ее собственной моделью поведения. Если бы я поняла это, то смогла бы избежать разрушительных, ломающих мою жизнь ударов. Хотя иногда все, что происходит с нами, оборачивается во благо: возможно, я стала бы писать книги, но не нашла бы в себе мужества написать именно эту, освободившую меня от лжи, в которой я жила.

Я пообещала Сьюзен, что ее сексуальные тайны останутся со мной. Она рассказала мне несколько историй, тайну которых я действительно храню до сих пор.

В конце нашей беседы Сьюзен поблагодарила меня, уверенная, что оказалась у моей двери не случайно. Я снова попыталась убедить ее поговорить с Флориндой. Мы обнялись, обещали дружить и поклялись хранить тайны, которыми поделились.

Я позвонила Флоринде и рассказала ей о том, что произошло со Сьюзен, не упоминая наши исповеди.

— Ты ведь НИЧЕГО не говорила ей о нашем мире, Эллис, *правда*?

— Нет. Я велела ей поговорить с тобой.

— Этот хрупкий кусок дерьма! Что она думает о себе?! Что она сделана из фарфора?! Надо было начать с другой, с этой жиряги. Я поговорю с тобой позже. *Лучше бы ты не открывала свой рот*. Ты меня слышишь? Или ты В САМОМ ДЕЛЕ хочешь получить?!

Вечером Сьюзен и Мирна отсутствовали на занятиях. Карлос усадил меня в первый ряд, подмигивая и смеясь, как будто мы оба владели потрясающей тайной, отчего легкая

ревность пробежала по классу. Рамон, сидя за мной, изнывал от любопытства, а во время перерыва засыпал вопросами.

Карлос как будто не мог остановиться и продолжал хихикать: «Да, мы потеряли ее! Another one bites the dust»⁴⁶.

«Маленькая мисс „недотрога“», — рычала Флоринда.

Все выглядели озадаченными, в то время как у меня было чувство редкого наслаждения от обладания общей с «папой» тайной, смешанное со скорбью от чувства утраты Сьюзен. Моя затея имела смысл только для меня. Конечно, Карлос был магом. Однако люди приходят и уходят. Карлос велел мне позвонить Сьюзен и сообщить ей, что это была моя идея, требовал признаться, что я сводница, которая решила, что он обязан спать и с ней, и с Мирной, заставил меня просить у Сьюзен прощения. Несмотря на всю нелепость этого приказа, я выполнила его. К чести Сьюзен, она ответила: «Да мне пофигу! Так я тебе и поверила!»

На следующее утро Сьюзен позвонила мне и сказала, что она поспешила, отнесясь ко всему происшедшему слишком серьезно. Она не собиралась спать со старым развратником, и не должна была так расстраиваться. Она поговорила с Флориндой, и все опять стало хорошо.

Я была довольна, но еще раз обратила внимание на любопытную деталь. Почему Сьюзен простили и так быстро, не наказав, разрешили посещать занятия? Флоринда в течение нескольких дней еще продолжала рычать, но теперь она терзала меня, подозревая в том, что у нас был разговор по душам со Сьюзен. Я отказывалась сплетничать, но она понимала меня. Может быть, Сьюзен нарушила нашу клятву? Почему Фло подозревала меня? Я не могла найти объяснения. Вскоре Карлос уже расхваливал Сьюзен перед группой за высокие, как у блохи, прыжки, а также за «внезапное изменение своего мнения и *полный отказ от семьи*», — мужественный поступок, на который способен только Саймон.

Он говорил: «Когда Саймон отрезал свою семью перепросмотром, они умирали *в таком порядке* : сначала мать, потом отец, — Карлос прижал свой большой палец к ногтю указательного, показывая этим жестом, как прервать жизнь родителей. — Сьюзен отрезает каждого из них точно так же! Когда вы так поступаете, говорил дон Хуан, они погибают немедленно, как будто вы давите блох. Все они — блохи».

Через несколько дней Сьюзен получила новое имя — Фифи Ляру, а Мирна стала Равеной Макклауд.⁴⁷

На той же неделе мне позвонила Флоринда и пригласила меня в сад, а не к Карлосу в дом, — это было необычно. Она велела мне одеться попроще, потому что надо было собирать фрукты и не выглядеть слишком нарядной. После Тулы я стала образцом для подражания, и Флоринда иногда огрызалась на меня за чрезмерное усердие. Я надела джинсы «левис» и шелковую блузу в горошек.

Мои волосы, превратившиеся в мочало, не поддающееся укладке, которые Карлос уже несколько месяцев не разрешал подстригать, я попробовала уложить гелем.

Прийдя туда, я увидела Равену, одетую в черные джинсы и черную футболку, — обычная для нее одежда панка. Потом появилась Фифи с голым животом, на высоких каблуках, одетая в бриджи и сексуальный топ. Ее губы были окрашены ярко-красной помадой, длинные волосы повязаны ярким шелковым шарфом и идеально *завиты*. Разве Флоринда не сказала ей, что мы собирались, стоя на лестницах, в жару, собирать фрукты? Зачем она надела туфли с высокими каблуками? Я знала, что за голые животы обычно немедленно отправляли в вечное изгнание, и задавалась вопросом, почему Флоринда не предупредила ее.

---

⁴⁶ Цитата из песни группы «Queen» — «Еще один упал, сраженный» — Примеч. ред.

⁴⁷ La Rue — (фр.) улица, Raven McCloud — (англ.) ворон и облаках. — Примеч. ред.

Мы не собирали фрукты. Мы даже *близко* не подошли к саду. Когда мы стояли на тротуаре, Карлос вручил нам несколько кумкватов, а затем пригласил в дом. Когда мы уселись бок о бок на скамью в гостиной, он сказал, что стена позади нее имеет вход в другое измерение и если мы отклонимся назад, нас может засосать в параллельный мир.

Мы выслушали краткую лекцию о параллельных мирах, а потом нас отпустили. Когда мы уходили, Карлос посмотрел на меня и сказал: «Мне нравится твоя экипировка, Эллис!» Я было успокоилась по поводу не слишком элегантной одежды — Карлос никогда не видел меня в джинсах. Но было совершенно очевидно, что он говорил со злобным сарказмом.

Тем же вечером он позвонил мне и сказал, что рядом с Фифи я выглядела уродливо и плохо одетой.

Он твердил, что я ревновала к ней! Флоринда пробовала защищать меня: «Ты пригласил Эллис работать в саду! Ты не подрезал ее волосы, и ты ожидаешь, что она будет выглядеть ухоженной? Уже прошли месяцы!»

Карлоса распирало от гнева. Это было испытанием — посмотреть, были ли мы, три женщины, «энергетическим целым». Так и не приняв решение, он на следующий день отправил Фифи ко мне, чтобы продолжить обсуждение планов проживания в моем доме. Карлос приказал сообщить ей, что дом не куплен, а арендован мной. Я спросила, как в таком случае объяснить Фифи правомерность полной реконструкции дома с приглашением подрядчиков, рабочих? Он проигнорировал этот вопрос.

Находясь у меня, Фифи сказала, что Карлос хотел полностью перестроить для нее первый этаж, ведь она «особое существо» и должна иметь свой собственный вход. Поэтому некоторые стены надо возвести, а другие сломать. Я только поразилась тому, как легко Фифи распоряжалась моими деньгами. Кто же знал, что Карлос говорил ей, что у меня глубокие карманы и они в ее распоряжении? Тем временем Равена планировала установку двух телефонных линий.

Через неделю весь план был отменен без объяснений. Равена позвонила мне, пробормотала что-то невнятное: «Ты не думай... Возможно, позже...» — и оставила мне кипу своих телефонных счетов.

Она говорила, запинаясь, и я была уверена, что речь была написана под диктовку.

Позвонила Флоринда и велела мне при встрече ни о чем не говорить с Фифи. На следующий день, на занятиях в воскресном классе, Фифи подошла ко мне и передала слова *нагваля*, считавшего, что без правильной энергии ей не следует переезжать ко мне.

— У тебя все в порядке? — поинтересовалась я.

Она пожала плечами:

— Поначалу это было так таинственно... но... Да, все хорошо.

Через несколько часов мне позвонил взбешенный Карлос и начал передразнивать меня с какой-то особой жестокостью:

— У тебя все *хорошо* ? У тебя все *хорошо* ? Ты что думаешь? Ты такая *замечательная* , такая *особенная* , что они *умирают* из-за того, что не могут жить с тобой? У тебя все *хорошо* ? Они презирают тебя! Они **НЕНАВИДЯТ** тебя! У тебя все хорошо? У тебя все хорошо?

Позвонила Флоринда и проорала:

— Разве я не просила тебя **НИЧЕГО** НЕ ГОВОРИТЬ?! РАЗВЕ Я НЕ ПРОСИЛА?!

Внезапно я вспомнила свою учебу в средней школе. Не раз я была на грани исключения из-за неприятия авторитаризма учителей-мужчин или директора школы. И меня неизменно спасали преподаватели-женщины, которые оправдывали меня, говоря, что я была у них самой лучшей ученицей по литературе. Мои учителя французского также просили руководство не выгонять меня, повторяя, что я была лучшей ученицей по их предмету. В классе у меня были друзья не только среди «приличных», я дружила даже с изгоями. В любой школе, где бы я ни училась, я находила друзей во всех социальных слоях. Не желая носить ярлыки, я отказывалась принадлежать какому-то одному клану и вместо этого курсировала между ними.

Фифи, как мне представляется, была классической стукачкой, доносившей все услышанное учителям. А Гвидо — «маменькиным сынком», который не бежал к папе, а спрашивал разрешения у «мамы Флоринды», можно ли взять меня в кино на фильм Кроненберга. Флоринда могла слегка побранить его: «Оставь Эллис в покое!» И тогда у него не хватало мужества повести меня куданибудь без «родительского разрешения». Почему Гвидо не мог пригласить меня в кино сам? Ведь это никого не касалось, и, кроме того, он уже понимал, что Карлос Кастанеда не мог читать чужие мысли. Он был тем ребенком, который всегда должен просить разрешение. «Хороший мальчик», сделавший татуировку, чтобы выглядеть «плохим»?

После того как Фифи в точности передала Карлосу все то, что я ей рассказала, поклявшись держать наши признания в тайне, он принялся изгонять меня отовсюду: с работы в офисе, с должности менеджера книжного магазина, из воскресного класса, из вечернего класса — *отовсюду*.

Мне почти никто не звонил. Наверное им запрещали, а они были хорошими солдатами.

Единственными людьми, которые разговаривали со мной или навещали, были старые друзья, занимавшиеся в воскресном классе Карен Вильямс, всегда храбрая и любящая, а также мой преданный друг Ричард Дженнингс. Карен совершила беспрецедентный поступок, написав Карлосу письмо протеста. Рискую собственным положением ради истины, она утверждала, что я никогда не делала того, в чем он меня обвинял. Это был поступок, невозможный с точки зрения подхалимов Карлоса. Без Карен и Вильямса, да еще тех немногих старых друзей, которых я втайне от всех сохранила в «старой жизни», я могла бы в конце концов действительно совершить самоубийство. Я сдалась.

Grand guignol «Театр паранойи» дошел до того, что обвинения в мой адрес стали противоречить собственным правилам Карлоса. Он свирепствовал на меня из-за «советов» ученикам воскресного класса в ответ на их откровения, одновременно приходя в ярость от того, что я не доводила эти признания до сведения *Карлоса Кастанеды, нагвая!* Это было правдой. Я была против продвижения людей, злословящих за спиной.

Я спросила Саймона, что он думал по поводу того, что Карлос не только разрешал, но и настойчиво поощрял «стукачество».

— Почему этих людей не наказывают, — воскликнула я, — за их низкопоклонство, за постоянное предательство? Его ответ удручал:

— Их информация слишком ценна.

Одним из немногих достоинств Саймона в моих глазах было то, что он не принимал участия в этой низости. Я от души восхищалась им за эту позицию, но он нарушил наши взаимные договоренности и я разочаровалась в нем. Его постоянно преследовал страх, и, чтобы иметь какие-то преимущества и выступать с позиции силы, он пытался узнать обо всех как можно больше. Из-за такого объема информации он со всеми испортил отношения. У него, как и у всех нас, было множество потребностей, но только обладание информацией могло компенсировать его «комплекс кастрации».

Однажды Пуна, с которой мы были очень близки до моего изгнания, позвонила мне и предложила оплатить мою регистрацию на следующем семинаре в Мексике, где Фифи предстанет на сцене в качестве нового триггера. Я ответила, что ее предложение отдавало дурновкусием. «Я думала, что *энергия* сделает тебя лучше», — пыталась она меня убедить. Фифи теперь стала компаньонкой Клод, сместив Булу.

Неожиданно Гвидо нанес мне весьма и весьма церемонный визит. Я предположила, что Флоринда разрешила ему это сделать. Он снова взревновал, когда увидел цветы в моей комнате, и допытывался, кто их преподнес. Я была тронута просто потому, что он пришел. Согласно кодексу, по которому мы жили и к которому Гвидо так искренне относился, мы не говорили ни о чем важном.

Однако он пытался уговорить меня принять вместе с ним участие в местном книжном фестивале и прочесть что-нибудь из классики. Этот чуткий жест слишком запоздал.

Как-то раз зашла Флоринда и заметила с отвращением, что я «отекла». Это было как

раз накануне месячных, которые из-за чрезвычайного напряжения, в котором я находилась, задерживались. Отеки действительно были больше, чем обычно. Флоринда подумала, что я «торчу» на наркотиках, и быстро уехала. Однако ирония заключалась в том, что я, сдерживая тошноту из-за мигрени, ни к чему, кроме аспирина, не прикасалась в течение многих месяцев. Я боялась принимать любое лекарство — жестокое решение, рожденное абсолютным страхом. Неужели Карлос или Флоринда не *видели* этого своим магическим зрением? Вскоре Астрид и Флоринде пришлось принимать большие дозы болеутоляющих из-за проблем с зубами. Дантист прописал им обычные в этих случаях викодин и адвил, но при этом они продолжали заниматься сексом с Карлосом и готовить ему еду. Только я одна была ядовитой!

глава 33

ВОСКРЕСЕНЬЯ, КРОВАВЫЕ ВОСКРЕСЕНЬЯ

*Теперь же ненависть — удовольствие намного более
растянутое;*

Люди любят на ходу, но ненавидят неторопливо...

Джордж Гордон Байрон «Дон-Жуан»

В течение двух лет Карлос регулярно распекал меня при всех на воскресных занятиях, и я при этом присутствовала. Хотя я старалась не обращать на это внимания, многие говорили мне, что были потрясены случаем, когда Карлос указал на меня и сказал: «Она думает, что у меня с ней была любовная связь! Она невменяема!»

Любимой темой для обсуждения была моя детская любовь к мороженому Карлос утверждал, что я была энергетически «мягкой», потому что выросла на мороженом. Он сказал классу: «Мы думаем, что нуждаемся в сахаре, шоколаде, мороженом. Мы нуждаемся в любви. И очень нуждаемся».

Накануне панического бегства Фифи он рассказывал группе о том, как я изменилась:

— Это «эльф»

— Эллис Лаура Финнеган. Люди, которые знали ее десять лет назад, теперь не узнают ее, они говорят, что она «напоминает им кого-то знакомого». Она отвечает: «О, не может быть, я ведь жила в Беркли».

— В Беркли она пыталась стать «богиней». Тогда она была очень толстой, и, пытаюсь стать «богиней», красила свои титьки. Потом она вернулась, и бог трахал ее. Она привязалась к своему дружку Джейсону только потому, что он находился с ней рядом, когда умирал ее отец. На самом деле ей было все равно, что ее отец умирал, и это поучительно. Она профессиональная кликуша.

— У Эллис был большой и изысканный дом. Как-то раз выглядывает она в окно и видит голого человека с большим членом, занимающегося тайцзи прямо на улице. Она выходит и робко заговаривает с ним. Оказывается, человек «думал, что этот красивый дом пуст». При этом он очень суетится, как будто ищет, чем бы прикрыться, и все время поглядывает на свой член, пока Эллис наконец не выносит ему полотенце. Она предлагает ему «зайти попить чая». Он представляется плотником, который тем не менее читал Хайдеггера. Потом доходит до... Ну, вы понимаете... — Карлос показывает, как я занималась сексом. — После того как парень пожил с нею некоторое время, ему надоело, и он сообщает, что должен уехать. Она спрашивает «почему», а он говорит «Мне нужно шестьдесят восемь тысяч долларов, но я не могу попросить их у тебя, поэтому должен идти».

Эллис говорит: «Хорошо, возможно я помогу тебе». На прощанье она отдает ему шестьдесят восемь тысяч долларов, а он уходит, чтобы возвратиться к своей жене. Этот жулик играл подобную роль множество раз. Социальный порядок заставляет нас так поступать.

Этот рассказ передавал короткую историю моего знакомства с плотником, увлекавшегося философией, которую я однажды поведала Карлосу. Мы не занимались сексом, он не был женат и никогда не занимал у меня деньги.

«Ты подарила мне одну из моих лучших историй!» — признался мне Карлос после того, как однажды развлек аудиторию этим рассказом.

Весь 1996 год Карлос звонил мне и заставлял зачитывать ему список людей, посещавших воскресный класс. Он выгнал половину и велел мне позвонить им и передать: «У нас больше не будет занятий». Некоторые ученики были так ошеломлены, что хотели покончить жизнь самоубийством. Один такой ученик признался: «Я хотел умереть. Мне стало казаться, что Дух прожевал и выплюнул меня. Но я умудрился каким-то образом не покончить с собой». Остальные ученики жили в постоянном страхе, что будут изгнаны. Карлос же потом сказал: «Я никого не исключал. Это все Эллис. Разбирайтесь с ней».

В тот день он продолжал пугать их:

— Дон Хуан обычно напоминал мне, что мы — горгульи в потоке дерьма. Мы карабкаемся наверх, мочимся и постоянно гадим друг на друга. Некоторые хватаются за соседей и поднимаются наверх, другие опускаются на дно. Они не пытаются бороться, и вы иногда видите лишь пузыри, — это они тонут. Время от времени кого-то выносит на берег.

Именно тогда маги пытаются отмыть их под струями холодной воды. Но это бывает тяжело, выдерживают немногие — на берегу слишком холодно — и прыгают обратно в стремнину. Но если некоторых все-таки отмывают, они видят, что на берегу гораздо интереснее, — можно идти, куда хочешь. Эта ужасная картина все время стоит у меня перед глазами: я возвращаюсь в UCLA и вижу, что факультет антропологии полон горгулий. — И далее Карлос сказал такое, что поразило меня своим невероятным нарциссизмом:

— Я почувствовал, что Нечто передо мной в неоплатном долгу, ради чего я должен был родиться в этом курином дерьме?

Он закончил такими словами:

— Итак, когда вы поймете, что увязли здесь, хотя самое худшее уже позади, и вам потребуется прямая экстренная связь со мной, — звоните!

Но никто не представлял, как выполнить такую инструкцию. У всех был только мой номер, а про меня им только что сообщили, что я держу наготове топор.

В апреле этого же года Карлос сказал группе, что болен диабетом. С ухудшением здоровья он становился все более оптимистичным и беспечным. «В потоке, постоянно меняющем свое русло, — объяснял он, — вы можете перепрыгнуть в свое более раннее состояние или время. Так можно поступить даже при развитии наследственного заболевания — оно больше не проявится, если вы перескочите в более ранний период. Например я перескочил в 1975 год и теперь не буду двадцать лет мучиться с высоким уровнем сахара». Ровно через два года он умрет.

Именно в этот период разыгрывалась драма с Фифи. 27 апреля 1997 года Карлос рассказал воскресной группе следующее:

— Я думаю, важно объяснить, почему Эллис покидает нас. Она принимала прозак. Она отрицала это, но мне удалось на время занятий заставить ее прекратить их прием. Я должен сказать, что она стала отвратительно отечной и говорила таким голосом, что мне пришлось спросить ее, что происходит.

«Отечность», о которой говорил Карлос, появлялась перед каждым месячными из-за гормонального расстройства. Когда я обсуждала с Муни беспокоящие меня проблемы, связанные с менструациями, она сказала: «О, добро пожаловать в наш клуб! Такие проблемы здесь у каждой, из-за стресса надпочечники перегружаются. Когда я впервые повстречалась с *нагвалем*, у меня была задержка четыре года. А у Сони, например, кровотечение не прекращается уже две недели. Не обращай на это внимания».

Потом я прочла интервью с доктором Кутлер, которая занималась исследованиями гормональных и сексуальных расстройств. Она обнаружила, что «у женщин, которые

занимались сексом нерегулярно — например, страстный и бурный уик-энд, а потом десять дней воздержания, — уровень эстрогена в крови был как у пожилых дам, хотя сами они были молоды. При таком образе жизни их эндокринная система разрушалась и женщины быстро старели. Наш организм приспособлен к регулярным и стабильным занятиям сексом, а не для чередования всплесков и затишья». Доктор Кутлер в точности описала ту регулярность, с которой я занималась сексом с Карлосом. Наконец я поняла, почему у меня и других женщин в нашей группе наблюдались тяжелые расстройства репродуктивной системы, а не исцеление, которое обещал Карлос. Строгий целибат или регулярная сексуальная жизнь шли на пользу здоровью, но эпизодические контакты с мужскими гормонами были крайне вредны.

Карлос продолжал развивать тему прозака:

— Несколько недель с ней происходило что-то странное. Если вы припомните, то согласитесь со мной. Эллис призналась, что все звонки, которые она должна была делать еженедельно, — чрезмерная нагрузка для нее. (Такого разговора не было.) Я спросил ее:

«Что в этом трудного?» Она ответила: «Люди доверяются мне» (тоже выдумка).

— Она стала давать советы и проводить психологические консультации. Почему вы доверяете Эллис? Почему рассказываете ей, что мастурбируете?

Еще Карлос жаловался на то, что я скрываю информацию:

— Она никогда не рассказывает мне о ваших беседах, придерживая полученные сведения для себя. Равена дала ей свои «Легенды о летунах», которые приготовила для подарка *нагвалю*, но Эллис даже не показала мне этот буклет. У Равены был только один экземпляр, и я так и не увидел подарка.

А на самом деле Равена дала мне этот буклет, и я пробовала отдать его Карлосу после занятий, но он лишь отмахнулся. Позже я позвонила Карлосу, не зная, принести мне его или нет, а он сказал: «Отвяжись от меня!» — и повесил трубку. Я позвонила ему на следующий день, потом еще раз, но он отказался даже взглянуть на него. Наконец я прямо спросила его, хочет он или нет, чтобы я принесла подарок в воскресный класс, и Карлос сказал: «Оставь себе эту чертову книгу. Равена — задница».

Карлос продолжал:

— Я чувствую, что прозак отравляет и вас. Эллис этим пользуется с большой выгодой для себя. Вот кто она на самом деле. Вчера вечером я смотрелся в зеркало у Тайши и был потрясен, потому что мое тело стало как у юноши. Я принял позу эмбриона и начал сосать палец. Сосите левый большой палец, это необходимо для целеустремленности. Перемещайте кончик большого пальца взад и вперед и массируйте небо. Мастурбируйте с ним, это будет заменой прозаку.

— Мы посвятим целую неделю Эллис, пошлем ей мощный импульс энергии, поможем найти свой путь. Я — ее единственный выход на свободу, но кажется ей нет до этого дела. Она «низко пала» и пытается уйти. Не я — *она* оставляет меня. Что я предлагал ей, кроме помощи? Это нож, вонзенный мне в грудь. Я истекаю кровью.

Моя подруга Карен сказала мне, что Карлос готов был разрыдаться. Некоторые слушатели плакали, веря, как несомненным фактам, всему, что было сказано, другие были смущены странным сумбуром.

Занятия по воскресеньям закончились в конце лета 1997 года, когда Карлос настолько устал, что однажды просто упал перед учениками. Его глаукома — осложнение диабета — прогрессировала.

Муни говорила, что были моменты, когда его просто «шатало». Наблюдать его слабость, понимать, что ему необходима поддержка, было ужасно. К счастью, я не была на том занятии. Вид *нагваля*, потерявшего равновесие, разорвал бы мне сердце, обратив к болезненным воспоминаниям об умирающем отце. Когда Карлос сказал группе, что я якобы не заботилась об умирающем отце, это травмировало меня больше, чем все придуманные им истории про меня. Это была жестокость, и это было безумием.

Вскоре после этого Флоринда рассказывала о воскресной школе, выступая перед

аудиторией в восемьсот пятьдесят человек во время напряженного семидневного семинара в лос-анжелесском «Конвэншэн сентэр». Не моргнув глазом она поведала им о том, что Карлос трахался с ней, чем повергла всех в шок. Она заявила, что «воскресная школа состояла из имбецилов, которые превратили Карлоса в своего гуру, а решение о ее создании было фундаментальной ошибкой. И это была одна из самых нелепых ошибок в его жизни». Слушателей воскресной школы при этих словах охватил ужас и стыд. А ведь не далее как две недели назад Зуна отчитывала меня за непонимание того, что «Карлос живет ради воскресной школы, это единственное, что поддерживает его жизненные силы, и только ради этого он еще остается здесь».

глава 34 ПРИСТАНИЩЕ ДЛЯ НЕУДАЧНИКОВ

*Я знаю, как человек в изгнании живет, надеждами питаюсь.
Эсхил «Агамемнон»*

Когда я готовилась переехать в свой дом, позвонила Флоринда:

— Тилди выперли. Бывшая Бонни была богатой итальянкой, создавшей свой собственный вариант культа Кастанеды и втайне надеявшейся, что она женщина-нагваль. Она приберегла свою девственность для Карлоса и быстро была принята в группу. Ему сначала понравилось, а потом он устал от ее рабской преданности.

— Эллис, у меня к тебе *большая* просьба. Могла бы Тилди пожить у тебя некоторое время? Ты уже так много сделала.

— Конечно же, Фло. Есть комната. Когда она приедет?

— Через десять минут.

— Да, конечно. Без проблем, с большим удовольствием.

— Спасибо, Эллис. На тебя можно положиться.

Я предоставила ей резервную спальню.

Флоринда позвонила на следующий день, чтобы сообщить меня, что они начали большой ремонт.

Она спросила, прощупывая почву:

— Эллис, когда мы будем делать полы, могли бы мы с Тайшей пожить у тебя? Мы будем спать на полу, я обещаю, что мы не будем...

— Конечно! И тебе не потребуется спать на полу. Это глупости...

— Нет, нет, мы не хотим обременять тебя! Мы принесем циновки. *Нагваль* останется у себя, он не позволит рабочим касаться его части дома. — Вообще-то они боялись оставить Карлоса одного.

Насколько он *был* болен? Никто не мог сказать.

Тилди и я занимались тенсегрити, и иногда к нам присоединялась Нэнси, ученица воскресной школы. Она и ее муж Джим посвятили свою жизнь учению Кастанеды, путешествуя по миру в поисках своего героя, и встретили его наконец на семинаре. Нэнси отказалась спать с Карлосом, сказав нам: «Я люблю своего мужа, даже если из-за магии он перестанет заниматься сексом».

На самом деле у Джима был роман с женщиной, которую он встретил на семинаре. Он лгал своей жене и получал от нее деньги. Нэнси стала известна правда, и она отчаянно жаждала узнать мнение Карлоса. Была ли она слабаком или она была до крайности преданным человеком? Карлос назвал Джима фальшивым воином, удовлетворив тем самым Нэнси.

Карлос часто говорил: «Все, что у нас есть, — это слово. Слово, связывающее нас соглашением с Бесконечностью, — вот наказ, который мы исполняем. Если мы нарушим данное слово, Бесконечное закроет свою дверь навсегда. Апология ничего не значит, — это

для людей. Если вы нарушаете слово, вы должны снова восстановить себя из ничего и *заплатить по счетам*. Я говорю не только о деньгах! Вы можете оплатить долги, если только отдадите все, что имеете, тому, кого вы предали.

Это единственно возможный карт-бланш чувства настоящего воина.

— Конечно, предоставить карт-бланш легче, когда у тебя есть „любоффь“ или когда ты только что обрела нового „друга“, но как быть, когда начинаются трудности из-за того, что ты делишь все с этим человеком — жизнь или ванну, — *carajo* ! Как быть, если кто-то нуждается в тебе, а у тебя *нет возможности* отплатить любовью? *Pucha*, до чего же непереносимо для нас такое неудобство! Вот такие мы есть. *Но маг всегда держит слово, и поверьте мне, если он разрушит его, он не найдет утешения и в смерти* ».

Как-то раз через два года после смерти Карлоса один человек, знакомый кого-то из группы, плакался мне, что ему трудно устанавливать отношения с непосвященными. Ему взбрело в голову выбрать кого-нибудь из вольнослушателей. Я спросила его, почему бы ему не поискать партнера за пределами этого довольно ограниченного числа людей.

«Абсолютно невозможно! Зачем? *Все эти люди там — лишь человеческие формы* ! Это не наш уровень!»

Я была в ужасе: «Ты считаешь, что нет никого достойного во всем мире вне этого маленького мирка?»

«Но все хотят ухаживаний! — настаивал он, — Они в ловушке, только мы можем достичь состояния любви по-настоящему, как маги». «Почему бы, — осторожно предположила я, — не поступить как Пигмалион? Довести партнера до „своего уровня“». Он просиял: «Точно! Я бы смог это сделать!»

Я была озадачена. *Почему* эти самоотверженные люди, проехавшие сотни миль, проводящие тысячи часов на занятиях по тенсегрити, потратившие все свои сбережения на семинары, так неподатливы на изменения? Может быть, мир магов и колдунов притягивает истерзанные, измученные души? Моя душа — идеальный тому пример. Но в конце концов я сделала свой выбор, сражалась за эту жизнь.

Или он привлекает самых худших из непоследовательных и самонадеянных? Или, как было написано авторами «*Записок гуру*», «многие вполне уравновешенные люди оказывались под влиянием гения уровня Кастанеды?»

После того как Тилди выслали в Италию, Карлос передал мне через Флоринду драгоценности со словами: «Спасибо за твою доброту, *amor*. Она была сложным существом».

В то же время Равена оставалась жить у меня. Сложилась невыносимая ситуация: ведьмы презирали Равену за ее потребности, но не могли решить, что с ней делать. Ничего не говоря, я взяла все в свои руки. Я исполнила самый прагматичный магический трюк, которому научил меня Карлос, — если мне нужно было, чтобы кто-то уехал, он советовал побрызгать собственной мочой углы в комнате или двери. Трюк с мочой помог Саймону сотворить чудо в знаменитой голливудской студии. Карлос утверждал, что это способствовало разорению компании и позволило ему начать свой собственный бизнес. Саймон рассказывал, что приходил по ночам в это здание с бутылочкой распылителя на протяжении месяца. Я использовала этот прием несколько раз, и он меня не подвел, да и другим не сделал ничего плохого. Он просто спровоцировал... *перемены*.

Я, ничего никому не сказав, опрыскала один раз комнату Равены. А на следующий день позвонила Флоринда и сказала: «Скажи ей, что пришло время уйти».

Как только Равена и Тилди ушли, ведьмы стали часто приходиться ко мне в гости. Я не была включена в большую группу, но была внутри чего-то такого, что заставляло меня носиться с самого утра и до того мгновения, когда я в изнеможении проваливалась в сон. И эта жизнь была гораздо лучше, чем жизнь среди чопорных мальчиков и девочек. Эта новая жизнь включала шампанское, плавание и солнечные ванны, я больше не носила чьи-то туфли и не постригалась так коротко, как это было принято у всех.

А магическая бутылочка с распылителем? Я убедилась, что это не поддается

объяснению.

Позже я выяснила подробности грехопадения Равены. Она попросила Карлоса разрешить ей пропустить представление в «Театре магии» ради своей презентации в Нью-Йорке. Он ответил: «Конечно!»

Вернувшись, она оказалась изгоем. Предполагалось, что она должна была знать: в ее жизни не было ничего важнее Театра. Многие из нас пострадали точно так же, усвоив лишь, что понять различие между «да» реальным, «да» безразличным и «да» фатальным совершенно невозможно. Лучше оставаться консервативным и проявлять лишь минимум активности.

Я симпатизировала Равене, и было жаль, что я не могу ей об этом сказать. У фаворитов было свободное время, это знали все. Меня отпустили на восьмидесятилетие моей матери; Гвидо решали поездки на презентации его книг, Клод имела свободное время, если выяснялось, что она ушибла палец на ноге.

Но даже фавориты, исключая Клод, ходили по лезвию бритвы. Знаменитая актриса пригласила Гвидо в Италию на вечеринку с большим количеством звезд. Дама оплачивала все счета знаменитостей: билеты на самолет, гостиницы и прочее. В последний момент Гвидо отклонил приглашение и отменил поездку.

Карлос был горд: «Если бы Гвидо уехал, он бы больше нас не увидел. НИКОГДА! Мы исчезли бы навсегда, мы бы ушли в Бесконечное без него. Они что? Хотят, чтобы он был придворным шутком? *No jodas!*»

Флоринда с этим не согласилась, сказав мне «Это его карьера, *carajo!* Он должен тусоваться среди знаменитостей, поддерживать связи, это часть его работы!»

Тарина, так называемый «Оранжевый Скаут», однажды заняла такое важное положение в группе, что ее презрение не допускало меня на занятия и праздники в течение многих лет. Она была одним из снобов, которых я впервые встретила в «Гайа Букс» в Беркли. Тарина была на гребне успеха непосредственно перед Клод. Она получала существенную финансовую поддержку, имела огромную квартиру в Вестсайте, училась в UCLA, получала пособие, одежду и драгоценности. Флоринда была «мамкой», а Карлос — «папой». Тарина была его любимым сексуальным партнером и даже позволяла себе называть Муни «жирягой».

«Падение» Тарины произошло — как у меня и у Астрид — лавинообразно. Все началось с вымышленного греха, который вызвал гнев Карлоса, после чего он сказал, что Тарина совершила множество преступлений против него. Она стала позором перед лицом Космоса.

Слухи варьировались. Ее грехи включали слишком частые занятия в колледже (смешиваясь с людьми, она, таким образом, обретала «человеческую форму»), две автомобильные аварии, которые рассматривались как плохой знак. Абсурдный список «человеческих» неудач становился все длиннее.

Годом позже Тарина была госпитализирована для первой операции на кишечнике, после четвертой потребовалось уже колостомия. За несколько месяцев отлучения пышущая здоровьем женщина дошла до состояния, близкого к смерти. Она скрывала свою историю от докторов, пробуя вести себя как маг. Врачи полагали, что резкий упадок сил был связан со стрессом, и подозревали, что она лгала им о своей жизни. Тарина отрезала своих родственников по распоряжению Карлоса, поэтому он, а позже и Муни чувствовали себя обязанными оплачивать ее лечение, но только до поры до времени.

Через некоторое время Муни сказала мне, пожав плечами: «Мы только что послали ей десять тысяч долларов, которые Карлос платит тем, от кого хочет избавиться навсегда. Это отступная цена». Я и не предполагала, что такова была цена веры.

Во время моего последнего изгнания Карлос говорил слушателям воскресной школы: «Держитесь подальше от Эллис! Она темная лошадка, и я вижу, как она просто сходит с ума! Она приходит сюда, добывает, выгадывает, — она тот, кто побьет всех нас!» Он часто говорил Флоринде, что я была «самым лучшим борцом, которого он когда-либо видел», и

Фло умоляла меня, чтобы я поняла, что его уважение, редко кому оказываемое, стоит намного дороже, чем его любовь. Он восхищался женщиной, которая могла «взять свое», которая всегда могла открыть дверь ногой.

К моему удивлению, после этого комплимента, переданного через третьих лиц, меня посетила сама Флоринда:

— Ты ничуть не изменилась! Ты слишком далеко зашла! Я имею в виду, что это не *соревнование*, как у людей, но... Ты пятишься назад! Тебе надо научиться избавляться от этой застывшей улыбки. Что с тобой случилось? Почему ты так *затормозила*? Давай учись улыбаться! Давай пробуй.

На эти ободряющие слова Флоринды я улыбнулась. Она состроила гримасу:

— Разве ты не можешь сделать что-нибудь получше, чем это? Ты зажата! Вот *так*, — она продемонстрировала сияние, гротеск, подобие улыбки. — Пробуй снова!

Так прошли еще пятнадцать минут. Флоринда качала головой, выражая отвращение.

— Я не знаю, что с тобой делать. Я учу тебя «магической мантии уверенности» донна Хуана. И, между прочим, не говори ничего, если Тайша спросит, не ты ли подвозила меня в кино вчера вечером.

— Но она видела нас! Она *помахала* мне!

— Тебя там *не было*.

— Это абсурдно. Я не могу лгать ей таким вопиющим образом, это оскорбление ее здравомыслия!

— Это не ложь! Это «мантия уверенности»! Придерживайся своей версии, и ты всегда будешь побеждать!

Мои усилия были вознаграждены: в декабре 1997 года Карлос и Флоринда удивили меня, пригласив быть компаньоном Флоринды на ее последнем публичном выступлении в Мехико.

Она должна была выступить перед большой аудиторией, представляя Булу и Декстер, как первую смешанную пару, «Команду сознания через гармонию», демонстрирующую возможность несексуальной любви между полами. Они покажут новую, недоступно трудную форму, называемую «Кодекс», сохраняемую в тайне от многих поколений. Карлос, расхваливая их свободу от эго, сам написал для нее текст. Муни буквально выла от смеха, потешаясь над шумной рекламой этой презентации:

— Два самых больших эго-маньяка, они фактически купились на рекламу! Уловка *нагвалы* сработала! Это блестяще! Они поверили в эту чепуху, и Була оказалась в дерьме! Превосходно!

Муни объяснила мне, что Декстер был «костью, которую Карлос бросил Буле, чтобы она утвердилась в своем безумии, повысила самооценку и не скулила», потому что Клод, переменчивая в своих привязанностях, переключилась на Фифи.

Я была удостоена приглашения от Флоринды. Возможно, она отстояла меня, или Карлос тепло отнесся ко мне за доброе отношение к группе изгоев и дружбу с ведьмами.

Фло и я прибыли в аэропорт первыми, потому что должны были встретить «команду». Они приехали, и Декстер не мог опомниться от удивления при виде меня, изгоя, в таком уважаемом статусе. Он улыбнулся и дружески обнял меня. Була отказалась приветствовать меня, как всегда обнимая Флоринду и делая вид, что меня не существует. Когда мы сели в самолет, Була делилась какой-то едой с другими, но в конце концов Декстер покраснел и предложил мне несколько орешков из мешочка. Меня удивляло, до каких пор она будет разводить этот детский сад.

Мы зарегистрировались в симпатичном отеле и разошлись по номерам. У Флоринды была сильная простуда, и я волновалась, что она не сможет прочитать вводную лекцию. Наш план состоял в том, чтобы вместе возвратиться в Лос-Анджелес сразу после ее выступления, оставив проведение практических занятий «команде».

Когда на следующее утро мы встретились в фойе, чтобы отправиться в аудиторию, Була улыбнулась, как будто видела меня впервые, и сказала:

— О, привет, Эйми!

Это было странно. Никто в группе не обращался ко мне как к «Эйми» по крайней мере уже лет шесть.

— О, прости! — внезапно прошептала она. — Доброе утро, *Эллис* ! Прости!

— Все в порядке, Дороти, — ответила я.

Она напряглась, как будто получила удар.

Позже я узнала, что зоркая Флоринда все видела и слышала.

А уязвленная Була молча отступила. Мы отправились в лекционный зал, где Флоринда, будучи больной и искусно скрывая это от публики, произнесла вдохновенную речь. Она, подобно Карлосу, с воодушевлением, которое напомнило мне отца, выступавшего именно так и по национальному телевидению, и перед единственным слушателем, осветила основные концепции магии. Отец мог говорить о своем бестселлере или о тридцатилетней борьбе за право стать романистом в пятисотый раз точно так же, как в первый. Я была восхищена, хотя видела, что, спускаясь со сцены, Флоринда дрожала и чихала.

В аэропорту она стала раздражительной: вопила из-за моей неловкости с билетами, напоминала мне слишком очевидную истину, что я была не таким хорошим помощником в компании, как Соня. Она угрожала тем, что никогда больше не станет путешествовать. Тем не менее я была *обаятельней* и забавней, чем Соня, и она простила меня, признавшись на следующий день:

— Эллис, я видела, что Була игнорировала тебя и оскорбляла, — я все видела. Ты думаешь, что я не заметила? Я слышала все, что эта сука сказала, я наблюдала, как она обращалась с тобой в аэропорту и самолете. Она всегда была груба. Ты знаешь, что мы держим ее только для развлечения Клод.

— Когда она назвала тебя «Эйми»... *Carajo! No jodas!* Высокомерная сука! Я затащила ее за угол прямо перед тем, как ей выходить на сцену и сказала:

«Була, почему ты так обращаешься с Эллис? Ты живешь в прошлом, ты настолько мелка, ты так *ей завидуешь* ! Если ты не возьмешь себя в руки *прямо с этой минуты* и не начнешь вести себя как взрослая, я сейчас же *посажу тебя на обратный рейс в Лос-Анджелес* . Если ты ведешь себя как младенец, поверь мне, я буду обращаться с тобой так же. Декстер будет вести весь семинар без тебя. И я ручаюсь тебе, что с удовольствием сделаю это».

Я вспомнила резкую перемену в Буле: от снобизма до нервно прекрасного отношения, — ее испуганную, холодную, фальшивую улыбку. Я знала силу гнева Флоринды.

Хоть кто-то за меня заступился. Я произнесла тихое «спасибо» — Флоринда не любит экспансивности. Несмотря на нашу слишком мирную поездку, вектор понимания был повернут. Я была тайной ведьмой под наблюдением Карлоса. Моя жизнь снова имела смысл и значение даже вне группы.

Именно тогда Муни сказала:

— Эллис, ты — бомба замедленного действия подо мной.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты слишком много знаешь.

глава 35

МАГИЧЕСКИЙ СЕКС И МАГИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Секс — не только божественное и красивое деяние, это деяние — убийственное. Люди убивают друг друга в постели. Некоторые из самых страшных преступлений, когда-либо совершенных, были совершены в постели. И без применения какого-либо оружия.

Норман Мэйлер «Тень проститутки»

В период наших «близких отношений» Карлос излагал мне свои красочные сексуальные теории с многочисленными подробностями. Главное, для чего были нужны занятия сексуальной магией, это достижение внутренней тишины, как в дзэн. Иногда это получалось, — я чувствовала себя как будто убаюканной и приятно сонной после занятий любовью. Думаю, что это случается и с обычными людьми, но Карлос упорно утверждал, что сперма *нагваля* «тяжела» для них, и если ученик не готов, опасно приводить его в возбуждение, причиняя этим боль.

Сексуальная магия, говорил он, была самым быстрым способом продвинуть ученика. Тяжелая сперма слишком едкая для «человеков», это кислота, которая выжигает человеческую форму, превращая реципиента в ведьму. Карлос просил, чтобы я «подтягивала сперму» к мозгу во время его оргазма и таким образом меняла состав своих мыслей. Он сказал, что я уже стала ведьмой, раз занималась любовью с ним, и что мужчина, который будет потом заниматься со мной сексом, получит магические дары, своего рода бесплатный проход в Бесконечное и свободу. Я назвала это «программой километраж плюс», но Карлос не смеялся. Ученикам-мужчинам он объяснял, что женщина-*нагваль* «может привести их к внутренней тишине через секс».

Карлос рассуждал о сексуальной магии в книге Тайши, заявляя, что обычные мужчины оставляют нити энергии в матке женщины при каждой эякуляции. Флоринда цинично сказала мне, что он придумал это, чтобы Тайше было чем заняться, потому что она ханжа. Карлос называл эти нити «червями», которые истощают женщин на всю жизнь, в то время как мужчины вампирически питаются за счет них до конца своих дней.

Каждая новая эякуляция автоматически «поджигала» старые нити женщины, напитывая таким образом всех ее предыдущих партнеров, коверкая ее. Это, объяснял он, было причиной «безразличия женщин ко всему». Даже при всей совокупной силе обоих умов (матка, по его словам, «является вторым мозгом женщины»), они доходят до такой степени истощения, что «позволяют мужчинам править миром». Единственным средством от этого было семилетнее воздержание и рекапитуляция или секс с *нагвалем*. Если кто-то желал получить энергию и идти путем «жизни» и «смерти» мага, нужно было соблюдать celibat на протяжении всей жизни.

Карлос был способен кончить три или четыре раза подряд. Он объяснил мне, а потом и всем слушателям во время публичных выступлений, что перед встречей с доном Хуаном он был «средним мужчиной, способным на один оргазм, то есть — никем! Только небольшая струйка, и все!» Он сказал мне, что однажды дон Хуан обернул его член тряпкой, пропитанной настоем травы, и менял ее ежедневно в течение трех дней. Карлос почувствовал, что его гениталии увеличились чрезвычайно, «до ступней!» Когда процедуры обертывания закончились, его член выглядел таким же, как обычно, но теперь имел силу для многократных эякуляций.

Карлос иронически относился к клиторальному оргазму, который считал слабым и вялым, хотя полностью его не отвергал. Он полагал, что большинство женщин и мужчин страдают половой слабостью, но когда-то мы обладали «сгустками энергии», которые были потом уничтожены враждебными существами и обычным человеческим сексом, обладающим разрушительным эффектом. Этот «поврежденный сгусток» не позволяет женщинам переживать глубокий вагинальный оргазм, а мужчинам достигать множественного оргазма, что является их неотъемлемым правом. «Женские сгустки энергии» в его *проницательных* глазах выглядели простыми, они имели прямую, вытянутую форму в несколько дюймов поперек. «Мужские сгустки» были сложными и тонкими, напоминая по форме шею лебедя с клювом. Эти структуры было легче сломать, чем женские, и труднее восстановить. Знакомый Карлоса по UCLA, который пожелал остаться неизвестным, сказал мне, что в семидесятых годах его приемы обольщения были немного другими, — вместо «восстановления сгустка энергии» он предлагал «ввести *нагваля*» (по другому это называлось «шаманским проникновением»), «Он хорошо предугадывал то, что человек страстно хотел слышать, — вспоминал этот человек. — Его

непредсказуемые поступки, недоступность и прочее вызывали у некоторых огромное желание добиться нагвалы, — прерывистое подкрепление всегда формирует и управляет поведением лучше, чем последовательное. Приемы Карлоса были самыми обыкновенными, только варьировались: целование руки, букеты, серенады и пренебрежение, затем возвращение, дополненное чувствами с высоким накалом. Эта тактика включала также раздачу безделушек, колец и объявление помолвки — все, чтобы леди не захотелось устроить ему трудные времена. Он действительно хотел нравиться, любил произносить монологи, и когда он не был „испуган“ чем-то или кем-то (как правило, человеком, чьи знания он планировал превратить в капитал), то он вел себя очень забавно, зло передразнивая оппонента. Карлос отчаянно нуждался во внимании и оправдании, независимо от того, что он делал... Его потребность в лести была огромна».

Когда Карлос говорил о сексе на своих лекциях, те, кто читал его прежде, задавались вопросом: почему этой информации не было в книгах? Флоринда на это мне ответила: «Если бы мы только допустили мысль о возможности заниматься сексом, об этом говорили бы все!» Как я понимала, ирония состояла в том, что отсутствие этой темы лишь сильнее возбуждало любопытство, которое маги стремились удовлетворить.

Публично проповедуя безбрачие, *нагваль* поймал мужчин на «уловку двадцать два». Он беспощадно дразнил тех, кто сопротивлялся обаянию привлекательных женщин, не занимаясь сексом, упуская возможность стать «хорошим воином». Решение этой головоломки, должно быть, мучило учеников.

Любимым персонажем, забавлявшим его, был его давно умерший дедушка, который учил его, мальчишку: «Ты не можешь трахнуть *всех* женщин в мире, но ты можешь попытаться!» Карлос утверждал, что считает эту философию отвратительной, не приносящей радости, но к концу его жизни стало ясно, что он следовал ей. Муни была убеждена, что Карлос совратил больше женщин, чем кто-либо другой в нашей истории.

— Даже больше, чем Уилт Чемберлен? — спросила я скептически.

— Ха! — рассмеялась она. — Уилт ничто перед ним!

Мужчин и женщин время от времени исключали из групп и обязательно из «внутреннего круга», если обнаруживали, что они имели сексуальные отношения. Одна ученица сказала Кастанеде, что частенько занималась проституцией, и ей, как исключение из правил, было разрешено этим заниматься и далее, так как предполагалось, что эмоциональные связи отсутствовали. Было ли это противоречие порождением извращенного упрямства Карлоса в духе «доктора Джекила и мистера

Хайда » или действительно это было дидактической техникой? Или это были жадность и самовлюбленность Карлоса, позволившие ему рационализировать свое собственное стремление к завоеванию и поддержанию власти, предотвращая тем самым «взрыв парового котла»? Флоринда подливала масла в огонь всей этой неразберихи (в моем случае — постоянно), подшучивая надо мной по поводу половины мужчин в группе: «Какой настоящий мужчина согласился бы на такие требования? — глумилась она. — *So!o* ! Тут нет никого с яйцами!» Тайно, с чувством вины, я продолжала получать радость от ухаживания, притворяясь, что согласна с учителями, которые утверждали, что это было бременем «человеков».

Нельзя отрицать, что исполняя несколько месяцев роль возлюбленной *нагвалы*, я получала крайне противоречивые инструкции. С одной стороны, Карлос велел мне дать клятву, чтобы я никогда не позволяла ядовитому человеческому самцу входить в мое тело. В то же самое время он уверил меня, что я была теперь полноценной ведьмой, которая могла исцелять мужчин «энергетически мощной *poto* » и переносить их в другие измерения. Я чувствовала себя то разбитой, то всеильной, но главным образом замороженной. Самым трудновыполнимым из всего этого был абсолютный запрет на вопросы. Я должна была удовлетворяться восхищенными восклицаниями Карлоса: «Это, *mamita*, могущественная *poto*. Ты не имеешь ни малейшего представления, кем ты стала!»

Довольно часто мы с Карлосом занимались любовью с такой страстью, что изнуряли

друг друга. Это были мои самые счастливые моменты за все девять лет в мире магов. Несмотря на наши конфликты и то, что я все более и более раздражала его своей непочтительностью к правилам и прихотям, мы удивительно подходили друг другу сексуально, и это сформировало мощную связь между нами.

Возможно, нет ничего более таинственного, чем сексуальная химия. Муни сказала мне, что в течение четырех лет она ничего не чувствовала. Наконец что-то изменилось, и она получила долгожданное удовольствие. А потом (от болезненных воспоминаний ее плечи поникли) его страсть к ней пропала.

Флоринда же утверждала, что всегда получала удовлетворение. Позже я слышала, что некоторые из его партнерш пробовали закрывать глаза и думать о Бесконечном, а другие возбуждались, захваченные его любовным пылом.

«*Qu é bestia*, ты просто зверь! Мы убьем друг друга!» — Карлос обычно смеялся, когда мы обнимались. Он часто говорил о возможном бракосочетании в Лас-Вегасе, «в одном из тех ужасных номеров с ванной в форме сердца». Позже, когда это оказалось слишком затруднительным, он предлагал сочетаться во Дворце правосудия в Санта-Монике, но церемония так и не состоялась.

Однажды он вызвал меня из воскресного класса, оставив Астрид одну заниматься со слушателями. Он обратился ко мне с какой-то необыкновенной страстью:

— Эллисита, я *видел звезды*. Не думай, это не просто выражение — я действительно *видел звезды*, — его карие глаза сияли. — У меня кружится голова! И что-то *случилось*, чего *никогда не происходило прежде*! Ты знаешь, как осетр мечет икру? Он кладет свою икру рядами... Понимаешь, я выложил «икру» в твоей матке, положил энергетические икринки линия за линией. Они будут созревать в тебе всю оставшуюся жизнь, время от времени будет происходить взрыв энергии, «чистого сознания». Твоя матка восприняла энергию, я и не предполагал, что это возможно! Теперь ты моя правая рука, ближе тебя у меня никого нет. Я едва смогу встать сегодня! Ты измотала меня! — он уткнул лицо в мои волосы. — Я никогда не чувствовал такой близости ни с кем, *amor*. Я — твой муж, твой *мужчина*.

Карлос не позволял мне заниматься сексуальным самоутверждением. Он пытался осуществлять в своей спальне полный контроль — так нагваль поступал со всеми женщинами. Муни сказала мне, что он чуть не выгнал одну из самых своих близких студенток «за попытку занять позицию сверху», Карлос всегда испытывал наслаждение от разнообразия позиций, но их выбирали не партнерши. Как только я приноровилась к его потребности управлять, то сразу стала восхищаться его бесчисленными капризами, не зная, какого Карлоса увижу войдя в спальню. Он был то нежным, почти застенчивым, шептавшим ласковые слова по-испански, то страстным возлюбленным, кусающим мою шею и губы, то неторопливым *мачо*, нехотя целовавшим меня... и Карлосом, смотревшим в мои глаза, ленивым гедонистом, ласкавшим меня часами, игривым и жестоким, засыпавшим в моих объятиях.

После того как я прожила несколько месяцев в Лос-Анджелесе, Карлос принялся за стрижку моих волос. Это был явный признак самой тесной близости, потому что волосы имели особое значение для магов. Как только он начинал подрезать волосы ученице, ей не разрешалось стричься в другом месте или самой просить нагваля о стрижке. Карлос сказал мне, что в волосах содержится наша личная история, попавшая в ловушку и «удерживающая нас от полета». Подрезание волос восстанавливает нашу легкость и свободу. Каждый волос на моей голове был антенной для восприятия: чем короче, тем более восприимчивой.

Он утверждал, что мог бы стать профессиональным парикмахером, и я верила — его стрижки были превосходны. Иногда женщины останавливали меня на улице и спрашивали: «Кто стриг ваши волосы? Я должна знать!» Но я не могла ответить им на этот вопрос.

У *нагваля* было старомодное оборудование — электрическая бритва и любимые ножницы. Он обычно сажал меня на высокий табурет в маленькую прямоугольную ванную. Во время стрижки я смотрела на табурет и ковш, который он держал в ванне, и спрашивала

себя, купал ли он других возлюбленных в розмариновой воде, как меня. Иногда я вглядывалась в проем душевой кабины, в которой он хранил ботинки, поставленные аккуратными рядами. Там на подоконнике стояла курильница для ароматов и лежал пепел, хотя я никогда не ощущала запаха.

Рядом находилась большая спичечная коробка. Спички, я полагаю, были предназначены для «спичечной техники». Это было секретной медитацией, которой обучали во внутреннем круге.

Практикующий зажигал спичку и смотрел на пламя, воображая, как ее свет проникает в третий глаз.

Потом пламени давали разгореться (деревянные спички использовать было нельзя, они слишком быстро сгорали), сгоревшую головку опускали в блюдце с холодной водой и снова брали ее в руки, переворачивая спичку. Пламя разгоралось снова, и остальная энергия постепенно втягивалась в третий глаз пока спичка не сгорала целиком. Первое пламя, как считали, просветляло ум, второе очищало сердце. Главная цель состояла в том, чтобы достичь внутренней тишины.

Во время стрижки мы беседовали редко. Карлос концентрировался. Я с изумлением наблюдала, как Карлос сосредоточивался — стриг ли он волосы, занимался ли любовью или смотрел кинофильм, — его внимание было абсолютно.

Карлос все время менял стиль моих стрижек. Стрижка почти «под ноль» была моей любимой.

Волосы слишком короткие, но лицо становилось выразительней. Как-то раз Карлос узнал, что я должна присутствовать в качестве наблюдателя на деловой встрече, и дал мне старинные серьги с сапфирами филигранной работы, «чтобы они охраняли меня во время переговоров». Потом чуть-чуть подправил длину волос. Он считал, что так я буду выглядеть как профессионал, а не гроза мужчин. Я оценила его стратегию, но все-таки расстроилась: через неделю прическа будет опять короткой и я как бы возвращусь к началу пути.

Флоринда была моим посредником. Она подталкивала, упрашивала и теребила Карлоса, чтобы он стриг мои волосы. Иногда они становились настолько длинными и неухоженными и выглядели так ужасно, что я выливали на них целые пригоршни геля или завязывала в хвостик. Карлос критически оценивал меня в классе и говорил: «Уже нужно постричься, *chola*». Проходили месяцы. Чем короче была стрижка, тем счастливее я была, потому что это дарило мне месяцы свободы от беспокойства о моей дикой копне завитков. «Мне так *хочется* самой постричь тебя! — сочувствовала Флоринда. — Но он *узнает*, *поймет*, даже если подрезать совсем чуть-чуть, и никогда не простит мне этого».

Однажды, отчаявшись, я пожаловалась одному ученику воскресной школы — он был парикмахером — и попросила его слегка постричь меня. Никто ничего не заметил. В другой раз я спросила Астрид, можно ли мне потихоньку подрезать волосы. Она была шокирована: «*Не делай этого!* Это может повредить твою энергию! Я бы *никогда* не позволила никому, кроме *нагваля*, подстригать мои волосы! Кроме того, если он узнает, то *никогда* не будет подстригать их снова!»

Карлос, заканчивая стрижку, никогда не позволял мне подметать остриженные волосы. Было что-то неожиданно трогательное в том, как он тщательно сметал мои завитки в совок, отказываясь от всех моих предложений помочь.

— Дай я подмету! — Я улыбнулась и потянулась за метлой

. — Нет, нет, нет, *preciosa*, ты расслабляйся! — Карлос носился с моими состриженными завитками, пока пол не стал совершенно чистым. Он разглядывал свою работу с большой гордостью, ставя меня перед зеркалом и поддерживая другое, чтобы показать мне стрижку сзади.

— Вот теперь ты похожа на нестоящего *duende*! Твои волосы растут так *быстро*, *chica*! Ты смотришься прекрасно, теперь иди домой и отдыхай, мой малыш. Он всегда провожал меня до дверей, целовал, говорил «до свидания» и просил позвонить ему, как только я доберусь домой, чтобы он знал, что я нахожусь в безопасности в своей кровати. Он любил,

когда я отдыхала после занятий любовью и после стрижки, так как оба этих события «требуют много энергии — быть с *нагвалем*, это очень утомляет».

Карлос говорил, что *он* дает *мне* энергию, но он так же часто говорил, что *я* даю *ему* энергию, как у даосов, где женские флюиды, как считается, омолаживают мужчину. Муни соглашалась, что он заряжается нашей энергией, говоря: «Миллион даосов не могут ошибаться!»

Иногда после секса и короткого отдыха он готовил «магическую еду», чтобы подкрепить меня: несколько кусочков жаркого, немного фиг из своего сада, стакан первоклассного портвейна. Нередко он играл со мной, прося угадать его любимые в детстве мелодии — *кансонэс* или изящные джазовые пьесы тридцатых и сороковых, которые он обожал, особенно соло на саксофоне.

Как-то раз (это никак не связано с группой Кастанеды) я оказалась на шоу Фила Донахью, который с двумя биографами обсуждал, этично ли описывать сексуальную жизнь известных людей. Я растерялась, когда ярость толпы обрушилась на одного из приглашенных гостей. В моей книге, написанной в соавторстве с членами моей семьи, кратко описаны *амурные* дела сотен недавних знаменитостей. Толпа с азартом линчевала елейного биографа Элвиса, биограф Бинга Кросби также был выброшен на обочину.

Но сексуальная жизнь Карлоса Кастанеды — предмет, полностью отличающийся от других. Он сделал секс действенной составляющей своей философии, письменного творчества, речей и интервью, активно проповедуя целибат и рассуждая о сексе как о магическом акте. Осмысленное обсуждение жизни, трудов и влияния Кастанеды было бы неполным без открытого обсуждения его убеждений, касающихся этого вопроса и его собственных действий. Если вы верите во что-то, то действуйте, так как, по его мнению, только те достойны восхищения, у кого слова не расходятся с делом.

Есть ли влиятельные фигуры в двадцатом столетии, которые бы придерживались сходных взглядов на эти вещи? Вспоминается Эйн Рэнд (король эксцентрики), Шри Раджниш (один наш ученик из внутреннего круга, как я позже выяснила, вышел из его гарема), возможно, Симона де Бовуар, Брехем Младший и другие сексуальные утописты.

Отказываясь от сексуальной разрядки — мастурбация запрещалась как вид взаимодействия в мире магов, — Карлос мог наблюдать и, возможно, управлять накопленной энергией, созданной при помощи сублимации, перепросмотра и пассов тенсегрита.

Мне были неинтересны подобные эксперименты, и, несмотря на все наши конфликты и усиливающуюся несовместимость, Карлоса и меня неудержимо влекло друг к другу сексуально. Это продолжалось до моего изгнания с занятий, которое совпало с ухудшением его физического состояния. Его диабет сопровождался осложнением — потерей мужской силы. Однажды, будучи не способным достичь эрекции, — побочный эффект тяжелого диабета, — он разъярился: «Это твоя вина!»

Частота наших интимных встреч сильно менялась за эти годы, от месячных перерывов до нескольких раз в день, но в последние годы установилась на уровне раз в десять дней. Мне было трудно узнать, как это происходило у других женщин, но я все-таки я узнала, что некоторые женщины прекратили секс с Карлосом полностью. Клод оказалась любимой царственной супругой, которая никогда ему не надоедала. Другие, по слухам, имели краткую инициацию, включающую четыре встречи с «тесными отношениями» (разве «тройка» не была магическим числом для Карлоса и меня?), а затем секс прекращался. Мы с одной женщиной, посмеиваясь, подсчитали, сколько в общей сложности мы наслаждались им. Она пришла в группу более года назад, привлеченная книгами, и даже не подозревала, что Карлос занимался сексом. Однажды он вызвал ее для стрижки, но вместо этого бросил в ванну с розмарином и начал сексуальные игры. Она была удивлена, но ей понравилось.

Флоринда велела мне наплевать на все это. Как она утверждала, он прекратил заниматься с ней сексом два года назад. Я встревожилась: «Почему? Что случилось?» Она пожала плечами: «Кто знает? Мне все равно... Потом однажды он захотел снова этим заниматься».

Она неоднократно говорила мне, что Карлос не прикасался к Тайше более десяти лет. Я была потрясена. Только однажды я видела, что он нежно обнял ее за талию.

Одним из качеств, которым я наиболее всего восхищалась во Флоринде, была ее способность *иногда* говорить искренне о своих собственных недостатках. Флоринда как-то сказала мне, что Тайша обычно пыталась утаить правду о своих сексуальных отношениях с *нагвалем*, спрашивая: «Где вы этим занимались? В UCLA?»

«О да, — лгала Флоринда. — Он просто бросил меня в кусты».

Говоря это, Фло печально покачала головой:

— Откровенно говоря я была *нечестной*, Эллис, просто подлой. Но я была *неревнива*, — я засомневалась. — О, *раньше* была! Но теперь я выше всего этого.

Мне все равно, с кем он или со сколькими, я хочу только свои десять минут! Я алчная, и все тут.

Одна слушательница сказала мне, что пережитое ею в детстве сексуальное насилие было настолько тяжелым, что она оставалась фригидной и стоически переносила секс с Карлосом. Очевидно, Кастанеда не восстановил ей «сгусток энергии», потому что оргазм, не говоря уже о многократных оргазмах, был доказательством излечения. Она больше заботилась о пожелании «спокойной ночи» и ночных разговорах с ним по телефону, чем о занятиях сексом в спальне, и еще ей нравилось то, что он назвал ее своей дочкой.

— Разве он не называл тебя своей женой? — спросила я. — Так он всегда меня называет.

— Нет, некоторые из нас дочери, и некоторые из нас жены, — разъяряла она мне, как школьнице.

— И сестры? Так он обращается к ведьмам.

— Да. Также есть и сестры.

Карлос любил называть меня своей дочерью, хотя я и была прежде всего одной из «жен», но, очевидно, роли совмещались. Он говорил мне много раз страстным шепотом: «Ты — *точно* такая же, как моя дочь, вы взаимозаменяемы, я не могу отличить твою *rho* от ее. Я занимаюсь любовью *только* с двумя женщинами, ты — моя маленькая девочка. Я не прикаснусь ко всем остальным!»

Будучи в замешательстве, я поначалу верила каждому слову Карлоса с невероятной силой самоотречения, а потом рассказала об этом Флоринде. Она уставила глаза в небо со слегка подавляемым отвращением:

— Эйми, это басни! Только так! Сказки на ночь. Просто расслабься, наслаждайся, когда ты с ним, и *игнорируй все сказки*.

— Хорошо, если я — его дочка, по крайней мере, я нахожусь в лучшем звании, — ответила я дерзко, игнорируя суть ее замечаний.

— Или в худшем, — нахмурилась она. — Разве у Клод худшее звание? Что она значит для него?

Когда Карлос звал меня в постель, но был слишком слаб или нервозен, я часто растапливала лед, бормоча: «Правда ли, что я твоя дочка? Ты хочешь быть с твоей дочкой?»

Это ободряло его, хотя иногда любые мои слова вообще запрещались. «Заткнись», — командовал он, переворачивая меня из одной позиции в другую, шепча испанские ругательства, смешанные с нежными словами, и сообщал мне, что я должна буду скоро забеременеть Скаутом, который сотрет все человеческое во мне так же, «как рождение Клод сотворило подобное с Муни».

В другой раз он хитрил: «Никого нет в доме, шуми, сколько хочешь, шуми *громче!*» Он рычал, как страшный зверь, и просил меня подражать ему. Однажды он стоял и крутил бедрами, это была почти дословная цитата из его книги. В ней описывалось, как *нагваль* Хулиан, один из двух учителей дона Хуана, эротически гипнотизировал женщину, которая должна была стать его ученицей, точно также вращая своими бедрами. Карлос любил повторять мне, что у меня «чувственность нагваля Хулиана!»

Это было многозначительный комплимент, хотя глубоко внутри я ощущала, что у

Карлоса был ужасный комплекс двойственности «шлюха — мадонна». Моя податливость казалась ему непобедимой, и все же это было основанием для наказания.

«Ты такая чувственная, — говорил он. — Самая страшная вещь, которую я когда-либо встречал! Мы наверняка убьем друг друга при таком накале, я клянусь. Ты самка, *carajo*, ты — зверюшка, эльф, мой *piernudas*!»

Я натягивала чулки, притворяясь, что собираюсь уйти, но на само деле провоцировала его. Карлос неизменно ласкал мои ноги говоря: «Эй, не уходи! Еще! Твой муж хочет свою жену снова... Иди сюда, *mi mujer*!»

Я полагаю, что наша любовная страсть, дух интеллектуального сотрудничества и психологическая совместимость были реальной связующей материей между нами. Точно названная «сила животного магнетизма» связывала нас; Карлос имел обыкновение говорить, что «мир должен был бы следовать за Месмером, а не за Фрейдом», и без нее я, наверное вообще не выдержала бы в мире магов. Позже я изучала жизнь Месмера и узнала, что он начал как подлинный учитель и закончил как испорченный гуру. Карлос, как я понимаю, был слишком образован, чтобы не знать этого.

Когда Карлос хотел поиграть в игру «размажь эго по простыне», то у него в запасе был богатый репертуар. Первое, что меня шокировало, было то, что он ответил на телефонный звонок, и, шикая на меня, разговаривал во время занятия любовью! Следующий уровень — говорить *обо мне* по телефону во время секса со мной. Это был незабываемый момент, когда он разглагольствовал с Булой на тему «Эйми Уоллес, порнографический автор» и сказал: «Гвидо Манфред — другой порнографический автор, они — два сапога пара, абсолютно похожи, парочка!»

Третий уровень — взять и позвонить во что бы то ни стало Клод, освободиться от меня, затем протащить телефон с его стофутным шнуром в другую комнату, откуда мне будут слышны грязные разговоры. Они говорили по телефону, по крайней мере, по четверти часа. Самый длинный разговор, который я когда-либо зафиксировала, глядя на освещенный циферблат часов на столе у кровати, продолжался двадцать пять минут.

«Это была моя дочь», — говорил он, перетаскивая телефон обратно. Иногда он лгал, говоря: «Это был мой агент». Его агент, Саймон, покраснел бы, узнав, что я подслушивала.

Наконец он устал играть со мной в эти игры, я предполагаю, что мой порог чувствительности к шоку быстро повышался. Он стал выключать телефон и полностью посвящал себя нашему наслаждению друг другом. В то время как восторженные девственницы, фригидные женщины и лесбиянки восхищались бесконечностью Карлоса, он был... *флюидом*, выражаясь его собственным магическим словом. Моя сильная привязанность к нему, сочетание нежности и страсти, сексуальности и застенчивости привлекали его в течение долгого времени. Потребовались многочисленные свидания и годы, прежде чем он стал мне доверять (если доверие было возможным для него) и сосредоточился на взаимном наслаждении.

Процесс осознания того, что я была лишь частью его гарема, был, как я отметила, действительно очень медленным. Понимание, что я не единственная, пришло после моего звонка Карлосу из Лондона, куда я ненадолго поехала по делам. Я услышала голос женщины, хихикающей где-то рядом с Карлосом, который тут же зашипел: «Тс-с! Тише!» Я думала, что меня вырвет — Что *это*? — гневно потребовала я ответа.

— Что «что»?

— Я слышала кого-то — Ничего такого. Это у тебя в ушах, — еще одно хихиканье. Я повесила трубку и заплакала.

Позже Карлос стал более жестоким. Однажды я позвонила, чтобы обсудить что-то, и он сказал: «Я не могу сейчас говорить! Я нахожусь в *глубоких, очень глубоких исследованиях*». Я слышала женское хихиканье, когда он вешал трубку. Вещи, которые я так никогда и не пойму, — это его жестокость и эти женские смешки. Когда он снимал трубку, я лежала, не смея пикнуть, так как не хотела никого травмировать. Единственное, чего я хотела, чтобы он был нагвалем одной женщины.

Для некоторых читателей истории сексуальной жизни Кастанеды будут соблазнительными, для других — оскорбительными, для третьих — пикантными, и так далее. Я полагаю, что о них необходимо было рассказать по нескольким причинам. С одной стороны, меня часто спрашивают: «Что заставляло такую образованную женщину, как вы, находиться в ситуации, которая все более и более подрывала смысл понятий „правильно“ и „неправильно“?»

К Карлосу меня влекла сила моей страсти. К тому же это было приключением, включающим экзотические магические ритуалы. Создавалось радостное ощущение, что ты находишься в авангарде развития человеческой мысли. Я гордилась тем, что была «аморальной» — мораль стала частью «социального порядка», и мы были вне его. Мораль существовала для «пресыщенных сексом». И хотя я не признавалась себе в этом много лет, но существовала «скрытая сторона» моего воспитания, которая привела к тому, что я жаждала от мужчины плохого обращения. Я росла среди неверности и темных тайн. И, как объясняли про таких, как я, Крамер и Олстэд, «оказавшись втянутыми в это», они не могли рассматривать себя в качестве объектов авторитарной манипуляции.

Они видели себя скорее истинными духовными искателями приключений, бесстрашно раздвигающими границы условности. Для них способность переступить социальные ограничения, была знаком освобождения. Их гуру говорил им то же самое. Тот факт, что многих недовольных или творческих личностей без их ведома совратили, поставили в зависимое положение, заставили подчиниться догмам (что было заметно для других), указывает на особую восприимчивость людей к авторитарному управлению... Люди, которыми жестко управляют, полагают, что они свободнее, чем кто-либо... Основная идея, которая движет ими, — они находятся на пике развития.

Когда состояние здоровья Карлоса резко ухудшилось, и наши интимные встречи прекратились, мне пришлось самой задуматься о том мире, в котором я живу так безоглядно. В чем заключалась «магия секса»? В том, что я испытывала странные и тяжелые чувства после наших любовных свиданий?

Были ли мгновения внутренней тишины доказательством ее существования? А часы занятий перепросмотром — лишь формой промывания мозгов и самогипнозом? И почему эти ощущения не повторялись? Было ли это результатом моей недостаточной устремленности или это было следствием ограниченности методов? Может быть «магия секса» — просто обыкновенная страсть?

Или сексуальная магия больше, чем то, что чувствуют двое любящих, когда растворяются друг в друге, будь это *нагваль* и его ученик, или два влюбленных подростка, или пара после пятидесяти лет брака? Иногда мне кажется замечательным то, что мое глубокое чувство к Карлосу не изменилось.

Несмотря на то, что я узнала о порочных сексуальных отношениях гуру — ученик, я его все еще люблю и продолжаю огорчать его.

В последние недели жизни Карлоса я слышала, как Муни разговаривала по телефону с Флориндой.

Очевидно, некая весьма сладкая особа грела ему постель в тот день, поскольку Муни мурлыкала: «М-м-м... Он заслуживает эту плоть!»

Я вспомнила слова Крамера и Олстэда: «Откровенно неразборчивые гуру используют свою власть, чтобы создать такое количество наложниц в гареме, какое необходимо для их удовольствия...»

Сексуальные экзерсисы часто маскируются такими словами, как «обучение» или «поощрение» своих учеников. «Поощрение» ученика сексом — форма бессовестного господства, — как ученик может отказаться? — он тот, кто создан, чтобы обслуживать и повиноваться. Один известный гуру имел сводницу. (Эта ученица, позже жестоко разочаровавшаяся в нем, считала себя его сутенером.) Когда ее спросили, как она оправдывала это положение, она сказала, что в то время думала о нем как о боге, а «бог»

может делать все. Ведь он отдавал им так много себя самого, что заслужил буквально все для своего счастья.

глава 36 ПЛАНЫ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

*Человек достаточно безумен. Не зная, как исполнить очередную
блажь, он создавал богов дюжинами.
Мишель Монтень «Опыты»*

Я разговаривала по телефону с Фло, мы болтали о кино и политике, как вдруг она спросила:

— Эллис, что случилось? Я что-то слышу в твоём голосе.

— Что может случиться? У меня нет никакой жизни, вот и все.

На следующий день она зашла ко мне прогуляться и сказала, что расстроена. — Тебе недостаточно меня? У тебя «нет жизни»? Эллис, как ты думаешь, что я теперь чувствую?

— О нет, Фло, нет! Это совсем не то, совершенно не то! Я подразумевала только сексуальную жизнь.

К нам это не имеет никакого отношения.

— О-о, я понимаю. Ну ладно, я ведь говорила тебе, — мастурбируй. Поверь мне, дорогая, если бы я имела *pincho*, я бы трахнула тебя сама.

— Благодарю за предложение. Я ненавижу мастурбацию.

— Может быть, подключить Саймона? — она шумно запыхтела при мысли о «мастере ступенек». — Почему бы и нет? — ей удалось спрятать злую усмешку за тяжелым вздохом. — Вы подходите — очень миленькая парочка.

— О, там ничего не получится — А почему бы и нет? Немного «туда-сюда» с Саймоном, а? О, я его учила. Он может быть хорошим. Это была моя экспериментальная мужская особь, я наблюдала, что можно из него сделать. Из него получился бы неплохой любовник. Интересно... Нет. *Нагваль* никогда не допустил бы этого.

— Флоринда, честно говоря, чего мы ждем? Почему мы не можем заниматься сексом?

— Эллис, я сказала тебе, эти парни — *кастраты*! Какой мужик с яйцами присоединился бы к группе, где нельзя заниматься сексом? Это не по-мужски! Нужен особый тип менталитета евнуха. И посмотри на новенького, Декстера! *Carajo!* Тебе же не нужен такой слюнтяй? Найди себе мужчину, какого-нибудь старого друга в Берклии, и трахайся время от времени, но *никогда больше не говори об этом!*

Эта короткая речь подействовала на меня очень сильно. Фло, конечно же, любила мужчин из группы «колдовской любовью», но не уважала их. Я вспомнила ее часто повторяемую историю о любимой детской игре с человеческими фигурами на игрушечной ферме: она следила за спариванием и производством потомства, управляя, словно богиня, миниатюрными судьбами.

Мир игрушек Флоринды обрел человеческий масштаб. Извращенный, но только чуть-чуть. А почему нет? Ученики желали этого, никто не держал их в плену. Но ее предложение меня не устраивало, — я не была любительницей потрахаться. Я была романтиком.

На следующей неделе Муни сказала: «Так. Я слышала, что ты чувствуешь себя неудовлетворенной. Как насчет Ридли? У него хорошая энергетика, и он не травмирует тебя так, как другие парни, Я попробовала его, он хорош, нормален, все части находятся в рабочем состоянии».

Ридли был симпатичным и остроумным, я считала его своим другом. Один раз в месяц мы тайком сбегали пообедать карри и перепробовали все индийские рестораны в городе.

Возможно теперь, размышляла я, Муни надеется, что я не стану приставать к ней со своим измученным либидо, или по поводу Гвидо, что сделало бы ее жизнь значительно легче.

Тем же вечером я позвонила Ридли. Он смотрел телевизор и выпивал с Джоем, соседом по комнате.

— Привет, Ридли, это Эл. Хочешь приехать и позаниматься любовью?

— ЧТО?

— Идея Муни. Или колдовской план, — так лучше. Ты, говорят, имеешь здоровую энергетику.

— Я... Сей момент.

Кто знает? В мужской иерархии на тотемном столбе положение Ридли было незавидным. Карлос, ведьмы и всякий, кто хотел иметь рядом собаку, чтобы в случае чего пнуть ее, не упускали возможности поиздеваться над ним из-за отсутствия мужественности. А он оказывается был первым *мачо* на деревне!

Ридли прибыл. Когда он постучал в дверь, я смешивала в миксере «Маргариту». Элегантно одетый и невозможно романтичный он притянул меня к себе для восхитительного поцелуя. Это было великолепно. Потом он помог мне с выпивкой, и мы, обняв друг друга за талию, стояли на кухне, смеясь по поводу нашей невероятной встречи.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась, ворвалась Муни, она была в панике. Должно быть, она забыла план, который сама же придумала, и была потрясена, увидев нас.

— Вы похожи на живую иллюстрацию *неприкрытого вожделения*, — произнесла она с пуританским ужасом. Это наблюдение было неверно. Мы были похожи на двух дружков, игриво примеривающихся друг к другу, — Что с тобой, Муни? Что-нибудь случилось?

— Я только что видела нечто... ужасное, ужасное. Я не могу говорить об этом. Я должна окунуться в бассейн и все смыть, — она выбежала в боковую дверь, срывая с себя по пути одежду, схватила полотенце и, зацепившись за что-то в спешке, чуть не упала.

Я толкнула Ридли на стул в столовой и сунула коктейль ему в руку:

— Пей это. Сиди здесь. Мне нужно пойти, выяснить, что происходит.

Сняв одежду, я выбежала за ней, оставив ошеломленного Ридли.

Мы с Муни плавали бок о бок примерно десять минут. Наконец она заговорила. Ее речь была бессвязна, и я пыталась собрать части ее рассказа воедино.

— Тарина... Мы с Фло пришли к ней на квартиру. Это большое, жуткое место... Эти пустые комнаты... Это была кровь. Мы не видели ее несколько месяцев. Флоринда поменяла постельное белье. Она... она испражнялась кровью. Всюду. Кровать, это было...

— О Муни, боже мой. Чем я могу помочь?

— Флоринду стошнило в машине. Ей было не остановить рвоту.

Я и понятия не имела, что Тарина была больна, я не справлялась о ней в течение многих месяцев и не знала о том, что она чуть не умерла после того, как ее выгнали. Муни не могла или не хотела говорить вразумительно. Ее молчание было пугающим.

Мы вышли из воды, я завернула ее в полотенце и повела внутрь. Ридли выглядел испуганным, но «Маргарита» согрела его и помогла пережить испуг.

Муни стала вести себя как кокетка. Она села к нему на колени, позволила полотенцу соскользнуть с плеча и *слегка обнажить грудь*. Я дотронулась кончиками своих пальцев до ее ног.

— Эллис! — она сердито огрызнулась. Очевидно, мои игривые ножки были неуместны. Я неправильно истолковала ее провокационное поведение, забыла, что она должна быть в курсе вместе с Карлосом.

— Прости, просто играю, — пробормотала я. Ридли выглядел так, как будто оказался в мусульманском раю.

Муни поправила полотенце на плече, встала с его колен и пошла одеваться. В дверях она весело воскликнула:

— Желаю великолепной ночи!

Я сказала Ридли, что Муни увидела нечто, выбившее ее из колеи, но эту историю я

смогу рассказать ему чуть позже, ведь кажется пришло время удалиться в мой *будуар* ?

Ридли был приятен, добр и страстен. Он утверждал, что ужасно нервничал, хотя казался абсолютно спокойным. Наша встреча была настоящим событием, так как он много лет соблюдал целибат, — краткая близость с Муни в целях инициации была не в счет. Мы решили не проводить эту ночь вместе, а счастливый эксперимент потом продолжить. После сексуальной близости мы делились своими задушевными секретами, что было довольно естественно в нашем мире жестоких репрессий.

Следующий день начался с телефонного звонка Муни. Она в истерике набросилась на меня:

— Похоть, *неприкрытая похоть* ! Отвратительно! Ты падшая, жадная сука!

— Жадная до *Ридли* ? Господи, о чем ты говоришь? Это же была твоя идея, помнишь? Вчера, когда я делала тебе массаж?

— Задница! Я не говорила, что ты можешь упоминать меня!

— ЧТО? Ты смеешься, — я не верила своим ушам. — Он никогда бы не пришел, если бы не знал, что ты одобрила это!

— Я об этом и говорю! Ты использовала мое имя, потому что ты — алчная и похотливая сука!

— Я не сделала бы этого, если бы ты не предложила! Чего ты хотела от меня? Чтобы я попыталась как-нибудь его соблазнить? С какой это, спрашивается, стати? Он — потрясающий парень, но у нас никогда не было романтических чувств друг к другу!

— Ты с помощью злой силы притянула меня к своему дому! И Карлос болен. Он мог бы умереть ночью, а я в это время плавала в твоём бассейне. Все из-за твоей *похоти* , она притянула меня. Ты и я соединены, ты призвала меня заклинанием! Тридцать лет я так прожила, и ТЫ даже не представляешь, что делаешь! Ты не знаешь с какими мощными *силами* имеешь дело и даже не сможешь осознать это... Я вернулась как раз вовремя! *Нагваль* мог умереть из-за твоей похоти!

Теперь ты должна выстирать все простыни. Купайся в розмарине в течение трех дней. Энергетически очисти все вокруг, надо смыть с меня то, что ты сделала! Никогда больше не упоминай меня в своей... *алчной похоти* . Ты ПРЕДАЛА меня, все предают меня! Предатели — всегда те, кому я позволяю стать самыми близкими. Мы все предатели, я должна была это понимать, — меня предали!

— Это безумие. Мне никогда не хотелось соблазнить Ридли, я не схожу с ума от него! С чего ты решила, что я сделала бы это? «Алчная похоть»? Едва ли!

— Потому что ты нетерпеливая и АЛЧНАЯ! АЛЧНАЯ, АЛЧНАЯ, АЛЧНАЯ! Ты должна иметь все, что захочешь, НЕМЕДЛЕННО. Мгновенное вознаграждение! И ты пожертвовала мной, ты использовала меня, ты МЕНЯ втоптала в дерьмо! ПРЕДАТЕЛЬНИЦА! Ты и понятия не имеешь, какой это был сильный зов, как меня притянуло к твоему дому! И я увидела эту неприкрытую, необузданную похоть, это было что-то... — она забормотала, подыскивая метафору.

— Тарина? — спросила я. — Ты же сама захотела прыгнуть в воду!

Понять смысл ее хаотичных высказываний не хватало сил. Она вещала до тех пор, пока не израсходовала запас ругани. Но на сей раз я не купилась на жалобную историю.

То, что я чувствовала, было противоположно вере, это было истинным. А если это колдовство, урок?

Без контроля Карлоса «маневр» получился неуклюжим, не убедил меня и не заставил раскаяться. А может недостаток раскаяния означал, что я сделала скачок в своем развитии и наконец получила высшее образование такого уровня, что с меня как с гуся вода, как говорится в пословице?

Что мне казалось по настоящему истинным, так это моментальный снимок состояния Муни: ее обращение к «мощным силам» было всего лишь старой тарабарщиной. Когда же она наконец соберется научить меня обращаться с этими силами? «Морковка» специального обучения была для меня всегда вне досягаемости. И зачем было настраивать меня на занятия

сексуальной магией как на самое главное действо, без полного инструктажа? А если все это было просто для того, чтобы посмотреть, вынесу ли я еще одну порцию оскорблений, — но время прошло. Карлос умирал, и я сомневаюсь, чтобы среди хаоса повседневной жизни для Муни главным событием мог стать один урок по исправлению характера Эллис.

Я покорно выстирала простыни и всю одежду, которую одевала той ночью. Вспомнила приятный вечер с Ридли и приняла три очистительные ванны с розмарином. Лежа в ароматной воде, я впервые серьезно задумалась о навязчивой идее Муни, связанной с предательством. Это было именно навязчивой идеей. Она, как оказалось, жила параноидальной жизнью с «предателями», скрывающимися за каждым углом. Никому нельзя было доверять. Она всегда дополняла свои тирады словами: «я должна знать, что я — тоже предатель». Но это выглядело скорее политкорректностью, правильным замечанием с точки зрения колдунов. Его острие было направлено наружу, на предательство окружающих. Я наконец поняла, что это было крайней степенью проекции. Конечно же, ее предали — она ссылалась на Карлоса, без конца ее предававшего так ужасно, что я вряд ли когда-нибудь об этом узнаю. Но теперь я подозревала, что она сама несколько раз серьезно предавала, потому что ее молотба про вину выглядела просто дикой и невероятной. Я задавалась вопросом, что же на самом деле произошло между ней и девятнадцатилетней Патти Партон, когда появился Голубой Скаут и заменил ее.

И что означало для женщины-нагваля иметь наперсницу в мире, где признания запрещались? Что происходит, когда болезнь разрушает авторитет нагваля?

Несколько раз в неделю мне приходилось красться по темному переулку к Муни, чтобы пойти посидеть с ней в китайском ресторане. Она настаивала, чтобы мы прятались, иначе Клод увидит нас и с ней случится припадок ревности. Мы садились в темную машину, шутили и смеялись, а запотевшие окна скрывали нас.

— Почему ты думаешь, что Клод и Фифи позволяют себе такие дурные поступки? — рискнула спросить я.

— О, он любит их абсолютный эгоизм и холодность, это возбуждает его!

Ее слова звучали уныло, как слова автора *Правил*. Я постигала тайну вкусов Карлоса. Моя страсть возбуждала его, но и отказ тоже. Мое место было где-то между ледяными девами и трутнями. Я поделилась этой догадкой с другом, не входящим во внутренний круг, которому посчастливилось остаться свободным и все же находиться достаточно близко к нему.

— Ах, — рассмеялся он, — ты всегда была далека от Карлоса. Тебе только кажется, что ты не замечаешь этого. Разве ты не захотела купить свой собственный дом, вместо того чтобы ждать, когда он поселит тебя у себя, как он делал с *другими* женщинами? Ты привела Карлоса в ярость, когда без его разрешения нашла свою первую квартиру в Лос-Анджелесе, и не ждала, что он выберет тебе соседа. Помнишь, ты сама решила поехать в Европу, а он не пускал тебя в свою спальню до тех пор, пока ты не нашла в Англии магические стилеты, чтобы «повторно открыть дверь»? И разве не ты рассказывала мне, что отказалась юридически оформить перемену своего имени на Эллис Финнеган?

— Ты же знаешь, это был бы idiotский ход. Эйми Уоллес издала тринадцать книг! Кроме того...

— И сколько раз Карлос велел тебе сделать это?

— По крайней мере, дюжину, но...

— И ты говорила «нет»?

— Конечно. Я сказала ему, что это не обсуждается.

— Обвинение изложило факты, ваша честь.

На этой же неделе мы с Ридли встретились снова, Мы больше не говорили о Муни, а снова занимались любовью и делились своими воспоминаниями, сомнениями, тайными ранами и желаниями. Я еще раз убедилась, что разрешение объединяться в пары внутри группы представляло серьезную опасность для власти Карлоса. Близость порождает нежность, объединение рождает силу, способную нарушить — даже сломать —

иерархическую структуру Карлоса.

Мы с Ридли провели прекрасную, нежную ночь, едва ли предполагая, что течение нашей повседневной жизни — какой бы легкомысленной она ни была, но она была, несмотря ни на что, нашей, — скоро нарушится самым плачевным образом.

глава 37 АСТРИД СЖИГАЕТ СВОЕ ПРОШЛОЕ

*Один лишь ласковый поцелуй, и мы разлучимся,
Одно лишь «прощай навсегда».
Роберт Бернс «Поцелуй»*

Вскоре наши с Муни роли затрещали по швам. Кто был «мамой», кто «дочкой»? Кто был «учителем», кто «учеником»? Были ли мы друзьями, ровней, ведьмами? Могла ли женщина-*нагваль* иметь доверенное лицо в мире, где доверие было запрещено? Что произойдет с нами, когда болезнь уничтожит власть *нагваля* ?

До сих пор ведьмы не говорили мне, насколько болен Карлос, но теперь они делали пугающие, жуткие намеки, указывающие на его неминуемую смерть.

Флоринда говорила: «Он *плох*, *Эллис*, *очень плох*, может быть, он протянет год, может быть, только неделю».

Однажды, оставив Карлоса спящим, Муни обратилась ко мне с ужасной просьбой: «*Эллис*, я не хочу уходить вместе с ним. Только ты и Гвидо достаточно сильны, чтобы удержать меня здесь, быть моим якорем. В вас много жизненной силы, мне нужна ваша *ци*, *вы* мне нужны. Вы — стропила, поддерживающие всю конструкцию. Вы меня удерживаете, чтобы я не сошла с ума. И если вы не поддержите меня до конца, все рухнет. Поэтому *вам* придется делать вид, будто все они важны!

Продолжать все им отдавать, — это защитит меня от безумия, а то они высасывают меня до дна... Не допустите, чтобы этот конец ничего не означал. Поможет ли ваше *намерение* мне остаться?»

Я согласилась утвердиться в *намерении*, как научил меня Карлос. И наедине громко разговаривала с Духом, прося его удержать женщину-*нагваль* на земле и добавить ей моих сил. Я знала, что вступаю в противоречие с желанием Флоринды. И это пугало меня, — у меня не получалось угодить моим воюющим «родителям». Флоринда Доннер была непостоянна, я рисковала потерять ее любовь.

Однако она не просила меня разделить с ней смерть или жизнь, и мой инстинкт выживания победил.

Муни была одна и не собиралась бросать меня. Как высказалась Зуна: «Если Муни уйдет, то это будет так плохо, что хоть ложись и помирай». Через несколько дней после признания Муни Флоринда позвонила — теперь она стала более настойчивой и очень торопилась:

— Можно Астрид придет и сожжет свои бумаги у тебя в камине?

— Конечно.

Все это было зловещим предзнаменованием. Мои страхи подтвердились, — Астрид пришла всего через несколько минут. — Бумагорезкой получается так медленно, — объяснила она. — Большое тебе спасибо. — Ее глаза были задумчивы, я никогда не видела у нее такого взгляда — в них читалась ностальгия вместо неумолимого чувства долга.

Я увидела, что у нее только одна сумка и подвела ее к маленькому камину в спальне. Помогая ей бросать бумаги в огонь, я видела гранки книг Карлоса, личные бумаги Астрид: стихи, рисунки и дневник.

— Это было нужно для моих занятий перепросмотром, — пояснила она. Я увидела горящие слова «...я опять беременна, как это могло случиться...», «...что я буду делать... я

хочу покончить с собой... опять аборт?»

— Астрид, как ты думаешь, что сейчас происходит?

— Я точно знаю, что делать, — она смотрела на меня своим открытым ясным взглядом. — Если я не уйду с ним, обязательно сделаю то, что должна. Для нас с тобой уже слишком поздно оставаться в мире... Думаю, что ты правильно поняла, что я имею в виду. Нам уже давно слишком поздно.

— Ну... Муни попросила меня и Гвидо помочь ей остаться. Я дала ей слово, Астрид...

Она понимающе кивнула:

— Да, я что-то слышала об этом. *Нагвалю* все равно, так или этак. Тайша тоже спокойна на этот счет. Но Флоринда растеряна. Она не согласна и хочет, чтобы Муни ушла.

Астрид смотрела на гаснущее пламя. — Я не возражаю, — сказала она, — Но я боюсь, что будут самоубийства, ты понимаешь? Среди нас, может быть, среди них... Мы сказали *нагвалю*, что это нас очень волнует. Он спросил «Что?!», как будто не понял, о чем мы говорим!

Наши глаза встретились, мы не верили друг другу — Поэтому мы спросили, хочет ли он, чтобы семинары продолжались... Он сказал: «Мне насрать, если они хотят их, — отлично, если нет, — забудьте о них. Мне плевать», — Астрид покачала головой.

— Мы убедили его дать им какое-то занятие. Иначе... Они действительно могут... Поэтому он продиктовал указания. Дал задание Нэнси и Патси, Зуне и Пуне. Распорядился продолжать семинары. Но он уже не думает о «Клеаргрине» или семинарах. Поэтому Муни выбрала Пуну президентом «Клеаргрини». Соня собирается ей сообщить это.

— Я думаю, что это правильно.

Сумка с бумагами Астрид опустела.

— Что еще они могут сделать? Риск так велик, я удивляюсь, что он этого не предвидел. Ну ладно, мне нужно идти. *Большое пребольшое* тебе спасибо, Эллис. Мой эльф! Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, Астрид.

Я проводила ее до двери. Она обхватила меня своими мускулистыми ручищами и подняла, словно девочку, как делала это раньше много лет подряд. В ее объятиях я была крошечной и легкой. «Мой маленький эльф!» — засмеялась она, просияв. Астрид славилась среди нас своей веселостью и жизнелюбием. Мое тело запомнило ее буйные объятия, ее чистый, свежий запах. Я знала, что это были наши последние объятия. Она тоже. Когда она, улыбаясь, переступила порог, мы долго-долго смотрели друг другу в глаза.

глава 38 ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ НАГВАЛЯ

*Валун качается над бездной на скале,
И разум говорит нам, что наше существование —
Всего лишь вспышка света
Меж вечным мраком с двух сторон.
Владимир Набоков «Говори, память»*

— Эллис, где ты? — звала Муни, завернутая в намокшее полотенце, разыскивая меня по всему дому.

— Где ты?! — она звала, почти плача. — Мне становится плохо так же, как *нагвалю*. Он не может оставаться один ни минуты.

Это напомнило мне о метком словечке, которым она недавно наградила Карлоса. — Он «вороненок»! — отрезала она.

— Что это означает?

— Ему нужно постоянное внимание, он не может выдержать, если я уйду, он сводит

меня с ума своим требованием постоянного присутствия! Он *никогда* не остается один. *Вот что такое «вороненок»!*

Все было, как я и подозревала, — Карлос умирал так же, как и жил, запутавшись в двойных стандартах. Он ежедневно повторял нам, что мы умираем одни, и не признавал избавлений от мучений и смертного страха, а сам собрал вокруг себя близких людей. Его красивые описания смерти в одиночестве многим придавали мужества, но сам *нагваль* хотел видеть рядом «семью», когда наконец встал «перед лицом особенной вещи». Я не пыталась гадать, какие у него были мысли, зная, что он не исполнит своей мечты и умрет, как простой смертный.

Его доктор сказал, что ему предлагали пересадку печени. Когда Карлосу сказали, что у него рак, он пропел какую-то арию из оперы, а потом просил только «не *называть* это, не называть это никак! Это выносит приговор!» Муни упорно повторяла, что у него не рак, но я не верила ей. Когда она сказала мне, что ему прописали флагил, я подумала о СПИДе, — конечно, все эти десятилетия небезопасного секса... Но он так швырнул бутылку флагила через комнату... Я потом спросила доктора, не было у Карлоса еще и гепатита, но он ответил: «Я не могу тебе сейчас многого рассказать, но потом когда-нибудь. Но моя первая мысль была... о другом. Я *ручюсь* вам, что он умер от неизвестной болезни печени». Заполняя свидетельство о смерти, доктор точно выполнил свои медицинские обязанности и, задумавшись на мгновение, записал в графе «профессия»: «преподаватель средней школы», потому что Карлос когда-то сказал, что больше всего стремился стать именно преподавателем.

Споры по поводу его лечения шли постоянно. Муни проводила сеансы иглоукалывания до тех пор, пока это не стало слишком болезненной процедурой, и ей пришлось дуть на точки. Доктор рекомендовал традиционное западное лечение. Разбитая и обессиленная, Флоринда обвиняла Муни в том, что та не лечит Карлоса. Доктор слышал, как она каялась «если бы только я осталась в Лос-Анджелесе, когда он попросил меня...» Я была уверена, что такое самообвинение абсурдно.

Наверняка, Флоринда не спасла бы нагваля, особенно, если бы он твердо придерживался ее плана лечения. Постепенно Карлос отказывался от еды. Оказалось, что он может есть только бульон из козлятины, и Саймон закупил полный морозильник этого мяса, чтобы готовить бульон.

В последние месяцы его домашние неуклонно придерживались утреннего ритуала с газетами, который описывали мне и Флоринда, и Муни. Они говорили, что напряженность была почти невыносимой.

Карлос собирал вокруг себя трех ведьм, а также Астрид и Соню. Флоринда читала только те заголовки в газетах «*Лос-Анджелес таймс*» и «*Нью-Йорк таймс*», которые звучали неплохо, а если все были хороши, то зачитывала все. Разговаривать не разрешалось. От женщин требовалось, чтобы они сидели абсолютно неподвижно, что было особенно мучительно для Муни с ее больной спиной.

Карлос начинал день, обходя круг, нещадно критикуя каждого человека, часто доводя их до слез, которые они изо всех сил пытались сдержать.

По воскресеньям в течение всего этого времени за домом велось наблюдение. Пару безобидных сталкеров выгнали с вечерних занятий без объяснения — ими овладела страсть, они хотели понять, действительно ли Карлос Кастанеда осуществлял на практике то, что проповедовал. Если он собирался сгореть, как маг, они намеревались запечатлеть человеческий фейерверк на пленке. Они жили по его принципам, поэтому хотели знать все. Они делали видеосъемки Карлоса и его близких, наблюдая из автомобиля, из-за мусорного бака, из дома и офиса, и постепенно пришли к заключению, что книги были мифом, а их автор лгал о своей приверженности системе, которую проповедовал.

Они знали все о кофе Карлоса, гиподермических иглах и пустых бутылочках из-под инсулина.

Сцены припадков ярости, которые Муни описывала каждое утро, были явным

признаком серьезного диабета, особенно когда сахар и кофе остаются основными элементами питания. Гнев является также признаком рака печени. Но кто мог поскупились, и не доставить больному удовольствие?

Иногда Карлос собирался с силами и диктовал Зуне свои заметки. Муни сказала, что это записи для «ужасного» романа о его предполагаемой работе в качестве наемного убийцы ЦРУ в Испании. Они казались ей кошмарным бредом. «Они абсолютно *отвратительны*, Эллис, он был безумен, расстроен в то время, когда диктовал те тошнотворные истории... Они такие ужасные, что *НИКОГДА* не выйдут в свет, я позабочусь об этом. Я собираюсь уничтожить эти листы».

Спустя несколько месяцев я спросила, процитировав ее собственные слова, что же она предприняла.

Зуна удивилась, ее лицо застыло, в глазах стояло выражение притаившегося зверя, которое я очень хорошо знала. Она полностью забыла свои слова:

— О чем ты говоришь? Это великая книга, *блестящая*.

Это было последнее, что я слышала о романе.

Еще до наступления полного слабоумия Карлос собрал большую часть группы для самого мучительного испытания. Он решил купить огромную лодку, чтобы увезти людей к морю, где они будут жить неопределенное время. Тайша и Соня ездили во Флориду, чтобы изучить предложения.

Почти каждый был задействован в этом грандиозном плане. Впоследствии, когда Муни отдала мне на хранение свои книги и разрешила брать любую, какую захочу, я нашла брошюры с такими впечатляющими названиями, как «Океан — нетронутый рай природы», «Выживание в море», и незабываемое «Разведение акул для получения хряща и лечения рака». Меня шокировали, найденные там же стопки книг, обучающие читателя гипнотизировать толпу, Муни использовала эти методы на сцене и в Туле, гипнотизируя избранного «глазом, как смерть-советчица».

Что касается затеи с лодкой, я чувствовала себя совершенно свободной. Это было похлеще, чем «Литл Джим Джонс». Возможно, Карлос собирался умереть в нейтральных водах, чтобы разрушить представление о себе. В конце концов, истинные его сторонники могли цепляться за миф о том, что он сгорел.

Между сном, диктовкой и едой, когда мог, Карлос смотрел телевизор или видео. Он и раньше обожал военное кино, и теперь требовал исключительно только такие фильмы. Его помощникам становилось все труднее найти фильм, который он не видел. Муни часто посылали на поиски военных фильмов. Это было хулиганством с ее стороны, но она пыталась ослабить прессинг тем, что иногда брала с собой своего нового молодого возлюбленного и целовалась с ним.

Она отчаянно пыталась найти какую-нибудь радость, какое-нибудь облегчение от боли. Джой был *смешным*. Он был латиноамериканцем, типичным калифорнийцем, — любил девочек и поп-музыку, книги Кастанеды и пляж. Он был противоположностью Гвидо, не говоря уже о *нагвале*. Однажды Джой без задней мысли спросил Муни: «Почему здесь все время *так тяжело*? Почему мы не можем просто повеселиться?»

Не всякому в группе было известно, что у Карлоса рак. Некоторые это знали, кто-то подозревал, другим стало известно через три месяца после его смерти, когда наконец появились некрологи.

Навязчивая идея Карлоса о «большом Р», его уверенность в том, что больные ошибались, расстраивала меня в течение многих лет. Не думаю, что мой отец был виноват в его ужасных страданиях. В случае с Карлосом это была злая ирония судьбы. Презирая свою связь со всем, что было в Нью-эйдж, Карлос реализовал одно из наиболее одиозных предубеждений.

Кастанеда приписывал причину рака напряженности. Убежденный в том, что тенсегрिति было лекарством от него, он глубоко переживал, что не научил этому моего отца, — я полагаю, что он говорил во всей искренности. Карлос поклялся, что если

когда-либо у него будет обнаружен «большой Р», он прострелит себе мозги. Возможно, он понял, как это, должно быть, трудно — нажать на курок, когда еще остается дыхание жизни.

глава 39

ПОСЛЕДНИЕ ВИЗИТЫ К МОЕМУ МУЖУ

Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня.
Ев. от Матфея, 10:35

До самой смерти Карлоса я встречалась с ведьмами ежедневно, но редко видела его самого. Наши короткие встречи были бессистемны и сюрреалистичны. Последний раз мы занимались любовью больше чем за год до его смерти. Я помню эту встречу — она была особенно страстной, и мы даже поклялись убить друг друга. У нас была старая шутка: я стремительно натягивала одежду, притворяясь, что сбегу, если мы снова не займемся любовью, а Карлос ловил меня, любовно тянул в объятия. Той ночью я сказала: «Я уйду отсюда! На сей раз мы действительно сделали все!» Он устало засмеялся и попытался встать с кровати. Мы оба колебались. Затем он проводил меня до дверей, как всегда настаивая, чтобы я пожелала ему спокойной ночи по телефону. Когда я позвонила ему пять минут спустя, он уже спал, сонно ответив: «А это ты, *пепе*. Иди спать... Прямо сейчас...»

Как-то ночью, за несколько недель до этой встречи, я вызвала приступ раздражения у Карлоса. Мне показалось, что я заговорила прежде, чем было разрешено, или проявила слишком много пыла в неподходящий момент, и это заставило *нагваль* опуститься до ханжества. Карлос разъярился и приказал, чтобы я оставила его спальню. Я сделала нечто беспрецедентное: скрестила руки на груди и отказалась уходить. Это был большой риск: даже женщина-*нагваль* ушла, когда он вышвырнул ее в три утра за неспособность контролировать себя во сне!

Но я знала, что если я сейчас уйду, могут пройти месяцы, прежде чем он позволит мне вернуться.

Месяцы я буду сидеть в последних рядах класса и плакать, месяцы ходить с моей дикой шваброй завитков — постоянном напоминание о наказании, — я уже не единожды проходила эту сцену позора, предпринимая затем отчаянные попытки вернуться. Месяцы новых наказаний... От этой мысли мне захотелось свернуться калачиком и умереть.

Особенно ядовитой репликой было напоминание о моем пагубном сходстве с Гвидо Манфредом. По этому поводу была произнесена напыщенная речь, в которой пункт за пунктом перечислялись наши грехи: «Вы оба думаете, что вы такие крутые, но вы уже дряхлые старики! Но хуже всего то, что вы — *порнографы! Порнографы!*»

Он говорил, а я сидела, скрестив руки на груди, и слушала все это, не делая попыток уйти или возразить. Когда гнев Карлоса иссяк, он сказал: «Видишь, я прав?»

Я кивнула. Он стал целовать меня, как будто ничего не произошло, мы занимались любовью, и вопрос был закрыт. Это был один из редчайших случаев, когда Карлос попросил, чтобы я осталась спать в его объятиях на всю ночь. Много позже я глубоко задумалась и поняла: пункт за пунктом Карлос, возможно, описывал себя самого.

Однажды ночью после магического секса, Карлос дал мне послушать записи некоторых из его любимых песен: аргентинского композитора, певца и пианиста *Буля де Неа* и *Жавьера Соли*. Он перевел для меня одну трогательную за душу песню — он любил душераздирающие песни. Вот единственные слова, которые я запомнила: «Возьми меня за пределом боли ... Ты взял меня, наконец, за пределом боли». Я, не стесняясь, плакала: музыка и голос этого человека были так же проникновенны, как и его стихи. Карлос тоже

плакал, потом взял меня под руку и повел в свою спальню.

Одна из последних наших встреч с Карлосом была необъяснимо странной, даже в контексте его сюрреалистической жизни. На сей раз после занятий любовью Карлос включил видео. Фильм начался с середины, и сразу стало ясно, что это мелодрама сороковых годов. Карлос был Карлосом, и правила были правилами, я знала, что мне нельзя спросить название, узнать, что за актеры, — я не знала их. Только один персонаж кого-то напоминал, но выглядел получше, чем Джимми Кэгни. Гвидо доставал редкие фильмы для Карлоса, но не говорил мне, что это были за ленты.

У этой истории была пикантная прелюдия. На многих семинарах Карлос и Муни говорили о «переплетенности других миров». Очевидно, они жили двойными жизнями и не могли полностью контролировать свои переходы в другие измерения. В этой альтернативной жизни (это всегда напоминало мне причудливые комиксы про Супермена) Муни была замужем за актером, популярным в сороковые годы, Джеральдом Мором, и у них была дочь. Кастанеда был «Коротышкой», ее возлюбленным, который прятался в туалете. *Дримингуя* вместе, они неоднократно оказывались в мире Джеральда Мора (Мор сыграл гангстеров во многих радиопьесах и в фильмах класса «В»), Чтобы избежать столкновения с мужем, который сразу же начинал вопить: «*КОРОТЫШКА* все еще здесь?» или, что было гораздо хуже, чтобы не увязнуть навсегда в этой «В»-вселенной, Карлос обычно шептал: «Вращайся, Тигс, вращайся!! Вращайся!!! Вращайся как можно быстрее!!!» И они обычно просыпались голыми в кровати Карлоса в Вествуде.

Возвращаясь к той ночи, когда Карлос показывал видео. Мы сидели на кушетке — в гостиной Карлоса были только кушетка, стул, телевизор, CD-плеер и содержащийся в безупречном порядке стеллаж с компакт-дисками, — и начали смотреть, что происходит в следующей сцене. Молодой человек говорит «до свидания» своей стройной, очаровательной, чувственной невесте. Она очень похожа на Клод, — я никогда прежде не видела никого из этих актеров.

Оставшись одна, молодая женщина мечется по квартире, как вдруг раздается удар в дверь. Молодой гангстер, видимо, ее тайный возлюбленный, входит и хватается за нее. Она плачет, сопротивляется, а он говорит ей: «Ты знаешь, что ты шлюха, и никогда не станешь лучше. Ты испорчена так же, как и я».

Затем он начинает ее колотить, она защищается и наконец их разгоряченные тела оказываются в постели, где она теряет невинность, борется за свою честь и опять сдается. (Конечно же, это сороковые годы, и мы не помним о подчиненном положении женщин в то время, поэтому вся сцена захватывает). Плохой парень застегивает пуговицы на своей рубашке, надевает пиджак и шляпу, поправляет галстук и направляется к двери. Шагнув через порог комнаты своей любовницы, он говорит хриплым шепотом: «Скажи, детка, правда же это будет нечто, если *мы по-настоящему влюбимся друг в друга* ?» И, ухмыляясь, удаляется.

Я попросила посмотреть еще раз. Карлос повторил этот кусок, но не позволил смотреть продолжение фильма, пообещав показать его полностью в другой раз. Потом повернулся ко мне со слезами на глазах и прошептал: «Как тебе это, *amor*? *Правда, это будет нечто, если МЫ по-настоящему влюбимся друг в друга* ?»

Я не могла понять, что происходит с Карлосом. Возможно, это болезненно щемящее чувство появилось у него в конце жизни — жизни циничного соблазнителя, который наконец обнаруживает, что у него есть сердце, страдающее от любовной тоски, а это единственный способ выразить ее?

Я молчала до тех пор, пока Карлос настойчиво не потребовал:

— Что ты думаешь о девочке? Что ты *видишь* ?

— Она удивительно похожа на Клод.

— Но, по, по! Она не *напоминает* мою дочь, это она и есть! — он рассердился, — ЭТО КЛОДИН!

— Точно, она. Она — Клод. Это невероятно. Невероятно!

Казалось, он был удовлетворен, и на следующий день вечером заинтриговал слушателей: «Мы вместе с Эллис видели кое-что, не так ли? *Такое, во что вы никогда не поверите*», — и он пристально посмотрел на меня, как заговорщик.

После несправедливого обвинения в употреблении прозака мы больше никогда не занимались любовью. Однако к этому времени здоровье Карлоса заметно ухудшилось. Диабет уже давно сказывался на его мужской силе. Флоринда намекнула, что диабет и прогрессирующий рак печени (хотя она никогда не произносила слово «рак») заставили его отказаться от секса.

Мы несколько раз вместе обедали, — последний с Флориндой. У Карлоса, казалось, развилось слабоумие. Он хотел, чтобы я написала на салфетке ряд оскорбительных слов и передала ее брату, это должно было «разрушить мои последние семейные связи». Тем же вечером он позвонил, чтобы повторить свое требование, и, зная, что я лучше солгу в угоду ему, но никогда не сделаю этого, приказал предоставить ему свидетельства. И застал меня врасплох. Самым странным из всего этого было то, что он всегда очень любил Дэвида. Может быть, он искал повод, чтобы выгнать меня?

После разговора по телефону я сидела в ванной и рыдала. Потом, собрав силы, позвонила Флоринде, чтобы объяснить всю нелепость и расчетливую разрушительность требования *нагваля*. Она все поняла и приказала: «Подожди! Подожди прямо там! Я перезвоню тебе через пять минут!»

Всхлипывая, я осталась ждать. Помню, как я еще ребенком чувствовала полную беспомощность, когда моя судьба была в руках двух женатых взрослых. Я словно перенеслась в детство, — теперь я побежала к моей «хорошей маме», чтобы спастись от «плохого отца».

Ровно через пять минут (иногда мне нравилась во Флоринде немецкая пунктуальность) зазвонил телефон. «Он понял. Он отозвал требование. Я сказала ему, что вы с братом должны будете вместе управлять имуществом всю оставшуюся жизнь. Он просто не понимал, насколько переплетены ваши дела». Я поблагодарила ее и утерла слезы. Не понимал? Карлос явно терял память, и стал еще злее, чем прежде.

Годы спустя я столкнулась с Биллом Томпсоном, тихим человеком с приятными манерами, который в течение нескольких лет периодически посещал вечерние занятия. Он и его покойная жена были друзьями Флоринды, и он был одним из тех, кто не был «в группе», но кого она неизменно приглашала. Так сложилось, что я была единственной, кто болтал с Биллом. Когда я столкнулась с ним на занятиях по боевым искусствам спустя год после смерти Карлоса, я спросила его, почему он прекратил посещать занятия.

«Карлос изменился, — ответил Билл. — Он всегда был жесток с женщинами, но это уже превратилось во что-то *ужасно* оскорбительное. Я не мог этого вынести. Я полагаю, что причиной была его болезнь».

Еще два посещения дома Карлоса возникают в моей памяти. За восемь месяцев до его смерти Флоринда впервые пригласила меня позаниматься тенсегрити. Новая серия была продолжением курса, упражнения выполнялись лежа. Некоторые движения были связаны с напряжением мышц ног и живота. Мне дали циновку и поместили рядом с Флориндой. Мы образовали круг. Карлос был около нее, потом Нэнси и, наконец, Кандиса. Нэнси застенчиво поздоровалась, Кандиса вела себя надменно, как типичный двенадцатилетний подросток.

Карлос объявил:

— Обычно мы выполняем движения в обнаженном виде, но так как с нами Эллис, наш гость, то сегодня мы не будем заставлять ее снимать одежду. — Он кивнул мне.

Я пожалала плечами, как бы давая понять, что буду весьма счастлива раздеться. Мы начали.

После десяти минут упражнений я позволила себе ускорение. Флоринда зашептала:

— Никакого ускорения! Это будет стоить тебе шанса вернуться!

Мы продолжали в тишине еще десять минут, потом Карлос расстегнул молнию на штанах и вытащил свой член.

— Это для возбуждения! — сказал он, покачивая им и глядя на меня.

Я засмеялась, Флоринда прыснула и закатила глаза, Нэнси по-девичьи захихикала, а Кандиса прикрыла рот. Очевидно, я прошла испытание, каким бы оно ни было, потому что Карлос засунул свой член обратно, застегнул молнию, и мы продолжали еще четверть часа. Карлос объявил, что мы закончили, и добавил:

— Хорошо, тогда завтра — в то же самое время?

Всё кивнули. Я не знала, что делать. Карлос шумно занялся скатыванием своей циновки и игнорировал меня. Потом он вспомнил о моем присутствии и казался искренне обеспокоенным.

Позже я выяснила, что эти встречи происходили регулярно, иногда в обнаженном виде. Меня никогда больше не приглашали. Я спросила Флоринду: «Это что, из-за ускорения?»

— «О, Эллис! Не смейся!»

Я больше не выясняла, почему меня не приглашали. И мне осталось размышлять о пристойности, — это казалось странным словом в мире колдунов, — потом об *адекватности* Карлоса, размахивающего своим членом перед двенадцатилетней девочкой, которую он регулярно целовал и обнимал, как будто она была его любимая дочь. Если бы все мы занимались в обнаженном виде, как «шведская семья», это было бы странным, но не до такой степени. Чувствовалось, что что-то было не так. Я думала, что Карлос зашел со своими фантазиями о «фрейдистской семье» слишком далеко, но мне хотелось верить, что дело не в этом.

Мое последнее посещение было абсолютно другим. Карлос позвонил, чтобы пригласить меня попробовать один из его специальных десертов, сделанных по рецепту дона Хуана. Ингредиентами были йогурт, мед и фрукты. Тайша и Флоринда провели меня в гостиную. В ней стояла гробовая тишина. Карлос не появлялся. Наконец вышла Астрид, неся поднос с четырьмя маленькими стеклянными чашками. Мы сели на пол. Вся церемония предполагала религиозно благоговейное поведение, и было очевидно, что мы не должны были говорить. У женщин было почтительное выражение на лицах.

Я зачерпнула ложечку десерта. Это было превосходно, подобно амброзии, абсолютно не похоже на другие йогурты, которые я пробовала раньше. Его консистенция была нежной, с богатым оттенком ванили, с приятными, неуловимыми тропическими ароматами и с едва заметным привкусом меда.

Я нарушила тишину:

— Это *невероятно*. Я думала, что это будет простой йогурт и заварной медовый крем!

— *Ничего простого* в этом доме нет, — осуждающе произнесла Тайша. Мы закончили трапезу в тишине. Астрид была сама любезность, но когда я попросила добавки, сказала, что больше ничего нет.

Когда я добралась домой, я позвонила Карлосу, чтобы выразить восхищение десертом. Он был горд своим кулинарным шедевром:

— Ах, *mi coraz#243;n*, тебе понравилось! Правда, это что-то *особенное*? Я собираюсь угостить тебя всеми видами десертов для того, чтобы сделать тебя восхитительно пухленькой, — есть специальный рецепт из земляники со сливками от дона Хуана, с самыми *тонкими* специями и заварным кремом, только для тебя. Я буду приглашать тебя каждую ночь на новый магический десерт!

Я больше никогда не посещала «дом Пандоры», пока Карлос был жив. Все мировое зло вышло из мифического ящика, но если память мне не изменяет, там, на дне, оставалась «надежда». Или я была полной идиоткой, или, как нежно сказал Карлос, самым стойким борцом, которого он когда-либо видел. Надежда оставалась всегда.

глава 40 ПРОЩАНИЕ КОЛИБРИ

Я не слышу ваш голос. Я ощущаю ваш запах и слышу ваше дыхание. Я чувствую вас. Вы таите передо мной. Вы исчезаете, и я хочу вас еще сильнее.

Джеймс Элрой «Мои темные закоулки»

Однажды Саймон невзначай упомянул, что Флоринда попросила его «присоединился к ним». Он сказал, что это прозвучало как приглашение на обед. Мы с Саймоном договорились доверять и поддерживать друг друга в эти недели наступления агонии. Я надавила на него, чтобы он уточнил, что это приглашение означает.

— Боюсь, Саймон, может я теряю тебя?

— Я не знаю. И я не могу спросить. Я просто, жду.

Я надавила сильнее, но он поклялся, что они больше не обсуждали «приглашение». Он сказал, что оно «было каким-то образом забыто», а сам он боялся поднять этот вопрос.

Я сказала ему, что Муни приказала Флоринде, Тайше, Астрид и Соне купить оружие. Как обычно, она отказывалась сообщать любые подробности.

Саймон сначала изумился, а потом неистово забормотал:

— Я НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ В ЭТО!

Он, несомненно, был слабаком, я осторожно попыталась сообщить ему новости. — Я говорила с Астрид. Саймон, ты знаешь, она утверждает, что скажет это при всех. Я думаю, что они собираются совершить самоубийство. Флоринда продолжает говорить со мной о «триггерном эффекте», и я слышала, как Соня говорила о подобных «случаях». Я даже слышала от Муни, что эта фраза входит в завещание *нагваль* : «Пусть будет „триггерный эффект“; следующие суммы денег пойдут туда-то и туда-то...» Он окончательно вычеркнул Булу из завещания, и...

— ЧТО? ОРУЖИЕ!? — он не сделал ни одной, хотя бы неуклюжей попытки скрыть ужас. — Это невероятно, это невозможно! Самоубийство? Самоубийство, Эллис? Я НЕ МОГУ принять это. Я отказываюсь верить в это. ЭТО НЕВОЗМОЖНО!

— Но, Саймон, она просила тебя прийти! Как ты думаешь, что это значит? Ты сделаешь это, ты убьешь себя? Я боюсь, пожалуйста, скажи мне правду, я хочу знать, совершишь ли ты самоубийство, если они попросят тебя?

— Я не знаю... Я просто не могу себе это представить. Эл, если они вспыхнут передо мной и сгорят, как они всегда говорили, это одно, но *оружие* — Я не знаю...

На следующий день я еще раз обрисовала ему эту картину и как безумная спрашивала его снова, присоединится ли он к договору о самоубийстве. Он был уклончив, до конца разговора отказываясь это обсуждать.

Флоринда руководила им — он работал над «элементами», как и все, кроме Гвидо, который был очень занят в производстве своего нового фильма.

Все другие строили, перестраивали, растаскивали почти все, что *нагваль* создал, — плитки, которые он положил, деревья, которые он привил. Клод и Фифи пришли, чтобы сажать мох, чем привели Флоринду в бешенство «Мох! В этот момент? Кто будет ухаживать за ним?! Я буду заниматься поливкой этого дерьма...

Клод всегда начинает эти глупые проекты и никогда не заканчивает их! МОХ!»

Она все более и более срывалась на Саймоне. Мало того, что она была измотана, у нее наступил климакс. Без сомнения, жестокий стресс и скудная диета только ухудшили ее состояние. Я каждый день пекла ей зерновой хлебец, который помогал регулировать баланс эстрогена, но его было недостаточно, чтобы прекратить вспышки гнева.

Однажды она сняла трусы и показала мне эстрогеновую прокладку, так как таблетки, прописанные доктором Карлоса Анджеликой, не помогали.

В это кризисное время доктор, которая то входила в группу, то нет, была принята заново. Я очень жалела, когда ее выгнали за обладание двуспальной кроватью. Но теперь колдуны нуждались в ней и пожелали не заметить оскорбления их принципов.

Я помнила женский семинар, когда Флоринда сказала группе, что у ведьм не бывает климакса, и практика тенсегрита будет служить профилактикой всех симптомов. Посетителям семинара советовали никогда не использовать гормональное лечение. Необходимость в гормонах была признаком того, что женщина *не была* прилежной колдуньей. Я была уверена, что они задолжали аудитории публичное извинение, но держала язык за зубами. Дни шли, Флоринда ела все меньше и меньше. Только хлебец, утреннее яйцо, шоколад и кока-кола. Иногда мне удавалось впихнуть в нее несколько пластинок prosciutto. Когда я могла себе позволить, я покупала ей икру, ее любимое лакомство: «Все эти икринки имеют так много *ци*», — восклицала она. Ее тотемными животными были лягушка и колибри, теперь «колибри» летала так быстро, что это пугало.

Однажды она свирепо набросилась на Саймона, который работал в саду. Очевидно, она получила директивы от Карлоса, (он теперь был так болен, что больше не выходил из комнаты), и передала их Саймону. В тот мрачный день он появился с деревом авокадо, которое внезапно понадобилось Карлосу. Потребовалось немало труда и серьезного напряжения сил, чтобы найти нужное дерево. Я знала, что наступил день для высаживания дерева, и с тревогой ждала результатов.

Когда Саймон наконец позвонил, он был опустошен, почти плакал:

— Эллис, он хотел посадить его около какой-то стены — но стены *не существует*. Я имею в виду, что не видел ее! Флоринда сказала мне, что я — задница, что она *была там*, но... Ее не было там, Эллис! Я клянусь, *не было никакой стены* ...

Я поспешила к Саймону, он выглядел изможденным от боли и переутомления. Флоринда назвала его «доставучим», *занудным*, но больше всего ему досталось за то, что он не смог увидеть стену. Он был совершенно сломлен. Я постаралась сделать все возможное, чтобы успокоить его, но когда я прикоснулась к его плечам, чтобы помассировать их, он вдруг оцепенел. Я никогда ранее не сталкивалась с таким напряжением. Он так скорчился от боли и вины, что я не на шутку испугалась.

Среди этого хаоса мы с Флориндой соблюдали наш ритуал. Я читала ей «*Нью-Йоркер*», пока она занималась на тренажере. Я подавала ей свежесдобитые хлебцы и слушала, как она говорила о мистическом значении происходящего.

— Плохо, Эллис! — говорила она. — В самом деле плохо! Он может оставить нас в любой момент. Я думаю, что что-то произошло со смертью-советчицей. Или: — Он перестал быть самим собой после того как ты отравила его, Эллис. Или: — Мне кажется, это вирус, который он подцепил в Мексике.

Все это время я работала над завершением моего второго романа при горячей поддержке со стороны Флоринды. Это были тщательно замаскированные любовные письма к Карлосу, и мне потребовалось несколько лет, чтобы составить книгу. Я была уязвлена Карлосом, который без конца повторял, что я была просто «порнографом», так что мне пришлось подвергать цензуре все любовные сцены. Мне очень хотелось, чтобы Флоринда со своим утонченным литературным вкусом прочитала рукопись, которая была написана лучше, чем когда-либо, — этим я гордилась. Но сейчас я не могла попросить ее об этом. Она настаивала на завершении книги перед первым чтением.

— Фло, мне неудобно беспокоить тебя сейчас, у меня так много вопросов!

— Нет-нет, Эллис! Я *хочу* прочесть! Я *должна*. Кроме того, это поможет мне отвлечься от... *этого*!

Давай!

Я дала ей книгу. Она просто проглотила ее и позвонила, дрожа от возбуждения:

— Эллис, некоторые куски требуют доработки, но у тебя *получилось*! Ты сделала! Я вижу! Отложи ее на время, а потом переработай, — она продолжила убедительную критику. Меня распирало от гордости — если и доверять чьему-то литературному вкусу в группе, то только вкусу Флоринды. Казалось, полученное удовольствие от чтения отчасти успокоило ее, ведь теперь она твердо знала, что может оставить возлюбленное дитя, — оно выживет.

Она принесла мне в подарок чашу, выполненную в технике перегородчатой эмали, которая, как она сказала, принадлежала Большой Флоринде, партнерше дона Хуана и ее наставнице. Когда Флоринда спросила у Карлоса, кому подарить эту чашу, то он ответил: «Разумеется, Эллис!», чем вызвал ее удивление.

Прощальный дар Флоринды — шкатулка из перегородчатой эмали, которая передавалась от нагваля к нагвалю, и нефритовая лягушка — тотемное животное Флоринды.

Подарок Флоринды — кулон с аметистом, оправленным в золото.

Я позвонила, чтобы поблагодарить его. В ответ он с гордостью и радостью произнес: «Если когданибудь и существовала реликвия магов, то *это* именно такая чаша!»

Кроме того Флоринда принесла мне изысканную миниатюрную китайскую шкатулку «для хранения сережек». Она сказала, что эта шкатулочка принадлежала *нагвалю* Лю Янгу, магу из Китая, который открыл тенсегриту, сохранив его для всех последующих поколений. Снаружи вещь была выполнена в делфтском стиле, а изнутри в китайском, что «символизировало встречу Востока и Запада». Флоринда вернула также шкаф для картотеки ручной работы, который я заказывала для нее, он был точной копией моего и приводил ее в восхищение. Она настаивала на том, чтобы заплатить за работу, и сказала, избегая смотреть мне в глаза: «Это будет связывать меня с тобой, где бы я ни была, — с тобой и с этим домом».

Однажды, после очередной ссоры по телефону, которая оставила нас обоих раздраженными и измотанными, она пришла, пожалуй, с самой великолепной своей драгоценностью. Это был необыкновенный кулон, о котором она в шутку говорила, что «он болтается как коровий колокольчик». В нем был огромный аметист, оправленный в золото. — Посмотри, какой прелестный глаз, — сказала она, показывая на камень в треугольной оправе. По золоту шли странные, похожие на руны узоры.

— Не советую носить его, иначе будешь похожа на корову, кроме того, он великоват для тебя.

— Фло, я же видела, что ты его носила, и ты к тому же ниже, чем...

— Но ты не можешь. Я бы не хотела, чтобы Фифи или Клод видели тебя в нем — они так ревнивы. Я не хочу, чтобы ты *вообще* что-то надевала, они ревнуют! И так уже все знают, что ты моя, любимица.

Просто владей этим.

Она открыла холодильник, поискать что-нибудь выпить. Я преградила ей дорогу; дрожа от напряжения; — Флоринда, ты же уходишь, и ты, черт возьми, не зовешь меня пойти с тобой!

— При чем тут «зовешь — не зовешь», это просто зов — либо он есть, либо нет.

— Чуть собачья... Ты же заставляешь Саймона.

Она пропустила это мимо ушей и, глотнув кока-колу, рывком распахнула дверь.

— Почему, как ты думаешь, я дала тебе амулет? Поддержать нашу связь... И, кроме того, я знаю, *кто его сделал* !

Когда она ушла, я внимательно рассмотрела кулон, Я помню, что во всех историях Карлоса сквозило отчаяние — его настоящим отцом был ювелир из Перу и Карлос не покидал дома до двадцати пяти лет. Неужели он сделал это для своей маленькой колибри? Я пристально вглядывалась в блеск аметиста, потом спрятала кулон под одеждой, чтобы хранить память о Флоринде у сердца.

Я не помню, когда я снова увидела ее, на следующий день или позже. Мы опять

говорили о сексе в нашей манере на грани *цинизма*. Потом я почитала вслух и покормила ее копченой лососиной.

Флоринда запечатлелась в моей памяти стоящей в воротах патио, я каждый день наблюдала эту картину. Она была типичной немкой: настаивала на том, чтобы двор регулярно подметался, и я убирала все опавшие листья перед ее приходом, поэтому патио всегда был чистым. Мы обнялись и поцеловались на прощанье. Но когда я обернулась посмотреть ей вслед, чего никогда не делала прежде, то увидела, что она все еще стоит и смотрит на меня, как застывшая на лету колибри, — потом в ее ярко-голубых глазах вдруг вспыхнули и погасли искры, как будто она пыталась запомнить меня навсегда.

глава 41 ПРОЩАНИЕ ТАЙШИ

*Правда редко чиста и редко проста.
Оскар Уайльд «Как важно быть серьезным»*

В течение нескольких недель перед смертью Карлоса мы с Тайшей сталкивались в самых неожиданных местах. Мы натыкались друг на друга в бакалейных магазинах, ресторанах, даже на улице. В мире, полном предзнаменований, мы обе поражались частоте наших случайных встреч.

Развязка наступила за неделю до смерти Карлоса.

Муни ежедневно брала напрокат видео для умирающего *нагваля* — он ложился на кушетку и смотрел свои фильмы про войну, окруженный близкими женщинами. Однажды Муни попросила, чтобы я вернула кассету в местный видеомagазин, в кагором я раньше не бывала. Он находился в маленьком торговом центре, и когда я вышла из магазинчика, то увидела Тайшу в соседнем кафе, унылую и подавленную. Я заглянула туда, не уверенная, захочет ли она меня видеть.

Она помахала рукой, подзывая меня:

— Эллис! Невероятно, мы встретились *опять*! Хочешь кофе с печеньем? Я только что взяла.

Я присоединилась к ней, и разговор быстро стал серьезным. — Эллис, что ты знаешь?

— Гм... Я не могу знать *всего*, но *достаточно* много. О деньгах, например.

Слезы наполнили ее глаза, она кивнула и сказала:

— Я хотела кое в чем признаться.

— Тайша, и я тоже. Что-то давит мне грудь. Давай.

Тайша опустила глаза, и из них полились слезы. Даже в этом безвкусном торговом центре она представляла собой красавицу эпохи Ренессанса, — ее тонкие черты лица были словно вырезаны из слоновой кости. — Я... Я пыталась припарковать фургон и долго ждала. И только я собиралась въехать, как какой-то парень занял мое место. Я высунулась и сказала: «Извините меня, сэр, но я ждала и была первой». Он *засмеялся* и сказал: «Это плохо, вы проиграли!» Эллис, я не могу поверить в то, что сделала потом! Я дождалась, пока он ушел, и *исцарапала его машину* ключами! Я никогда не делала ничего подобного в жизни! Подумать только, стоя перед лицом смерти, я все еще сражаюсь со своими тремя братьями! Это *так*. Я *все еще* ненавижу их!

— О, Тайша, мне очень жаль. Брось, не все так ужасно, правда.

Она вытерла глаза салфеткой. — Я рада, что я могу рассказать тебе об этом, — спасибо тебе, правда.

Мне просто необходимо было рассказать об этом кому-нибудь. Эллис, а что ты хотела рассказать?

— Флоринда просто сводит меня с ума. Она взяла с меня клятву, и теперь я должна звонить ей, когда выхожу из дома. Ей нужно знать буквально о каждом моем шаге, — вдруг

она захочет пойти со мной. А сегодня, когда я позвонила ей, она повесила трубку! Это на самом деле обидно.

Тайша спокойно кивала:

— Я знаю, поверь мне. Я знаю, что ты чувствуешь. Эллис, ты *слишком* связана с нами, настолько крепко... Раньше ты то была в группе, то тебя выгоняли вон и приглашали обратно, но *теперь, теперь* ... — она разразилась слезами, рыдала, как маленькая девочка, трясла головой, словно пытаюсь стряхнуть горе. В ее тоне и глазах была такая решимость, — ничего подобного я раньше не видела, — когда она вдруг сказала:

— Эллис, это не смерть *нагвала* ! Он *не предполагал умереть вот так* ! Это неправильно, Эллис, *что-то пошло не так, как надо* . Должно быть, его карма. Он платит за что-то скверное, что он делал, я знаю! *Другого объяснения нет* ! — Мы устали друг на друга ошеломленные, испуганные, опустошенные печалью. — Эллис, мне нужно закрыть некоторые счета в банке. Ты пойдешь со мной? Ты умеешь это делать?

— Конечно, пойдем вместе.

Мы потратили целый день, посещая банки, закрывая счета и почтовые ящики. А на следующий вечер мы решили сходить в кино.

Когда я приехала, она села в машину, — ее трясло. Я ждала, когда она заговорит. Но Тайша лишь молчала и дрожала. Мы проехали небольшое расстояние до кинотеатра, и при въезде на парковку Тайшу прорвало:

— Они пытаются забрать его деньги, Эллис! Эта сука Соня! Эта шлюха, п. да! Она торговка, **ТОРГОВКА!** Я **НЕНАВИЖУ** ЕЕ! Она думает только о себе, эта сука гребаная! Черт возьми! Это *ЕГО* деньги, Эллис! *Я пытаюсь защитить их, пока ему не станет лучше* ! Ты понимаешь? Ему станет лучше! А они хотят забрать все. Они не будут нанимать Боба Джонса (бухгалтера «Клеаргрин») управляющим всем состоянием, — они хотят отдать управление его адвокату! Я должна поговорить с *нагвалем* , Эллис! Мне нужно позвонить! Может быть, он спит, я боюсь разбудить его, но кто-то должен сообщить ему!

Тайша выла и колотила кулаками по приборной панели, рыдая и матерясь. Я оцепенела. Насколько я ее знала, она никогда в жизни не использовала грязные ругательства — никогда! Даже Флоринда никогда не слышала, чтобы она хоть раз сказала «сука». Я сунула ей в руку бумажный платок.

— Тайша, почему бы тебе не позвонить Фло и не узнать, спит ли он? Давай. Тебе нужно выяснить! Звони Фло.

Вся дрожа, она набрала ее номер. Я слышала их беседу Флоринда говорила твердым, успокаивающим голосом:

— Тайша, пожалуйста, пойми, деньги не заберут! Их поместят в «Игле траст», *там они будут в безопасности. Пожалуйста* , Тайша, не убивайся так! — она говорила долго, пока у той не высохли слезы. Всхлипывая как ребенок, Тайша закончила разговор. Мы посмотрели друг на друга.

— Я не хочу идти в кино, Эллис. Кроме того, мы уже опоздали. Может, пойти в торговый центр, поесть или что-нибудь еще? — Я сказала, что знаю место, где подают вино.

В предыдущие три недели мы неоднократно встречались, чтобы сжечь счета колдунов и налоговые документы. Тайша пристально наблюдала за мной, когда я бросала в огонь бумаги. Я видела листы со списком расходов: «Стоимость авиабилетов к Мехико, чтобы встретить дона Хуана, — \$473.82», «Поездка в пещеры с доном Генаро — \$12.00». Мы сожгли так много корзин с бумагами, что на это потребовались часы, дни, целые выходные. Тайше необходимо было выпить, прежде чем сделать это. Она с грустью жгла фотографии, сделанные в Аргентине, шепча, что она никогда не увидит их снова. Я притворялась, что тоже много пью, и выливая вино в раковину, когда ходила в ванную. Я не могу пить, как Тайша, или у меня будет раскалываться голова. Во время самого изнурительного из этих всеожжени у меня закончилось вино, и я открыла бутылку водки, смешав ее с кубиками грейпфрутового льда, который сделала из плодов ее волшебного сада. Был жаркий день, как обычно в Лос-Анджелесе, и мы сидели около шести часов перед открытым огнем. Водка

ударил ее в голову.

Закончив, мы совершили наше ритуальное купание, чтобы смыть пепел с волос и кожи.

Тайша объявила: «Эллис, по правде сказать, мне уже не страшно стать алкоголиком. Все в порядке, правильно? Ведь я *ухожу*, так что уже не успею стать пьяницей!»

Я сказала ей, что все в порядке. Она сообщила мне в свою очередь, что планирует умереть. Я уже плохо соображала и не могла понять, как с ней говорить об этом. Хотя она и была пьяна, и мы обе находились в *экстремальной* ситуации, меня не покидало ощущение, что если я скажу что-нибудь этакое, то нарушу ужасный запрет.

Когда она наконец добралась домой, то сразу плюхнулась в кровать. В это время Тайше позвонила Флоринда и была поражена, даже восхищена ею. Больше всего Флоринде нравилось, когда та была подвыпившей, но на этот раз Тайша была просто пьяна. «Эллис, она еле двигалась! Я должна скрыть это от *нагваля*, мне никогда не приходилось *видеть* ее в таком состоянии, у нее будет адское похмелье!»

Фло потом рассказала мне, что Тайша провела весь следующий день в постели с «отравлением, и Карлос не узнал об этом». После этих слов я поняла, что мы опять будем пить вино.

Вернемся в торговый центр. Тайша сняла напряжение одним стаканом вина. После обеда она взяла мою руку и положила в нее маленький шелковый мешочек. Внутри были кольцо и две пары сережек.

Всего за несколько недель до этого она подарила мне свое дивное кольцо.

Я заплакала. Это значило, что она собирается уходить. Мне нужно было с этим смириться.

— Не плачь, Эллис. Это ничего не значит. Я не собираюсь никуда уходить. Я просто... освобождаюсь от вещей.

Я вытерла слезы и увидела, что она еле сдерживает свои чувства. Мы выбрали какой-то фильм и больше не говорили ни слова.

Жалея Тайшу, я решила, что лучше ей не звонить на следующий день. Она относилась к тому сорту людей, которые позвонят сами, когда будут готовы. На следующий день она сделала краткий звонок, чтобы поблагодарить меня и сказать, что чувствует себя значительно лучше. Она сожалеет, что у нее нет времени на разговор, — скоро поговорим.

Два дня спустя она позвонила опять. — Эллис, — начала она своим бархатным голосом, — я вчера вечером отложила тебе кое-какие вещи. Я хочу отдать тебе ожерелье, которое сейчас на мне, — оно сверкает, как ты, чудная маленькая фея (и напоминает мне о тебе), ты действительно мой милый маленький эльф. Ты значишь так много для меня, и так много дала мне... *Я не знаю, как выразить* ... что я по-настоящему сильно люблю тебя. Ты навсегда будешь в моем сердце. Я полюбила тебя с того дня, как мы встретились, мое сокровище, мой дорогой эльф. Ты не будешь против, если я попрошу тебя об одном одолжении? Ты не слишком занята? Нет? Ты знаешь, в какой спешке я убирала свой гараж, — не сможешь ли ты позвонить мне в три тридцать завтра утром? Я бы хотела, чтобы ты сходила в хозяйственный магазин, а мне надо помыть окно. Хорошо? Это самое последнее, что нужно сделать, — окно. Я люблю тебя.

Я позвонила в три тридцать на следующий день. Все телефоны молчали. Я в волнении позвонила Флоринде — ее домашний телефон не отвечал, а ее мобильный сказал, что «абонент недоступен».

Я позвонила Карлосу — его телефон молчал.

Я звонила Муни снова, снова и снова. Трубку никто не снимал.

Тайша нашла свое окно и оставила другое для меня.

глава 42 ОН УШЕЛ

Я видела дивные превращения: как лепестки сорванного цветка в твоей руке становятся блестящими ножами. И это было столь желанным, столь прекрасным, что твои пальцы не захотели разжаться, а ты не могла поверить, что все вокруг обладает способностью чувствовать боль.

Надин Гордимер «Лживые дни»

Телефоны молчали, а в это время в Лос-Анджелесе проходил однодневный семинар. Муни была лаконичной, говорила ровным тоном, ее голос сорвался лишь однажды, когда она говорила про «стоящую рядом Большую Флоринду, которая постоянно заботится о нас». Многие из слушателей почувствовали: что-то было не так. Прощание Астрид со старыми учениками тоже выглядело подозрительно: ее «медвежьи объятия» были слишком энергичны.

В неподдельном волнении Муни велела мне «забыться о Саймоне». Он сказал ей, что «уничтожил костюмы *нагваля*» и чувствует себя опустошенно — чтобы не сказать больше. Мы все еще продолжали волноваться из-за него, — он мог покончить с собой. Саймон был успешным бизнесменом, но иногда казалось, что за пределами мира Карлоса в этой жизни у него не было никаких привязанностей. У меня были мои книги, у Гвидо — книги и фильмы, у других был «Клеаргрин». Единственная любовь Саймона, Флоринда, бросила его.

В Лас-Вегасе Флоринда вышла за него (и за Карлоса) замуж, но Саймон не имел никаких супружеских прав, — ему приходилось делить свою любовь с другими и так же страдать от потери, как и мне. Возможно, хуже всего было знать, что Флоринда где-то там.

После семинара мне позвонила Муни, ее голос был глухим и бесцветным:

— Он ушел. Ушел с Клод. Они ушли парами; Фло и Тайша, потом Астрид и Соня. Я зайду позже, у меня есть кое-какие вещи для тебя. Мне еще нужно сообщить Дафне и Алисе и еще некоторым... Я устала... Возможно, я сделаю это завтра. Никому не говори.

— Хорошо. Спасибо.

Я стояла как громом пораженная. Буря потрясений, печаль, вопросы и... облегчение. Его страдания закончились. Боль, мания, боязнь уйти не как *нагваль*... Наконец все было закончено. Лица осиротевших мелькали передо мной: Патси с фальшивой приклеенной улыбкой; Саймон — он, конечно, сразу все узнал и нарушил нашу клятву, ничего не сообщив мне; Гвидо, безумный и возбужденный, напомнивший мне, какой «горячей» я была; Рамон не скрывающий своего горя от меня, ведь он был единственным, за исключением Астрид, кто общался со мной без маски и фальшивой улыбки. Приклеенная усмешка Декстера была ужасна.

Я подошла к Рамону со словами:

— Рада тебя видеть, ты — *настоящий*.

— Что ж, при этих обстоятельствах... — он покачал головой. Я кивнула и сжала его руку.

Последние слова Тайши пронеслись в голове: «окно ждет тебя там».

И Карлос... Мне казалось, что он только что произнес свои последние слова... Это было три или две недели назад. Он велел Флоринде позвать меня. Выйдя из дверей своего дома, она сунула мне в руки великолепное ожерелье из янтаря, — символ присоединения. Это было мое второе ожерелье из янтаря от Карлоса, более древнее, а значит и магическое. Я позвонила, чтобы поблагодарить *нагваля*.

— *Это* ожерелье такое *мощное, mi amor*, я все расскажу тебе *о нем*, когда мне станет лучше! Помни, *preciosa*, ты — боец, настоящий воин! И сегодня такой *прекрасный* день... Ты — *tacha, mi amor, настоящая tacha*. Ты *настоящая*, моя любовь!

Зазвонил телефон. Это был Гвидо. Я узнала выучку: это Муни проинструктировала его позвонить мне.

— Время «Блэк Найк» еще не прошло? — Его черный юмор напомнил мне о недавнем массовом самоубийстве в одной секте, — они умерли в спортивных туфлях этой фирмы, — и рассмешил меня.

У нас была обычная бестолковая беседа. Конечно, мы были в шоке. Но «вечеринка» только начиналась.

Ридли позвонил и сказал со слезами:

— Можно я приеду?

— Конечно. Когда хочешь.

— Я пока не могу. Можешь поговорить со мной минутку?

Плач Ридли вывел меня из шокового состояния. Он все твердил эту замысловатую сказку:

— Я только что пришел оттуда. Фифи провела меня по комнатам. Тайша надела все свои драгоценности, чтобы зарядиться энергией, а потом «выгореть», — она ушла с Флориндой. Сначала *нагваль* сгорел с Клод. А затем... — его голос срывался от потрясения, — затем Астрид сгорела с Соней. Она показала мне все комнаты, где они сгорели.

А я в это время думала: «Что они сделали с таким милым мальчиком? Когда он все поймет, что будет тогда чувствовать? Возможно, он будет благодарен за сказку, или... Можно предположить все что угодно».

Мне показалось, что я снова услышала голос Карлоса, говорившего по телефону девять лет назад о том, как летучая мышь летала вокруг строил: «Только *ты* поймешь метафору».

Но Ридли, оказывается, до сих пор *верил* этому. Я была раздавлена и слишком хорошо знала их жизнь, чтобы так думать. Я *хотела* верить. Если бы они сгорели, и все это было бы правдой — тогда, возможно, их жестокость имела какой-то смысл, и мы все-таки будем бродить по «невероятной стране, откуда не возвращаются».

Я вспомнила, как в самом начале выясняла у Муни:

— Десять лет во втором внимании были для тебя свободой? Похоже, тебе не очень нравится магия!

— Это был ад...

— Ад! Я не...

— Ад — это когда ты не с друзьями.

Адом для нее было изгнание, школа акупунктуры, брак и развод. Должно быть, это ужасно: из женщины-*нагваля*, жены Карлоса, опять стать человеком. Человеческая форма — это последний круг ада.

К концу своего рассказа Ридли чувствовал себя выжатым лимоном. Ему нужно было поспать, мы договорились встретиться потом.

Следующий звонок был от Гвидо, — он совершенно изменился. опережая меня на шаг, он начинал что-то чувствовать.

И был в ярости.

— *С МЕНЯ ХВАТИТ ЭТОЙ ЧЕПУХИ*, — рычал он. — *Хватит* тайн, хватит лжи! Я сыт по горло секретами и фальшью! ВСЕ КОНЧЕНО!

Я с огромным облегчением выслушала эти слова. Гвидо произвел на меня невероятное впечатление.

Он демонстрировал мужество и понимание сути. Мне не доставало его энергии. Я не могла закричать, но я могла сказать «да».

Мягким голосом, в котором звучала грусть, он добавил:

— У меня такое чувство, словно цирк только что закрылся и уехал из города. А *ты* ... Я не понимаю, как ты выдерживала все это. Тебе больше не надо будет стоять в углу с бумажным колпаком нерадивого ученика. Как ты только это выдержала?

— Мне некуда было деваться.

Мы помолчали, как обычно. На этот раз в нашем молчании не было никакой

сексуальности, это была гробовая тишина.

Позвонила плачущая Дафни. Я едва могла разобрать ее слова. Ей только что сообщили. Она получила свой пакет с драгоценностями от ведьм. Ридли и Саймона послали навестить ее. После того как она надела все украшения, ее убедили выбросить пустые конверты, подписанные ведьмами измененным почерком, на которых стояло ее имя. (Я хранила свой целый год и все еще храню конверт Флоринды.) Карлос «простил» Дафни перед смертью. Для нее это было относительно счастливым финалом. У тех, кого просто изгнали перед смертью Карлоса, конец был гораздо хуже.

Из-за этого случилось много трагедий.

Муни передала последние слова Карлоса, перед тем как он впал в кому. Не сумев найти *нагвалю* новый фильм про войну, она выбрала «*Шталаг 17*». Карлос огляделся тревожно и сказал: «Что за б...дь купила эту х...ню?»

Она рассказывала эту историю неоднократно, с глазами, полными слез. Ужасное колесо времени — последние слова возлюбленного...

На следующей неделе — калейдоскоп эмоций и невыносимая мука от всего.

Муни объявила нам о новом настроении и приказала перестать скорбеть и «быть светлыми». Я сочла ее поступок трагическим просчетом, — подавленная скорбь всех, кто уцелел, могла привести к взрыву: болезням, расстройствам пищеварения, наркотикам, переутомлению и вообще, бог знает, к каким последствиям.

Чтобы ускорить исцеление, Муни велела мне взять тетрадку и выполнить магическое задание: записать поток сознания. — Ты можешь изложить все, что хочешь, писать обо всем, что думаешь, выпусти это из себя! Ты даже можешь говорить все, что хочешь, обо *мне* ! Потом положи это в стакан с водой и закопай на заднем дворе. Через неделю ты можешь прочитать это, сжечь или отдать мне.

Я написала эссе, положила его в банку и закопала на заднем дворе.

— Что ты написала? — спросила она.

— Я написала, что это был просто гребанный культ.

— О... — она замолчала.

Иногда мы с Муни принимали успокоительное. Никто из нас не был выпивохой, поэтому когда слезы уже невозможно было остановить, мы принимали детскую дозу транквилизаторов. Она просила немного для Фифи и чуть-чуть для себя. Однажды Муни удивила меня, спросив, принимала ли я «экстази».

Я не принимала никаких стимуляторов и сказала ей об этом:

— Стимуляторы всегда пугали меня, Муни. Не хочется терять контроль.

— «Экстази» не страшно! Нужно обязательно попробовать. Тебе очень понравится! Я принимала, когда эту штуку только придумали.

Я поведала об этом своей подруге Салли, которая, как всегда, сделала свои ошеломляющие выводы.

— Когда *придумали* «экстази», — сказала она невозмутимо, — *Муни находилась во втором внимании.*

Однажды днем Муни приняла валиум. Я делала ей массаж, и она уснула у меня на коленях. Зазвонил телефон, это была Фифи. Мы не говорили с ней несколько месяцев. Она была в истерике.

— Муни у тебя? Я не могу ее найти!

— О, привет, Фифи. Муни здесь нет. Я ей передам, если мы свяжемся.

Муни проснулась через час. — Звонила Фифи, но мне не хотелось тебя будить.

Она ухмыльнулась:

— Спасибо, Эллис! Они все гоняются за мной! *Он* ушел, и они хотят высосать меня.

Почему они не могут позаботиться о себе сами?

Муни позвонила мне в тот же вечер и заявила:

— Я призналась Фифи, что спала. Я сказала ей, что приняла таблетку и заснула. Она сказала: «Ух ты! Я и не знала, что Эллис *такая славная!* Она молодец !» На них произвело

впечатление, как гладко я солгала.

Позже Муни забеспокоится, что прибегала к стимуляторам в это ужасное время. Она странно будет лгать, что принимала их исключительно из-за меня: «Ты меня пичкала своими таблетками», — беспрестанно жаловалась фармацевтическая мать Тереза. Я предположила, что она пристрастилась к «крэку», и поинтересовалась, для чего она хотела взять горсть таблеток с собой домой. У нее и Флоринды никогда не хватало вдохновения солгать.

Как-то Рамон повел нас всех в кино, — я не помню, что мы смотрели. Фифи слонялась по фойе слегка обалдевшая. И вдруг пьяно улыбнулась мне и сказала:

— Я так рассла-а-абилась. А ты?

— Думаю, что да.

Муни налетела на меня после фильма: Фифи стала «новым Скаутом», а я провалила испытание. Она подседа на валиум, который я давала Муни, и от меня ожидался ответ на эту шутку вроде «я тоже рассла-а-абилась!»

Я в тот момент пристально посмотрела на Муни. Она теряла разум. А Фифи... Она, казалось, повторяет все мои слова, даже самые бессмысленные. Что она имела против меня? Возможно, ничего. Скорее всего, так она поступала со всеми, прокладывая себе дорогу наверх к успеху своей ненасытностью и пробивной силой. В смятении, в минуту слабости она призналась, что много пила и курила. «Как же ты скрывала запах?» — спросила я, поразившись ее ловкости. «Много ментола», — печально ответила она.

На этой же неделе случилось жуткое происшествие. Департамент полиции Лос-Анджелеса нашел брошенную машину Клод в Долине Смерти, с бумагами Саймона. По этому адресу они пришли в офис «Клеаргрин», к Саймону в кабинет. Тот пытался это скрыть, но история мгновенно облетела всю группу. Саймон тут же исчез, бросившись на поиски в Долину Смерти. Он был настолько подавлен и мы боялись, что он не вернется. Но он все-таки вернулся с каменным лицом и без Клод.

Говорили, что два слушателя видели Клод разъезжающей по Лос-Анджелесу. Все, что произошло с ней, мне рассказала Муни несколько недель спустя. Клод дозвонилась до нее из заброшенного мотеля в Долине Смерти. Муни отправилась к ней на встречу и обнаружила Клод в комнате — она «была вся в крови после попытки самоубийства».

— Она жалким образом повалилась мне в ноги, — сказала Муни с отвращением, — повторяя без конца, что она никчемная, полная неудачница. Я привезла ей МНОГО денег — ОЧЕНЬ МНОГО! — и велела ей отправляться в Ирландию и начинать издательский бизнес. Почему бы и нет? У нее вся жизнь впереди, и все деньги! Была ли эта история правдой или это очередная легенда, но холодность Муни поразила меня, отсутствие в ней сочувствия было прекрасным материалом для «Классификации психических болезней поведенческих расстройств» — безмерный нарциссизм — пример из учебника по психологии, но я ощущала постоянную горечь в отношениях этих двух женщин, о которых ничего не знала и не могла поэтому их судить. Вероятно, Клод внезапно покинула свою квартиру и оставила все хлопоты и уборку на Муни, Ридли и Саймона. Муни притворилась (я знала это), что Клод оставила мне часы. Меня тронул жест Муни, и я изобразила восторг от того, что это было подарком от самой Клод. «Перед ее уходом мы играли в куклы, — сказала Муни, — и она положила их на твою куклу». Тьфу!

Однажды вечером на этой же несчастливой неделе мне позвонила Муни. У Гвидо началась страшная мигрень. У меня тоже такое бывало.

— Не могла бы ты пойти к Гвидо и посидеть с ним? Ему нужно ежедневное иглоукальвание, а у меня нет на него времени! Я полностью измотана, я уже говорила, у меня чувство, будто все эти засранцы — щенки, сосущие из моих сисек! Кроме тебя, конечно. Гвидо пил, принимал какие-то таблетки от головной боли и выкурил пару «Шерманс» — снова начал. Потом его рвало от сигарет.

Пожалуйста, возьми его на себя.

— С удовольствием.

— *Спасибо!*

Я поспешила в Санта-Монику. Гвидо, совершенно зеленый, обернутый полотенцем, повел меня в ванную, рухнул на пол и принял позу эмбриона.

— Мы нашли наше «место силы», — простонал он.

Я положила его голову себе на колени и стала массировать ему брови. Я знала более чем достаточно о мигрени. Он расслабился, его полотенце соскользнуло, и скоро мы уже обнимались. Если когда-либо мы и должны были закончить наш «викторианский роман», то это, казалось, был подходящий момент. Остановившись после долгой игры, немного не дойдя до технического завершения, мы застыли неподвижно в объятиях друг друга.

— Эллис, я знаю, Муни с кем-то трахается. Она отрицает, но я чувствую это, Эллис, я знаю. Скажи мне, кто это. Пожалуйста. Я *знаю*, что ты знаешь. В течение *многих лет* мне не позволяли говорить с нею, *смотреть* на нее... Это был *ад*. А теперь ... *Скажи мне*.

Я решила солгать — ради Муни и Гвидо, ради себя самой, чтобы избежать эмоционального взрыва.

Возможно, я приняла глупое решение. Гвидо все выяснил достаточно скоро, потому что новый дружок Муни, девятнадцатилетний парень, был слишком молод, чтобы держать рот на замке по поводу своих «побед» — женщина-нагваль, в конце концов! — а его друзья все растрепали. Вскоре я услышала эту новость от десятка людей. Как Муни надеялась держать все это в тайне, невозможно даже вообразить! Обезумев от потерь и страха, она металась, как и все остальные.

— Это должно быть я, — сказала я Гвидо. — Но мы с Муни дурачили всех. У нас не было секса. Это правда. Мы целовались и ласкали друг друга, как бы примериваясь. Муни испугалась и сказала: «Я только жду нужного момента, чтобы запустить свои энергетические крюки поглубже в тебя, — и, захватив прядь моих волос, добавила:

— Я знаю, как обращаться с тобой». Это замечание немного смазало эффект от истории в духе Сафо и Энн Райе и спровоцировало эротическое возбуждение Гвидо. Как это бывает со многими мужчинами, мысль о женских играх, не говоря уж о ведьмовских, действует на них возбуждающе. Ревность уступала место любопытству.

— Ну, мы загорали голыми, и я делала ей массаж на крыше. Это получалось несколько пикантно...

Соседи брали бинокль, — мы всегда над этим смеялись!

Он казался разочарованным:

— Я не могу поверить, что вы не...

— У меня нет такого опыта, Гвидо. Мы целовались, немного ласкали друг друга, и Муни сказала:

«Когда я решу, то в любой день буду готова. Я всегда должна все контролировать».

Я удивлялась, как ей могло быть хорошо с Карлосом. Но тут же вспомнила, что много лет она испытывала неудобство. Она как-то поделилась со мной: «У меня был целый период, когда *нагваль* отослал меня, чтобы я была только с женщинами, — это время мне нравилось больше всего».

Гвидо настаивал:

— Так что же остановило тебя?

— Карлос умер, и все закончилось, — я, смутившись, пожала плечами. — Муни никак не объяснила свой уход.

«С Флориндой было бы намного легче это сделать, — подумала я, — если бы они с Карлосом были настроены серьезно». Я вспомнила один необычный эпизод: меня как-то целую неделю приглашали к Карлосу на ночь, и Флоринда встречала меня в дверях с дикими поцелуями. Карлос сказал, что он хотел нас «энергетически совместить», чтобы заниматься сексом втроем. Когда вместо беспокойства я проявила энтузиазм, его интерес к этому немедленно угас, — я разрушила игру.

Гвидо теперь требовал историй и тянул меня к себе:

— Расскажи мне, как ты была с *нагвалем*, как это было?

Внезапно я разрыдалась в его объятиях. Я плакала словно маленькая девочка, уткнув лицо в его шею.

— Элли, Элли, — шептал он, — все будет хорошо... Ты знаешь, я был с Флориндой.

— Правда?

— Ха! Сколько раз я делал это с Флориндой, ты можешь пересчитать по пальцам на ампутированной руке! А правда, что Саймон спал с Клод?

Я кивнула.

Он мгновенно разъярился. — Это я должен был пойти к ней, *прямо к ее двери*! Я — тот, кто *понимал ее*!

— Гвидо, это смешно! Эти вещи *устраивал* только Карлос! Ты *прекрасно знаешь*, что не мог бы появиться на ее пороге без его разрешения. Боже мой!

— Элли, у меня болит голова... Не могла бы ты помассировать мне виски?

Он чуть не уснул. Наконец он встал, обернувшись полотенцем как тогой. После потока благодарностей под выпивку на кухне Гвидо выпроводил меня домой. Он грешил грубоватыми манерами. Я добралась домой в полном недоумении. Гвидо все еще целовался не по-настоящему и вел себя как проститутка с клиентом. Но еще более странная вещь случилась потом.

Когда я входила в дверь, зазвонил телефон. Это был ОН:

— Малыш, я не могу заснуть. Расскажи мне что-нибудь о себе и *нагвале*... и о Муни, Что еще вы делали? Мне не уснуть.

— Я почти все рассказала. Попробуй отдохни, а я тебе перезвоню, мне нужно немного побыть одной.

— Опиши это снова, Элли.

— Я перезвоню, хорошо?

Гвидо перезвонил, нетерпеливый и горячий.

— Я понимаю, малыш, — ворковала я в трубку. — Но я перезвоню тебе, *обещаю*!

Телефон зазвонил снова. Гвидо шептал: «Малыш, малыш, Эллисита». Он тяжело дышал. Я напомнила ему, что он всегда может прийти, но, по обыкновению, он чувствовал себя более уверенно только в телефонном разговоре.

— Гвидо, Карлос ушел. Что ты хочешь? Мы можем теперь самостоятельно принимать решения.

Он взвизгнул:

— Ты что, думаешь, я не знаю этого?! — и бросил трубку.

Это был Лос-Анджелес, мир колдунов, 1997 год, когда секс по телефону был более безопасен, чем объятия — объятия, о которых нельзя было говорить... И никто не спрашивал «а почему?»

Я сидела допоздна, думая о слове «почему».

Самый большой запрет в словаре колдуна лежал на слове «почему», рядом с ним стояли: «любовь», «дружба», «семья» и безвкусные «человеческие потребности». В правилах Кастанеды был некий эдикт в духе Оруэлла, запрещающий слово «почему», — видимо, после подробных описаний в бестселлерах, как он с собачьей преданностью задавал свои вопросы дону Хуану. Мы, как читатели, идентифицировались с ним, любили и ненавидели его тупые вопросы. Многие из нас были уверены, что сразу бы поняли дону Хуана, если бы оказались там. Эти удивительные подмены — залог огромного литературного успеха Кастанеды, — он изобразил себя вопрошающим дону Хуана и сделал это как гениальный художник.

Муни сказала мне, что когда я попала в группу, у меня был краткий период, в течение которого мне позволялось спрашивать. Потом он закончился, и я вместо перевода сказанного на доступный язык училась использовать повторение в качестве семантического приема. Например, Карлос открывал тайну: «Летуны пожирают нас новым ужасным способом. Они

теперь сеймуры, а не Бобби, они „видят острее“. Я знаю, как остановить их, но не могу показать, это будет слишком опасно... Я не знаю, готовы ли вы».

«Сеймуры, — должна была повторять я, — М-да, новым способом...»

Вторая книга Карлоса, «*Отдельная реальность*», была издана в 1971 году и содержала характерную сцену, в которой Карлос, как обычно, приставал к дону Хуану с вопросами:

«— Является ли воля контролем, который мы можем установить над собой? — спросил я.

— Вы можете говорить, что это — своего рода контроль.

— Как вы полагаете, могу я упражнять свою волю, например, лишая себя некоторых вещей?

— Например, задавания вопросов? — уточнил он.»

Когда Карлос умирал, он велел некоторым членам внутреннего круга подобрать цитаты для «Избранного Кастанеды». Муни называла эту работу «еще один стервятник вылетел поохотиться». В первом посмертном издании был опубликован мой любимый афоризм, потом исключенный:

«Отречение от самого себя — индульгенция. Индульгенция отречения вообще — много хуже, — это заставляет нас думать, что мы совершаем великие вещи, когда в действительности мы просто закрепляемся в границах самих себя».

Я выбрала ее в качестве иллюстрации того, что Карлос, начинавший как подлинно ищущий, истинный философ, закончил как тиран, создавший собственный культ для потрясенных последователей. Власть ввела его в необыкновенные соблазны, а болезнь ужасно ослабила. Но я верю: ничто не может лишить искренности и красоты его ранние работы. Оставить их мудрость, отбросив все остальное, значит взять лучшее из Кастанеды.

Поначалу Муни удивила меня, утверждая, что читателям Карлоса повезло гораздо больше, чем тем, кто приблизился к нему, — но наконец я поняла это. Карлос сделал ужасную ошибку, когда провозгласил: «ТОЛЬКО МЫ живем — что говорим, то и делаем! НИКТО, кроме нас!» В этом заявлении, так легко опровергаемом сегодня, как я полагаю, не было никакой необходимости. Что позорного в том, чтобы потерпеть неудачу в борьбе за идеалы? Иногда Карлос менял свои заявления, требуя бороться и потерпеть неудачу. Я любила его больше всего во время внезапных приступов откровенности, но, увы, они всегда быстро заканчивались.

глава 43 РОЖДЕСТВО ТАЙКОМ⁴⁸

*Их судьба должна быть такой же, как и ваша, —
Да, мучение от потерь — вот что пугает тех,
Кто много лет грешит одним и тем же.
У.Х.Оден «Раз вы собираетесь начинать сегодня»*

Дни проходили в безумии. Как-то вечером Гвидо пригласил меня покататься. Держа его за руку, я с любопытством наблюдала, как он кружит по улицам около домов Саймона, Муни и квартир тригеров, где нас могли «поймать». Старые удовольствия быть «плохими», очевидно они ушли навсегда. Я вспомнила объятья в темноте под лестницей на семинаре. «В чреве зверя», — шептал он мне на ухо и прижимал к себе.

Наконец Гвидо припарковал автомобиль в темном переулке, заключил меня в объятия и впился в мои губы греховно, горько и сладостно. Гвидо Манфред дрожал, дрожала и Эллис Лаура Финнеган — дрожали так, как будто готовы были разорваться на атомы, на миллионы

---

⁴⁸ Игра слов, соответствует выражению «Пир во время чумы». — *Примеч. ред.*

мятущихся огоньков, что наполняют вселенную. У нас перехватывало дыхание, мы не могли унять эту дрожь и едва справились с простым поцелуем. Никогда я так не трепетала в чьих-то объятиях, и Гвидо едва мог успокоить меня.

Он высвободил руку и, дрожа, дотронулся моими пальцами до своего пульса.

— Слушай, — пробормотал он, — как скачет. Мы смеялись и опять целовались, то пристально вглядываясь друг в друга, то в темноту, плясавшую за прикрытыми веками, обезумев от легкого, пьянящего воздуха. Я положила ему руку на сердце, он прикрыл ее своей и прижал, как будто давал клятву.

Вдруг Гвидо резко отпрянул и сказал хриплым срывающимся голосом:

— Я отказываюсь думать об этом как о чем-то важном.

— Конечно, — согласилась я. Мне показалось, что он был на грани срыва.

Он отвез меня домой, а на следующий вечер позвонил и сказал, что приедет. Кажется Гвидо осмелел?

Опять зазвонил телефон. Это был Гарри, мой старый друг из воскресной школы. Мы встретились мимолетно на том последнем «грустном семинаре», где Муни, обращаясь к толпе, едва сдерживала слезы.

— Гарри! Я так счастлива слышать тебя! Как случилось, что нам не удалось пообщаться?

Гарри был одним из моих самых близких друзей в группе. После своего изгнания я ничего не слышала о нем и поэтому разволновалась. Раньше он всегда проявлял заботу, беспокоился обо мне.

Сейчас я сама была слишком ошеломлена и угнетена, поэтому не звонила ему. Подсознательно я боялась наказания и перестала общаться с друзьями из воскресной школы. Этот безумный год начался, кажется, с того дня, когда мне позвонила Сьюзен Джонсон: она переживала из-за того, что ее ругал Карлос, а она расплакалась. А за несколько дней до расставания выяснилось, что она меня предала... Голос Гарри отвлек меня от этих мыслей.

— Эллис, мне нужно кое-что тебе сообщить, — по его голосу я поняла, что это серьезно. — Когда тебя вышвырнули, я не звонил, потому что Джим Грубер предупредил меня... [Джим был слушателем воскресной школы, которого все ненавидели за угодничество и безжалостное предательство своей жены.] Он выполнял распоряжения Карлоса. Очевидно, у него был список людей, кому надо позвонить. Список тех, кого Карлос подозревал в хорошем к тебе отношении.

Джим велел мне держать это в тайне от тебя, потому что ты могла бы покончить с собой!

— Что ?

— Ты ведь так не поступила бы, правда?

— Гарри, *нет*. О чем ты говоришь?

— Мне сказали, что я нагружал тебя своими личными проблемами, поэтому ты начала принимать стимуляторы, а за этим, мол, могло последовать самоубийство... Джим клялся, что ты собирала материал для следующего романа и могла использовать все наши признания! Мол, ты тонко маскировалась, а потом предала бы нас. Подозреваю, что за всем этим стоял *нагваль*, но мы беспокоились за тебя, а не за себя. Все это время я боялся звонить из опасения, что могу способствовать твоему... самоуничтожению. Потом я увидел тебя с Саймоном на семинаре и понял, что должен позвонить. Эллис, что происходит? Что-то случилось с Карлосом? О том дне ходят странные слухи. Многие люди чувствуют, что ведьмы уходят куда-то, и он тоже.

Мне с трудом удалось собраться с мыслями. Я объяснила Гарри, что «слова» Карлоса обо мне, переданные через Джима, лживы от начала и до конца. На самом деле Карлос был разъярен от того, что я *не* сплетничала и скрывала от него секреты слушателей.

— Гарри, кому еще звонили?

— Я понятия не имею, Эллис.

Это было самое ужасное предательство в моей жизни. Я была ошеломлена и не могла в

это поверить.

— Мой бог, Гарри, я... Гарри, что с Ребеккой? Я не верю, что она мертва, ведь это не так?

— Что?

— *Нагваль* рассказал нам абсурдную историю про тебя. Он сказал, что Ребекка была проституткой, ты был одним из ее любовников, а ее убил Роджер, дружок-сутенер.

— Боже, Эллис, я едва знал Ребекку! И она не мертва. Разве ты не слышала, что случилось?

Ребекка была очаровательным застенчивым подростком, она со своим приятелем путешествовала в фургоне по всей стране в поисках Кастанеды. Они были хиппи, молодые ребята, но как будто из шестидесятых годов. Ребекку пригласили на занятия в воскресную школу, и однажды она исчезла.

Нагваль с мрачным видом поведал нам историю про ее убийство и добавил, что решил провести расследование с помощью частных детективов. В воздухе повисло что-то тяжелое, как будто действительно кто-то умер. Но я не поверила этому, и меня тут же осудили за «цинизм». И все же, спрашивала я себя, почему не было никакого полицейского расследования? И зачем Карлос сочинил такой вычурный и жестокий рассказ?

Гарри продолжал:

— Я слышал о том, что случилось на самом деле. Ребекка была приглашена жить в дом Карлоса. Астрид проинструктировали постоянно за ней следить. Роджер приезжал к дому и ждал за воротами ее появления. Однажды Ребекка прокралась в сад и жестом подозвала его. Она сказала, что у нее только секунда, потому что Астрид следит за ней. Роджер спросил, хочет ли она уехать, и та сказала: «Да, заведи меня отсюда». Они сбежали вместе и сейчас живут у матери Ребекки. Она в полной безопасности, Эллис. Но она боится, что Астрид придет и заберет ее, именно поэтому она не будет рассказывать о том, что произошла. Она говорит, что скрывается.

Отвечая на вопросы Гарри, я сказала, что Карлос мертв, и, по словам Муни, ведьмы совершили самоубийство. Я повторила жалобную историю Муни о Клод. Потом сказала Гарри, что когда-то давно Карлос женился и не мог иметь детей, но устроил так, что жена забеременела от друга семьи.

Все произошло, как и было запланировано, объясняла я Гарри. Скоро у Карлоса появился «приемный» сын, которому он периодически помогал и после развода, но исключил из своего завещания. Сын оспаривает завещание, но, как я слышала, нанял неподходящего адвоката и глупо проигрывает. В результате «Клеаргрин» больше не может скрывать смерть Карлоса от общественности, хотя и утаивал этот факт в течение трех месяцев. Все это я рассказывала своим самым близким друзьям и некоторым слушателям воскресной школы. После судебного разбирательства, которое его сын проиграл, на первых страницах газет появились некрологи, а «Нью-Йорк тайме» поместила фотографию другого Карлоса Кастанеды, какого-то историка с тем же именем.

Мой отец умер в семьдесят четыре года от рака поджелудочной железы и осложнений из-за диабета.

Его некролог появился в правом нижнем углу на первой полосе в «*Лос-Анджелес таймс*», как и у Карлоса. Это совпадение было ужасным. Мать, мой брат и его жена, не предполагая, что я все знаю, в слезах позвонили мне с соболезнованиями. Я была потрясена и не могла им ни о чем рассказать.

После публикации некролога в первый же день на сотрудников «Клеаргрин» обрушился шквал звонков. Они отвечали на безумные вопросы, сообщая, что Карлос «превратился в пламя». Потом отключили свои телефоны и сделали официальное заявление для прессы, которое можно считать памятником неясности и двусмысленности. Вскоре после этого парочка любителей порыться в грязном белье, снимавшая Карлоса тайком, запросила информацию в морге Кавер-сити и выяснила, что на самом деле Карлос умер от рака как обыкновенный человек и при этом страшно пожелтел.

Но вернемся в мою комнату. Когда мы с Гарри переваривали отвратительные новости, позвонили в дверь. Одинаково потрясенные, мы договорились созвониться снова.

В дверях стоял Гвидо, он проследовал за мной в спальню. Я рассказала ему о моем телефонном разговоре с Гарри:

— Теперь *многое* стало понятно. То, что делал Карлос, — *ужасно*. А ты знаешь про Ребекку? Она со своей матерью, с ней все в порядке.

Он смотрел в сторону, на пол, на свои руки, только не глядел на меня.

— Я в шоке от всего этого, — продолжала я. — Мне было непонятно, почему никто не поддерживал со мной отношения? Ты тоже прошел через это, помнишь, Гвидо?

Он продолжал молча смотреть в сторону, казался очень испуганным и не торопился высказывать свое мнение. Потом решительно зашагал по комнате, уставившись в пол, как будто хотеть сделал археологическое открытие. Внезапно Гвидо сел на кровать и притянул меня к себе. В каком-то оцепенении, словно тряпичная кукла, я положила голову ему на плечо.

Гвидо пытался пошутить: мол, тот из нас, кто знал Карлоса дольше всего и у кого был самый высокий статус, будет «старейшиной».

— Это ты, Эллис! *Ты* выиграла приз!

В случайно оброненной фразе был явный намек на историю, которую рассказывал Карлос будто он овладел мной, когда я была пятнадцатилетней девственницей, а потом вместе с Муни пытался удочерить. Гвидо продолжал верить Карлосу.

Где был тот Гвидо, который кричал: «ХВАТИТ ЛЖИ! ХВАТИТ ИГР!»? Я стала рассказывать о том, как меня потрясли откровения Гарри, и какими злобными, расчетливыми и жестокими были поступки Карлоса по отношению ко мне. Мой разум мутился, исчисляя годы разрушений. Где были мои «когорты», где «карт-бланш»?

В изнеможении я замолчала и села рядом с Гвидо, но вдруг он ни с того ни с сего ляпнул:

— Никогда и никому не говори, что я не спал с тобой! — мы напряженно и неуклюже начали ласкать друг друга.

Я чувствовала себя униженной, какой-то дешевкой. Мне нужна была любовь и понимание, но все, что он мог предложить, было подростковым тисканьем. Он молча встал, собираясь уйти, и даже не поцеловал меня на прощание.

Я проводила его к выходу и сказала:

— То, как ты со мной обращаешься, заставляет меня чувствовать себя предметом. Это неправильно. Я...

Он перебил меня:

— Эй, что это? Рождество тайком! О! Замечательно!

Вечный шут. Ну и что?

— Мне это не нравится, Гвидо, я...

Но он уже убежал, чуть не вприпрыжку, и плюхнулся в свою машину.

На следующий день, стоя в пробке на дороге, он позвонил мне с сотового телефона.

— Я рада, что ты позвонил, Гвидо. Я сама собиралась это сделать. Про вчерашний...

— Да, ты знаешь, я думаю, мы должны прекратить все это.

— Как? Ты имеешь в виду навсегда или на время? Гвидо, вчера вечером ты действительно обидел меня. Я говорила тебе, что почувствовала себя дешевкой, ты не поцеловал меня, убежал к машине, как..

— Видимо это было довольно странно, но мне понравилось.

— Мне нет. Я же говорю тебе, что это ранит мои чувства, очень. Когда...

— О, не отключайся, мне звонят, подожди!

Я ждала мужчину, обожавшего меня в лучшие времена, пока тот ответит на звонок какой-то «дорогой Джейн». Он закончил разговор и снова обратился ко мне, но его голос зазвучал надменно.

— О, извини. Я должен был ответить, это одна *актриса*! Так на чем мы остановились?

— Я спрашивала, ты окончательно решил прекратить отношения?

— Ух, кто же знает, что будет завтра? Ну ладно! Конечно все слишком запуталось, да и вообще. Не так уж это важно. Ведь у нас не было секса. А вчера на вечеринке я встретил эту невероятно милую цыпочку, у нее есть все: внешность, мозги, даже *деньги* ! Слушай, помнишь, как забавно было звонить друг другу и искать значения слов в словарики? Давай еще попробуем. Это, правда, было здорово!

— Я почувствовала себя так, словно меня пнули в живот. *Словарик* ?

— Черт, опять звонят! Пока, дорогая! Увидимся!

Это было мое первое и последнее «прощай» по-голливудски, небрежно брошенное по сотовому телефону с автострады, в ожидании звонка от кого-то более знаменитого. Гвидо прекрасно усвоил сущность пути мага по Карлосу делать все элегантно, изящно, как будто это твое последнее деяние на земле перед Бесконечностью.

Помню, что я до невозможности разозлилась на себя. В самом деле — любить инфанта, а представлять себе короля. Я была слепой идиоткой и, что хуже всего, — кротко сносила это. Нет, мы не были ни магами без эго, ни *brujos* , ни продвинутыми учениками, последователями *нагваля* . Мы были людьми, раздавленными скорбью.

Смерть! Смерть загадочного человека пронизывала все наше существование и не поддавалась осмыслению. Потеря вторглась и в мои сны. Я терзалась тем, что Флоринда, Тайша и Астрид кажется покончили с собой — их смерть была то ли правдой, то ли нет, это зависело от прихоти Муни.

Моим первым трезвым поступком стал звонок Ричарду Дженнингсу, которому я рассказала правду о смерти Карлоса и все, что я знала о ведьмах. Ричард приехал немедленно. Я показала ему драгоценности, которые оставили Астрид, Тайша и Фло в небольших конвертах, переданных мне Муни; показала жемчуг Флоринды, с которым я теперь спала, также как и она с моим. Когда он увидел драгоценную булавку Астрид в форме бабочки, то заплакал, как друг, как живой человек. «Я помню ее», — сказал он, взяв сверкающую бабочку. Мы долго плакали вместе. Происходило что-то настоящее

глава 44 КОКА VS ПЕПСИ⁴⁹

*Ни одна женщина не может вытравить из себя мать.
Не должно быть никаких матерей — одни только женщины.
Джордж Бернард Шоу «Профессия мисс Уоррен», акт 3.*

У меня было подавленное настроение. Я медленно бродила по дому, делая круг за кругом, внимательно все осматривала и выбрасывала припасы, которые хранила для Флоринды и Тайши.

На кухне у меня от боли сжалось сердце. Я тщательно осмотрела холодильник: копченый лосось Тайши, сыр, полбутылки «Мерло» — все прочь. Еда Флоринды заняла чуть больше времени. Запасы ингредиентов для ее зернового гормонального хлебца: семена льна, грецкие орехи, клюква — казалось, что они умножились и заполнили шкаф до отказа. Оптовые закупки делала для удобства, экономии, а еще из предрассудка. Если бы у меня были запасы продуктов на много месяцев вперед, возможно, я смогла бы гораздо даль пробить с человеком, которого нежно любила и служил моей последней связью с Карлосом.

Я положила в мешок недопитую бутылку шампанского Тайши и решила ее выбросить.

---

⁴⁹ Кока против пепси — *Примеч. ред.*

Наконец я добралась и до кока-колы Флоринды. Кто-то для шика заказал несколько коробок колы в старомодных бутылках. Они были повсюду: в гараже, баре, холодильнике. Я ненавидела, когда что-то пропадает зря, но я не могла иначе, и поэтому решила немедленно все выбросить. Мне пришлось вынести полные корзины продуктов на местный рынок, затем вызвать уборщиков, чтобы очистить дом от бутылок.

Одну за другой брала я бутылки и выливала содержимое в раковину, а пустые бросала в мешок.

Ручейки слез привычно текли по щекам, одна за другой, как колонны солдат по протоптаным дорогам, — иногда я вытирала их рукой. Открываю бутылку, выливаю, бросаю в мешок, вытираю слезы. Открываю, выливаю, бросаю.

В этот момент вбежала Муни. Я безжизненно посмотрела на нее и продолжила свою работу — у меня не было никаких сил. Открываю, выливаю, бросаю.

— Не выпендривайся передо мной! — завопила Муни.

Я смотрела на нее невидящим взглядом.

— Флоринда... — начала я.

— Не говори мне про нее. Флоринда МЕРТВА.

Она рывком открыла холодильник и порылась в нем.

— Где моя диетическая пепси?

— О, дай поищу... Я не знаю... — я сунулась посмотреть и не могла найти ни одной бутылки.

— Ни одной диетической пепси?! — завизжала Муни.

— Прости, забыла, когда ездила в магазин то...

— ТЫ БОЛЬШЕ БЕСПОКОИШЬСЯ О КОКА-КОЛЕ ФЛОРИНДЫ, ЧЕМ О МОЕЙ ДИЕТИЧЕСКОЙ ПЕПСИ! Б. ДЬ! Я *ухожу* и НИКОГДА не вернусь, НИКОГДА!

Я потеряла контроль над собой. Открыла холодильник и стала вышвыривать все ее лакомства: гамбургеры и чизбургеры, маслины, любимые приправы, любимый пудинг из тапиоки.

Я орала:

— Посмотри на это. Вот все твоё барахло! Я купила тебе ланч, твоё печенье, все! Я ЗАБЫЛА ГРЕБАНУЮ ДИЕТИЧЕСКУЮ ПЕПСИ! Велика важность!

— Ты задница, — издевательски сказала Муни, открывая дверь.

Я схватила ее и прижала к стене, продукты посыпались у меня из рук. — Ты не уйдешь! Не посмеешь! Посмотри на это — как ты можешь говорить, что я не забочусь о тебе!

— Самовлюбленная сука! Ты заботишься о ней больше, чем обо мне! Ты сделала это нарочно!

Я швырнула в нее пудинг из тапиоки. Он ударился о стену в нескольких дюймах от ее головы и потек вниз по стене. Я зарыдала.

Мое бешенство по-видимому привело Муни в чувство. Она порывисто обняла меня и поцеловала:

— Я люблю тебя такой! Я люблю, когда мы деремся и миримся! Видишь, мы любим друг друга, мы созданы друг для друга!

И она ушла, напевая «я люблю-ю тебя-я-я-я...».

Я рухнула как подкошенная, уронила голову на руки и горько заплакала... Наконец рыдания перестали сотрясать мою грудь, я перевела дыхание. Добежав до спальни наверху, я свернулась калачиком в кровати и, зажав в руке аметистовый кулон Флоринды, лежала так, дрожа под простыней.

Потом мы помирились, и Муни рассказала мне о своей любовной интрижке с Гвидо. После этого она перестала отвечать украдкой на его постоянные звонки по сотовому телефону, поэтому я слышала, как она сюсюкает с ним, утешает и заверяет его в своей любви, одновременно строя гримасы и время от времени подмигивая мне. Что было у нее на уме? Она уверяла, что это ее совершенно не трогает и она потакает Гвидо, потому что он ей

«кое для чего нужен». Я подозревала, что она, как и Карлос, не отдает себе отчета в своих потребностях. Мне было странно, неужели они не читали «Источник» в свои девятнадцать. Думаю, Гвидо действительно был ей нужен: предстояли громкие судебные разбирательства, а она осталась на капитанском мостике в совершенном одиночестве.

Действительно, кто мог примерить на себя тогу Карлоса? Последние недели тот в бешенстве орал на Муни: «Ты за моей спиной трахаешься с этим идиотом Гвидо Манфредом?! *Pendeja!*» Даже на смертном одре Карлос Кастанеда был чрезвычайно ревнив: мне кажется, он велел дать обет вечного безбрачия всем своим женщинам.

Я вспомнила слова Тони Карамы: «*Нагваль* весьма своеобразно сообщил мне о своем намерении обучать меня, чтобы потом я стал новым *нагвалем*. На самом деле это был лишь один из его приемов, который он умело использовал, чтобы попытаться затянуть меня в свой мир. Я должен признать, что это почти сработало, потому что я действительно хотел получить знания *нагваля*. Тем не менее, я рад, что вовремя увидел многие противоречия и не перестал относиться ко всему критично, что в конце концов уберегло меня от совершения большой ошибки. Мне кажется, что ключом к этой головоломке стало то, что не существовало никакой действенной практики: ни упражнений, ни реальной передачи знаний, — все это, в конце концов, и повлияло на мое решение отойти от группы.

Я уж не говорю о манипуляциях, лжи и полном отсутствии ясности.»

«И коли на то пошло, я не могу не упомянуть о моих глубоких раздумьях обо всем, что касается Карлоса Кастанеды. Среди тех, кого я встречал, он был одним из наиболее интеллигентных, внятных людей, обладающих к тому же харизмой. Я счастлив, что встретил его. Я стал таким в немалой степени благодаря его присутствию в моей жизни. За это и многое другое я благодарен ему. И где бы он ни был, независимо от того, чем он стал, я посылаю ему свою „магическую любовь“».

Я уверена, что у нас с Муни нашлись бы собственные красивые слова, но как женщины, как возлюбленные Карлоса, как его жены, мы переживали потерю совершенно иначе. Иногда она начинала плакать, когда я делала ей массаж, и я понимала, сколь уязвима эта раненая птица.

— Мое сердце *разбито* ... полностью... Карлос разбил его, Эллис. Я не знаю, смогу ли я когда-либо оправиться от этого. Я уверена, мне нужно *долго* лечиться! — Муни говорила это сбивчиво, пытаясь удержать слезы и смех. В муках она прижимала ладони к груди, а ее пальцы сжимались в кулаки.

Мне не удавалось подобрать слов ободрения, но по крайней мере Муни высказала и, я надеюсь, выплакала свою самую глубокую печаль в утешительных объятьях Гвидо. Любовь Карлоса к тайне, с одной стороны, и его вера в неодолимую силу катарсиса с другой — перевернули в нас все, внося полную путаницу. Вполне вероятно, что некоторым из нас он более внятно разъяснил абсолютную необходимость историй нашей жизни, огромную значимость силы исповеди. Зная, что я выросла в атмосфере семейных тайн, возможно, он вел меня в несколько ином направлении, чем других, — думаю, что я так и не найду ответа. Могла ли правда утешить печаль? Могла ли правда вообще что-то исцелить? Размышления об этом стали для меня опорой для постепенного и неустанного движения на пути к выздоровлению.

Процесс шел медленно, потому что я еще не вполне определилась в своем отношении к Муни, воспринимая ее то как наставника, то как просто травмированную женщину. Иногда она применяла старые трюки. «Карлос спал с твоей матерью», — объявила она однажды, ожидая бурной реакции. Я разразилась хохотом. Муни выглядела разочарованной. Говорил ли ей Карлос, что соблазнил Сильвию, или это была ее игра? Я сильно сомневалась относительно реальности этой истории, но решила проверить.

— Мам, Карлос когда-либо примеривался к тебе?

— Что, солнышко? — она оторвалась от «*Нью-Йоркера*». — Карлос? Нет!

Она посмеялась абсурдности вопроса и вернулась к журналу. Я была убеждена в том, что Муни жаждала признаний от подруги и металась между своими ролями.

Она стойко придерживалась веры в то, что я «имела в жизни все», в то время как она «не имела ничего». Этим она напоминала Карлоса, который во время болезни ко всем обращался с мольбой побыть с ним рядом и тут же обрушивал на всякого, кто бы он ни был, свой гнев. Муни плакала в моих объятиях и с трудом произносила бессвязные фразы об омовении тела Карлоса для кремации и о «переодевании в черные одежды вдовы для исполнения роли скорбящей жены в том *месте*». Она имела в виду морг?

Иногда нам удавалось на время оставить мрачные мысли. В один из таких дней мы грелись на солнце, и Муни легкомысленно болтала о своих восхитительных любовных встречах с Гвидо и Джоем, — в этот момент она не ощущала влияния Карлоса. Но внезапно она разволновалась.

— Я все не могла сказать тебе, Эллис, но у *тебя у моей матери совпадают дни рождения*.

— Бог ты мой!

— Ты для меня как мать, она была такой *замечательной*. Я любила погулять и потрахаться с разными парнями, а потом рассказывать ей об этом. Она всегда меня ждала, так же как и ты.

Я взорвалась:

— *Я не твоя мать. Я не ХОЧУ быть твоей матерью*. А меньше всего я хочу слышать о твоих сексуальных подвигах, особенно с мужчиной, к которому я все еще равнодушна! Боже мой, Муни! Остановись. Остановись сейчас и навсегда. Я знаю, что я так же виновата, как и ты, — я тоже говорю о нем, но я хочу, чтобы это прекратилось.

Она сдержалась, потом извинилась. Мы договорились прекратить обсуждать Гвидо. Это привело к новым трудностям, но постепенно равновесие было восстановлено.

Муни беспечно болтала о своих делах с Джоем, девятнадцатилетним приятелем Фифи, слушателем воскресной школы, но это совсем не вызывало напряженности. Мне он казался бесполом ребенком.

Ее привлекало в беззаботном партнере то, что он *не был выбран Карлосом*. При всех талантах у Гвидо и Карлоса была бездна меланхолии. Джой же производил впечатление человека только что пришедшего с пляжа, он как будто стряхивал с себя песок прибоя, готовясь к суровым ночным радостям.

Однажды, придя поплавать, Муни попробовала воду ногой и объявила:

— Эллис, я совершила гадость. *В самом деле гадость*. Все это происходило на первой сюрреалистической неделе после смерти Карлоса. Я ждала, — Ты знаешь, что за право обладать новым роскошным матрасом Флоринды идет соревнование.

Фифи хочет его забрать, я тоже хочу. В общем я... Я трахалась с ее дружкой в ее комнате на этом матрасе! *Я знала, что Фифи может прийти в любую минуту!* Она пришла, — и прямо к нам, стала истерично орать, грозила перерезать вены! Джой побежал за нею, но она не переставала кричать, что я предала ее.

Я был потрясена, но не показывала это. Опять магия? Это был предел человеческой мелочности.

Муни прекрасно знала, что поступила бессовестно. Было непонятно, то ли она пыталась найти оправдание, то ли признавала свою вину. Мне оставалось только посмеяться над «французской комедией», которую она устроила.

Джой сумел утешить Фифи, та прекратила угрожать самоубийством и отказалась даже прикасаться к этому зараженному матрасу. Муни победила на всех фронтах. Какая затаенная ненависть заставила ее совершить этот поступок? Как писала Эдит Вартон, «если одна женщина захочет поразить другую в самое сердце, то никогда не промахнется». Если я опущу предположение, что Муни была посвященной, то, мне кажется, она просто изнывала от зависти к Фифи, у которой было все впереди.

Флоринда настояла на том, чтобы Муни жила с Фифи, хотя она хотела жить со мной. Муни жаловалась на Фифи, что та хотела найти «партию» в Голливуде — ужасная

перспектива.

В завершение этой комедии с матрасом Муни приняла позу гуру, к которой я чувствовала большое отвращение. Все ее попытки сохранить лицо слишком запаздывали.

— Понимаешь, Эллис, мне нужно было преподать ей урок. Я открыла ее настоящее лицо — она собственница и ревнивица, хотя все отрицает. Сделала для ее же пользы! Как только она признала это, то сразу успокоилась.

Наконец я поняла: повторяющиеся драмы Муни — это лишь разновидность драматургии Карлоса.

Первый импульс — сказать, что она сделала что-то «действительно гадкое». Второй шаг — поиграть в гуру и выйти из ситуации пахнувшей розами. Она предавала и не хотела признать это, потому что жила в мире, населенном потенциальными «предателями».

Между тем Муни посмотрела на меня оценивающе и произнесла:

— Однажды я совершила нечто гадкое в отношении Клод, — в самом деле, *настоящую* гадость.

Я промолчала. Она не собиралась уточнять, а я не хотела расспрашивать. Она предлагала мне поиграть в кошки-мышки. Еще одна «лампочка» лопнула в моем воспаленном мозгу. Я *должна* была проигнорировать свою потребность знать. Это был один из первых советов Флоринды, данных мне относительно Карлоса: «Откажись от своей потребности что-то узнать. Ты никогда не узнаешь всего.

У нас очень много тайн». Такое решение спрямило мой путь к свободе. Теперь я понимала, что эта потребность была у всех. Затем Муни стала засыпать меня вопросами о том, что Карлос говорил про нее. Больше всего ее беспокоило, чтобы ее сексуальность не была воспринята людьми неправильно или даже извращена. Она требовала от меня деталей.

— Ну... — пыталась отговориться я, — он говорил, что было не так плохо...

— Но Декстер спросил меня, почему я вела себя как какая-то шлюха! *Что Карлос сказал тебе?*

— Почему, как ты думаешь, он говорил людям все эти ужасные вещи? Они *странно* на меня смотрят.

— *Что он говорил?*

Бедная Муни. Теперь она получала дозу своего же собственного яда, страдая от своей «потребности знать».

— Ладно, — сказала я. — Много было довольно мило. Но Карлос сказал, что ты сидела возле моста в Голливуде, читая Сартра, и клеила мужчин. Потом он возил нас к большой гостинице в центре города и показывал то место, куда ты водила своих мужиков потрахаться.

Муни молчала, но лицо ее исказилось, как от боли.

— Что еще?

— То, что однажды он должен был зайти за тобой в какой-то вонючий ночной клуб. Ты грязно танцевала там с какими-то мексиканцами — Хуаном, Хосе, Энрике, — он взвалил тебя на плечо и вынес под аплодисменты толпы завсегдаев.

Она смотрела на меня как побитая собака.

— Что еще?

— Ну, скажем, история про то, как ты скрывалась от своего ревнивого возлюбленного Хосе, который пришел за тобой с ножом, а ты позвала Карлоса, чтобы он спас тебя, — ты собиралась выскочить в окно.

— Да, *это* правда, — она ностальгически улыбнулась, возможно Хосе был ее любимым воспоминанием.

— Но было много хорошего, Муни. Он без конца повторял, что ты написала «самую великолепную книгу, какую он когда-либо читал», *«Сказки об Энергии»*, но ты не позволила никому издавать ее.

Она повесила голову:

— Не было никакой книги. — Я удивилась и до сих пор продолжаю удивляться, зачем

Карлос сочинил эту басню. Может быть, он пытался помочь Муни, поощряя ее?

Однажды Муни с раздражением заявила: «Некоторые люди утверждают, что я была не во втором внимании, а в Беркли и Лос-Анджелесе!»

Я заметила с иронией, что она, как женщина-нагваль, может находиться в двух местах одновременно, ведь так? Теперь я знаю, она действительно была тогда в Калифорнии.

Подобная версия могла бы стать вполне официальной, и служащие «Клеаргрин» отвечали бы по телефону на вопросы о сомнительной истории Кэрол, предлагая именно это объяснение.

После смерти Карлоса Муни продолжала менять свои истории о том, что случилось с отсутствующими ведьмами. Игра в кошки-мышки еще не закончилась. Я с нетерпением ждала, когда она позволит мне узнать тайну: мертвы они или все-таки живы? Но мне все чаще становилось грустно, я делалась все более мрачной, меня мучили болезненные фантазии. Это было самым тяжелым испытанием в борьбе с потребностью знать.

Однажды, когда мы плавали в бассейне, Муни усмехнулась и сказала: «Теперь вся власть у меня! Я хозяйка! Только я знаю, что на самом деле случилось, и каждый хочет это от меня услышать!» И она пошевелила пальцами ног в воде, жмурясь от удовольствия.

Мой «процесс отрезвления» потек с невероятной скоростью. *НЕТ*, мне не нужно ничего знать, даже от Муни, *если* она действительно знает правду. Покинувшие «улицу Пандоры», были взрослыми женщинами. Если они действительно живы, то могли бы войти со мной в контакт. Карлос мертв, и впервые за тридцать лет они ни от кого не получают никаких распоряжений. Вот-вот должен был начаться поиск пропавших. Отец Сони, умирая от рака, пробовал найти свою дочь по прошествии двух лет после ее исчезновения. Он обращался в «Клеаргрин», который остался глух к горю семьи.

Старик умер, не услышав ни слова о дочери. Ее мать и братья копили деньги, чтобы финансировать поиски.

Наконец я была готова сделать то, что в течение многих лет советовал мне Карлос, — перестать быть нищенкой с протянутой рукой. Целый год я стояла с протянутой рукой в ожидании хотя бы отрывочных сведений о Флоринде, Тайше, Астрид и подробностях последних дней Кастанеды. Я стояла с протянутой рукой уже много лет, ожидая любую кроху со стола Карлоса. Это утомляло, я устала, было выше моих сил. Теперь нужно было все начинать сначала.

глава 45 ИЕРАРХИЯ ПУСТОТЫ

Холод свободы парализовал ее. То, что было объявлено во всеуслышание, не было жестокостью отрезвления или желанием слиться с другими. Суцим наказанием было понимать, что группа создала что-то для своего объединения, а это лишь заставило каждого почувствовать еще большее одиночество.

Джон Лэйн «Общая земля»

Мне было очень трудно отделаться от Муни. Она расцвела благодаря нашим драматическим ссорам и примирениям.

«Мне нравится, когда ты злишься, — говорила она, — ты *преследуешь* меня и *заставляешь* многое пережить вновь! Ты такая страстная!»

А мне это не нравилось. Это способствовало росту ее эго: Муни заставляла меня потакать ее сексуальным порывам, проявлять дружеское сочувствие в те моменты, когда ей приходилось сбрасывать маску. Мне очень недоставало ее чувства юмора. Когда мы встретились, она казалась такой подавленной, такой бесцветной и забитой. Через некоторое время мы придумали свой язык общения — это был черный юмор, и Муни бывала иногда

очень остроумной.

Как только Муни перестала повторять историю про Флоринду, якобы «выгоревшую» прямо перед ней, она начала придерживаться иной версии. Фло, оказывается, уехала в новенькой машине, нагруженной вещами, которой управляла Астрид или Тайша. Эта история расставания с Флориндой, причем *НАВСЕГДА*, была похожа на ужасную черную комедию.

Муни рассказывала:

— Флоринда собиралась уезжать. Без всякого «я люблю тебя», просто так. Ничего. Это было низко. Внезапно, уже в дверях, она повернулась ко мне и говорит: «Муни, ты когда-либо ревновала нагвая к его женщинам?»

На что я сказала: «Нет, Флоринда, я не ревновала. У меня с ним были другие проблемы, поверь мне, но только не такие... Я не ревновала. Я имею в виду... Ведь я была „сводницей номер два“».

Тогда Флоринда улыбнулась и сказала: «Хорошо. У него *было* много женщин, ты знаешь».

— Я думала, что *она хочет ПОДЕЛИТЬСЯ!*

— Но она произнесла «я просто поражена», повернулась и ушла. Никаких объятий, никакого поцелуя, никакого «спасибо», никакого «до свидания» — ничего.

— Возможно, — откликнулась я, — она думала о будущем. Она беспокоилась о женщинах *нагвая* больше всех. — Муни фыркнула. Она была не очень хорошим психологом.

Я на мгновение задумалась о сводничестве. Была ли «сводница номер два» все же «номером два», но в *другой* роли? И кто хотел занять положение «номер один»? Я уверена, что Флоринда была адски ревнива, ее сводничество было своего рода методом управления ситуацией, позволяющим ей быть в курсе интимной жизни Кастанеды. Как она обвиняла меня, будто я проявляю участие к Фифи для того, чтобы потом контролировать ее! Именно тогда я поняла, что невольно открыла одну из самых сокровенных тайн Флоринды, без всякого ключа, — это сорвалось с ее уст. Мне бы никогда не пришло в голову оказывать кому-либо дружескую поддержку, а потом контролировать его, но она полагала, что другие действовали именно этим способом. Мое простое желание быть наперсницей и подругой для нее было *непостижимо*. Это было слишком великодушно, слишком просто, слишком *по-человечески* с моей стороны. И очень скучно. Невыносимо скучно...

Тайша тоже сводничала, хотя это слово никогда не употреблялось по отношению к ней. Напропалую сводничала Астрид. Меня готовили не только для Сьюзен и Фифи, но и для Миры с Равеной. Я вспомнила, как Флоринда ворчала, узнав, что Фифи вся в слезах вырвалась из объятий Карлоса:

«Теперь нужно начинать все сначала, но с другой!» Я помню, как мы с ней снисходительно смеялись над шокированной всем этим Сьюзен, забавляясь, что каждая из нас — «мадам Карлос». Возможно, если бы я продолжала в том же духе, то стала такой же циничной.

Эллис, говорила она мне, мы должны были испытать силу духа женщины, поэтому «одна из нас приводила к ней другую женщину» — такому остракизму подвергались все, это было обычным делом. Именно в этом состояла истинная причина моей отставки после того, как я приютила Фифи.

Но мне до сих пор непонятно: зачем изгнали новую, готовую работать сводницу?

Я вспомнила рассказ Флоринды о том, что она, живя в вествудской квартире недалеко от Карлоса, ревновала его и подглядывала из-за двери, как приходят и уходят конкурентки. Наконец она победила свои грязные чувства.

«Я не такая, как ты, Эллис, я не обращаю на это внимание. Мне насрать, кто там был раньше или кто придет после».

Однажды она пожаловалась, что ей тяжело обслуживать Карлоса, менять и гладить его простыни, а я совершила оплошность, посоветовав, как нужно поступить. Она впилась в

меня взглядом, — я не имела права так шутить, — и предупредила: «Если ты не перестанешь ревновать, подумай, что с тобой произойдет, когда ты увидишь его в кровати с одной или даже несколькими женщинами?»

Поверь мне, это вполне может случиться».

Этот разговор напомнил мне одну из первых встреч с Карлосом, когда он сказал, лежа со мной в постели: «Ты моя жена, и теперь ты — *львица*. Иди и охотись для своего мужа, принеси ему магические дары. Твоя задача — принести своему мужчине *энергетические подарки*. Ты должна это делать. Я твой мужчина!»

Когда я пришла вечером домой, то взяла ручку, лист бумаги и составила список возможных энергетических подарков для Карлоса Кастанеды. Что можно подарить магу, у которого все есть?

Билет во второе внимание? А существовала ли дорога туда? Я остановилась на сокровище из древнего Египта — маленькой статуэтке в немыслимо дорогом антикварном магазине Беверли Хиллс, покупка которой нанесла существенный урон моему бюджету. Но она была так красива! — некий символ страсти, — ничего подобного в этом магазине больше не было.

Статуэтку упаковали в коробку, и я преподнесла ее Карлосу, ожидая, что он вскроет упаковку, но он отложил подарок в сторону. Эту статуэтку я больше никогда не видела. Когда неделей позже я спросила у Карлоса, понравилась ли она ему, он просто фыркнул. Я была обижена и удивлена:

— Она символизирует страсть, *mi amor*, — сказала я, оправдываясь.

— Страсть, — пробормотал он, глядя в сторону, чтобы скрыть гримасу. Расстроенная до слез, я рассказала эту историю своей подруге Салли, и она, покачивая головой, сказала: «Я говорила тебе, Эйми (она действительно говорила), что „охотиться для своего мужа, как львица“ означает приводить к нему *женщин*». Салли всегда по-доброму ко мне относилась и ни разу не упрекнула в невежестве или слепоте: она видела, а я нет. В таких вопросах Салли оказывалась права.

Муни пробовала мне доказать, что мы живем так же естественно, как например львы, ведь самцы у животных имеют гаремы. После всего, что произошло за эти годы, ее объяснение звучало неубедительно: казалось, она пытается доказать это самой себе.

Во время работы над «*Книгой Списков*» я изучала брачное поведение животных, и мой продуманный ответ застал ее врасплох. В животном мире, объяснила я, *каждая* форма сексуального поведения рассматривается как норма: полигамия обоих полов, моногамия волков, лесбиянство чаек, мастурбация дельфинов. Нет никаких доказательств, что поведение одного вида млекопитающих более «нормально», чем поведение другого. Только люди мучаются над решением этого вопроса, хотя и у приматов бывают стычки на почве ревности. После моих научно обоснованных доводов Муни молча ретировалась.

Я постаралась прекратить этот спор: пускай ищет кого-то другого, а сама остается всю жизнь львицей. Мы — женщины средних лет, о чем нам нередко напоминал Карлос. Муни сама вправе была решать, сводничать для гуру или нет. Флоринда также была свободна совершить самоубийство или жить со счетами в банке Монако.

Независимо от того, как это происходит в животном мире, я уверена: что хорошо для гуся, не подходит человеку, но Карлос запретил *quid pro quo*⁵⁰. Мои опыты с застенчивыми девами, а также с Саймоном и Гвидо мне это доказали.

Я вспомнила одну из моих последних встреч с Карлосом. Он обнял меня с мрачным видом, его карие глаза сверкнули. — Что ты будешь делать, когда... *если* ... я уйду?

— О чем ты говоришь?

— Если ты не отправишься со мной в Бесконечное? У меня нет никаких гарантий,

---

⁵⁰ Одно вместо другого (лат.). — *Примеч. ред.*

piernudas , что ты не пойдешь трахать своего старого друга Джона.

— Джона! Не смей!

— Тебе нужно все предусмотреть, *chica* , ты должна *хорошенько* подумать. *Хочешь после нагваля иметь мастурбирующего в тебе летуна ?*

Я с ужасом посмотрела на него: сейчас он пугал меня жуткими «историями на ночь глядя», прямо как из плохого научно-фантастического сериала. Я представила совокупляющегося со мной Джона с лицом, как у насекомого. Но почему? Я точно знала, что потребность Карлоса Кастанеды в контроле была просто огромной, поэтому он хотел получить от меня обет *вечной* верности, вплоть до могилы.

Он хотел умереть, зная, что никакой другой мужчина не поймет меня. И некоторые женщины-воины дали ему или себе этот обет, поклявшись никогда не прикасаться к мужчине, если только он не избран женщиной-*нагвалем* .

Карлос хотел, чтобы моя с ним история не заканчивалась. Я любила его и продолжаю по-прежнему любить. Противоречивость Карлоса: нежность и тирания, принуждение ко лжи и обжигающая любовь к истине — делала его глубоко... *человеческим* .

Через несколько месяцев после смерти Карлоса у нас произошла ссора с Муни. Я уже не помню причины, но это произошло после оскорбительного для меня телефонного разговора.

В тот же вечер я нашла на своем крыльце дюжину роз из оранжереи с длинными стеблями, белых с бледно-розовыми лепестками, самых дорогих, каждая в баночке с водой. Я ненавидела эти цветы, потому что они казались мне похожими на все, что *не было* связано с магией: они находились «в западне родственных связей между собой» и выглядели безжизненными — у них не было никакого запаха. Но, видимо, своей дороговизной они должны были продемонстрировать высокую степень раскаяния.

Я занесла их в дом, не представляя, что с ними делать, и не стала звонить Муни, чтобы поблагодарить ее.

Она позвонила на следующий день и была в истерике:

— Ты не позвонила мне! Я подумала, что ты их выбросила. Поэтому сегодня в половине седьмого пришла к твоему дому и перерыла весь мусор, чтобы их найти!

— Прости, что не позвонила. Спасибо за розы. Но я не могу с тобой разговаривать. Розы не на помойке.

Жестоко оскорбленная женщина рылась в моем мусоре. И даже если она это придумала, все равно отвратительно. (Однажды вся наша группа рассердилась на парочку, рывшуюся в *их* мусоре.)

— Послушай, Муни, я должна сказать тебе что-то очень важное. Ты, кажется, веришь в иерархию пустоты и думаешь, что находишься наверху, а я — где-то внизу?

— Да, действительно, иерархия пустоты *существует* , и я — наверху. Однажды ты это поймешь.

— Возможно. Я сообщу тебе. Но в данный момент гуру мне не нужен. Я покончила с гуру. Я больше не хочу твоих советов. Это был такой же мой шаг, как и ваш. Я пришла к вам в поисках...

— Я не даю советов! И не буду давать советы! Никогда!

— Отлично. Если бы ты хотела подружиться, я бы с удовольствием согласилась. Мы могли бы ходить в кино, плавать и делать все, что нам нравится. Но ты больше не мой гуру. И я остановлю тебя, если ты снова начнешь.

— Конечно, будем друзьями! Прекрасно! Мы будем ходить обедать. Я больше не буду ничего советовать.

В последний раз мы пообедали вместе. Обед проходил в торжественной обстановке. Ее беседы об Истине больше не поддерживались, и это привело к неожиданным результатам. Пару раз она всетаки принималась за старое, но это была лишь безобидная оплошность, хотя довольно утомительная.

Но я тоже не сдержала свое слово: я больше не стала ей звонить. Я избегала ее. Мы

прекратили звонить друг другу. Это был эндшпиль. Муни не была Карлосом Кастанедой. Несмотря на то, что после ухода Карлоса ее назначили женщиной-нагвалем, она не смогла удержать бразды правления в своих руках.

Вскоре мне позвонила Пуна, — просто так, — дружеский «звонок, означающий, что мы общаемся».

Она объявила: «По просьбе Муны я сообщаю тебе, что она наблюдает за твоей энергетикой и находит ее превосходной».

Мы опять стояли у входа.

Я тоже проглядела ее энергетику, и она выглядела плохо. Это была женщина-нагваль — блестящее, красивое, харизматическое существо, потерявшее способность общаться на равных! А в роли поверенного опять выступала Пуна. Муна подарила мне много счастливых моментов, продемонстрировала необычайную храбрость и огромную доброту — эти проявления любви я никогда не забуду. Но на этом пути в ее душе расцвела спирохета власти. Никто не сможет идти двумя путями, это только видимость. Ученикам в мире магов никогда не позволяют расти. Я закончила свой путь как фанатик, но тем не менее, к своему сожалению, потеряла человека, которого любила. Это была цена снятия шор.

глава 46 ВЗРЫВ

Любопытные вещи происходят с людьми. Например, много дней и недель они способны действовать как хорошо отлаженные и бесчувственные машины: нечто, сохранившееся в глубинах нашего существа, нечто, находящееся за пределами обычных программ и мотивов, управляет их поступками. Мужья, потерявшие жен, люди, утратившие своего Бога, могут продолжать жить так довольно долгое время. Коллапс, который наступает впоследствии, бывает поистине всеобъемлющим.

Танит Ли «Горгона»

Несколько месяцев спустя после смерти Карлоса оставшиеся в городе ученики решили провести вечеринку в моем доме. Мы скинулись на продукты и выпивку. Некоторые из членов группы впервые за десять лет пили коктейль.

Я открыла дверь, чтобы встретить Фифи, с которой мы не виделись целый год.

— Ух ты, ничего себе Эллис ... Здорово, ух ты !

Фифи тоже было трудно узнать: в черном парике и солнечных очках, она пьяно споткнулась в дверях, дружок Джой держал ее под руку. Хихикая, она дотронулась до моей груди.

— О, ничего себе, Эллис... у тебя такие классные сиськи!

Избавляясь от ее продвинутости, я повела ее внутрь.

Вскоре я расположилась полулежа в шезлонге на крыше, вкушала клубнику, макая ее в шоколад, и болтала с Саймоном и Патси, пока сумасшедшая парочка качаясь поднималась по лестнице. Фифи соскользнула ко мне и, яростно обняв меня, поцеловала взапас и пробормотала:

— Ты такая ГОРЯЧАЯ !

Замешанная на дружбе и предательстве, между нами уже давно имелось подводное эротическое течение. Это так подавлялось во мне, что по крайней мере у меня никогда вообще не имелось сексуальных фантазий о Фифи. И теперь она сняла крышку. На крыше было полдесятка человек, которые сделали вид, что принимают наши с Фифи ласки и поцелуи за изысканность. Затем мужчин, которые поднимались наверх, мы прогнали, оставив только Джоя, который уже был слишком пьян, чтобы сделать что-нибудь, только хихикал. Несколько девочек — присоединившись к нам — стали целоваться, и теперь

годами сдерживаемые эмоции печали, тревоги, тоски и любви приняли форму сексуального раскрытия.

Страстно целуя меня, Фифи прошептала на ухо:

— Ты действительно меня ненавидишь меня, Эллис?

— Нет. Ты верила, когда Карлос говорил это про меня?

— Никогда!

— А ты меня ненавидишь?

— Что?! Конечно нет! И теперь мы можем стать ... *по-настоящему близки* ...

Фифи начала в роли страстной соблазнительницы, и вскоре мы занялись чувственной и раскованной любовью. Пока мы с Фифи занимались страстным экзорцизмом, остальные женщины стали целоваться и раздеваться. Я подслушала как Гвидо спросил у Муни:

— Что, черт возьми, здесь творится? Она ответила: «Обе слишком „человеческие“, и отрабатывают свои проблемы. Давай уйдем». Вскоре Фифи развлекалась с другими девочками, а я наблюдала эту сюрреалистическую картину.

Далеко за полночь, когда все разошлись, я почувствовала странное облегчение после этого вызывающе дерзкого поступка. Я действительно испытала катарсис Фифи, чтобы дойти до такого состояния, нужно было напиться, но это в ее стиле, говорила я себе. Да, это был довольно странный способ растопить лед в наших отношениях, но теперь после года молчания, думала я, мы могли бы поговорить о том, что случилось. Нам нужно отделить слова Карлоса от правды наших ощущений.

На следующий день у большинства гостей наступило дикое похмелье, больше эмоциональное, чем физическое. Группа кипела — долго подавляемая сексуальность прорвалась.

Муни ругала Фифи как мать, которая, наказывая «плохую дочку-подростка», выговаривает ей:

«Чтобы это было в последний раз, — прийти на вечеринку, так вырядившись!»

Я была поражена, услышав, что Патси встала на путь отречения. Меня удивила Пуна, принимающая как должное версию о том, будто «Фифи совместила в себе зеленые существа с янтарными существами».

Я даже застонала, услышав это: «*Нет!* На самом деле произошло лишь то, что вы напились впервые за десять лет. Боже мой, я никогда не слышала ничего более глупого!»

Некоторые женщины испытывали сильное чувство вины, но многие «признавали», что это нужно было сделать давно. Ладно, рассуждала я, возможно, это странное начало позволит перейти к нормальному общению.

Бадди, один из многочисленных «внешних» членов группы, на вечеринке застал нас с Фифи в самом неприглядном *виде*. Храбро поднявшись по лестнице, он увидел наши переплетенные тела и в ужасе сбежал. Мне рассказали, что на следующий день он появился в «Клеаргрине» и был явно не в себе.

Никто не знал, как к нему подойти. Я позвонила ему в офис. Он был уверен, что его сознательно обманывали. В течение многих лет он жил среди людей, давших обет безбрачия, и был также, как Гвидо, глубоко потрясен увиденным, хотя тот и занимался сексом с Муни. Бадди пришел к выводу, что мы регулярно занимались групповым сексом.

Я убеждала Бадди, что, насколько мне известно, подобного раньше никогда не происходило и никто из мужчин не принимал в этом участия. Объясняя, как там оказался Джой, я, честно говоря, не могла ничего придумать и «по колдовски» сообщила ему правду о том, что мы сами позволили остаться этому пьяному мальчику. Это привело к катарсису.

Молчание было ужасным. Я начала импровизировать: «В магическом мире обмен энергией между женщинами происходит иначе, чем в обычном мире, и прежде этого никогда не случалось».

Это, казалось, смягчило его. Карлос, конечно, говорил нам, что обмен энергией у женщин менее разрушителен — это я повторила множество раз и совершенно искренно. Тем не менее я чувствовала себя виноватой в том, что использовала «колдовской бред», чтобы

успокоить его. Теперь я действовала как одна из ведьм, и это было нехорошо. Все-таки у меня был несколько иной образ за занавесом, отделяющим нас от Страны Оз. Но я увидела, что при помощи неопределенной мистической тарабарщины можно легко выпутаться из сложной ситуации.

Я вспомнила, как Карлос пытался шокировать меня следующей историей: «Нэнси и Патси застали Муни и Фло, которые занимались диким сексом на кушетке — по двадцать оргазмов у каждой!

Маленькие девочки настолько перепугались, что убежали домой, — Нэнси застегнула им молнию на спальном мешке аж до носа! *Wowie Zimbowie!* Это было фантастически, *amor!* Ты бы видела их лица, на них был неподдельный ужас!»

Сцена была слишком комичной даже для меня, и я не поверила в нее. Оказалось, однако, что эту скабрезную историю рассказывали не каждому. Однажды за ланчем, где, кроме меня, были Соня и Астрид, Карлос нарисовал на салфетке пенисы участников группы, странно исказив их. Я боролась (неудачно) за обладание салфеткой. Позже я узнала, что Карлос без всякого объяснения попросил мужчин из группы показать ему свои пенисы. Сомневаюсь, что Бадди был одним из них, и мне пришло в голову, что он не слышал самых непристойных рассказов Карлоса.

По ночам я стала слышать голос Карлоса, он дружески советовал мне писать книги. Десять лет назад, в Беркли, мне как-то почудился его голос, и потом я спросила, действительно ли он говорил со мной, когда мы были не вместе, или я совсем сбрендилась. Он ответил: «Я разговариваю с тобой постоянно, *пена*, это старый прием магов, я говорю в твое левое ухо».

Я восприняла это как благословение. Если бы я не боялась дурной славы и злословия, то сказала бы, что Карлос исполнил свой долг перед моим отцом, неважно, выдумал ли он эти голоса по ночам или нет. Он обещал Ирвину, что сделает все, что может, чтобы освободить его запутавшуюся дочь.

Карлос полагал, что в моем случае истина сделала бы меня свободной, — а свобода заключалась в том, чтобы беспристрастно излагать свою историю на бумаге.

Круг замкнулся, когда я последний раз увидела Фифи.

Гвидо стремился загладить вину за свое паршивое поведение. Он послал мне шуточное электронное сообщение, в конце которого по иронии судьбы оказалась ссылка на порносайт. Все это показалось мне забавным, но по сути являлось грубой и безликой попыткой наладить общение. Я надеялась, что дружбу еще можно спасти. Но надеяться рискованно. Надежда порождает мечты о безопасности, которая слишком часто в моей жизни превращалась в кошмар.

Когда я писала эту книгу, у матери случился удар. Я постепенно разрывала связи с последними членами своей «магической семьи» и уже дважды пыталась, но неудачно, наладить отношения с мужчинами из «внешнего круга». Груз потерь тянул меня в мой собственный ад: возвращение ночных кошмаров, где был Карлос и другие члены группы, клиническая депрессия и полный перечень симптомов посттравматического стрессового расстройства.

За это время Гвидо поставил свою вторую малобюджетную пьесу. Он надолго исчез, изредка посылал мне электронные сообщения, и вдруг пригласил на вечеринку в честь окончания репетиций.

Он сказал, что я буду единственной гостьей, которая не принимала участие в постановке, так что это было особое приглашение. Думаю, что это было своего рода извинением.

Вечеринка проводилась в одном из тех захудалых ночных клубов Голливуда, типа «Випэр рум»⁵¹ где вы бы с радостью согласились на передозировку, чтобы только уйти.

---

⁵¹ Ночной клуб «Гадюшник». — *Примеч. ред.*

Вообще-то модные клубы Лос-Анжелеса раздражают меня, но я была рада, что меня пригласили. Мой друг Паблито участвовал в пьесе как волонтер и великодушно предложил составить мне пару на вечеринке.

Протиснувшись на стоянку автомобилей, Паблито вдруг сказал:

— О, вот и Фифи.

— *Что* ? Почему она здесь? Гвидо сказал мне, что из всей компании он пригласил только меня!

Паблито сконфузился:

— Она изучает театр, подает чай актрисам.

Я хотела уехать, но только пробормотала: «Я не знала, что она будет здесь».

Разве я не говорила, что надеяться опасно? После того, как я приняла решение писать, мое подавленное настроение менялось, как кожа у змеи. Фифи использовала меня, чтобы подняться на вершину. Она до сих пор не извинилась и после своего пьяного «признания» и попытки имитировать близость ушла. Я решила покончить с фарсом.

Внезапно все приобрело смысл.

На прошлой вечеринке я застала ее на месте преступления во время кражи моих таблеток.

Мысленно я вернулась в тот день, когда они с Равеной работали за моим компьютером. Могла ли Фифи залезть в мою аптечку, когда меня не было дома? Могла обнаружить мерзкий, «доводящий до самоубийства прозак» и немедленно доложить об этом Карлосу?

Могла она приложить руку к организации моей ужасной ссылки из того мира, ради которого я жила?

Отлучить от всех, кого я любила?

Понимание пришло мгновенно.

Мы с Паблито вошли в узкий коридор именно тогда, когда там появилась Фифи. Коридор был настолько мал, что наши тела соприкоснулись. Она видела меня и смотрела в сторону, — именно так и было.

Я слышала голос Карлоса в левом ухе: «Маги *никогда* не прощают. Пока счета не сбалансированы, они действуют по принципу „око за око“. Дон Хуан учил меня: „*Мы — хищники в хищной вселенной. Магия не для неженки*“».

Я вошла в комнату, Гвидо обнял меня: «Элли, ты здесь!» Я едва расслышала его слова. Толпа, гул музыки, голливудская суета... В голове начала пульсировать боль. Краем глаза я видела Фифи. Она вернулась и проскользнула в кабинет, набитый актрисами — стайкой шумных девочек из Голливуда.

Я смерила ее суровым взглядом, она смущенно пробормотала фальшивое приветствие. Пальцем я поманила ее к себе.

— Может быть, отойдем на минутку в сторону? Я хочу поговорить с тобой.

Приклеенная улыбка исчезла. У нее был испуганный вид, когда она, извиваясь как червяк, пыталась пройти мимо удивленных актрис. Я повела ее на стоянку.

— Фифи, ты так и не объяснила мне, в чем дело. О чем ты думала? Ты даже мне не позвонила.

— Когда? После вечеринки?

— *Нет* . После того, как меня вышвырнули. Ты понимаешь, что ты сделала? Я сдержала свое обещание, никогда не раскрывать твои секреты, а все, что я рассказала тебе, обернулось против меня.

Она вздрогнула, опустила голову и пробормотала:

— Ну да. — Затем выпалила:

— Мне *по фигу* .

— По *фигу*? О чем ты, черт возьми, говоришь? С какой стати ты меня выкинула? Я могу представить себе, что ты выполняла распоряжения, и я понимаю это, но ТЫ

ПОНИМАЕШЬ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? Ты предала меня с потрохами!

— Ну, ты знаешь, как бы... это было *так* давно.

— Не для меня. Со мной никогда ничего подобного не случилось — Ты такая злая, — она была образцом справедливого возмущения.

— Да, я знаю, я достаточно агрессивна, и я сожалею об этом, но хочу, чтобы ты сказала мне правду. *О чем ты думала?*

— О, ну как бы... Ты знаешь, я просто спихивала *каждого* ...

— Я — не каждый. Ты не спихивала Карлоса, или Флоринду, или Пуну, или Зуну. Какая разница между Пуной и мной? Я привела тебя к Карлосу, *я свела тебя с ним* .

Фифи смотрела в землю и виновато кивала.

— Зачем ты спрашивала меня на вечеринке, действительно ли я ненавижу тебя? Почему ты говорила, что никогда не верила, будто я ненавижу тебя, а сейчас задираешь нос? Что ты хотела этим сказать?

Ты говорила мне, что ты никогда не верила той лжи, которую Карлос распространял обо мне, начала сексуальную игру на вечеринке и сказала, что хотела быть ближе...

Она вытаращила на меня глаза.

— Ты сказала, что не поверила Карлосу, который утверждал, будто я ненавижу тебя? — повторила я.

— Я *это* сказала?! Ого, ух! Я *ничего* не помню с той ночи, *ничего* .

Я была в шоке и замолчала Слова, которые для меня так много значили, оказывается были просто болтовней под воздействием таблеток и алкоголя. Если бы было иначе, она бы вспомнила.

Фифи почувствовала опору в моем молчании. — Знаешь, ну, мне жаль, если ты обломалась, но ты же знаешь, это было *та-а-а-а-ак* давно . Я даже не помню то время.

— Ты была частью того, что сломало мою жизнь! Ты предала наши клятвы! И ты ничего не помнишь, чтобы поговорить об этом?

— *Ну, как бы* ...

— Фифи, твое «как бы» — это все, что ты можешь сказать, когда боишься разобраться с человеком.

Своим «как бы» ты прикрываешь страх. Мы не будем к этому возвращаться, если ты не решишься говорить об этом без дрожи в коленках. Короче, закончено, мисс «Как бы».

Я вернулась на вечеринку, нашла Паблито и сказала:

— Увези меня домой прямо сейчас. Я объясню в машине. Я должна идти.

Он кивнул. Когда мы уезжали, Гвидо остановил меня. Очевидно, Фифи побежала прямо к «папе» и поплакалась. Гвидо начал орать, привлекая всеобщее внимание. Повисла гробовая тишина.

— Как ты могла так поступить со мной? *СО МНОЙ* ? Это *МОЯ* вечеринка, *МОЯ!* Ты испортила мою вечеринку! А как же *Я?*! Как ты могла, ты... Это *МОЯ* ночь, *МОЯ!* На хрена ты болтала с Фифи? *ТЫ ИСПОРИЛА МОЮ ВЕЧЕРИНКУ! КАК ТЫ МОГЛА СО МНОЙ ТАК ПОСТУПИТЬ?*

— Нет. Я не видела Фифи почти год. И я вывела ее на улицу, на пустую стоянку. Ты закатываешь грандиозную сцену перед всеми, и ты даже не задал мне ни одного вопроса. Я нисколько не испортила твою вечеринку. Я ухожу.

— *КАК ТЫ МОГЛА ТАК ПОСТУПИТЬ СО МНОЙ?!*

Я закрыла дверь, но меня еще долго преследовали его вопли.

Вернувшись домой, я оставила ему сообщение на автоответчике, которое прерывалось глухими рыданиями: «Мне жаль, но ты думаешь, что я испортила твою вечеринку, а это я покончила с миром колдовства, и он покончил со мной. Я больше не приспособливаюсь. Однажды ты сказал, что с тебя хватит лжи, хватит секретов, больше этого не будет. Если ты когда-нибудь захочешь поговорить начистоту, я тут же приеду».

Я не могла остановить рыдания. Все заканчивалось. Это была цена правды.

Мне. Мне. Мне.

Меня преследовала эта тошнотворная мантра Карлоса: «Придет день, я уйду, и ты останешься с пташками, поющими „мне-мне-мне“».

Я больше никогда не видела Гвидо или Фифи. Вскоре я услышала, что после моих слов она плачущей жертвой прибежала к Муни. Отныне и навсегда Фифи стала для меня девушкой «Как бы».

глава 47

ДЕЙСТВУЕТ ЛИ СУРОВАЯ МАГИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ?

*Я давно понял, что Льюисом Кэрроллом быть намного интересней, чем Алисой.
Джойс Кэрол Отс*

Я спросила нескольких наиболее близких мне людей из группы, подействовали ли на нас методы по разрушению эго, помогли ли они нашему освобождению, что бы ни подразумевалось под свободой.

И спровоцировала споры. Обсуждать это было трудно, так как существовала опасность возникновения сплетен, слухов и наказания, так что я подходила к этому деликатно. Уходя домой, я размышляла о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо».

Гвидо сказал мне, что, если бы он не встретил магов, то попал бы в сумасшедший дом или оказался на улице. Однако, каким бы трагикомичным и эгоистичным он мне ни казался, надо признать, это был ходячий образец многих качеств, страстно осуждаемых Карлосом. Гвидо был творческим, активным и жестким человеком во всем, что касалось его творчества. Кроме того, он искренне признавался, что не был готов к интимной близости и удовлетворению запросов зрелой любви. Он ссылаясь на отношения, ради которых ненадолго покинул мир магов: «Когда „магическая любовь“ не подействовала на нее, я понял, что никогда не смогу стать совершенным, чтобы решить все проблемы. Но она самый прекрасный человек на свете». Флоринда позже рассказала мне, что речь шла о довольно известной женщине, которая хотела иметь детей и семью, — ее она впоследствии и создала с известным спортсменом. Правда состояла в том, что трагическое, безумное увлечение Гвидо, его вожаденное стремление к женщине своей мечты — все это совершенно не подходило для повседневной жизни.

Пышному цветению любви, как я полагаю, способствуют такие душевные качества, как уважение, великодушие, доверие, восхищение, честность. Карлос, с которым я была рядом на протяжении двадцати семи лет, не поощрял проявления подобных качеств. Воин должен побеждать свои чувства, ведь «воин — только тот, кто ни в ком не нуждается», — подобная философия была создана человеком, нуждающимся в самозащите. Я знала Карлоса Кастанеду, который то избегал близости, то стремился к ней: если бы он не жаждал ее, думаю, он дал бы мне пинка сразу и навсегда. Я была сиреной для Карлоса — одной из многих, — и он зачарованно слушал меня, то подобострастную и робкую, то неповинующуюся и страстную.

Карлос мастерски создавал атмосферу божественной близости, блестяще обрабатывая каждую женщину. Те, кто пережил подобные мгновения, лелеют их как самые счастливые в своей жизни. Это было лучшим подарком от Кастанеды — вкус Небес. Он часто говорил: «*Нагваль* подобен героину».

Я невольно вздохнула, когда Флоринда подтвердила однажды эти слова на лекции: «*Нагваль* — это наркотик, наркотик, который *внутри нас* ». К сожалению, они безнадежно противоречили себе, говоря как на духу! «Нет игры без *нагваля*, нет другого пути из нашего ада, из этого океана горгулий. *Вы нуждаетесь в нас* ».

Что касается близости, то тут Карлос был великолепным спринтером, а если ему отказывали, — марафонцем. Что произошло с ним на заре его юности? Как он стал яркой, но

закомплексованной личностью — мужчиной, превратившим свои страхи в рассказы о других измерениях, да такие правдоподобные, что заслужил восхищение миллионов? Он как будто говорил с теми, кто не хотел идти по накатанной дорожке, а мечтал получить от этой жизни нечто большее. Он возродил магию без всякого участия современной науки. Печально, но он загнал себя в угол, когда клялся в своей безупречности и утверждал: «Только мы можем жить как во сне. Между нашими словами и делами нет расхождения. *Ни одно человеческое существо, за исключением меня самого и моей когорты, не делает в этой жизни то, о чем говорит*». Говоря это, Карлос не вызывал у слушателей страха, сострадания или удивления и вряд ли сам понимал подобную метафору «Сказки о силе» Кастанеды красивы и как будто написаны на одном дыхании. Эта книга — выдающееся достижение в литературе, но удивительная судьба самого автора может служить серьезным предостережением читателям. Я была свидетельницей того, как ценой покупки собственной популярности, стала утрата способности наладить контакт с близкими людьми, и это очень опасно. Когда нет равного тебе, кого ты должен уважать? Кому можно доверять, уступать и находить утешение, сохраняя при этом достоинство и любовь? И не из страха ли перед будущими потерями превозносится одиночество? Так где же приятное расслабление, и где простой мир?

Критический этап на пути к моему исцелению наступил, когда я поняла, что основным механизмом психологической защиты Карлоса была проекция — без всякого сомнения, это было ключевое слово.

Эллис была нуждающейся, *Була* испуганной, *Тайша* — завистливой, *Тарина* — конкурирующей, а *Кандиса* — ревнивой. Даже *Клод* была «собственницей». Он никогда не оставлял нас в покое. Мы становились предателями, если бросали его со всей его чистотой. Карлос иногда преодолевал этот комплекс, составляющий его суть, и бросался в другую крайность: копание в своих ошибках, сомнения в собственной непорочности, взваливание на себя ответственности за малейшую жестокость.

Что касается ведьм, то я пришла к выводу, что механизм их защиты имел три модальности: осознание своей особости, отличие от других и собственно женское начало.

Тайша — «милашка» девятнадцати лет, поверила, что ее длинные трогательные рассказы о жизни в диких местах были «сном наяву». Она читала лекции несколько не сомневаясь, что ее фантазии — правда.

Флоринда — напротив, часто с презрением говорила о магических методах *Тайши*, утверждая, что путь к истине — это абстрактное знание. Думаю, она знала, что в основе мифов *Кастанеды* лежат классические легенды, только и всего.

Муни мне показалась противоречивой и сложной. Однажды она действительно как будто поверила, что жила в иной реальности. Потом *Муни* открыто призналась нам, что жила обычной жизнью. Я отношу многое из их нелогичного и враждебного поведения к поиску смысла, *связующего звена* между противоречащими утверждениями.

Наверное нужно было иметь ученую степень по психиатрии, чтобы понять одну из любимых историй *Карлоса*, которую он рассказал нам: «*Дон Хуан* убил *Клод* и нарезал из нее длинные полоски вяленого мяса. Мне и *Муни*, как ее родителям, было приказано съесть это мясо, чтобы забрать у нашего ребенка квинтэссенцию силы. У *дона Хуана* это считалось последним испытанием покорности и уступчивости ученика. Мы ели, подавляя рвоту, пока *дон Хуан* не расхохотался — это была всего лишь говядина».

Во время моего ученичества *Карлос* придумал новую историю о том, как мы встретились, и рассказывал слушателям, что он лишил меня девственности в пятнадцать лет. Меня убедили согласиться с этой версией, я должна была ее запомнить и повторять, чтобы не сбиваться. Но я не торопилась подбирать этот шар, а упрямо придерживалась собственных воспоминаний. Наконец *Карлос* заставил меня согласиться с тем, что лишил меня девственности *энергетически*. Остальные мужчинами не считались, так как были летунами, на худой конец обезьянами, или всего лишь людьми. *Карлос* настойчиво повторял: «Тебя лишил девственности твой муж».

Принесла ли магия хоть кому-то из нас пользу? Я много размышляла над непростой

историей Пуны, которая была очень мне дорога. Она рассказывала слушателям в Колорадо, что, когда маги нашли ее, у нее была «аллергия на все». Пуна перенесла необычную болезнь, после которой у нее появилась аллергия практически на себя. Ей приходилось жить в гипоаллергенной среде под постоянным контролем, ожидая ранней смерти. Карлос из баловства написал ей шпаргалку, и она говорила в аудитории: «Я могла носить нижнее белье только из кашемира и есть шарики риса с кусочком огурца внутри». Она, как и Гвидо, клялась мне, что мир магии спас ей жизнь. Пуна, по ее словам, смогла говорить о родителях, потому что отошла на то расстояние, которое ей было необходимо. Я верю, что мир Карлоса спас Пуне жизнь или, по крайней мере, рассудок.

Когда Карлос издевается над Гвидо и Пуной, впрочем, как и надо мной, смотреть на это было просто ужасно. Для тех, кто получал подобные травмы в семье от родителей, диктаторы так же привычны, как пара старых ботинок, может Карлос и в самом деле спас им жизнь. К жестокости можно привыкнуть, это хорошо известно, тем более, если она напоминает семью и таким образом как-то упорядочивает жизнь «жертвы». Я выросла в замечательной семье, хотя супружеские отношения моих родителей ухудшились и моя мать долгое время находилась в депрессии из-за проблем с отцом.

Семья рушилась, несмотря на все усилия моих родителей ее сохранить, — это было единственное, что они пытались сделать как партнеры и как родители. После того как репортеры «*Лайф*» или фотографы «*Пулл*» сворачивались и уходили, начиналась реальная домашняя жизнь, которая иногда бывала чрезвычайно бурной. По этой причине мне не составляло труда представить себя на месте Гвидо или Пуны, я могла поверить, что жестокость Карлоса нужна была для нашего же «собственного блага». Некоторым членам группы казалось важным поддерживать видимость стабильности, они очень нуждались в такой семье, где не только существуют тайны и ложь, — они освящены, как мистическая практика. Какое облегчение, когда вместо вины и позора за ложь, чувствуешь себя особенной («нечеловеческой»)!

Те, кого вводили во внутренний круг только для того, чтобы потом жестоко вышвырнуть, демонстрировали разнообразие реакций. Некоторые быстро восстанавливались и двигались дальше, у других это происходило постепенно. Некоторые сломались, их жизнь не сложилась: без работы, семьи, без друзей. Были и такие, которые прожили десяток лет, безуспешно цепляясь за «Клеаргрин». Это придавало смысл их жизни, как поиск Грааля.

Я всегда восхищалась меньшинством — теми, кто забирал свои шарики и уходил домой, поняв, что его ожидает жизнь полная репрессий. Самыми умными были те, кто набирал всего понемногу здесь чуть-чуть философии, там несколько техник — их приводили в восторг изумительные ораторы в период расцвета лекционной деятельности и они никогда не требовали большего. Это те самые, кто не разрушил гармонию жизни и, кажется, извлек самую большую выгоду для себя. Неудивительно, что семинары спровоцировали множество разводов среди слушателей. Некоторые, как мне показалось, поступили мудро: магия дала устоявшейся паре шанс измениться, другие утверждали, что для них семейная жизнь стала обузой.

Посвятив много лет эзотерическим учениям и чтению арканов, мой друг Билл пришел к выводу о том, что наиболее духовно продвинутые учителя пытаются сбить ученика с ног, чтобы забрать его энергию себе. Они блокируют «двери», то есть те выходы, которые мы используем, чтобы устранить дискомфорт, и получить скрытую энергию. Одна последовательница назвала их «дверьми компенсации», и Карлос был знаком с учителями, которые создавали это учение. Дверей в мире — легион. Это секс, наркотики, рок-н-ролл, телевизор, насилие, переедание и пьянство, депрессия, одержимое коллекционирование, строгое сидение на диете и фанатичное выполнение физических упражнений или, как любят в Америке, сверхурочная работа до изнеможения. И конечно, есть двери ухаживания, романтики и любви.

Гедонизм или пуританизм, Аполлон или Дионис, не имеет значения — все это способы выпустить пар. Давление нарастает быстро, когда мы медитируем, занимаемся

рекапитуляцией, тенсегрити или боевыми искусствами. Когда кто-то исследует себя при очень ярком свете и слишком быстро, или когда лидер группы слишком торопится, то это ведет или к распаковке печенья в полночь, или к анорексии.

Если мы останавливаем эти действия, тогда что? Путешествие к Бесконечному, как утверждал Карлос? Но как? Мы не знали. Карлос когда-то велел мне «отправляться в пустыню, и разогнаться до максимальной скорости. Как только скорость возрастет до предела, — тебя, машину и все вокруг поглотит Неизвестность». Есть что-то похожее на научную фантастику и в упражнениях по *дримингу* в «*Искусстве дриминга*».

Но я не смогла сделать ничего подобного. Некоторые сумели, но когда проснулись, — было все то же проклятое печенье. Или сигареты. Или телевизор. После смерти Карлоса Рамон поехал в Амстердам, снял гостиничный номер и принял большую дозу стимуляторов в надежде «соединиться с *нагвалем* навсегда». В результате он очнулся в том же Амстердаме в тяжелом похмелье.

Я думаю, надо пройти через все испытания, уготованные тебе жизнью. И не стоит закрывать все двери, которые помогают снять напряжение, — это было бы большой ошибкой. Возможно, неплохим вариантом стало бы сочетание философия Кастанеды с тихим домом отдыха, позволяющим немного расслабиться.

Я часто размышляю над тем, что никого из этих людей *прежде* не знала. Флоринда часто говорила:

«Ты думаешь, что „X“ сейчас плохой? Ты бы видела его в тот момент, когда он появился у нас! Он был просто невыносим!» Конечно, мне следовало бы услышать версию «X» перед тем, как составить свое мнение о нем. Но Карлос и ведьмы подчеркивали, что счастливые люди никогда не приходят в мир магов, они слишком заняты радостями жизни. Как сказала Муни, «сначала жизнь должна хорошенько трахнуть тебя по башке, чтобы ты оказалась здесь в числе первых. Иначе, кому захочется остаться, несмотря на все издевательства?» А как насчет «непресыщенных сексом», спрашивала я? «Они управляют корпорациями!» — таков был ответ. Большинство людей из внутреннего круга на тот момент, когда их принимали, были чем-то травмированы. Но нередко тонущие обломки принимают за проплывающий мимо роскошный лайнер. С любой точки зрения Кастанеда и его команда не считала себя «соломинкой для утопающего».

Я никогда не забуду слов Флоринды, которые я услышала на своей первой лекции в Беркли. Она отвечала женщине, которая хотела знать, как присоединиться к группе:

— Кто же захочет быть с нами добровольно? Я бы не пожелала этого и собаке! Нас *выбрали* .

В нашей повседневной жестокой действительности не было ни одного мгновения передышки. Такая правда была слишком страшна, чтобы поместить ее в мою книгу. И редактор заставил меня исключить реальные факты.

Женщина, задавшая этот вопрос была смущена, как и я. Такие особенные, такие очаровательные, избранные — и такие ужасные? И когда в тот же вечер ведьмы сели в свой лимузин, помахав мне приветливо рукой на прощание, я решила, что Флоринда лгала. Позже я узнала силу прерывистого подкрепления: вкус Небес, потом изоляция — цикл, повторяющийся множество раз. Адреналин выплескивается через край. Каждый день — между жизнью и смертью, только так Карлос и его команда считали своей обязанностью вбивать это в нас, иногда слишком рьяно, иногда для нашей же пользы.

ЭПИЛОГ

Жизнь, которой я живу, — это все, что у меня есть.

И эта жизнь, что есть у меня, — ваша.

*Любовь, которая у меня есть к жизни, которая у меня есть, —
Твоя, твоя, твоя.*

И тот сон, что будет у меня,

И тот покой, что наступит,

*Ведь смерть — это только передышка.
Несколько мирных лет среди зеленых лугов.
Будет твоей, твоей, твоей.
Лео Маркс «Сборник стихов для французского Сопротивления»*

Я последовала мудрому совету Карлоса и «выложила все карты на стол». Я пережила самые несчастные годы моей жизни. Потеряла семью, друзей и возлюбленных. Утратила веру в то, чем жила, мои мечты о будущем разбиты.

После смерти Карлоса у меня, также как и у многих членов внутреннего круга, начали появляться серьезные симптомы клинической депрессии. Я просыпалась с криком. Плакала целый день, плакала вечером и засыпала в слезах. Я перестала есть и принимала транквилизаторы. Я попала в автомобильную аварию, пообедалась сладким. Устраивала «оргии стяжательства», скупая в магазинах все подряд. Я начала страдать агорафобией⁵² и отказывалась выходить из дома неделями. У меня текли ручьями слезы, когда я слышала стихи про любовь. Я прекратила ходить в кино вообще, потому что фильмы напоминали мне о счастливых мгновениях, проведенных с ведьмами. Я не принимала никаких приглашений, потому что не могла встроиться в этот «социальный порядок» безболезненно. Я перестала мыть волосы и носить чистую одежду. Счета накапливались пачками, потому что я не могла собраться, чтобы оплатить их. Я выбрасывала чеки. У меня началась ушная и бронхиальная инфекция и мигрень, от нервного потрясения много месяцев не было менструации.

Хуже всего было не знать, кто мертв, а кто жив. Мы не могли ни спросить, ни обсудить это.

Существовало так много свидетельств «смерти» Карлоса, что это походило на пророчество трех ведьм из «Макбета»: «Когда красота грязна и грязь красива». Не было абсолютно никакого выхода.

Да и где я могла найти группу поддержки для «пропавших без вести самоубийц»?

Наконец я нашла хорошего врача (тайно, против правил группы) и возобновила связи с несколькими любимыми друзьями из прошлой жизни. Я страдала от повторяющихся кошмаров. В этих снах Карлос публично перед всем классом издевался надо мной, а группа собирала трибунал, который признавал меня виновной. Просыпаясь от этого кошмара, я впивалась ногтями в ноги, пока не проступала кровь. В моих снах Флоринда совершала попытки самоубийства, а мои бывшие возлюбленные превращались в Карлоса, который командовал парадом. И там женщины, выкинувшие меня из своего сердца, маршировали передо мной шеренгами.

Я стала читать и обнаружила, что очень многие гуру издевались и избивали своих учеников, это практиковалось не только у дзэн-мастеров, колотивших своих подопечных палками, но и в позорной «Игре» Синанона. Вернер Эрхардт применял вербальное насилие и лишение сна, Гурджиев был известен тем, что приводил учеников к умственному и физическому краху.

Я навсегда запомнила один из первых советов Флоринды: «Эйми, как говорил мне дон Хуан, „это похоже на усталого старого пса. Мы никогда не сможем убить эго, — убери его на задний двор, пусть отдыхает, и обходи стороной“».

Однако Карлос настаивал на применении ховицера⁵³ по отношению к тем, кто подобно мне, был козлом отпущения. Иногда он давал такое объяснение: оказывается мы были «самыми непреклонными бойцами, способными все выдержать». Карлос был *мачо* до мозга костей, с такими же ценностями *мачо*. Когда один из мужчин в группе подошел к

---

⁵² Боязнь открытых пространств. — *Примеч. ред.*

⁵³ Тяжелое самоходное артиллерийское орудие, гаубица в германской армии — *Примеч. перев.*

нему и спросил, почему его никогда не подвергали критике, Карлос ответил: «Ты не смог бы этого перенести».

После того как моя мать перенесла два серьезных удара, мое состояние ухудшилось. Я стала недееспособной. Обеспокоенные друзья, Билл и Джанни, поместили меня на месяц в пансион с завтраками рядом с их домом в Беркли, так что я могла писать свою книгу вдалеке от места, связанного с плохими воспоминаниями.

Именно там, находясь в полном отчаянии, я получила подарок — медный грош, шанс, за который сразу ухватилась, — написать книгу, — и это стало смыслом моей жизни. Лопнул мыльный пузырь моей мечты, моей фантазии об «уходе в Бесконечное со своей истинной любовью», и выплеснулись наружу забытые, спрятанные глубоко внутри, чувства, которые лишь усиливали боль от безмерности недавних потерь. Как будто возвращалась чувствительность к занемевшим конечностям: чем дальше продвигалась работа над книгой, тем чаще меня стала преследовать мысль о самоубийстве. Но, к счастью, я все яснее понимала, что мне хотелось жить ради того, чтобы увидеть эту историю изданной. И если какой-нибудь читатель остановится на мгновение и передохнет, прежде чем отправиться дальше по собственной воле, значит, все это было не зря. Я решила, что буду беспристрастна, хотя взялась за эту книгу в буквально кровоточащий от страданий год. Я спросила у Билла его мнение. Он любил книги Карлоса и встречался с самыми первыми учителями Кастанеды, Нараньо и Ихазо. Я была поражена его наблюдениями.

«Предполагалось, что он (метод Карлоса) ведет к свободе. На самом деле получается не свобода: устанавливается власть с одобрения подчиненных и создаются автоматы, Живущие в страхе, что их вышвырнут. Эго начинают дубасить и месить с удвоенной энергией, страх усиливается... У „совершенных“ по определению нет эго, поэтому они могут свободно учить других, а сами делают все, что хотят. Никто не может стать таким же совершенным, как лидеры, — процесс этого не позволяет».

Он дал точное определение: это была закрытая система. Когда мы сталкивались с трудными вопросами, ведьмы отвечали: «Вы не готовы к ответу, но когда-нибудь — возможно».

Я продолжаю разделять веру Карлоса в то, что этот мир волшебный, что есть вещи, которые мы никогда не сможем постичь своим умом, — вещи ужасные и великолепные. Я верю в возвышенную любовь и созидание, и, как Карлос, знаю, что наши мечты бесконечны, а стремление человека к совершенству не прервется с последним вздохом.

Но как примирить эти убеждения с мучительной правдой, которую я узнала? За эти годы я видела много людей, простивших Карлоса за блеск его гения. Они были обычными мужчинами, которых не соблазняли и не отвергали, или обычными женщинами, — с ними он никогда не спал. Я не верю, что Карлос был мошенником, который бессердечно добивался только денег и женщин. Думаю, он до последнего мгновения верил в свою мечту, боролся, чтобы она сбылась. Уверена, что он совершал ужасные ошибки из-за своей самовлюбленности, слабой самокритичности и болезни, и поэтому в последний десять лет жизни создал ужасный культ. Это совсем не игра в черное и белое, потому что Карлос был не увертливым мелким торгашом, а философом, введенным в заблуждение и развращенным властью. Он сломал и одновременно исправил множество судеб. Я не могу по достоинству оценить его дары, особенно деликатный совет, побудивший меня выражать любовь к матери, — подарок, который освятил тогда столь дорогие мне взаимоотношения.

Теперь я знаю, что нет никакого *нагваля* вне меня, — только во мне; я буду сама мостить собственную дорогу, а не искать замены отцу; жить своей жизнью, а не тратить энергию ради жалких мгновений интимной близости в гареме. Карлос, хотел он этого или нет, привел меня к пониманию, что все ответы, в конечном итоге, я получаю сама.

Изучая книги Кастанеды, обдумывая его необыкновенное влияние на миллионы, я спрашивала себя:

«Был бы мир лучше без него?» Я полагаю, на этот вопрос может ответить только сам

читатель.

Помню, как предостерегала меня Муни: «Не переезжай в Лос-Анджелес. Лучше всех поступает тот, кто воспринимает его как художника, толкует его по-своему и держится вдалеке отсюда, — здесь нагрузка слишком велика». Но в том то и дело, что она обращалась к влюбленной женщине, которая искала «семью» и не собиралась слушать подобных предостережений. А кто-то другой мог сказать как Тони Карам: «После долгих размышлений я пришел к выводу, что мое вторжение в мир Карлоса Кастанеды многому научило меня. Я по-настоящему понял, что полагаться нужно на самого себя и не заниматься проекцией своих фантазий на других. Я увидел, что истинной магией является только „магия обычных вещей“, а самое важное в жизни — это умение общаться друг с другом». Тони не верил, что дон Хуан существовал на самом деле, но сохранил уважение и привязанность к Кастанеде.

Бесспорно, жизнь огромного числа людей после прочтения книг Кастанеды стала более интересной и содержательной. Эти читатели задумались о природе своего существования, многие увидели больше красоты и смысла в своих буднях. Тем не менее вопросы остались, например: «Имеет ли значение то, что гений, оказывающий влияние на культуру, является человеком, склонным к ошибке? И насколько эта склонность непростительна? Когда дурное поведение — оригинальность и когда — жестокость?» Можно спорить с утверждением, будто удовольствие от чтения романа Маллера или прослушивания песен Синатры будет ничуть не меньше, если знать, что они были женоненавистниками. Но Синатра никогда, насколько я знаю, не утверждал, что знает путь к вечной жизни. Это отличает людей, подобных Кастанеде или Эйн Рэнд, от других гениев. Кроме того, Карлос упорно повторял, что он единственный во всем мире, кто живет так, как написал. Печально, но мой опыт показал: он не был способен соответствовать собственным стандартам «безукоризненности», хотя очень этого хотел. Иногда Карлос, подобно резиновому мячику, отскакивавшему от стены, ударялся в другую крайность и со страстной настойчивостью убеждал:

«Делай то, что я говорю, но не подражай тому, что я делаю, потому что я — просто человек, — что ты ждешь от меня? У меня нет силы дона Хуана, я не сумел сохранить в себе безукоризненность».

Нет смысла обсуждать, как велико воздействие Кастанеды на людей. Очень многие из них понимают: даже если книги Карлоса — фальсификация, это лишь доказывает истинность его литературного и философского гения, гения воображения. Для таких читателей книги Кастанеды имеют свою ценность, вне зависимости от того, фальсификация это или нет. В течение многих лет на стене в моей комнате висело любимое изречение Карлоса: «Когда все, что вы имеете, — больше, чем достаточно, вы находитесь на грани безукоризненности».

Это замечание так же справедливо для меня сегодня, как в годы моего первого безумного увлечения, и остается идеалом, который стоит искать. Я верю, что нам нужны идеалы, — они вдохновляют нас стремиться к лучшему в самих себе. Карлос стремился всегда. Я защищаю его перед людьми, которые уподобляют его П. Т. Барнуму, который являл собой классический образец художникамошенника. Думаю, он был скорее волшебником из Страны Оз, изо всех сил пытающимся создать зрелище, которое заставит людей стремиться к звездам. Стараясь выполнить это, он потерпел неудачу сам, покалечил судьбы некоторых близких ему людей и необдуманно воздвиг культ, хотя создавал его совершенно сознательно.

Большинство людей знает Кастанеду по его замечательным книгам, они не лишали себя любимых, друзей и семьи, как сделали его самые близкие ученики.

Моя же история о тех, кто подошел к этому пределу слишком близко, и в интересах правды я поведала о том, что я испытала, что видела, что чувствовала.

После смерти Карлоса я прочла интервью Федерико Феллини, данное Тони Мариани и переведенное А. Ф. Бирманом для «*Брайт лайтс фильм джорнал*». Версия Феллини произвела на меня сильное впечатление, потому что она вскрыла драматургию тех открытий,

которые я совершала, и продолжаю до сих пор это делать.

Феллини рассказал репортеру: «Сначала я искал Кастанеду через его издателей, один из них дал мне адрес агента Кастанеды, Неда Брауна в Нью-Йорке. Он сказал, что Неду не составит труда дать мне адрес Кастанеды: раз в год мексиканский мальчик приносил рукописи Карлоса в издательство. Нед Браун сообщил мне, что он никогда не встречал Кастанеду.»

«Я упорно продолжал поиски, мне говорили разное: Кастанеда в доме для умалишенных, или даже мертв. Кто-то сказал, что видел его живым, другой присутствовал на лекции Кастанеды. В Риме тогда жила госпожа Йоги, которая связала меня с ним. И я наконец встретил Кастанеду.»

«Он был совершенно не похож на тот образ, который я себе создал. Кастанеда был похож на сицилийца: сердечного, обаятельного, улыбчивого сицилийского трактирщика. Коричневая кожа, черные глаза, белозубая улыбка. У него была экспансивность латинянина, средиземноморца. Он перуанец, а не мексиканец.»

«Этот приятный джентльмен, который видел все мои фильмы, сказал, что однажды, тридцать или сорок лет назад, он вместе с доном Хуаном посмотрел мой фильм „*Ля Страда*“, который вышел в 1952 году. Дон Хуан сказал ему: „Ты должен встретить режиссера этого фильма“. Карлос говорил, что дон Хуан предсказывал эту встречу. Это его слова. Я говорил вам, что он приехал сюда, ко мне на встречу и вот сидел прямо здесь — в этой гостиной.»

«Меня — итальянца, латинянина, средиземноморца, получившего католическое образование очаровывала и в то же время почти отталкивала одна вещь — особый образ мира у Кастанеды и дона Хуана. Я увидел там нечто нечеловеческое. Независимо от того, что дон Хуан обаятелен как литературный персонаж, привычный образ которого — мудрый старец, меня время от времени охватывало странное чувство: как будто я столкнулся миропониманием, продиктованным кварцем!

Или зеленой ящерицей!»

Феллини продолжал: «В образе мира дона Хуана нет никакого утешения, там нет ничего из того, что предлагают другие тексты... И это было именно то, что меня ужасало и привлекало. Но иногда мне казалось, что я очутился в мире, где нечем дышать... Возможно, безумие похоже на эту астральную, ледяную тишину одиночества».

Версия встречи Феллини с Кастанедой весьма отличалась от той, к которой я привыкла и знала так хорошо. Он рассказывал: «Вдруг начинали происходить необъяснимые явления и чудеса. Карлос пришел ко мне в гостиницу с какими-то женщинами. Я больше никогда не встречался с ним, но после этого посещения я обнаружил странные послания в своей комнате и переставленную мебель. Я думаю, что это была черная магия. Его женщины, но не сам Кастанеда, поехали со мной в Тулон, и то же самое произошло и там.»

«Это было несколько лет назад, в 1986 году, и я все еще не могу понять, что же случилось на самом деле. Возможно, Кастанеда сожалел, что проделал ряд трюков, чтобы отбить у меня охоту к созданию фильма. Или, возможно, его последователи не хотели, чтобы я снимал фильм, и проделывали эти штуки. Так или иначе все это было слишком странно, поэтому я принял решение не браться за работу».

Почему меня это потрясло? Сейчас я понимаю, что Карлос всегда имел склонность к выдумке.

Например, Дуглас Прис Виллиамс, профессор университета, рассказывал: «В UCLA Карлос был страшным лгуном, и когда он говорил мне: „Сегодня солнечно“, — я бежал к окну, чтобы убедиться, не идет ли дождь».

Однако я поверила диким рассказам Карлоса и Флоринды о том, как они проводили время с великим Феллини. И это вовсе не было какой-нибудь пустяковой сплетней про знаменитостей, для меня это было встречей двух самых выдающихся выдумщиков двадцатого столетия.

В конце концов я поняла, почему все это меня задело. Во-первых, пришло расстаться с

любимой, очаровательной историей, рассказанной Карлосом, во-вторых, я осознала, что его теории крепко засели в моей голове. Как бывшие католики иногда невольно крестятся или бывший курильщик рассеянно жуёт зубочистку, так и я еще придерживалась прежних взглядов. Они так глубоко укоренились, что стали буквально «рефлексами Павлова». Я начала понимать, что независимо от глубины разочарования, вера — это крепость, которую нельзя штурмовать наскоком, ее нужно сокрушать кирпич за кирпичом.

По моему мнению Карлос Кастанеда подарил миру прекрасные книги. До сих пор я чувствую прилив вдохновения, когда перечитываю мое любимое *«Путешествие в Икстлан»*. Берите красоту, заключенную в его книгах, стремитесь к ней, как Карлос, как стремятся миллионы людей. Я советую каждому читателю помнить — вы магическое существо. Последние слова Карлоса, обращенные к любому, кого он встречал, были такими: «Роскошного тебе дня! Будь ентом, пожирай каждое мгновение жизни, такой восхитительной, такой драгоценной!» В последнее время он перестал распевать свою привычную мрачную мантру «мною движет страх», и говорил о невыразимом блеске каждого дня. Чтобы приветствовать Бесконечное в таком настроении, он должен был действительно увидеть свет во тьме.

Я все еще верю в волшебство, но мои взгляды изменились. Мой отец был свидетелем потрясающих паранормальных явлений, я познала телепатию и медиумическое целительство. Наконец, я поняла, что создание книг и любовь — это тайна, которую можно разгадывать всю жизнь. Дружба для меня великая ценность, и в отличие от Карлоса мне не нужно спать с моими друзьями, чтобы наслаждаться их магией. Как сказано в сонете лорда Альфреда Дугласа: «В обычных вещах скрыта благословенная, изумительная красота».

И забота. Я до сих пор не могу понять, какой же вред заключался в ней. Неудивительно, что я не подходила группе: я отвергала самую основу их веры и была безнадежно романтична. Но я уверена, что, несмотря на всю свою напускную браваду и мистический туман, Карлос был таким же романтиком.

И если когда-нибудь, путешествуя по заоблачным пределам, я столкнусь со своим мужем, то спрошу его, о такой ли свободе для меня, об этой ли вновь обретенной независимости он мечтал, или я отвоевала все это, бросая ему вызов. Мы непременно поссоримся, как истинные влюбленные, и, держу пари на янтарную диадему, что он расхохочется, поцелует меня и скажет: «*Mi corazón*, разве это не протрясающе? Быть здесь и смотреть вперед в окно локомотива! *Mi vida*, это особое место — совершенно особенное, оно для всех. Для каждого, кто мечтает».

*Из моего смятения
Возникло мастерство,
Из моего смятения
Сложилась песня.
Майкл Хартнетт «Тао»*

Вначале...

приложение А ИНФОРМАЦИЯ О ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖАХ

«Отдельная реальность» против реальности: Краткое изложение легенд магов в сравнении с настоящими биографическими данными главных персонажей.

1. Имя, данное родителями (мирское имя).
2. Магическое имя (имена).
3. Легенда мага.
4. Легенда в изложении Кастанеды или ведьм.

5. Что в действительности.

В связи с тем, что в книге действует большое количество персонажей под разными именами и с противоречивыми биографиями, был составлен этот список. Он поможет читателю проследить судьбу основных действующих лиц. Карлос Кастанеда, Флоринда Доннер, Тайша Абельяр, Кэрол (Муни) Александер и Клод Александер упоминаются в книге как под настоящими, так и под «магическими» именами. Имена, настоящие и «магические», некоторых действующих лиц изменены после того, как один из главных персонажей «не пожелал быть упомянутым под настоящим именем». В целях облегчения восприятия своими подлинными именами названы известные люди.

1. Марианна Симко.

2. **Тайша Абельяр** (имела разнообразные имена для своих ролей в «Театре реальности»).

3. Один из четырех учеников дона Хуана. Совершенный *сталкер* .

4. Утверждала, что прожила около года в «магическом» доме дона Хуана в Мексике и около десяти лет была его ученицей. Позже меняет историю, утверждая, что была ученицей только Кастанеды, затем в частном разговоре с Эллис изменяет историю вновь, утверждая, что ее обучали неопределенные «некто».

5. Будучи девятнадцатилетней студенткой UCLA, встречается Кастанеду. Получила в UCLA диплом магистра и ученую степень (Ph.D.) по антропологии. В период, когда, по собственному утверждению, находилась в Мексике и обучалась магии, на самом деле преподавала в муниципальном колледже.

В 1974–1975 годах сфотографировалась, демонстрируя приемы карате на пару с Флориндой, несмотря на эдикт дона Хуана, запрещающий фотографирование. После смерти Кастанеды Тайша покидает Лос-Анджелес, и о ней до сих пор ничего не известно. Кэрол сообщила Эллис о ее смерти, в то время как, согласно официальному заявлению «Клеаргрин», она «руководит семинарами на расстоянии». Кэрол позже рассказывала Эллис, что навещала Тайшу в некоем месте. И Эллис послала ей подарок через Кэрол. Та, в свою очередь, передала ей благодарность от Тайши в такой неправдоподобной форме, что Эллис убедилась: Тайша мертва или, по крайней мере, не встречалась с Кэрол.

1. Регина (Джина) Таль.

2. Кристина Касабланка, она же **Флоринда Доннер-Грау** .

3. Одна из четырех учениц дона Хуана. Совершенный *пример* .

4. В своих лекциях она утверждала, что училась у дона Хуана и вместе с Кастанедой является родительницей Тарины, Оранжевой Лазутчицы. В своей книге «*Бытие в дриминге* » утверждает, что встретила дона Хуана и его группу в 1970 году.

5. Родилась в семье немецких эмигрантов. В сентябре 1970 года зачислена в UCIA. Встречает Тайшу на занятиях карате, Тайша знакомит ее с Кастанедой. Вышла замуж за немцапредпринимателя. Они жили на Манхеттен-Бич в течение пяти лет, до середины 1972 года, пока не развелись.

В 1972–1973 годах обучается на дневном отделении в UCLA, когда по утверждению группы дона Хуана, следует оставить этот мир. Получает диплом магистра антропологии в UCLA в июне 1974 года. Покидает UCLA, не закончив обучение в аспирантуре. Упомянута в завещании Кастанеды в сентябре 1975 года.

В начале девяностых пишет книгу о своем мнимом обучении у дона Хуана, «*Бытие в дриминге* ». В 1992 году в интервью в «*Даймэншэн* » она утверждает: «На самом деле я не ученица дона Хуана. Я была ученицей Кастанеды, а он был учеником дона Хуана», — что полностью противоречит ее собственной первоначальной версии. Выходит замуж за Кастанеду в сентябре 1993 года под именем Флоринды Доннер. Выходит замуж за агента Кастанеды Саймона Маккриндела в июне 1994 года под именем Флоринды Грау.

Утверждала на одной из последних лекций, что Кастанеда «занимался сексом», хотя ранее публично заявляла, что он соблюдал целибат десять лет.

Исчезла в 1998 году, через три дня после смерти Кастанеды. За три недели до этого сообщила Эллис, что «не желает участвовать в этом цирке, который вскоре начнется!» «Клеаргрин» заявляет, что она «курирует» продолжающиеся семинары. На запросы, поступающие в «Клеаргрин» — компании, финансирующей мастер-классы, на которых преподают ученики Кастанеды, — те отвечают, что миссис Грау «в командировке».

1. Кэтлин (Цыпочка) Поулмэн.

2. **Кэрол Тиггс**, Муни Александер, Кэрол Арана, женщина-нагваль.

3. Женское воплощение *нагваля*. Согласно легенде, находилась во втором внимании десять лет.

Является «каналом» для Смерти-советчицы, сверхъестественного существа из книги Карлоса «*Искусство сновидения*». Кастанеда утверждал, что Муни (она же Кэрол), наблюдает за ними — «она держит всех нас в ладонях».

4. Согласно заявлениям, сделанным в мастер-классах, она встретила дона Хуана вместе с Карлосом будучи девятнадцатилетней студенткой-гуманитарием, в Мексике.

5. Родилась 24 ноября 1947 года в Голливуде. Встретила Кастанеду в 1968 году. В течение десяти лет, когда она якобы пребывала во втором внимании, жила в Беркли, в Калифорнии, и в Пэсифик Пэлисэйдс в Лос-Анджелесе со своей матерью. Вышла замуж, получила лицензию по акупунктуре в 1981 году. Кэрол оставила мужа и позднее поведала Эллис, что он сказал:

«Я знаю, ты должна вернуться к ним».

Когда Кастанеда позволил ей вернуться в группу, она зарегистрировалась под именем Муни Александер. Кастанеда рассказывал Эллис, что сексуальная связь с Кэрол приводит к «остановке внутреннего диалога» — это шаг к «внутренней тишине», аналогу просветления.

Кастанеда приказывал Кэрол заниматься сексом с разными учениками, как мужчинами, так и женщинами, так же он поступал и с Флориндой Доннер, говоря при этом ученикам, что она — «шлюха».

В сентябре 1993 года Кэрол Муни Тиггс Александер вышла замуж за Карлоса Арана в Лас-Вегасе — спустя два дня после того, как Кастанеда там же женился на Флоринде Доннер.

После смерти Кастанеды она поселилась в Вествуде, Лос-Анджелес, и стала затворницей.

После подтверждения завещания Кастанеды она стала мультимиллионером, проживая гонорары Кастанеды и доходы от семинаров в «Клеаргрине». Рассказала Эллис, что Кастанеда «ненавидел женщин», «разбил ее сердце», что она «серьезно больна» и «ей потребуется длительное лечение». Она также заявляла нечто совершенно иное, утверждая, что она «существо, свободное от эго» и «достигла внутренней тишины». Когда ей задают вопросы о ее сверхъестественных способностях, Кэрол, как правило, отвечает: «Вы не в состоянии постичь мои слова, так как находитесь не на моем уровне; мы обсудим это, когда вы продвинетесь в своем развитии». Говоря о магическом братстве, она сказала Эллис: «Я не люблю то, что ушло, и не люблю то, что осталось!»

1. Патрисия (Патти) Партии.

2. **Нури Александер**, Клод, Клодин, Нули, Голубая Лазутчица.

3. Существо из «неорганического мира», получившая физическое воплощение через женщину-нагваля и нагваля Кастанеду, представляемая и публично, и в узких кругах как их дочь.

4. Кастанеда в разное время утверждал, что его дочь «воспитана доном Хуаном», «воспитана Флориндой», «была найдена в приюте», «изнасиловала меня в возрасте семи лет».

Рассказывала Эллис, что «презирает мужчин» и «эмоционально соответствует возрасту семи лет». А Карлос говорил Эллис. «Ты копия моей дочери, — я не могу отличить вас в постели».

Клод была вольна выбирать и отвергать членов внутреннего круга, что она проделывала довольно жестоко. Считалась «бешеной ревнивицей» и «существом без эго». Кастанеда обращал внимание на то, что у нее «были нечеловеческие половые органы». То, что они оказались обыкновенными, выяснилось, когда Клод танцевала обнаженной для членов внутреннего круга.

5. Родилась в южной Калифорнии в 1957 году. Не закончила высшую школу. Работала официанткой в 1976 году. В 1977 году вышла замуж за Марка Силлифанта, сына голливудского писателя и продюсера Стирлинга Силлифанта, который одно время планировал снять фильм по первой книге Кастанеды. Уходит от мужа через девятнадцать дней после замужества, потом разводится. Возможно, что он тоже входил в группу. Марк отказался публично обсуждать этот вопрос. Кастанеда щедро обеспечил ее до конца жизни.

Она оборвала связь со своей семьей в 1977 или 1978 году, послав родным письмо, вероятно, продиктованное Карлосом. Кастанеда удочерил ее в девяностых годах.

Последний раз ее видели покидающей дом Кастанеды вскоре после его смерти. Свидетели видели ее разъезжающей по Лос-Анджелесу еще в течение двух недель. Однако преданные члены внутреннего круга говорили, что она «выгорела изнутри» дома или «выгорела с *нагвалем* ». Ее брошенный автомобиль нашли вскоре в Долине Смерти, в Калифорнии. Кэрол рассказала Эллис, что Клод пыталась покончить с собой чудовищным образом в отеле, в пустой комнате, и утверждала, что она передала Клод «миллион наличными», посоветовав ей завести «типографию в Ирландии и воодушевиться относительно будущего». Муни рассказывала Эллис, как Клод, обхватив ноги своей «мамочки», рыдала: «Я неудачница, я неудачница». Когда журналисты обратились к семье «Голубой Лазутчицы», ее сестра написала следующее:

Имя: Ким Партии.

Дата: четверг, 11 ноября 1999 года.

Только что прочитала о моей сестре Патти Партии. Я рада, что ее разоблачили, потому что на самом деле она отъявленная обманщица, настоящая аферистка. Не говоря о ее прочих «способностях», я рассматриваю ее как душегубку. Она убивала людей в своем воображении. Она убила меня, она убила мою семью. У нее были лживые воспоминания об ужасном детстве, чего просто быть не могло. Полагать, что люди должны были доводить себя до ее уровня «безупречного существа», просто смехотворно. Я думаю о ней не иначе, как о крайне изворотливом, полном ненависти или помешанном существе, хотя то, что она не человек, похоже на правду.

1. Марко Антонио Карам.

2. **Тони-лама**.

3. Новый нагваль.

4. Тони организовал для Далай-ламы встречу буддистов в Мексике у пирамид Теотихуакана. Он фотографировал толпу сверху. И на негативах появились черные крылатые существа, похожие на хищных созданий из другого мира — это «летуны» или «*воладорес* », описанные у Карлоса в книгах. Он считал, что высокая концентрация глубоко религиозных людей дала возможность этим существам принять антропоморфный облик, поскольку их пищей является эгоистическая погруженность в себя (эту погруженность Карлос рассматривал как своего рода религиозное посвящение). Фотографии были предъявлены внутреннему кругу, а впоследствии и участникам нескольких семинаров в 1995 году.

5. Глава Мексиканского тибетского храма встретился с Кастанедой в 1994 году. Кастанеда пригласил его посетить Лос-Анджелес, считая, что он обладает паранормальными способностями. Тони организовал и провел в феврале 1995 года мастер-класс в Мексике, и, будучи весьма способным к языкам, обеспечил блестящий перевод на испанский и

английский. После того как Карлос получил знамение в виде фотографий «летунов», он настоял, чтобы Тони поселился в Лос-Анджелесе.

Я получила при инициации звание «Электрическая воительница», — это звание настоящей ведьмы присваивалось только тем, кого принимали в группу. Вскоре мы поняли, что это прозвище было частью некоего соблазна, игрой в «музыкальные стулья», продолжавшейся до самой смерти Кастанеды. Но когда Карлос объявил Тони «новым нагвалем», это стало беспрецедентным случаем в его практике. После долгих размышлений Тони отклонил предложение, убедившись, что истории Карлоса сфабрикованы, а его методы действуют на людей разрушительно и унижают человеческое достоинство. Более того, он не пожелал распространять философию, построенную на лжи и византийских хитростях. Уязвленный этим отказом, Кастанеда позже отзывался о Тони как о «лжеце, заднице и эгоманьяке». Тони сказал Эллис «Я не собираюсь провести остаток жизни, отвечая по телефону чакмулам».

приложение В ГДЕ ВЫ ТЕПЕРЬ?

Чем больше я об этом думаю, тем больше склоняюсь к мысли, что пять женщин, которые оставили Лос-Анджелес вскоре после смерти Карлоса, покончили с собой, и этому есть многочисленные свидетельства. Хотя сотрудники компании «Клеаргрин» продолжают заявлять, что женщины «в командировке», «наблюдают» за бизнесом издалека, но при этом не сообщают подробностей.

Эти случаи расследуются частными детективами. Должностные лица «Клеаргрин» проигнорировали, либо дали неопределенные ответы на запросы близких родственников о судьбе пропавших женщин.

В Санта-Фе, Нью-Мехико, в 2002 году одна из женщин нашла свою смерть, прыгнув с моста в каньон, — она хотела присоединиться к нагвалю во втором внимании. У нее дома были найдены посмертные издания «лучших» изречений Кастанеды. Подобные попытки совершали также люди после передозировки психоделиков, о которых шла речь в ранних работах Кастанеды. Известно, что некоторые из оставшихся в живых, находятся на длительном лечении в клиниках для душевнобольных.

Любой, кто желает подключиться к розыску, внести свой вклад в расследование или получить дальнейшую информацию о дебатах по поводу деятельности Карлоса Кастанеды, найдет подробности на обновляемом вебсайте по адресу www.sustainedaction.org. Там же можно найти тексты его неопубликованных лекций.

приложение С ЗАВЕЩАНИЕ И СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ И ЗАВЕЩАНИЕ КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ

Я, **КАРЛОС КАСТАНЕДА**, проживающий в округе Лос-Анджелес, штат Калифорния, составляю, обнаружую и объявляю мою Последнюю волю и Завещание и тем самым отменяю все предшествующие Завещания, сделанные мной. Я поручаю своему Доверенному лицу оплатить все расходы на похороны, расходы, связанные с лечением, и расходы по управлению моим имуществом.

СТАТЬЯ I

В настоящее время я не состою в браке. Прежде я был женат на **МАРГАРЕТ РАНЬЯН КАСТАНЕДА**, брак с которой прекращен и расторгнут. **АДРИАН ВЕШОН**, также известный как «**C. J. CASTANEDA**» не приходится мне сыном — ни родным, ни приемным, несмотря на то, что я некогда заботился о нем, как о сыне. Я законным образом принял

попечение над **НУРИ АЛЕКСАНДЕР** как своей дочери. Я не имею никаких других отпрысков.

СТАТЬЯ II

Я передаю, завещаю и оставляю в наследство все мое движимое и недвижимое имущество и состояние любой формы и происхождения, где бы оно ни находилось, движимое и недвижимое, под опеку в «**Игле траст**» (далее Фонд), образованный мною, как Доверителем, вместе с Деборой Друз в качестве Управляющего в соответствии с настоящим Заявлением о доверительном управлении, действительном на весь период, пока действует настоящее Завещание. Все имущество, которое может быть дополнено и стать частью всего владения, находящегося в доверительном управлении, должно содержаться, управляться и распределяться в соответствии с условиями и положениями настоящего документа, включая любые поправки к нему, внесенные до наступления моей кончины.

В соответствии с действующим законодательством, настоящим Завещанием исключается создание другой доверительной собственности, исключается ограничение прав Фонда в управлении наследством или перевод настоящей собственности, а также собственности, дополнительно вносимой согласно настоящему Завещанию, под юрисдикцию суда по делам наследства.

Если вышеупомянутые положения в отношении названного Управляющего фонда по каким-то причинам не имеют юридической силы или недействительны, или если Фонд не сможет эффективно управлять имуществом, то в этом случае я оговариваю положение, помещаемое в настоящий документ, не отменяющее и не изменяющее ни одно из вышеуказанных положений, согласно которому я передаю всю собственность и имущество в управление лицу, поименованному в конце настоящего документа, с тем чтобы содержать, управлять им и распределять его, как предусмотрено настоящими условиями после утверждения положения о Фонде.

СТАТЬЯ III

Фонд обеспечивает уплату всех текущих налогов и пошлин, подлежащих выплате в связи с моей кончиной, из части средств, выделенных для выплат, независимо от того, облагается налогом упомянутая часть активов или нет, и независимо от того, подлежит ли иная часть активов налогообложению в связи с моей кончиной. Если по каким-то причинам средств, находящихся под управлением Фонда и предназначенных для оплаты пошлин и налогов, будет недостаточно, я распоряжаюсь, чтобы бремя уплаты всех пошлин и налогов, взимаемых федеральным правительством или любым округом штатом, районом или территорией, подлежащих уплате в связи с моей кончиной, с облагаемой налогами бесспорной или оспариваемой собственности, было равномерно распределено между получателями наследства, а налоги должны быть выплачены с наследства, очищенного от долгов и завещательных отказов, согласно условиям, предусмотренным в Статье II, без перераспределения, без учета вычетов, без компенсации и без пересмотра.

СТАТЬЯ IV

Все, что не предусмотрено настоящим Завещанием, я преднамеренно и в полном сознании оставляю на усмотрение моих наследников.

СТАТЬЯ V

Если любой из наследников недвижимого имущества, или наследников движимого имущества, или бенефициариев, поименованных в настоящем Завещании, или любой человек, кто получит долю моего состояния в соответствии с соглашением между штатами, будет каким бы то ни было путем, непосредственно или косвенно, выступать против, оспаривать, или подвергать сомнению настоящее Завещание или распределение моего состояния, указанное в настоящем документе, или будет стремиться нанести ущерб, лишить законной силы или приостановить действие в отношении любого из условий настоящего Завещания, или станет помогать исполнению любого из вышеупомянутых действий, в этом случае я со всей определенностью лишая наследства каждого такого человека, и все недвижимое и движимое имущество, посмертные дары и доли, переходящие по этому

Завещанию этому человеку, утратят право перехода по наследству и будут конфискованы, если этот человек (и любой другой, оспаривающий через этого человека статьи закона об утрате прав) не умрет раньше меня.

СТАТЬЯ VI

Если какое-то из вышеуказанных положений настоящего Завещания не сможет быть обеспечено правовыми санкциями или не сможет быть принудительно осуществлено в судебном порядке, то нижеследующие положения должны быть реализованы при любых обстоятельствах.

СТАТЬЯ VII

Я выдвигаю и назначаю **ДЕБОРУ ДРУЗ** Душеприказчиком по настоящему Завещанию, и если она не в состоянии выполнять или не желает выступать Душеприказчиком, тогда вместо нее я выдвигаю и назначаю действовать в качестве Душеприказчика **ДЖУЛИУС РЕНАРД**, если и она не желает или не способна исполнить мою последнюю волю, то я выдвигаю и назначаю вместо нее **ФАБРИЦИОМАГАДДИ** действовать в качестве Душеприказчика. Не должно принуждать моего Душеприказчика к согласию.

Мой Душеприказчик имеет полную власть и полномочия, чтобы продавать любую собственность на публичных торгах и частным образом с оповещением или без оно; сдавать под наем, обменивать или взыскивать долги, распоряжаясь всем имуществом целиком или его частью с уведомлением или без оно; владеть и управлять любой собственностью и любым бизнесом, относящимся к моему состоянию, отвечая всем моим состоянием, но без личной ответственности моего Душеприказчика, прибыль и убытки при этом являются законными и будут отнесены на счет моего состояния в целом; инвестировать и пускать в оборот доходы от операций с моим состоянием и инвестиционных проектов с участием как движимого, так и недвижимого имущества, какие будут предприняты названным Душеприказчиком по его, ее или их усмотрению и выбору, включая операции с корпоративными облигациями любых видов, с привилегированными или обычными акциями, с обычными трастовыми активами, операции с недвижимостью, приносящими или не приносящими прибыль, получение процентов от вкладов в совместные предприятия и компании, процентов от собственной предпринимательской деятельности и/или бизнеса. Я также наделяю полномочиями моего Душеприказчика управлять моим состоянием без ограничения прав в соответствии с законом об управлении наследством и вносимыми поправками к нему. Мой Душеприказчик наделяется полномочиями нанимать профессионального финансового консультанта и оплачивать консультации из моего состояния в целом.

СИМ УДОСТОВЕРЯЮ, подписав своим именем настоящий документ, 23-го дня Апреля, 1998 в Лос-Анджелесе, Калифорния.

CARLOS CASTANEDA

В день, указанный выше, **CARLOS CASTANEDA** объявил нам, нижеподписавшимся, что настоящий Документ, состоящий из шести (6) страниц, включая страницу, подписанную нами, как свидетелями, является его Последней волей, и просил нас выступить в качестве свидетелей. За сим он собственноручно подписал настоящее Завещание в нашем одновременном присутствии.

В настоящее время **CARLOS CASTANEDA** находится в совершеннолетних годах, старше восемнадцати (18) лет, и выглядит в здравом рассудке. Нам не известны никакие факты, указывающие на то, что этот документ или любая часть его были составлены под принуждением, угрозой обманом путем или незаконным образом. Каждый из нас находится в возрасте старше восемнадцати (18) лет. В настоящий момент в его присутствии и в присутствии друг друга мы ставим свои подписи в качестве свидетелей.

ПОДПИСАНО в апреле, 23 дня, 1998, в Лос-Анджелесе, Калифорния.

Предупрежденные о преследовании и наказании за лжесвидетельство согласно законам

штата Калифорния, мы заявляем, что все вышеупомянутое является истинным и достоверным.

Подпись: Мэри Л. Мюир, проживающая по адресу: 3120, 4-я улица, 23, Санта-Моника, Калифорния, 90405.

Подписи Литарес Е. Поррал, проживающая по адресу: 3120, 4-я улица, 25, Санта-Моника, Калифорния, 90405.

Свидетельство о смерти Карлоса Кастанеды.

СЛОВАРЬ

Термины, используемые Карлосом, — это конгломерат, состоящий не только из слов и выражений, употребляемых в Перу (на его родине), в Мексике, Бразилии и Аргентине, но также из некоторых определений, созданных им самим.

Обращения

Amor (amorcita) — любовь (уменьшительно-ласкательное).

Besos — поцелуи.

Bolas — тестикулы, яички.

Bonita — красивая, хорошенькая, милая.

Cariño (cariña) — дорогой (дорогая).

Chica — девушка, девочка.

Chico — мальчик.

Chola — девочка (использовалось Карлосом в аффекте).

Concha — букв, вагина (использовалось в качестве нежного обращения).

Corazón — сердце.

Delicioso(a) — восхитительно.

Duende — эльф.

Encantar — очаровывать, любить.

Huevos — тестикулы, яички.

Macho(a) — крутой мужик или привлекательная женщина.

Mamita — «матушка» (с сексуальным оттенком, игриво).

Mi amor — любовь моя.

Mi bebe — дитя мое.

Mi coraz ón — сердце мое.

Mi tesorso — сокровище мое.

Mujer — женщина, жена.

Nena — девочка, малыш, малышка.

Ni ña — девчушка.

Novia(o) — подруга (приятель), половой партнер, невеста (жених).

Piernitas — ножки.

Piernudas — голенькие ножки (прозвище Эйми).

Pincho или *bincho* — пенис (в Мексике — «жучок», пенис).

Preciosa — ненаглядный, поразительный.

Qu é bestia! — bestия (восклицания в сексуальных играх — зверюга, тигрица).

Simpatica — симпатичная, привлекательная.

Singula — особенная, единственная.

Te adoro — обожаю тебя.

Te amo — люблю тебя.

Ругательства

Babosa — следы слизи от улитки, сопли.

Cabr#243;n — задница (англ. — asshole, butt).

Carajo — 1) жаргонизм — «перец» (пенис, англ. — prick); 2) «твою мать!» (англ. — mother fucker); 3) ублюдок (англ. — bastard); 4) черт возьми! проклятье! (англ. — fuck it! Damn it!).

Castrati — кастрированный.

Cojudo — тупой.

Co#241;o — восклицания: 1) дерьмо!; 2) блядь! (англ. — cunt!); 3) придурок (англ. — you fucking idiot!); 4) тупица.

Culo — задница (англ. — asshole).

Estupida(o) — тупой(ая).

Hijo(a) de puta — выблядок, сукин сын (сукина дочь).

Idiota — идиот.

Mierda — дерьмо (англ. — shit).

No jodas! — не пудри мне мозги (англ. — don't fuck with me).

Pedo — пердун (в книгах Кастанеды высокомерный, надменный всезнайка, выскочка).

Pendejo(a) — тупой, глупый.

Puta — шлюха, путана (англ. — whore).

Sietes culos — буквально «семь задниц», жирный и ленивый.

Разное

Besos — поцелуи.

Brujo(a) — колдун, колдунья, ведьма.

Brujeria — колдовство.

Canciones — песни, народные песни.

Cansado(a) — утомленный (ая).

Chau — до свидания (в Аргентине).

Curandero(a) — целитель(ница).

Hola — привет.

Intento — намерение, попытка.

Loco — сумасшедший, безумный.

Nada — ничего (англ. — nothing).

Nagual — неведомый, непостижимый — имя того, кто представляет собой неизвестное.

Mex — оскорбительное прозвище мексиканцев (шире — латиноамериканцев).

Pesado — тяжелый, злобный.

Por favor — пожалуйста.

Porque no? — почему бы нет?

Presentito — подарочек.

Qu #233; barbaro! — букв. «Какое варварство!» — шокирующий, невероятный.

Shaman — шаман.

Siempre — всегда.

Voladores — букв. «летуны». Согласно Карлосу, существа неорганического мира, пожирающие нас, а также мексиканские акробаты на шестах.